

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ -
МСХА имени К.А. ТИМИРЯЗЕВА

КАФЕДРА ИСТОРИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

Сборник переводных статей. Выпуск 1

Москва
2024

УДК 93/94 : 631
ББК 65.32 : 4
А 43

Актуальные вопросы аграрной истории. Сборник переводных статей. Выпуск 1 / под ред. А.Б. Оришева. – Москва: РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2024. – 247 с.

ISBN 978-5-9675-2044-0

Предлагаем Вашему вниманию сборник переводных статей зарубежных авторов, посвященных актуальным вопросам аграрной истории. Большая часть публикуемых материалов посвящена проблеме развития сельского хозяйства в разных странах мира в первой половине XX в.

Публикуемые переведенные статьи рекомендуются для использования в процессе преподавания дисциплины «История России» всем направлениям подготовки бакалавриата и специалитета, реализуемым в РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева.

Перевод статей был выполнен преподавателями кафедры истории РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева: Гончарук Еленой Игоревной, Оришевым Александром Борисовичем, Сакаевым Василем Тимерьяновичем, Христенко Дмитрием Николаевичем, Шерстюком Максимом Витальевичем

Рецензенты:

П.В. Федоров – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева;

А.С. Степанов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник 4-го НИО НИЦ (ФПИВ) Военного университета им. князя Александра Невского МО

© Авторы, 2024

© Издательство РГАУ-МСХА, 2024

Содержание

«SWEET PUBLIC LANDS»: THE OPEN-RANGE SHEEP INDUSTRY OF NEVADA AND ITS LEGAL DIMENSION IN THE LATE NINETEENTH CENTURY THE OPEN-RANGE SHEEP INDUSTRY OF NEVADA

Iker Saitua

«СЛАДКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ»: ОВЦЕВОДСТВО НА ОТКРЫТЫХ ПАСТБИЩАХ В НЕВАДЕ И ЕГО ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Икер Сайтуа

Перевод Елены Гончарук 5

OPPOSITION TO THE CREATION OF NATIONAL PARKS: THE CASE OF THE YORKSHIRE DALES* BY

R.W. Hoyle

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОЗДАНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ: ИЗ ИСТОРИИ ЙОРКШИРСКИХ ДОЛИН

Р. У. Хойл

Перевод Елены Гончарук 28

AGRICULTURAL NUMBERS: THE STATISTICS OF THE INTERNATIONAL INSTITUTE OF AGRICULTURE IN THE INTERWAR PERIOD STATISTICS OF THE INTERNATIONAL INSTITUTE OF AGRICULTURE

Federico D'Onofrio

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЦИФРЫ: СТАТИСТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Федерико д'Онофрио

Перевод Александра Оришева 66

THE GLOBAL AGRICULTURAL CRISIS AND BRITISH DIPLOMACY IN THE LEAGUE OF NATIONS IN 1931

Madeleine Lynch Dungy

МИРОВОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИЗИС И БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЛИГЕ НАЦИЙ В 1931 ГОДУ

Мадлен Линч Данги

Перевод Александра Оришева 90

THE SPREAD OF THE POTATO BLIGHT IN THE RUSSIAN EMPIRE, 1846 TO 1852 POTATO BLIGHT IN THE RUSSIAN EMPIRE MARTEN SEPPEL

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФИТОФТОРОЗА КАРТОФЕЛЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1846-1852 ГГ.

Мартен Сеппель
Перевод Василя Сакаева 118

FROM THE HUNGRY 1840S TO THE DEAR 1850S: THE CASE OF BELGIUM'S FOOD PRICE CRISIS, 1853–56

Wouter Ronsijn and Eric Vanhaute

ОТ «ГОЛОДНЫХ» 1840-Х ДО «ДОРОГИХ» 1850-Х: СЛУЧАЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА В БЕЛЬГИИ, 1853–1856

Воутер Ронсейн и Эрик Ванхот

Перевод Василя Сакаева 137

IN GOOD HANDS. THE PRESERVATION OF THE NEW FOREST AND THE LONG JOURNEY TOWARDS NATIONAL PARK DESIGNATION

Catherine Glover

«В ХОРОШИХ РУКАХ». СОХРАНЕНИЕ НОВОГО ЛЕСА И ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫМ ПАРКОМ*

Кэтрин Гловер

Перевод Дмитрия Христенко 165

PIG CLUBS AND BACKYARD CHICKENS: THE SIGNIFICANCE OF HOUSEHOLD PRODUCERS IN BRITAIN IN THE SECOND WORLD WAR PIG CLUBS AND BACKYARD CHICKENS

Paul Brassley

СВИНОВОДЧЕСКИЕ КЛУБЫ И ДВОРОВЫЕ КУРЫ: ЗНАЧЕНИЕ ДОМАШНИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пол Брассли

Перевод Максима Шерстюка 200

SHAPING THE FUTURE OF FARMING: THE INTERNATIONAL LABOUR ORGANIZATION AND AGRICULTURAL EDUCATION, 1920S TO 1950S* THE INTERNATIONAL LABOUR ORGANIZATION AND EDUCATION

Amalia Ribi Forclaz

ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО ФЕРМЕРСТВА: МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, 1920-1950-Е ГОДЫ

Амалия Рибби Форклас

Перевод Максима Шерстюка 222

«СЛАДКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ»: ОВЦЕВОДСТВО НА ОТКРЫТЫХ ПАСТБИЩАХ В НЕВАДЕ И ЕГО ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА*

Икер Сайтуа

Аннотация. В данной статье рассматривается развитие овцеводства на открытых пастбищах в штате Невада в конце XIX века. В частности, в ней рассматривается вопрос о том, как свободный доступ к землям, находящимся в общественном достоянии, в сочетании с благоприятными экологическими условиями способствовал расширению пастбищ для овец в конце XIX века. С развитием животноводства на землях, находящихся в общественном владении, федеральное правительство Соединённых Штатов проводило политику невмешательства в отношении выпаса скота, не устанавливая никаких правил. В этой статье показано, как именно такая политика правительства способствовала развитию овцеводства в указанном регионе.

В марте 1896 года Дж. У. Фримен, владелец овцеводческой фермы в Неваде, написал в журнал «American Wool and Cotton Reporter», что Невада — хороший штат для выпаса овец: «Почвы Невады похожи на её пастбища: в непосредственной близости от неё можно найти различные кустарники, листву, белый и чёрный шалфей. Невада богата обширными владениями, и сегодня по её «холмам и долинам» бродят более полумиллиона овец». Фримен подробно описал, как открытые пастбища Невады сделали овцеводство рентабельным:

«На горных хребтах растут злаковые травы и подсолнухи, которые хорошо увлажняются. На них весной, летом и осенью пасутся овцы. На обширных пустынных территориях растёт очень питательный корм, известный как «белый шалфей», высотой в один-два фута. Этот корм используется, когда «снег лежит на земле». На засушливых территориях корм растёт сам по себе в течение лета; владельцы скота не обязаны заготавливать сено, так как кустарники, песчаная трава и белый шалфей дают такое разнообразие корма, что «ягнята Мэри» не питаются сеном, а бродят, где хотят. Пастухи радуются, когда выпадает снег. Они спускаются с гор в эти пустынные местности, где так много корма, что один пастух может легко позаботиться о пяти тысячах голов скота»¹.

Как объяснил Фримен, экономический успех этих овцеводческих хозяйств во многом зависел от бесплатного использования земель, находящихся в общественном достоянии.

В конце XIX и начале XX веков Невада стала одним из крупнейших штатов по разведению овец на Западе Северной Америки, во многом благодаря

---

* Выражаю благодарность редактору журнала и анонимным рецензентам за их конструктивные замечания. Публикация статьи стала возможной благодаря финансовой поддержке, предоставленной Баскским правительством в рамках программы докторантуры.

¹ As reprinted in Reno Weekly Gazette and Stockman, 12 Mar. 1896.

большому количеству пастбищных угодий, находящихся в государственной собственности. Территории Невады, находящиеся в федеральной собственности, включали в себя все пастбищные угодья, не находящиеся в частной собственности, а это означало, что более 90% пастбищ были свободными и открытыми. Этот ареал можно охарактеризовать как территорию, кормовые ресурсы которой находились под угрозой истощения из-за чрезмерного выпаса скота, неконтролируемого частными лицами. Другими словами, эти земли Невады были примерами маргинальных земель, открытых для освоения и эксплуатации. Дефицит водных ресурсов определял большую часть социально-экономической деятельности в Неваде. Из-за засушливой экосистемы Невада не подходит для большинства видов сельского хозяйства, и, следовательно, в XIX веке население штата оставалось небольшим и разрозненным. Во время раннего горнодобывающего бума население было сосредоточено в небольших городах, связанных с добычей полезных ископаемых. К концу XIX века добыча полезных ископаемых в Неваде пришла в упадок. После этого животноводство в штате стало преобладать над горнодобывающей промышленностью. На протяжении всех этих лет именно наличие воды и контроль над ней определяли использование пастбищных угодий Невады².

Горнодобывающая промышленность была первым современным добывающим сектором, который развивался в Неваде под влиянием евроамериканского населения. Постоянное присутствие приезжих, которые пытались разбогатеть в так называемом Серебряном штате, занимаясь добычей полезных ископаемых, способствовало развитию животноводства. Другими словами, шахтёрам и первым поселенцам нужно было чем-то питаться. После Гражданской войны в США (1861–1865) на пастбищах Невады паслись тысячи голов крупного рогатого скота и, в меньшей степени, овец. К концу 1880-х годов овцеводство стало быстрорастущим сектором экономики. Для многих, у кого был капитал для инвестиций на американском Западе, разведение овец было рентабельным бизнесом, позволявшим получать хорошую прибыль при небольших инвестициях. Другими словами, овцеводство казалось бизнесом с низким уровнем риска. К концу 1880-х годов штат Невада считался «лучшим овцеводческим штатом» в США³. Свободный доступ к землям, находящимся в общественном владении, сделал овцеводство очень прибыльным в штате. В 1890-х годах, когда горнодобывающая отрасль пришла в упадок, популяция овец в Неваде значительно увеличилась, что привело к конкуренции за пастбища между производителями крупного рогатого скота и овцеводами. Владельцы крупного рогатого скота и местные власти разочаровывались в бездействии федерального правительства в отношении управления общественными землями Невады. В 1905 году ситуация с бесплатными и открытыми пастбищами изменилась, когда Лесная

---

² Effie M. Mack, *Nevada: a history of the State from the earliest times through the Civil War* (1936), pp. 19–38; Elmer O. Wooton, 'The public domain of Nevada and factors affecting its use', *United States Department of Agriculture Tech. Bulletin* 301 (Apr. 1932), pp. 37–8.

³ *Reno Weekly Gazette and Stockman*, 18 Apr. 1889.

служба США начала внедрять программу контроля за пастбищами в недавно созданных национальных лесах, которые Конгресс разрешил создать и в Неваде. Однако национальные леса занимали лишь небольшую часть территории штата⁴.

Цель данной статьи — внести вклад в современную американскую историографию сельского хозяйства, уделив особое внимание политике в отношении государственных земель⁵. В ней анализируется историческое развитие овцеводства на открытых пастбищах в Неваде до того, как федеральное правительство ввело управление государственными землями на рубеже веков. В ней рассматривается зарождение овцеводства на открытых пастбищах в период практически неограниченной капиталистической конкуренции на американском Западе в конце XIX века. В ней также рассматривается, как отгонный овцеводческий промысел постоянно конкурировал с другими группами пользователей пастбищных угодий — в первую очередь с владельцами ранчо — и с местными властями, которые стремились регулировать использование общественных земель. В статье основное внимание уделяется взаимосвязи между землёй, законом и государством. В частности, анализируются федеральные законы и нормативные акты, применимые к общественным землям, а также меры, принятые на уровне штата для решения проблем с выпасом скота в Неваде, которые повлияли на овцеводческую отрасль в целом. На наш взгляд, конституционный аспект занимает центральное место в развитии и расширении овцеводства в штате Невада в конце XIX — начале XX века.

I

Экономическое развитие территории Невады и первые годы существования штата в значительной степени определялись развитием горнодобывающей промышленности на Дальнем Западе. По мере роста спроса на продукты животноводства, овцеводство стало высокорентабельным бизнесом. Первые домашние овцы, завезённые в Неваду в 1841 году группой Уоркмана и Роуленда, которые перегоняли стадо из 150 овец из Нью-Мексико в Калифорнию, прошли через южную часть нынешних границ Невады. За миграцией Уоркмана-Роуленда последовали более масштабные перегоны овец из Нью-Мексико в Калифорнию в начале 1850-х годов⁶.

С началом золотой лихорадки в Калифорнии, которая началась в 1849 году, в новом штате появился рынок овец. Как правило, отправной точкой для перегонки овец в Калифорнию был Нью-Мексико, где инвесторы могли найти овец по низким ценам. Во время длительных перегонов скота тысячи голов

---

⁴ Russell R. Elliott, *History of Nevada* (1973), pp. 115–22; Marion Clawson, ‘Range lands of northeastern Nevada: their proper and profitable use (a progress report)’, (Bureau of Agricultural Economics, USDA, 1938), p. 6; Richard H. Lane, ‘The cultural ecology of sheep nomadism: northeastern Nevada, 1870–1972’ (unpublished PhD thesis, Yale University, 1974), pp. 142–3, 171.

⁵ On the evolution of American agricultural historiography, see R. Douglas Hurt, ‘Reflections on American agricultural history’, *AgHR* 52 (2004), pp. 1–19.

⁶ Elliott, *History of Nevada*, p. 115; Clel Georgetta, ‘Sheep in Nevada’, *Nevada Historical Society Q.* 2, (1965), p. 18.

овец перемещались с северо-запада Нью-Мексико в лагеря золотоискателей в Калифорнии. Невада стала частью пути в Калифорнию. В 1852 году один из крупнейших коммерческих перегонов овец в Калифорнию был предпринят Риченсом Лейси Вуттоном, также известным как «дядя Дик», который перегнал 9000 овец из Таоса в Нью-Мексико в Сакраменто с помощью 14 наёмных пастухов, семи охранников, восьми коз и овчарок для контроля за стадами. Год спустя Кристофер «Кит» Карсон вместе со своим партнёром Люсьеном Б. Максвеллом купил 13 000 овец в Санта-Фе и перегнал их в Сакраменто. Обе стороны способствовали последующим перегонам овец и проложили маршрут для перегона этих животных к Тихоокеанскому побережью. Согласно источнику, в период с 1852 по 1860 год более полутора миллиона овец прошли через Неваду по пути в Калифорнию⁷.

В 1850-х годах животноводство зародилось в западной части Большого Бассейна. Мигранты-мормоны из Юты начали селиться в долине Карсон и создавать сельские общины. Историки пришли к выводу, что мигранты-мормоны, должно быть, привезли с собой небольшие стада овец. Скотоводы из Калифорнии также начали перегонять свой скот на зимовку в западные пастбищные угодья Невады, в основном в Труки-Медоуз, что стало предвестником продвижения калифорнийских ранчо на восток. Ко второй половине 1850-х годов в Неваде появились три крупных животноводческих хозяйства: Фреда Дангберга в долине Карсон, Хока Мейсона в районе современного округа Лайон и братьев Смит в долине, которой они дали своё семейное имя. В то же время спад золотодобычи (из речных наносов) в Калифорнии побудил старателей и капиталистов заняться разведкой драгоценных металлов в недрах Дальнего Запада. Новые залежи были обнаружены сразу же по всему Сьерра. В 1859 году открытие месторождения Комсток привело к процветанию местной экономики и, конечно же, укрепило мелкое животноводство к востоку от Сьерры, на территории тогдашней Юты. Фермеры процветали вместе с шахтёрами Комстока, однако такое положение животноводов не изменилось и после закрытия шахт⁸.

Связь между открытием месторождений полезных ископаемых и развитием животноводства в Неваде не полностью объясняет траекторию развития животноводческой отрасли в Неваде, которая оставалась прибыльным сектором в течение двадцати лет горнодобывающей депрессии в Неваде с 1880 по 1900 год. Успех первых скотоводов доказал, что ряд пастбищ в Неваде пригоден для выпаса скота. В 1890 году Хьюберт Х. Бэнкрофт с оптимизмом писал: «Невада — более благоприятный для сельского хозяйства штат, чем можно было бы ожидать на первый взгляд»⁹. Сразу после Гражданской войны в округе Элко начали появляться стада крупного рогатого

---

⁷ Edward N. Wentworth, *America's sheep trails: history, personalities* (1948), pp. 165–9; Byrd W. Sawyer, *Nevada nomads: a story of the sheep industry* (1971), pp. 1–13; Clel Georgetta, *Golden fleece in Nevada* (1972), pp. 6–26.

⁸ Elliott, *History of Nevada*, pp. 116–18; Mack, *Nevada*, pp. 200–8, 437–55; James W. Hulse, *The silver state: Nevada's heritage reinterpreted* (1991), pp. 74–9, 133–5.

⁹ Hubert H. Bancroft, *History of Nevada, Colorado, and Wyoming, 1540–1888* (The works of Hubert Howe Bancroft, 25, 1890), p. 243.

скота из Техаса. В начале 1870-х годов несколько известных владельцев ранчо из Калифорнии и других мест, таких как Джон У. Лонг в Кlover-Вэлли и братья Алтуб в Индепенденс-Вэлли, основали крупные животноводческие хозяйства¹⁰.

После того, как в 1864 году Невада получила статус штата, будущее животноводства на ее открытых пастбищах казалось многообещающим. Расширение животноводства на Тихоокеанском побережье привело к падению цен на акции в Калифорнии. Большие стада овец теперь паслись на востоке, в Грейт-Бейсин для обслуживания рынков-спутников, созданных вокруг новых горнорудных районов Невады. Весной 1869 года Центральная Тихоокеанская железная дорога завершила прокладку своего маршрута через Неваду. Железная дорога открыла новые рынки сбыта для скота, выращенного на пастбищах Невады. Новые месторождения полезных ископаемых увеличили грузопоток по железной дороге, как и производство скота. Вдоль маршрута железной дороги значительно выросла стоимость недвижимости, а животноводство в соседних округах расширилось. Летом 1872 года в «Гумбольдтском вестнике» сообщалось, что всё больше овцеводов приобретали права на земли в округе Гумбольдт, штат Невада¹¹. Поскольку продукция овцеводства ценилась выше Чикаго и других отдалённых рынков на Восточном побережье, развитие и совершенствование транспорта и благоприятные рыночные условия сделали Неваду идеальным штатом для разведения мясного скота. Бесплатные корма с федеральных земель, конечно, снижали производственные затраты. Всё это способствовало достижению конечной цели — получению максимальной прибыли¹².

В 1875 году компания «Territorial Enterprise» из Вирджиния-Сити сообщила, что Неваде больше не нужны шахтёры:

«В Атлантических штатах, похоже, не понимают, что богатых серебряных рудников в Комстоке немного... Комсток не охватывает весь штат, и добыча полезных ископаемых не распространяется на весь Комсток. Сейчас у нас достаточно старателей, и даже больше, чем достаточно, чтобы разрабатывать все наши рудники, как действующие, так и перспективные. Пусть это поймут за границей, и пусть люди без денег держатся подальше от Комстока».

«Энтерпрайз» советовал тем, кто хотел отправиться на Запад, чтобы заняться овцеводством в регионе: «Лучше пересечь Сьерру и искать работу на овцеводческих фермах Южной Калифорнии, чем останавливаться здесь и голодать, проходя мимо миллионов, которые лежат глубоко в скалистых недрах крупного месторождения»¹³.

---

¹⁰ Elliott, History of Nevada, pp. 118–21; Sam P. Davis, The history of Nevada (2 vols, 1913), I, pp. 640–5; Edna B. Patterson, Louise A. Ulph and Victor Goodwin, Nevada's northeast frontier (1969), pp. 211–13.

¹¹ From the Humboldt Register as noted in Territorial Enterprise, 6 Aug. 1872.

¹² James A. Young and B. Abbott Sparks, Cattle in the cold desert (1985), pp. 48–55; Byrd W. Sawyer, Nevada nomads, pp. 15, 17; Henry Stewart, The shepherd's manual: a practical treatise on the sheep. Designed especially for American shepherds (1876), p. 33.

¹³ An article from the Territorial Enterprise as reprinted in the New York Times, 21 Mar. 1875.

С 1864 по 1878 год перебои в горнодобывающей промышленности Комстока обнажили шаткую основу экономики штата. Когда в 1877 году Комсток обанкротился, структурная слабость горнодобывающей экономики стала очевидной. В качестве альтернативы неудачным инвестициям в горнодобывающую промышленность многие капиталисты вкладывали средства в животноводство¹⁴. В 1876 году владелец овцеводческой фермы в Неваде сказал: «Овцы лучше, чем государственные облигации: каждые полгода можно отрывать купон, вдвое меньший, чем сама облигация, а облигация остаётся такой же большой, как и была»¹⁵. В течение 20 лет после банкротства Комстока животноводство стало играть важную роль в экономике Невады, а овцы начали соперничать с крупным рогатым скотом. В 1881 году корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в статье о путешествиях «По пустыне Невады» заметил: «Жители Невады, чьё будущее в сфере добычи полезных ископаемых весьма сомнительно, не видят впереди ничего, кроме сельского хозяйства, и, поскольку было доказано, что почва там хорошая, главной проблемой является вода»¹⁶. Позже, в 1885 году, газета *Central Nevadan* отметила: «Нет в мире страны, где овцы так хорошо растут, так свободны от болезней и достигают такого совершенства, как в Неваде»¹⁷.

II

В Неваде засушливые условия определяли экономическое развитие, особенно в области растениеводства, а также скотоводства, и в конечном итоге не позволили штату привлечь население. Несмотря на небольшие, разрозненные поселения вокруг шахт и городов-ранчо вдоль железных дорог, большая часть государственной собственности в Неваде оставалась невостребованной. Неурегулированная ситуация с землями в Неваде противоречила федеральной земельной политике, которая поощряла отчуждение и приватизацию государственных земель¹⁸.

31 октября 1864 года Невада стала тридцать шестым штатом в составе Союза. Закон о предоставлении Неваде статуса штата, принятый Конгрессом, утверждал, что Соединённые Штаты являются владельцем государственной собственности, и требовал, чтобы штат навсегда отказался от любых прав и притязаний на общественные федеральные земли. Этим законом Конгресс выделил Неваде 12800 акров земли для общественных зданий и образовательных учреждений. Начиная с конца XIX века, история земель Невады была связана с противостоянием местных и федеральных властей, особенно в вопросах доступа к ресурсам и их использования. Любое рассмотрение практического применения важных законов о земле в

---

¹⁴ Elliott, *History of Nevada*, pp. 171–3.

¹⁵ Emmetsburg Palo Alto Pilot, 23 Mar. 1876.

¹⁶ New York Times, 20 Mar. 1881.

¹⁷ As reprinted in *Nevada State Journal*, 18 Aug. 1885.

¹⁸ Romanzo Adams, 'Public Range Lands – a new policy needed', *American J. of Sociology* 22 (1916), pp. 325–31.

Соединённых Штатах в отношении пастбищной отрасли и её потребностей в воде — сложная задача¹⁹.

В марте 1861 года Конгресс узаконил территорию Невада. В следующем году он принял Закон о гомстедах, который предоставлял переселенцам возможность претендовать на 160 акров незанятой государственной земли. Предполагалось, что они будут улучшать землю как с точки зрения построек, так и с точки зрения её обработки²⁰. Закон о гомстедах с его последующими поправками с переменным успехом применялся на Западе. Он был наиболее эффективен на благоприятных землях в долинах Верхнего Миссисипи и в некоторой степени в частях Межгорья и Тихоокеанского региона, но в Неваде он в значительной степени не подходил для крупномасштабного выпаса скота на маргинальных землях штата. Провал федеральной земельной политики в штате оказался легендарным. В период с 1864 по 1904 год в Неваде было зарегистрировано гораздо меньше участков, чем в любом другом западном штате. Другие земельные законы были направлены на поощрение заселения засушливого Запада: Закон о лесоразведении, Закон о лесозаготовках и добыче камня, Закон о пустынных землях 1877 года и Закон Кэри 1894 года. Некоторые из них требовали развития водоснабжения и ирригации. Ни один из них не привёл к желаемому заселению этих территорий. В результате большая часть Запада и почти вся Невада по-прежнему принадлежали федеральному правительству. Земли, приобретённые у государства, привели к монополизации источников воды крупными животноводческими хозяйствами, которые, таким образом, контролировали пастбища²¹.

В 1880 году Конгресс ответил на это выделением двух миллионов акров земли в Неваде для покупки гражданами штата. Согласно первоначальным школьным земельным грантам, выданным штатам в 1841 году и ранее, участки 16 и 36 в каждом обследованном населённом пункте предоставлялись штату для поддержки общеобразовательных школ. Эта система не могла работать в Неваде. Во-первых, Невада была в основном не обследована. Во-вторых, такая система распределения во многих случаях привела бы к тому, что бесхозные земли, расположенные далеко от источников воды, были бы отданы в пользование. Грант 1880 года предусматривал передачу «выбранных земель» в пользование в соответствии с правилами, установленными законодательным собранием штата Невада. Законодательное собрание штата в 1881 году инициировало процесс продажи школьных земель, выбранных случайным

---

¹⁹ Davis, *History of Nevada*, pp. 266–7; Elliott, *History of Nevada*, pp. 84–5; Biennial report of the surveyor-general and State land register of the State of Nevada, 1909–1910 (1911), pp. 28–30; Eleanor Bushnell, *The Nevada constitution: origin and growth* (1965), pp. 117–18; Michael J. Brodhead, 'Accepting the verdict: national supremacy as expressed in State constitutions, 1861–1912', *Nevada Historical Society Q.* 13 (1970), pp. 9–10; Michael J. Brodhead and James W. Hulse, 'Paul W. Gates, Western land policy and the equal footing doctrine', *Nevada Historical Society Q.* 29 (1986), pp. 234–6, 239.

²⁰ On the Homestead Act, see Paul W. Gates and Robert W. Swenson, *History of public land law development* (1968).

²¹ Henry N. Smith, *Virgin land: the American West as symbol and myth* (1950), pp. 195–6; Eric Foner, *Free soil, free labor, free men: the ideology of the Republican Party before the Civil War* (1970), pp. 31–8, 175; Gates and Swenson, *History of public land*, pp. 393–414, 638–54; Young and Sparks, *Cattle*, pp. 89–98; Mack, *Nevada*, pp. 415, 420; Biennial report ..., 1909–1910, pp. 9–21; Donald J. Pisani, *To reclaim a divided West: water, law, and public policy, 1848–1902* (1992), pp. 186–8.

образом, участками размером не менее 40 акров. Земли, выбранные для покупки, как правило, располагались рядом с источниками воды и были закреплены за владельцами скота. Продажа школьных земель, наряду с утверждением преимущественных прав в соответствии с законом о регистрации, позволила некоторым владельцам ранчо закрепить за собой прибрежные права, приобретя в собственность земли вокруг источников воды. Законодательный орган установил цену в размере 1,25 доллара за акр земли и требовал первоначального взноса в размере всего в 25 центов за акр. Рассрочка по выплатам устанавливалась в 50 лет. Эти щедрые условия кредитования привели к быстрой покупке школьных земель и, конечно же, к монополизации источников воды²².

Крупные акционерные компании Невады, такие как те, что принадлежали Джону Спарксу, У. Н. М. Макгиллу или семье Дангберг, стали основными покупателями школьных земель. Эти крупные компании, как заметил специалист по пастбищам Джеймс А. Янг, «вносили средства в Карсон-Сити, чтобы использовать их для ежегодных выплат по кредитам за школьные земли, выделенные государством»²³. У этих компаний было несколько контрактов на дальнейшую покупку земель. Между Государственным земельным управлением и крупными животноводческими хозяйствами существовало тесное сотрудничество. Монополия на владение землёй помогала крупным фирмам достичь двойной цели: они владели лучшими землями вдоль ручьёв для заготовки сена и зимних кормов и в то же время не допускали мелких фермеров и кочевников к воде. Система распределения школьных земель, позволявшая владеть источниками воды и контролировать их, способствовала монополизации пастбищ. На более низком уровне в Неваде боролись за выживание небольшие пастбищные хозяйства и животноводческие фермы. Их бизнесу необходимо было обеспечить ценные сенокосные пастбища, орошаемые земли, несколько хороших пастбищных угодий и доступ к воде на их домашнем ранчо площадью не более 320 акров. Мелкие фермеры могли выжить в скотоводческом бизнесе только за счет заготовки сена, полива на частных землях в зимний сезон и выпаса скота на федеральных землях. Для многих это было выше и без того их ограниченных ресурсов²⁴.

---

²² 2 Mack, Nevada, pp. 420–2; Appendix to the Journals of Senate and Assembly of the tenth session of the legislature of the State of Nevada (1881), p. 10; Report of the surveyor general and State land register of the State of Nevada, for the years 1881 and 1882 (1883), pp. 21–2; Joseph Nimmo, Jr., 'Report in regard to the range and ranch cattle business of the United States', United States Treasury Department, Bureau of Statistics (1885), pp. 430–44; Adams, 'Public range', pp. 324–51; Bancroft, History of Nevada, pp. 315–17; Young and Sparks, Cattle, pp. 94–8; John M. Townley, 'Management of Nevada's State lands, 1864–1900', J. of the West 17 (1978), pp. 63–73; Young and Sparks, Cattle, p. 99; Clawson, 'Range lands', pp. 102–7; William D. Rowley, Reclaiming the arid West: the career of Francis G. Newlands (1996), pp. 51–2; Donald J. Pisani, Water and American Government: The Reclamation Bureau, national water policy, and the West, 1902–1935 (2002), pp. 89–90. See also Robert G. Dunbar, Forging new rights in Western waters (1984).

²³ Young and Sparks, Cattle, p. 98.

²⁴ Ibid., pp. 96–8; Clawson, 'Range lands', pp. 4–6; Statutes of the State of Nevada passed at the fourteenth session of the legislature, 1889 (1889), p. 129; Townley, 'Management', pp. 63–73; Adams, 'Public range', pp. 324–51

По большей части общественные пастбища и горнодобывающие районы оставались без федерального регулирования. Конгресс не собирался вводить контроль или закрывать открытые пастбища для заселения. Однако к концу 1880-х годов он настаивал на том, что общественные пастбища не должны быть огорожены владельцами скота или скотоводами. В отсутствие регулирования со стороны центрального правительства и его неопределённости в отношении западных общественных пастбищ и месторождений полезных ископаемых власти штатов начали принимать решения. После того как в Неваду приехали поселенцы и владельцы овец, производители крупного рогатого скота стали активнее использовать пастбища. В 1873 году законодательное собрание Невады приняло закон о клеймении скота в попытке навести порядок на пастбищах. Однако из-за отсутствия контроля со стороны государства возможности штата по решению проблем, связанных с пастбищами, были ограничены. Когда в Неваде начали применять некоторые законы о пастбищах, владельцы скота часто игнорировали их²⁵.

Переселенцы селились в разных уголках общественных земель штата Невада, но без какой-либо уверенности в том, что в будущем они смогут приобрести свою собственность. Как правило, они заявляли о своём намерении подать заявку на преимущественное право в соответствии с одним из законов о земле, хотя большинство из них не подавали заявку, потому что не могли собрать 1,25 доллара за акр земли, на которой они выпасали свои стада. Изначально земля не облагалась налогом штата, потому что всё ещё была общественным достоянием, принадлежащим федеральному правительству. Но в 1865 году законодательное собрание штата Невада приняло закон о налоге на имущество, который позволял округам оценивать то, что они считали «собственностью в силу владения» на государственных землях или землях, на которые претендовал переселенец, но не «доказал своё право». Оценка проводилась после «улучшения имущества», когда были возведены дома, хозяйственные постройки и амбары, а земля была распахана²⁶.

К концу 1880-х годов, после стремительного роста поголовья скота и особенно овец, отсутствие регулирования и контроля за выпасом скота привело к продолжающимся спорам из-за пастбищных угодий. В целом, право собственности на землю в Неваде было разделено между тремя категориями. Во-первых, большая часть Невады была государственной собственностью, при этом огромный процент неосвоенных земель оставался не востребуемым; во-вторых, более половины частной собственности принадлежало железным дорогам и крупным фермерским хозяйствам; и в-третьих, практически все остальные частные земли располагались вокруг или рядом с источниками воды вдоль ручьёв, примыкающих к плодородным пастбищам. В результате

---

²⁵ Clawson, 'Range lands', pp. 13–4, 16–7; Statutes of the State of Nevada passed at the sixth session of the legislature, 1873, pp. 99–101; Halina M. Stewart, 'The Nevada State detectives', Nevada Historical Society Q. 49 (2006), pp. 25–8. See also Velma Stevens Truett, *On the hoof in Nevada* (1950)

²⁶ Young and Sparks, *Cattle*, pp. 97–8; Statutes of the State of Nevada, passed at the first session of the legislature, 1864–5 (1865), pp. 343–44; Romanzo Adams, *Taxation in Nevada: a history* (1918), pp. 100–10.

большая часть частной собственности в Неваде принадлежала крупным фермам, монополизировавшим поверхностные воды. Эти ранчо использовали «сладкие» общественные земли Невады, перефразируя название романа Роберта Лаксальта, в качестве бесплатного ресурса²⁷. В июне 1880 года газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила, что «на поросших полынью землях люцерна, зерновые и овощные культуры в изобилии растут там, где можно найти воду, и Невада становится важным штатом для разведения скота»²⁸. Из-за серьёзного спада в горнодобывающей промышленности многие инвесторы, занимавшиеся добычей металлов, вложили свой капитал в животноводство. В эти годы в Неваде увеличилось количество и вес забитых овец²⁹.

За финансовый год, закончившийся 30 июня 1885 года, Кристофер К. Паунинг, генеральный инспектор США в Неваде, подготовил отчёт о добывающей экономической деятельности штата с использованием государственных земель. Овцеводство, как писал Паунинг, «процветало»:

«500 000 овец на пастбищах. Баранина стоит 2 доллара за голову, а ягнята — 1,50 доллара. Средний годовой прирост составляет 80 процентов. Настриг шерсти в среднем составляет 6 фунтов, а хорошая шерсть из Невады стоит 16 центов за фунт. Здесь нет засушливых сезонов для овец, и каждый год наблюдается заметный прирост в этой важной, постоянной и прибыльной отрасли»³⁰.

В то время как экономические условия благоприятствовали выпасу овец, отрасли, однако, не хватало поддержки со стороны государственных органов. Что касается пастбищ, то правительство штата Невада и интересы скотоводов объединились в ущерб овцеводческой отрасли. Законодательное собрание штата Невада активно поддерживало законопроекты, направленные на ограничение выпаса овец кочевым, бродячим и иностранным элементам. Штат искал законные способы ограничить конкуренцию за пастбища и укрепить экономические позиции скотоводов. В феврале 1889 года законодательное собрание штата Невада приняло закон о незаконном выпасе скота, а в 1893 году — ещё один закон, объявляющий незаконным «выпас скота на чужих землях без предварительного получения согласия владельца или владельцев этих земель». Штат пытался ограничить доступ к общественным землям, ручьям, источникам и колодцам, которые были окружены частными землями. Новый закон о незаконном проникновении на чужую территорию возлагал на скотоводов ответственность за двойной размер ущерба, нанесённого их скотом при проникновении на частную территорию³¹.

---

²⁷ In 1957 Robert Laxalt published his biographical novel, *Sweet Promised Land*. In what was to become a classic book of the western literature, Laxalt told the story of his father, Dominique, a Basque immigrant, a shepherd in the Nevada desert.

²⁸ *New York Times*, 4 June 1880.

²⁹ Wooton, 'The public domain', pp. 37–49; Adams, 'Public range', pp. 331–5, 341–6; Elliott, *History of Nevada*, pp. 171–4; Patterson et al, *Nevada's northeast*, pp. 269–79; Stephen Powers, *The American merino: for wool and for mutton* (1907), p. 276

³⁰ Report of the U.S. surveyor general of Nevada for the fiscal year ending June 30th, 1885 (1885).

³¹ Rowley, *Reclaiming the arid West*, pp. 50–2; Statutes of the State of Nevada, passed at the sixteenth session of the legislature, 1893 (1893), pp. 30–1.

Использование государственных земель в межгорных штатах Невада и Юта было абсолютно необходимо для деятельности крупных скотоводческих хозяйств. Выпас скота на федеральных землях значительно снизил затраты на разведение овец. Система выпаса скота на открытых пастбищах представляет собой уникальность западной сельскохозяйственной истории того периода. По сути, работники, нанятые компаниями для выпаса скота, — либо пастухи, либо их коллеги из животноводческой отрасли, которые ездили верхом на лошадях, — ковбои — свободно бродили по федеральным землям в поисках пастбищ, которые оставались в общественном владении³². В течение многих лет владельцы скота свободно пасли скот на этих землях. К концу века каждый скотовод знал, что дни свободного выпаса скота могут быть сочтены. Хотя многие владельцы скота сколотили состояния и процветали в условиях выпаса на открытых пастбищах, неконтролируемое поголовье скота на пастбищах истощало ресурсы. Конкуренция за корм приводила к конфликтам и наносило ущерб пастбищам. Поначалу выпас овец на пастбищах штата вызывал противодействие, особенно со стороны влиятельных скотоводов. Однако после 1890 года различные нововведения открыли возможности для выпаса овец на пастбищах Невады³³.

III

Как и на Великих равнинах, раннее скотоводство в Большом бассейне развивалось благодаря выпасу скота на открытых пастбищах. Низкие эксплуатационные расходы, дешевая рабочая сила, бесплатные корма и открытые пастбища приносили большую прибыль. В конце 1880-х годов появились сильнейшие засухи и холодные зимы. Зима 1889-1890 года была плачевно названа «Белой зимой» Невады. Потери этой зимой превзошли все предыдущие и привели к опустошению горных хребтов северной Невады. Локально в районе Грейт-Бейсин «Белая зима» вынудила изменить практику выпаса скота на открытых пастбищах, включив в нее выращивание и заготовку сена на зимний корм. Во многих случаях это означало проведение небольших приусадебных работ, орошение земель и даже посадку люцерны. Всё это сильно отличалось от кочевых «транзитных» пастбищных хозяйств и крупных ферм, которые просто позволяли скоту свободно пастись на открытых пастбищах в холодные и опасные зимы³⁴.

---

³² New interpretations of ranch labour include David Igler, *Industrial cowboys: Miller & Lux and the transformation of the Far West, 1850–1920* (2001); Jacqueline M. Moore, *Cow boys and cattle men: class and masculinities on the Texas frontier, 1865–1900* (2010).

³³ William Rowley, 'From open range to closed range on the public lands', in William G. Robbins and James C. Foster (eds), *Land in the American West: private claims and the common good* (2000), pp. 96–8; Louise E. Peffer, *The closing of the public domain: disposal and reservation policies, 1900–1950* (1951), p. 26; Young and Sparks, *Cattle*, pp. 89–100.

³⁴ Walter Prescott Webb, *The Great Plains* (1981), pp. 226–30; Edna Patterson, 'Early cattle in Elko County', *Nevada Historical Society Q.* 8 (1965), pp. 6–12; James A. Young, 'Hay making: the mechanical revolution on the western range', *Western Historical Q.* 14 (1983), pp. 311–13.

После «Белой зимы» скотоводы отказались от классической системы выпаса скота на открытых пастбищах. Они стали уделять больше внимания заготовке сена на зиму. Этот процесс требовал больших капиталовложений, что снижало рентабельность бизнеса. Скотоводы всех мастей понесли большие убытки. Многие были вынуждены закрыть своё дело. Частыми стали банкротства. Другие сократили объёмы производства, а некоторые переключились на разведение овец. В целом поголовье скота, как овец, так и крупного рогатого скота, на пастбищах резко сократилось. В марте 1890 года К. С. Рейнольдс, овцевод из Небраски, проанализировал кризис в отрасли:

«Эта зима стала неудачной для производителей шерсти на Тихоокеанском побережье, так как сильные штормы унесли жизни многих овец. Я обнаружил серьёзные потери в Орегоне, Неваде, Юте и Северной Калифорнии. Поскольку индустрия производства шерсти слишком обширна, чтобы ограничиваться каким-то одним районом, владельцы овец, которые перегнали свои стада, не получают повышения цен по сравнению с прошлым годом. Некоторые овцеводы на Тихоокеанском побережье будут вынуждены отказаться от своего бизнеса из-за серьёзных потерь этой зимой... В Юте, Орегоне и Неваде поголовье сократилось повсеместно. В Монтане поголовье немного увеличилось. В восточной части Орегона и в Неваде поголовье сократилось на 65 процентов. Одна из причин больших потерь в Неваде заключается в том, что в последние два года фермеры не заготавливали сено. Когда начались штормы в этом году, все коммуникации были нарушены, и сено достать было невозможно. Скучный запас сена был отдан скоту, и овцам пришлось пастись или голодать. Почти каждый год я покупаю несколько сотен овец в Остине, штат Невада, или поблизости от него. В этом году там недостаточно шерсти, чтобы выстелить пальто. В общем, это будет довольно тяжёлый год для овцеводов»³⁵.

Тем не менее, выживаемость овец в эту суровую зиму была выше, чем у крупного рогатого скота. Весной 1891 года овцевод из Невады Патрик Л. Фланаган остриг 8000 овец, шерсть которых весила 60 000 фунтов. В том же году Джон Тейлор, ещё один известный владелец ранчо в штате, погрузил более 70 000 фунтов шерсти стоимостью 20 центов за фунт в железнодорожные вагоны в Уиннемукке³⁶.

В Неваде «Белая зима» усугубила и без того тяжёлое экономическое положение. Шахты находились в ужасном состоянии. В августе 1891 года во время визита в Сан-Франциско губернатор Невады Розуэлл К. Колкорд заявил, что шахты штата не привлекательны для дальнейших инвестиций. Большинство шахт были либо истощены, либо перенасыщены рабочей силой. Он предостерегал жителей Калифорнии оставаться на месте и не ездить в Неваду³⁷. В течение десятилетия общая депрессия в горнодобывающей промышленности, катастрофические зимы для скота и общая национальная

---

³⁵ Daily Nevada State Journal, 14 Mar. 1890

³⁶ Young and Sparks, Cattle, p. 135; Daily Tribune, 10 Apr. 1891.

³⁷ New York Times, 31 Aug. 1891.

депрессия после 1893 года сократили население Невады с 47 355 человек в 1890 году до 42 335 человек к 1900 году³⁸. Тем не менее, штат продолжал привлекать амбициозных инвесторов, спекулянтов и бесстрашных поселенцев. 24 декабря 1891 года газета «Reno Evening Gazette» отметила, что «Невада становится известной не только благодаря своим минеральным богатствам»³⁹.

Зима 1889/90 годов значительно сократила поголовье крупного рогатого скота на пастбищах Невады в пользу овцеводов. Джеймс Янг объяснил, как это произошло: «Чистый немедленный эффект от «Белой зимы» дал возможность овцеводству на пастбищах расширяться без конкуренции со стороны ранее созданных скотоводческих ферм. На доступность пастбищных ресурсов повлияли чрезмерный выпас скота, неправильные методы ведения сельского хозяйства, а также засухи и суровые зимы. Весной 1890 года истощение многолетних трав из-за чрезмерного выпаса скота в предыдущие годы в сочетании с засухой привело к их замещению кустарниками и однолетними травами. Заросли полыни, которые были желательны для выпаса скота, сопровождалась распространением ядовитой полыни и пиний/можжевельника на пастбищах. Ресурсы пастбищ сильно изменились в 1890-х годах, когда предпочтение отдавалось овцам из-за их способности выживать на пастбищах, где растёт разнообразная трава»⁴⁰.

Таким образом, новая экономическая ситуация после «Белой зимы» открыла многообещающий период для овцеводства в Неваде. Развитие овцеводства разочаровало скотоводов в Неваде. После «Белой зимы» на хребтах Невады сосредоточились крупные производители овец. Овцеводы завезли на хребты Невады десятки тысяч животных. На обширных территориях выросли рыночные центры с убойными пунктами в Денвере (Колорадо) или Омаха (Небраска), которая соединяла Запад с основными национальными рынками⁴¹. Хотя овцеводство занимало меньше места, чем скотоводство, на производство товарных ягнят и шерсти уходило не менее года. Длительные производственные циклы затрудняли подстройку предложения под рыночный спрос. Как национальные, так и международные рынки влияли на местные цены⁴². 27 сентября 1893 года Газета «Лейк-Сити Дейли Трибьюн» сообщала о «крупных поставках овец из Невады», которые направлялись напрямую на главные рынки в Сан-Франциско, а также в города на Среднем Западе и в восточной части страны — Чикаго и Нью-Йорк⁴³. В 1890–1899 годах, согласно сельскохозяйственной переписи 1900 года, общее

---

³⁸ Twelfth Census of the United States, taken in the year 1900 (1902), p. 632.

³⁹ Reno Evening Gazette, 24 Dec. 1891.

⁴⁰ Young and Sparks, Cattle, p. 135.

⁴¹ For a discussion of how the city acted as a nucleus and prod for the countryside's often distant development in terms of agricultural crops or stock enterprises, see William Cronon, *Nature's metropolis: Chicago and the Great West* (1991).

⁴² Young and Sparks, Cattle, pp. 1356; Lane, 'Cultural ecology', pp. 56–9; Richard White, 'It's your misfortune and none of my own': a history of the American West (1991), pp. 222–7; Powers, *American merino*, pp. 209–51.

⁴³ Daily Tribune, 27 Sept. 1893.

поголовье овец в Неваде увеличилось с 273 469 до 568 251 головы, что больше, чем общее поголовье крупного рогатого скота (см. таблицу 1)⁴⁴.

Тем временем законодательное собрание штата Невада продолжало обсуждать вопрос о конкуренции за пастбищные угодья. Несмотря на то, что законодательное собрание штата предложило несколько стратегий по исключению овец из пастбищных угодий штата, мало что было сделано в реальности. В феврале 1895 года Джон Х. Вейланд из Элко подал в законодательное собрание штата Невада законопроект, ограничивающий передвижные овцеводческие хозяйства и, в частности, запрещающий компаниям из других штатов (в основном из Юты, Калифорнии или Айдахо) использовать открытые пастбищные угодья Невады, требуя лицензии на выпас овец. Лицензии на выпас скота (стоимость которых для большого стада могла достигать 250 долларов) выдавались бы в приоритетном порядке в зависимости от общего количества пасущихся овец. Шерифы округов должны были бы собирать лицензии на выпас скота и отвечать за запросы и подробные проверки. Выпас скота без соответствующей лицензии считался бы правонарушением. Однако законодательное собрание разделилось во мнениях, и законопроект о лицензиях на выпас скота был отклонён восемнадцатью голосами против девяти. Тем не менее, на заседании был создан специальный комитет, состоящий из трёх членов Ассамблеи и двух членов Сената, для разработки меры, которая удовлетворила бы интересы как скотоводов, так и овцеводов. В состав комитета вошли два скотовода и два овцевода, а также один незаинтересованный участник. Патрик Л. Фланаган, владелец овцеводческой фермы и представитель Республиканской партии в округе Уошо, сказал: «Это очень важный вопрос, и мы в полной мере осознаём необходимость законопроекта, защищающего интересы как крупного рогатого скота, так и овец»⁴⁵.

AGRICULTURAL HISTORY REVIEW

TABLE 1. Total number of sheep and neat cattle in the state of Nevada, 1860–1900.

<i>Nevada</i>	1860	1870	1880	1890	1900
Total number of sheep	376	11,018	280,695	273,469	568,251
Total number of neat cattle	5,471	31,516	216,823	210,900	304,131

Source: U.S. Census Office, Twelfth census of the United States, taken in the year 1900, agriculture. Pt. I, farms, live stock, and animal products (1902), Vol. V, pp. 704, 708.

21 февраля 1895 года газета «Nevada State Journal» объявила, что, пытаясь принять закон о лицензировании овцеводства, законодательное собрание штата «со всей возможной скоростью [пыталось] уничтожить овцеводческую отрасль в Неваде». В статье отмечалось, что овцеводство следует считать одним из основных секторов экономики Невады. В статье

⁴⁴ U.S. Census Office, Census reports. Vol. V, twelfth census of the United States, taken in the year 1900, agriculture. Pt. I, farms, live stock, and animal products (1902), pp. 704, 708.

⁴⁵ The journal of the assembly of the seventeenth session of the legislature of the State of Nevada, 1895 (1895), pp. 103–4, 180; Reno Weekly Gazette and Stockman, 21 Mar. 1895.

утверждалось, что экономическое развитие Невады в значительной степени основано на разведении крупного рогатого скота. Учитывая засушливый климат и малопродуктивные для сельского хозяйства земли, это объясняет, как овцеводство естественным образом развивалось и процветало в Неваде. В «Стейт джорнал» утверждалось, что развитие овцеводства — ключ к будущему штата:

«В этом деле задействовано много людей, и значительная часть доходов, необходимых для содержания государственных и местных органов власти, поступает от этой отрасли. Она использует пастбища в Неваде, которые в противном случае пустовали. Это дает работу очень многим людям, которые, в случае нанесения бизнесу вреда вследствие принятого законодательства, будут вынуждены покинуть штат»⁴⁶.

11 марта 1895 года Комитет по овцеводству предложил Сенату законопроект, заменяющий законопроект № 90. Он гласил следующее:

«Принять «Закон о предоставлении доходов для поддержки правительства штата Невада и об отмене некоторых связанных с ним актов». 23 марта 1891 года и ко всем актам, вносящим в них поправки, а также для выдачи лицензий на владение, разведение, выпас овец в нескольких округах штата Невада и для объявления их нарушения мелким правонарушением и назначения за это наказания»⁴⁷.

Законопроект был одобрен большинством и утвержден губернатором Невада Джон Э. Джонс⁴⁸. Газеты «Reno Weekly Gazette» и «Stockman» выступали от имени многих владельцев ранчо и землевладельцев штата Невада, призывая к поиску решения, позволяющего навести порядок на пастбищных угодьях, независимо от конкуренции между овцеводами и скотоводами. В интересах всех скотоводов было подавлять «бродячие стада»:

«Добропорядочные скотоводы в Неваде оказались во власти бродячих стад, которые принадлежали иностранцам и паслись там, где им вздумается, объедая всех подряд и не платя ни за аренду, ни за налоги, ни за что-либо ещё... Это просто привело бы к краху бизнеса, а штат и округа лишились бы важной отрасли. В Неваде так мало пастбищ, которые можно сделать продуктивными. И каждый, кто хоть немного размышлял об этом, считал, что было бы очень плохо уничтожить овцеводство»⁴⁹.

Большинство местных скотоводов (овец и коров), владевших землёй, как большой, так и малой, рассматривали выпас овец на общественных пастбищах как угрозу устоявшейся практике выпаса скота и, следовательно, угрозу закону и порядку. Отчасти этот закон был реакцией на недавнюю иммиграцию европейцев и компании из других штатов, которые нанимали пастухов для перевозки овец в Неваду. Член Ассамблеи Патрик Флэнаган поддержал Закон о лицензировании овцеводства, потому что он подрывал позиции животноводов-нерезидентов — особенно баскских и португальских

⁴⁶ Nevada State Journal, 21 Feb. 1895.

⁴⁷ The journal of the assembly of the seventeenth session of the legislature of Nevada, 1895, p. 188.

⁴⁸ Ibid., pp. 207–8.

⁴⁹ Reno Weekly Gazette and Stockman, 21 Mar. 1895.

иммигрантов-скотоводов и мормонских овцеводов из Юты, — которые не платили налоги штату⁵⁰. В заявлениях Флэнагана явно прослеживались антибаскские настроения. По словам Флэнагана, девять десятых сообщества производителей шерсти в штате решительно поддержали законопроект⁵¹.

В 1897 году законодательное собрание пересмотрело закон, обязав всех владельцев овец платить за лицензию в тех округах, где они работали, если только они не владели одним акром земли на каждые две овцы на пастбище. Несмотря на то, что новый закон был одобрен и приветствовался многими опытными владельцами скота, его применение было проблематичным. За кочевниками, перегонявшими овец с одного пастбища на другое, было трудно уследить, когда они пересекали границы округов. Владельцы овец должны были платить за лицензию, если у них не было по одному акру земли на каждые две овцы. Этого требования можно было избежать, сдавая землю в аренду, поскольку в законодательстве не было различий между арендой и владением землёй. Поскольку крупнейшими землевладельцами были железные дороги, их агенты по продаже земли увидели в новом законе ещё один способ заработать. Владельцы овец начали сдавать землю в аренду железным дорогам, потому что это было намного дешевле, чем сумма, которую они должны были платить по новым законам штата о налоге на овец. В результате железнодорожные компании сдали в аренду овцеводческим хозяйствам много бедных и бесполезных земель⁵².

26 января 1897 года налогоплательщик из Голконды написал письмо редактору «Salt Lake City Daily Tribune», в котором жаловался на эти незаконные действия:

«... [В] результате закон, который должен был помочь железнодорожной компании арендовать бесполезные земли, оказался полным провалом. Единственные, кого он устраивает, — это железнодорожные компании и бродячих овцеводов. Овцевод арендует несколько участков (то есть отдельных секций) солончаковой земли, скажем, по 10 долларов за участок, который он, скорее всего, никогда не увидит. Он, конечно, никогда не заселит эти участки, но, имея в кармане договор аренды, заявляет о своём праве пасти овец по всему штату. Вопрос может быть решён к удовлетворению судов, железнодорожной

---

⁵⁰ Typically, non-English-speaking immigrants (including Portuguese, Mexicans, and Basques) and other marginalized groups occupied the lower-ranking occupations in the sheep industry. For more discussion on these immigrant experiences, see Arnold Peg, 'Wyoming's Hispanic shepherders', *Ann. of Wyoming* 69 (1997), pp. 29–42; Donald Warrin, 'An immigrant path to social mobility: Portuguese Atlantic islanders in the California sheep industry', *California Hist.* 76 (1997–8), pp. 94–107; J. Kent Hicks and Eileen Johnson, 'Pastores presence on the southern high plains of Texas', *Historical Arch.* 34 (2000), pp. 46–60; Iker Saitua, 'Becoming herders: Basque immigration, labor, and settlement in Nevada, 1880–1910', *Montana The Magazine of Western History* 66 (2016), pp. 58–70. For more general works on those immigrant communities who were engaged in raising sheep in the West, see William A. Douglass and Jon Bilbao, *Amerikanuak: Basques in the New World* (1975); Alexander Campbell McGregor, *Counting sheep: from open range to agribusiness on the Columbia Plateau* (1982); Ferenc Morton Szasz, *Scots in the North American West, 1790–1917* (2000).

⁵¹ Nevada State Journal, 5 May 1895.

⁵² The journal of the assembly of the eighteenth session of the legislature of the State of Nevada, 1897 (1897), pp. 182–3, 198, 219; The journal of the Senate of the eighteenth session of the legislature of the State of Nevada, 1897 (1897), p. 203.

компании и бродячих пастухов, но вряд ли к удовлетворению налогоплательщиков и законных владельцев скота»⁵³.

Очевидно, что этот житель Невады описал мошенничество, которое нарушало закон. Закон не устраивал тех, кто занимался животноводством и хотел ограничить чужаков, которые вносили хаос на многочисленные ранчо Невады. Несмотря на поправки к законодательству, внесённые в 1897 году, такое положение дел сохранялось до 1930-х годов.

IV

Эксплуатация и деградация природных ресурсов вызывали обеспокоенность у специалистов по лесному и водному хозяйству, а также у прогрессистов, которые стремились отстаивать интересы зарождающегося движения за охрану природы, которое делало акцент на «разумном использовании» ресурсов, основанном на утилитарной доктрине, которая подчёркивала использование ресурсов для наибольшего числа людей, для наибольшего блага и в течение наибольшего периода времени. В 1890-х годах Конгресс инициировал частичную реорганизацию государственной собственности. В ответ на призывы к сохранению лесных ресурсов страны Конгресс наделил президента полномочиями объявлять лесные заповедники государственными, в основном на Дальнем и Горном Западе. Создание лесных заповедников стало первым шагом к сохранению и защите водных и лесных ресурсов. С принятием Закона о пересмотре границ земельных владений 1891 года Конгресс запретил регистрировать земельные участки или подавать частные земельные иски в соответствии с земельным законодательством Соединённых Штатов на выделенных лесных заповедных землях. Непосредственным следствием Закона о пересмотре границ земельных владений стало прекращение освоения ресурсов на этих землях⁵⁴. Историк Уильям Роули утверждал: «Переход к регулируемому выпасу скота в лесных заповедниках стал частью попыток добиться стабильности и постоянства в отрасли, которая столкнулась с разрушительной конкуренцией и, как следствие, с уничтожением пастбищных кормов»⁵⁵.

В 1890-х годах несколько администраций выделили миллионы акров федеральных земель в качестве лесных заповедников, чтобы предотвратить их монополизацию и разрушительную вырубку. Заповедные земли также включали пастбища и кормовые ресурсы. Знаменитое движение за охрану природы гордилось созданием лесных заповедников. Однако вскоре члены Конгресса, представлявшие западные штаты, потребовали разъяснений о том, как следует использовать ресурсы этих земель. Некоторые обвиняли федеральное правительство в том, что оно полностью запретило использование ресурсов в заповедниках и планировало превратить их в

---

⁵³ Daily Tribune, 28 Jan. 1897.

⁵⁴ Char Miller, Gifford Pinchot and the making of modern environmentalism (2001), pp. 138–9; William D. Rowley, US Forest Service grazing and rangelands: a history (1985), pp. 4–5, 54.

⁵⁵ Rowley, US Forest Service, p. 5.

заповедники или парки. В 1897 году Конгресс принял Закон об охране лесов или Закон об использовании лесов. Закон разрешал использование ресурсов в заповедниках, но только под контролем Министерства внутренних дел, которое управляло первоначальными лесными заповедниками. В 1898 и 1899 годах Министерство внутренних дел и его Главное земельное управление приступило к регулированию и ограничению количества скота, пасущегося на недавно созданных лесных заповедниках⁵⁶. В марте 1898 года газета «Reno Weekly Gazette» и «Stockman» в Неваде сообщила местным скотоводам, что федеральное правительство вновь открыло лесной заповедник в Калифорнии «для её голодающих стад»⁵⁷. В то время как в Калифорнии начали действовать первые законы об охране природы, в Неваде овцеводам пока не нужно было беспокоиться о закрытии земель, находящихся в общественном владении.

В отличие от Калифорнии, в Неваде в то время не было создано никаких лесных заповедников. В этом штате начало государственного управления возобновляемыми природными ресурсами на землях, находящихся в общественном владении, значительно изменило экономику овцеводства. Создание национальных парков и лесных заповедников в Калифорнии закрыло доступ овцеводов к некоторым участкам Сьерры. Хорошо известно, что в 1891 году капитан Абрам Э. Вуд, командир кавалерии и первый исполняющий обязанности интенданта, отвечающий за войска, назначенные для защиты Йосемитского национального парка, выгнали стада овец. Владельцы овец обвинили лесные заповедники, а затем и национальные леса в том, что они разрешают пасти скот, но не овец. Как правило, местные группы, особенно заинтересованные в овцах и шерсти, выступали против правил выпаса скота в новых лесных заповедниках. Хотя лесные заповедники были провозглашены в Калифорнии в 1890-х годах, Национальные леса в Неваде были зарезервированы для нужд государства только после 1905 года. До этого свободные и открытые пастбища существовали даже на ценных высокогорных пастбищах. Во многих отношениях они стали бесплатными для всех, поскольку скотоводы конкурировали за ресурсы, иногда очень жёстко. В 1890-х годах продолжающиеся свободные и открытые пастбища в Неваде привлекали скотоводов из Калифорнии, которые больше не имели доступа к обширным лесным заповедникам в этом штате. В 1894 году Джон Мьюир описал вторжение в Неваду в своей книге «Горы Калифорнии»: «Огромное количество голодающих овец и крупного рогатого скота было загнано через [Сьерру] в Неваду, почти полностью уничтожив дикие сады и луга»⁵⁸. Эта ситуация усилила конкуренцию за кормовые и водные ресурсы на хребтах Невады⁵⁹.

---

⁵⁶ Harold K. Steen, *The US Forest Service: a history* (1976), pp. 56–61; Rowley, *US Forest Service*, pp. 22–31.

⁵⁷ *Reno Weekly Gazette and Stockman*, 31 Mar. 1898.

⁵⁸ John Muir, *The mountains of California* (1907), p. 96.

⁵⁹ Harvey Meyerson, *Nature's army: when soldiers fought for Yosemite* (2001), pp. 95–103; 'Conquering the West: the Federal lands question', *National Wool Grower* 55 (1965), pp. 87–9; Rowley, *US Forest Service*, pp. 28–38; Clawson, 'Range lands', pp. 4–6.

Неконтролируемый выпас скота на общинных землях приводил к кризисам и конфликтам. На обширных пастбищах Невады, где до сих пор много свободных земель, правоохранные органы были слабы или отсутствовали вовсе. Между землевладельцами, разводящими скот, и кочевниками, пасущими овец, возникали конфликты из-за прав на воду, незаконного проникновения на чужую территорию и уничтожения кормовых ресурсов на общинных пастбищах. Сэмюэл Хейс описал, как «прибегая к силе и насилию, пастухи и ковбои «решали» свои споры из-за пастбищных земель, убивая скот и скотоводов-конкурентов»⁶⁰. В условиях растущей анархии на ранчо Невады именно наёмные пастухи часто несли основную тяжесть конфликтов. Пастухи, будь то баски, другие европейские иммигранты или мексиканцы, были лёгкой мишенью для своих противников или врагов. В ноябре 1895 года двое баскских пастухов были убиты в лагере для овец к северо-западу от озера Пирамид, недалеко от долины Уиннемукка в Неваде, двумя работниками ранчо Дж. М. Флэннигана⁶¹. Враждебное отношение к европейским иммигрантам и мексиканцам было характерной чертой конфликтов, которые происходили на ранчо Невады с 1890-х по 1930-е годы.

К началу XX века животноводство в Неваде стало основным видом экономической деятельности. В 1900 году генеральный инспектор Невады Эдвард Д. Келли в своём отчёте за два года заявил, что животноводство было «одним из самых заметных и прибыльных видов деятельности в штате»⁶². Кроме того, международные рынки дали толчок развитию овцеводства на западе. С 1896 по 1901 год экспорт США (в основном на британские рынки) увеличился с 323 576 голов овец на сумму \$1 948 841 до 432 419 голов на сумму 2 514 766. В 1902 году Бюро животноводства Министерства сельского хозяйства США сообщило, что большая часть животных была экспортирована в Великобританию: «Считается, что пришло время, когда нужно приложить усилия, чтобы познакомить животноводов других стран с нашими прекрасными племенными животными». В 1900 году общее количество овец на ранчо в Неваде составляло 887 039 голов на сумму 2 344 865,63 доллара⁶³.

Несмотря на эти положительные тенденции, выпас овец представлял собой постоянную угрозу для тех, кто традиционно занимался выпасом скота на землях общего пользования в Неваде. В то время как Министерство внутренних дел пыталось игнорировать проблемы выпаса скота на землях

---

⁶⁰ Samuel P. Hays, *Conservation and the gospel of efficiency: The Progressive Conservation Movement, 1890–1920* (1959), p. 50.

⁶¹ Richard H. Lane, 'Trouble in the sweet promised land: Basques in early 20th century northeastern Nevada', in William A. Douglass, Richard W. Etulain and William H. Jacobsen, Jr. (eds), *Anglo-American contributions to Basque studies: essays in honor of Jon Bilbao* (1977), pp. 33–41; *Nevada State Journal*, 16 Nov. 1895.

⁶² *Biennial Report of the Surveyor-General and State Land Register, State of Nevada, for 1899–1900* (1901), p. 7; *Biennial Report ... , 1903–1904* (1905), p. 9.

⁶³ D. E. Salmon, 'Eighteenth Annual Report of the Bureau of Animal Industry for the Year 1901', *Bureau of Animal Industry, USDA* (1902), pp. 615, 12, 640. Richard White has assessed that the economic potential in the American West was firmly intermingled with the worldwide markets: 'The West possessed an extractive economy that depended on outside markets, outside capital, and, most often, skills and technologies imported from the outside. Westerners had learned to look anxiously to eastern and European markets and investors. Outsiders controlled their economic fate'. White, 'It's your misfortune and none of my own', p. 26

общего пользования, за исключением случаев, когда огораживание земель проводилось без лицензии, пользователи пастбищ в Неваде сталкивались с проблемами чрезмерного выпаса и уничтожения источников воды. Из года в год политики Невады пытались решить проблемы выпаса скота на пастбищах штата. В то время как полномочия штата в отношении федеральных земель были ограничены, законодательное собрание Невады приняло некоторые меры для решения насущных проблем. Невада по-прежнему предоставляла хорошие возможности для выпаса скота на открытых пастбищах из-за свободных земель и растущих цен. Однако увеличение числа новых животноводческих предприятий означало усиление конкуренции за пастбища, которые истощались. Хотя наиболее плодородные земли были заняты и контролировались конкретными животноводческими и железнодорожными компаниями, а оставшиеся малопродуктивные пастбища всё ещё предоставляли возможности для расширения пастбищных хозяйств⁶⁴.

Из-за отсутствия лесов в этом засушливом штате Неваде было трудно претендовать на статус лесного заповедника. 10 августа 1904 года Гиффорд Пинчот, начальник отдела лесного хозяйства Министерства сельского хозяйства США, от имени Комиссии по государственным землям отправил письмо Джону Спарксу, губернатору Невады, с вопросом о землях, находящихся в собственности штата, и их связи с общественными землями⁶⁵. Эдвард Келли, государственный регистратор земель, ответил из Карсон-Сити. Ниже приведены некоторые из упомянутых вопросов и ответов:

«Пинчот: Какой класс земель пользуется наибольшим спросом?»

Келли: Наибольшим спросом пользуются сельскохозяйственные и пастбищные земли.

Пинчот: Какая защита предоставляется государственным землям от пожаров и незаконного проникновения?»

Келли: Никакой защиты, кроме общего закона о запрете разжигания костров и специального закона, который касается только частных лиц о незаконном проникновении.

Пинчот: Предпринимает ли штат какие-либо шаги для использования и сохранения лесных угодий штата, и если нет, то требуется ли специальное законодательство для принятия таких мер?»

Келли: Ни одна из возвращённых земель, находящихся в собственности штата, не является лесными угодьями⁶⁶.

Ответы свидетельствовали о том, что в начале XX века общественные земли Невады в значительной степени оставались нерегулируемыми и незащищёнными. Только после 1905 года, когда лесные заповедники перешли из Министерства внутренних дел в Министерство сельского хозяйства, в

---

⁶⁴ Lane, 'Cultural ecology', pp. 63–74; Clawson, 'Range lands', pp. 8–16.

⁶⁵ In 1903, President Theodore Roosevelt appointed a Public Land Commission composed by Gifford Pinchot, Frederick H. Newell, and William A. Richards in an attempt to determine the problems affecting the public-domain lands. Report of the public lands commission, with appendix, 58th Cong., third Sess., Doc. no. 189 (1905), pp. 3–11.

⁶⁶ Edward D. Kelley to Gifford Pinchot, 31 Aug. 1904; Gifford Pinchot to John Sparks, Aug. 10, 1904, Biennial Report of the Surveyor-General and State Land Register, 1903–1904 (1904), pp. 15–16.

Неваде были созданы национальные леса под управлением Лесной службы США⁶⁷.

Именно администрация Теодора Рузвельта (1901–1909) вдохнула новую жизнь в природоохранное движение. Гиффорд Пинчот, друг и советник Рузвельта, убедил президента передать лесные заповедники Министерству сельского хозяйства в рамках новой системы национальных лесов. В феврале 1905 года административные функции и обязанности Министерства внутренних дел были переданы недавно созданному агентству — Лесной службе США, входящей в состав Министерства сельского хозяйства. Пинчот был назначен главным лесничим нового агентства.

В 1902 году Министерство внутренних дел издало «Руководство по лесным заповедникам», в котором говорилось, что министр внутренних дел имеет право ограничивать выпас скота с целью защиты лесных заповедников, который начал выдавать разрешения⁶⁸. Новая Лесная служба продолжила внедрять систему выдачи разрешений, начатую Главным земельным управлением. Она издала «Книгу использования», в которой были определены правила использования ресурсов в соответствии с разрешением на выпас скота. В нём устанавливались правила выпаса скота в определённые сезоны, определялось количество поголовья и выдавались разрешения на выпас скота в зависимости от права собственности и критериев традиционного использования. Было доступно три вида разрешений на выпас скота: во-первых, класс А для владельцев ранчо, расположенных на территории национальных лесов или рядом с ними, которые обычно пасли скот на землях, находящихся в настоящее время на территории национальных лесов; во-вторых, класс В для тех, кто владел собственностью рядом с национальными лесами и традиционно пас скот на этих высокогорных пастбищах; и в-третьих, класс С для кочевников, которые не владели собственностью или домашним ранчо. Различные разрешения выдавались на основании этих критериев. Местные жители рассматривали эти разрешения как привилегии на выпас скота, а не как постоянные уступки. Система отдавала предпочтение первым двум классам. Странствующим скотоводам было выдано несколько разрешений класса С. Кроме того, как объяснил Уильям Роули, Лесная служба основывала свою систему предпочтений на концепции «соразмерного владения собственностью». Принцип соизмеримости требовал, чтобы владельцы пастбищных угодий владели достаточным количеством частных земель для зимнего кормления скота, когда его перегоняли из национальных лесов в конце сезона выпаса. Лесная служба считала, что такая политика защищает владельцев ранчо и небольших ферм от вторжения кочевников, пасущих овец⁶⁹.

С введением Лесным департаментом правил выпаса скота порядок наконец-то начал устанавливаться на высокогорных пастбищах в горных

---

⁶⁷ Lane, 'Cultural ecology', p. 142.

⁶⁸ Miller, Gifford Pinchot, pp. 162–4; Rowley, U.S. Forest Service, pp. 46–59.

⁶⁹ William D. Rowley, 'Privilege vs. Right: livestock grazing in US government forests', in Harold K. Steen (ed.), History of sustained-yield forestry: a symposium (1984), pp. 61–7; Rowley, US Forest Service, pp. 58–62.

хребтах Невады. Хотя Лесной департамент США взял под контроль некоторые участки пастбищ на государственных землях, обширные открытые пастбища по-прежнему оставались вне управления Лесного департамента. Пастбища в Неваде оставались нерегулируемыми и представляли собой постоянную проблему. Конфликты на пастбищах продолжались и послужили поводом для общенациональных дебатов о будущем нерегулируемого, свободного и открытого выпаса скота на государственных землях. В течение первых трёх десятилетий XX века эта ситуация всё больше подталкивала законодательное собрание штата Невада к участию в решении проблем, связанных с пастбищами. Местные эксперименты в области пастбищ предшествовали участию федерального правительства. Наконец, после долгих колебаний Конгресс распространил программу контроля за выпасом скота на оставшиеся неприватизированные земли общественного достояния в соответствии с Законом Тейлора о выпасе скота 1934 г., за которым последовали различные этапы его реализации, вплоть до создания Бюро по управлению земельными ресурсами (BLM) в 1946 году⁷⁰.

V

В последние два десятилетия XIX в. Невада стала свидетелем овцеводческого бума, подобного тому, который наблюдался в других западных штатах, где имелись государственные угодья. Соединенные Штаты и другие страны способствовали расширению овцеводческой отрасли в Неваде. По сравнению с разведением крупного рогатого скота, овцеводство на открытых пастбищах имело более высокую краткосрочную отдачу от инвестиций. Экономический успех этих овцеводческих хозяйств во многом зависел от бесплатного использования государственных земель, надёжных источников зимнего корма, водных ресурсов и найма низкооплачиваемых, но надёжных сельскохозяйственных рабочих. После «Белой зимы» 1889–1890 годов экономическая рентабельность овцеводства в Большом Бассейне побудила старых владельцев скота и новичков заняться этой отраслью. После этого разрушительного погодного явления поголовье овец в Неваде значительно увеличилось. Но растущее присутствие пастухов на общественных пастбищах вызывало насмешки со стороны ковбойской культуры на Западе.

Именно политика невмешательства федерального правительства в отношении выпаса скота на общественных пастбищах позволила животноводческой отрасли на свободном выгуле расти впечатляющими темпами, но нестабильные условия, которые это создавало, привели к разрушительной конкуренции за пастбищные ресурсы. Владение источниками

---

⁷⁰ Clawson, 'Range lands', p. 6; Lane, 'Cultural ecology', pp. 98–111, 121–31; Ivan Sack, 'History of Toiyabe National Forest' (unpublished ms, 1965, held by Special Collections, University of Nevada Library, Reno); Iker Saitua, 'Sagebrush laborers: Basque immigrants in Nevada's sheep industry, international dimensions, and the making of an agricultural workforce, 1880–1954', (unpublished PhD thesis, University of Nevada-Reno, 2016), pp. 178–86. After management by the Bureau of Land Management began, the public range for grazing livestock would be governed exclusively through a permit system without exception. For a comprehensive history of the BLM, see: James R. Skillen, *The nation's largest landlord: The Bureau of Land Management in the American West* (2008).

воды и правами на воду создавало возможность для исключительного использования пастбищ, препятствуя доступу скота конкурентов к источникам воды: контроль и владение водой стали инструментом для монополизации общественных пастбищ. Исключительное использование пастбищных угодий, обусловленное владением водой, не давало права собственности или права на выпас скота на этих землях. Проблемы на ранчо в Неваде требовали принятия каких-то мер, чтобы урегулировать растущее напряжение между кочевниками-скотоводами и землевладельцами, владельцами крупного рогатого скота и овец. Частные и даже государственные законодательные инициативы не увенчались успехом в наведении порядка на ранчо, особенно после того, как с начала 1890-х годов овцы стали конкурировать за ресурсы ранчо в Неваде.

К началу XX в. штат Невада по-прежнему был идеальным местом для разведения овец с минимальными затратами из-за обширных неосвоенных земель и пастбищ. Отсутствие какого-либо регулирования выпаса скота на этих землях с точки зрения количества и сезона выпаса в сочетании с дешёвой рабочей силой, необходимой для ухода за большими стадами овец, открывало огромные возможности для получения прибыли. Только после 1905 года были созданы лесные заповедники (или, впоследствии, национальные леса), что привело к появлению первых государственных правил в отношении пастбищ. С приходом федерального управления на части государственной собственности в Неваде (горные пастбища) Лесная служба попыталась исключить или, по крайней мере, ограничить передвижные загоны для овец на землях, которыми она управляла. Однако пастбища за пределами национальных лесов, находящихся в ведении Лесной службы, не подчинялись никаким правилам. Хаотичные условия на открытых пастбищах сохранялись в течение многих лет. Только в 1934 г., когда был принят Закон Тейлора о выпасе скота, Конгресс начал решать проблемы, связанные с землями общественного достояния за пределами национальных лесов.

Перевод Елены Гончарук

Выходные данные статьи: Iker Saitua ‘Sweet Public Lands’: The open-range sheep industry of Nevada and its legal dimension in the late nineteenth century. *Agricultural History Review*, Volume 67 Part 1 (2019), pp.105-123.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СОЗДАНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ: ИЗ ИСТОРИИ ЙОРКШИРСКИХ ДОЛИН*

Р. У. Хойл

Аннотация. Десять национальных парков первого поколения, созданных в соответствии с Законом о национальных парках и доступе к сельской местности 1949 года, в целом разочаровали тех, кто выступал за создание национальных парков в 1930-х и 1940-х годах. Управление ими было гораздо менее эффективным, чем предполагалось, и в основном они находились в ведении комитетов по планированию окружных советов, в границах которых располагались. В статье идет речь о создании национального парка Йоркшир-Дейлс, который был основан в 1952 году и утверждён в 1954 году. Идея создания национального парка Дейлс обсуждалась с начала 1930-х годов. Исследование показало, что в ходе этих процессов отсутствовало большое общественное сопротивление, но и активная поддержки тоже. Фермеры выражали опасения по поводу ущерба, который нанесёт приток туристов, но трудно сказать, были ли их опасения обоснованными. Сопротивление исходило в основном от Совета графства Северный Райдинг. Совет графства Уэст-Райдинг, по-видимому, более благосклонно отнёсся к парку, но не хотел объединяться с Советом графства Норт-Райдинг в Объединённый совет, как предусматривалось законом, поэтому оба совета с готовностью согласились создать Объединённый консультативный комитет. Именно это слабое соглашение было окончательно реализовано в 1956 году.

Национальные парки теперь являются привычной и в значительной степени бесспорной частью английского и валлийского ландшафта: только что прошла семидесятая годовщина принятия закона, позволившего их создать, и это не вызвало особых комментариев⁷¹. Конечно, на них жалуются те, кто живёт под их юрисдикцией и считает, что они накладывают необоснованные ограничения на такие вопросы, как пристройка к дому или замена окон. А из-за сокращения бюджета, в некоторых случаях довольно значительного, они стали менее заметными, чем несколько лет назад: в Йоркшире, например, в Дейле некоторые центры для посетителей закрылись. Если рассматривать их

---

* Более ранняя версия этой статьи была подготовлена для журнала «История села» в 2015 году. Я благодарен рецензентам журнала за их комментарии, не все из которых я смог учесть, а также за некоторые дополнительные ссылки.

⁷¹ There is a large corpus of writing on national parks, much of it now quite old. For an assessment written about the time of their thirtieth birthday, Ann MacEwen and Malcolm MacEwen, *National parks: conservation or cosmetics* (1982); at the time of their fortieth birthday, John Blunden and Nigel Curry (eds), *A people's charter. Forty years of the National Parks and Access to the Countryside Act 1949* (1989) and at 50 years Gavin Parker and Neil Ravenscroft, 'Benevolence, nationalism and hegemony: fifty years of the National Parks and Access to the Countryside Act, 1949', *Leisure Studies* 18 (1999), pp. 297–313. None of these works make much (if any) use of the records of the National Parks Commission in the National Archives. There is a useful summary of developments in John Sheail, *An environmental history of twentieth-century Britain* (2002), pp. 115–22.

деятельность в долгосрочной перспективе, то можно не сомневаться, что она была неоднозначной. Они часто не могли предотвратить добычу полезных ископаемых или промышленную застройку на своей территории. Но, по любой оценке, они, скорее всего, замедлили темпы развития, особенно в сфере жилищного строительства, в то же время регулируя приток посетителей в живописные места, предоставляя парковки, обозначая маршруты и проводя восстановительные работы там, где количество посетителей грозило разрушить сами пешеходные дорожки, по которым они ходили. Если они поощряли доступ и регулировали его, то также выполняли просветительскую миссию, предоставляя информационные центры для посетителей или литературу.

Идея национальных парков не только долго вынашивалась, но и дополнялась некоторыми аспектами в спорах родителей, дебатами в правительстве, которое не могло до конца поверить в их необходимость, и спорами местных властей, которые не хотели уступать власть тому, что они считали ненужным вмешательством в существующие механизмы. Размывание административных механизмов, предложенных в Докладе Хобхауса (1947), Закон о национальных парках 1949 года, были описаны в другой работе⁷².

И в отчёте, и в законе говорилось о том, что парки должны быть выведены из-под контроля властей графств и переданы под надзор советов, назначаемых графствами и министром. Советы должны были быть свободны от прямого вмешательства местных властей и иметь возможность сосредоточиться на нуждах парка. Был создан только один такой совет (в Пик-Дистрикте). В других парках были консультативные комитеты, которые подчинялись местным властям, на территории которых находился парк. В этих договоренностях подразумевалось, что правление будет лучше знать, что лучше для парка, чем непосредственно избранный орган, и поэтому местным жителям будет навязан особый режим планирования. При этом они не будут иметь никакого контроля через избранных членов совета над тем, что решит администрация национального парка. Мы можем распознать здесь не демократические элементы управления. В районе Йоркширских долин в Национальном парке (и, несомненно, другие), это было – и продолжает оставаться – предметом жалоб⁷³.

В этой статье мы возвращаемся к политике конца 1940-х — начала 1950-х годов и рассматриваем обстоятельства, связанные с созданием национального парка Йоркшир-Дейлс. В ней показано, что идея создания национального парка Дейлс обсуждалась примерно с 1930 года. Мы стремимся восстановить отношение местных жителей к созданию национального парка и показать, что оно отнюдь не было положительным. Действительно, были те, кто утверждал, что парк, по сути, сделает прямо противоположное тому, к чему стремились его инициаторы, что он нанесёт ущерб сельской местности, а не

---

⁷² G. Cherry, *Environmental Planning, II, National Parks and recreation in the countryside* (1975).

⁷³ See, for instance, the complaints of Keswick Town Council against the Lake District National Park Authority and their vote of no confidence in the authority, reported in *The Guardian*, 14 Oct. 2019.

сохранит её в нынешнем состоянии. Однако широкая общественность, по-видимому, отнеслась к этому в основном равнодушно. Большая часть возражений, вероятно, приняла форму «войны за территорию» между местными властями, поскольку окружные советы сопротивлялись тому, чтобы уступить контроль.

I

Событийные хронологические рамки хорошо известны. Как показала Кэтрин Гловер, словосочетание «национальный парк» использовалось в популярной речи на протяжении конца XIX века, но довольно свободно: например, его часто применяли по отношению к Нью-Форесту⁷⁴. Хотя первый американский национальный парк (Йеллоустоун) был основан ещё в 1872 году, а другие создавались время от времени, Служба национальных парков США была учреждена только в 1916 году. В Великобритании было известно об этих событиях. Чарльз Батерст, лорд, а затем виконт Бледисло (1867–1958), в то время парламентский секретарь Министерства сельского хозяйства, в 1925 году совершил частное путешествие в парки Канады и Йеллоустоун в США и вернулся убеждённым сторонником этой идеи. Он рассматривал Форест-оф-Дин как потенциальный национальный парк и лоббировал эту идею в правительстве⁷⁵.

Более официально оформленная лоббистская группа появилась с созданием Совета по Сохранению Сельской Англии (CPRE) в 1926 году. Это позволило сосредоточить внимание на проблемах индустриализации и пригородизации сельской местности, многие из которых были вызваны возросшей доступностью легковых и грузовых автомобилей. Поводом для создания CPRE послужил манифест «Сохранение сельской Англии», опубликованный Патриком Аберкромби в обзоре планирования за май 1926 года⁷⁶. Аберкромби обобщил современные опасения, а затем предложил ряд возможных решений. Под заголовком «Дикая природа» Аберкромби предложил «создать ряд национальных парков или заповедников (как в Канаде), в которые будут объединены земли Короны, такие как Нью-Форест и Форест-оф-Дин, а также многие крупные частные парки, такие как Эшридж, в которых сохранились первозданные участки земли»⁷⁷.

Благодаря Постоянной конференции по национальным паркам CPRE стала ведущим лоббистом национальных парков. В 1929 году она обратилась к новому премьер-министру от Лейбористской партии Рэмси Макдональду с просьбой провести исследование о необходимости национальных парков, и он удовлетворил их просьбу, учредив комитет под председательством

⁷⁴ Catherine Glover, “‘In good hands.’ The preservation of the New Forest and the long journey towards National Park designation”, above, pp. 251–82.

⁷⁵ John Sheail, ‘The concept of national parks in Great Britain, 1900–1950’, *Trans. Institute of British Geographers* 66 (1975), pp. 42. For Bledisloe, see ODNB (although this article makes no reference to his interest in national parks).

⁷⁶ Sir Patrick Abercrombie (1879–1957) was the leading planning consultant of the inter-war years. See ODNB. His essay can be found in *Town Planning Rev.* 12 (1926), pp. 5–56.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 15 (capitals as in the original).

Кристофера, впоследствии лорда, Аддисона (1859–1951). Комитету Аддисона не повезло: он представил свой доклад в 1931 году, когда экономика переживала период рецессии⁷⁸. Реализация рекомендаций Аддисона была целью движения за создание национальных парков в 1930-х годах, но они не нашло отклика в правительстве. На опасения, широко высказывавшиеся в 1920-х годах, в какой-то степени повлияли расширенные полномочия, предоставленные местным властям Законом о городском и сельском планировании 1932 года. После этого в правительстве появилась тенденция считать, что была создана система для решения наихудших аспектов развития в данном вопросе⁷⁹. Закон 1932 года ничего не предлагал другому лобби, которое довольно быстро сформировалось в начале 1930-х годов, — «Бродягам», объединившим ряд давно существующих обществ в новую национальную организацию — Ассоциацию «Бродяги». Хотя они разделяли идеи Аберкромби о разрушении ландшафта, их главной заботой был доступ к возвышенностям. Закон о доступе к горам 1939 года, который создавал множество препятствий для его осуществления, не удовлетворил их требования⁸⁰. Для лоббистов национальных парков 1930-е годы были потерянным десятилетием.

Ситуация изменилась с началом войны. Как часто отмечалось ранее, лейбористы взяли на себя ответственность за послевоенное планирование внутри страны и в серии докладов изложили прогрессивную программу развития. Таким образом, национальные парки были частью концепции лорда-судьи Скотта, изложенной в его одноимённом докладе 1942 года. Примерно в то же время Джону Дауэру, уже известному лоббисту национальных парков, было поручено обследовать потенциальные территории для парков. Его отчёт был опубликован в мае 1945 года. Доклад был опубликован в качестве правительственного документа, но с оговоркой, что только для обсуждения⁸¹. Однако в июле 1945 года был назначен ещё один комитет под руководством сэра Артура Хобхауса, которому было поручено воплотить в жизнь доклад Дауэра, и он, в свою очередь, опубликовал свой доклад в июле 1947 года⁸². Затем последовало принятие закона, и в декабре 1949 года Закон о национальных парках и доступе к сельской местности получил королевскую санкцию. Первый парк был создан в 1951 году, а последний из десяти парков первого поколения — в 1957 году.

Даже в своём полном названии закон отражал обеспокоенность двух противодействующих групп, возникших в 1930-х годах: CPRE, выступавшей против нецелесообразной застройки, лесовосстановления (особенно в

---

⁷⁸ C. Addison, Report of the National Park Committee (Cmnd 3851, 1931) (hereafter, Addison Report).

⁷⁹ See, for instance, the comments of the Bowland Malhamdale National Reserve Committee in 1935, cited at p. 273 below or the letter of R. S. Hudson to CPRE after he had received a delegation from them, HLG 52/716, 27 May 1937. See also John Sheail, 'The introduction of statutory planning in rural areas. The example of the North Riding of Yorkshire', *Town Planning Rev.*, 50 (1979), pp. 71–83 and a forthcoming paper of mine, 'Some consequences of a bungalow at Malham Cove: inter-war planning in the West Riding Yorkshire Dales'.

⁸⁰ John Sheail, 'The Access to Mountains Act 1939: an essay in compromise', *Rural Hist.* 21, (2010), pp. 59–74.

⁸¹ John Dower, *National Parks in England and Wales* (Cmd 6628, 1945).

⁸² Sir Arthur Hobhouse, *Report of the National Parks Committee (England and Wales)* (Cmd 7121, 1947).

Озёрном крае), проникновения автомобилей и рекламы в сельскую местность, а также жилищного и промышленного строительства, и лобби любителей пеших прогулок, представленное Ассоциацией любителей пеших прогулок, которая разделяла многие опасения CPRE, но в основном была озабочена доступом к сельской местности. Оба разделяли глубоко укоренившееся убеждение в превосходстве пешехода над автомобилистом. Охрана природы рассматривалась как отдельный вопрос, требующий собственного исследования, под руководством Дж. С. Хаксли, и это привело к созданию Природоохранного фонда в 1949 году⁸³. Предполагалось, что национальные парки не будут сдерживать или ограничивать сельское хозяйство.

Извилистый путь, пройдя по которому Хобхаус стал заповедником, был прослежен Черри⁸⁴. Закон 1949 года был принят на фоне энтузиазма лоббистов национальных парков и их сторонников в правительстве и скептицизма Министерства финансов и окружных советов. Последние заявляли о своей оппозиции национальным паркам как независимым, самостоятельным объектам ещё в 1941 году⁸⁵. Их полномочия в области планирования были усилены Законом о городском и сельском планировании 1947 года. Они не видели необходимости в Комиссии по национальным паркам. Казначейство считало, что если национальные парки будут контролироваться окружными советами, то они также смогут оплачивать их содержание. Комиссия по национальным паркам фактически подчинялась Министерству здравоохранения и местного самоуправления: она «назначала» парки, но министр «утверждал» их, имел право устанавливать их границы и определять административный порядок. Существует мнение, что Комиссия была слабо организована⁸⁶. Её первым председателем был отставной государственный служащий, сэр Патрик Дафф (1889–1972)⁸⁷. Секретарём-основателем (1950–1963) был Гарольд М. Абрахамс (1899–1978), спортсмен из Кембриджа и золотой медалист Олимпийских игр 1924 года⁸⁸. Ни один из них ранее не был связан с движением за создание национальных парков, хотя многие из первых членов комиссии были набраны из лоббистских групп.

Закон 1949 года предусматривал, что если парк включает в себя земли из нескольких графств, то должен быть создан объединённый совет по планированию. Но министру также предоставлялось право «в особых обстоятельствах» передавать управление парком, расположенным в нескольких графствах, в руки комитетов советов графств с объединённым

---

⁸³ Nature conservation was separated out from planning and treated as a scientific (as opposed to a planning) issue. Sheail, *Environmental History*, pp. 127-8.

⁸⁴ Cherry, *Environmental Planning*, II, ch. 5.

⁸⁵ MacEwen and MacEwen, *National Parks*, p. 8.

⁸⁶ *Ibid.*, pp. 21–2. The MacEwens perhaps reflected a larger disillusionment with the achievements of national parks current in the late 1970s. They headed their account of the years 1949–74 ‘downhill (nearly all the way)’. But they had no access to the NPC’s own papers and their assessment is ripe for reappraisal. I am grateful to a referee for information on the MacEwens.

⁸⁷ Duff was chairman from 1949 to 1954, when he retired. His successor was a career diplomat, William Strang (1893–1978), created Lord Strang in the New Year Honours in 1954 and appointed chairman of the NPC a few weeks later (*The Times*, 1 Jan., 2 Mar. 1954). He served as chairman until 1966.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 21. Abrahams’ biography in ODNB reduces his 13 years at the NPC to one short sentence.

консультативным комитетом, который консолидировал бы комитеты и представлял интересы парка в целом. У объединённых консультативных комитетов не было ни ресурсов, ни сотрудников, ни руководящей роли, поэтому они неизбежно были слабее, чем совет по планированию. Единственным парком, в котором был создан исполнительный совет по планированию, был Пик-Дистрикт. В Озерном крае всё было не так строго. В третьем парке, Сноудонии, были только комитеты окружных советов и объединённый консультативный комитет. Впоследствии парки, которые простирались за пределы графств, управлялись комитетами советов графств и совместным консультативным советом. Это привело к «нарушению принципа, согласно которому каждый парк должен управляться как географическая единица»⁸⁹.

Поскольку механизмы управления национальными парками (за исключением Пик-Дистрикта) с самого начала были несовершенными, они неизбежно разочаровывали. Более того, как признал лорд Стрэнг (председатель комиссии в 1954–1966 годах), мнение Комиссии по национальным паркам мало что значило для правительства. Они не могли препятствовать промышленному развитию и добыче полезных ископаемых на территории парков. Границы парков в любом случае были проведены таким образом, чтобы исключить города и существующие промышленные объекты. Например, границы Пик-Дистрикт аккуратно огибали Бакстон и карьеры вокруг города⁹⁰. Они также оказались неспособны противостоять строительству дорог⁹¹. Но вместо того, чтобы запретить автомобили, к чему стремилось старшее поколение любителей пеших прогулок, парки пытались контролировать передвижение автомобилей с помощью парковок и даже автобусов. Там, где в движении за сохранение дикой природы прослеживалась тенденция к изоляции, национальные парки оправдывали своё существование, привлекая посетителей, а затем пытались просвещать их с помощью центров для посетителей, плакатов, экспозиций и печатных буклетов.

Нам нужно чётко понимать, что национальные парки с момента их появления обычно не владели землёй, они контролировали землю в процессе планирования. Тогда это не всегда понимали правильно. В 1930-х годах предполагалось, что правительство выкупит всю землю на территории национального парка. В некотором отношении образцом для подражания здесь был Национальный фонд, который приобрёл значительные участки в Озерном крае, а также в Доудейле в Дербишире. По мнению осведомлённых людей, земельные владения фонда должны были стать основой для развития национальных парков в будущем. Мысль о том, что земля будет приобретаться в принудительном порядке, не казалась странной в то время, когда

---

⁸⁹ Cherry, *Environmental Planning*, II, pp. 109–113; Blunden and Curry, *A people's charter*, ch. 5; MacEwen and MacEwen, *National Parks*, pp. 21–2.

⁹⁰ MacEwen and MacEwen, *National Parks*, pp. 14, 22.

⁹¹ For example, the Dartmoor National Park Authority was powerless to stop the A30 Oakhampton bypass (approved in 1986 and opened in 1988) running through the park rather than circumventing its boundaries. For a useful account, see Dartmoor National Park Authority, 'Dartmoor Factsheet: the Okehampton bypass – a case study in planning', https://www.dartmoor.gov.uk/__data/assets/pdf_file/0010/814483/lab-okebypass.pdf (accessed 30 June 2019).

водохозяйственные организации активно приобретали землю в пределах водосборных бассейнов своих водохранилищ, когда Лесная комиссия строила обширное поместье для посадки деревьев, а уважаемые люди могли выступать за полную национализацию сельскохозяйственных земель, чтобы можно было организовать рациональное плановое сельское хозяйство. Национализация земли оставалась политикой Лейбористской партии до конца войны⁹². Возможно, от неё отказались, потому что суммы, необходимые для компенсации, были огромными (и не могли быть выплачены в послевоенных условиях). Возможно, также считалось, что в этом нет необходимости, потому что землевладельцы и фермеры проявили гибкость в условиях военного времени. Дауэр указал путь, когда в своём докладе заявил, что приобретение всех земель в пределах национального парка не является «необходимым». Действительно, он считал, что затраты на приобретение земель настолько высоки, что они ограничат количество и размеры национальных парков. Он, безусловно, видел роль национальных парков в приобретении земель, чтобы передать их в общественное пользование, будь то территории, доступ к которым по добровольному согласию оказался невозможен, или места, представляющие археологический интерес, которые в противном случае могли бы пострадать, или просто живописные места, требующие управления. Дауэр признавал, что есть веские основания для приобретения холмистых ферм государством, но он не рекомендовал повсеместное приобретение земель⁹³.

В этом контексте полезно рассматривать закон 1949 года как ещё одно измерение того, что стало называться «сельским хозяйством, управляемым государством»⁹⁴. Третья часть закона, касающаяся обеспечения доступа к открытым землям, устанавливала процедуру, которая могла вынудить землевладельцев предоставить доступ к возвышенностям, если они не заключали добровольное соглашение. Могла быть предложена компенсация. Это было устройство, позволявшее получить доступ к таким местам, как Дарк-Пик в Дербишире, где в 1930-х годах земли были закрыты для пешеходов по инициативе частных и муниципальных владельцев, первые из которых заботились о своих куропатках, а вторые — о сохранении чистой воды. Эти меры отражали форму гибридности, характерную для послевоенного лейбористского правительства. Собственность на землю не будет конфискована, но владельцы получают правительственные золотые монеты, а если этого будет недостаточно, чтобы заставить их подчиниться, то в конечном счёте они будут вынуждены проводить политику правительства.

Как мы уже отмечали, в то время это не было до конца осознано. Само слово «национальный» порождало недоумение. Иногда люди вели себя так, как будто вся собственность была передана в какую-то коммунистическую форму владения с созданием парков, и, по сути, больше не было такого понятия, как

---

⁹² M. Tichelar, 'The Labour Party, agricultural policy and the retreat from rural land nationalisation during the Second World War', *AgHR* 51 (2003), pp. 209–25.

⁹³ Dower, *National Parks*, pp. 45–6.

⁹⁴ Brian Short, Charles Watkins and John Martin (eds), *The front line of freedom* (2006); Brian Short, *The battle of the fields. Rural community and authority in Britain during the Second World War* (2014).

незаконное проникновение. Письмо из Озёрного края в конце 1938 года «Защитное общество» — по-видимому, лоббистская группа, представляющая интересы арендодателей и арендаторов, — рассказало, возможно, апокрифическую историю, но сделало серьёзное замечание:

FIGURE 1. 'This land is yours'. Cutting from *News Chronicle*, 8 Dec. 1953

«Было высказано мнение, что недоразумение возникло из-за неудачного названия, под которым проект стал известен. Один из участников рассказал о группе туристов, которые вторглись на его территорию. Когда им мягко сообщили, что они находятся на частной территории, они ответили: «Ах, подождите, пока у нас здесь не появится национальный парк». Слово «парк» вызывает в воображении идеи и предполагает права и привилегии для общественности, которые, безусловно, не отстаивают самые ярые сторонники этого предложения. Трудно подобрать подходящее название, но «Национальный заповедник» может быть лучше, чем «Национальный парк» .

Подобное отношение и некоторая дикая риторика в прессе оттолкнули не только землевладельцев, но и жителей национальных парков. В качестве примера можно привести тот факт, что в декабре 1953 года был опубликован приказ о выделении Йоркширских долин, и одна из газет опубликовала карту проектируемого парка под заголовком «Эта земля принадлежит вам» с вступительным абзацем: «Вся эта земля, суровая и дикая, пасторальная и прекрасная, должна принадлежать нации. Национальный парк Йоркшир-Дейлс будет называться так и будет занимать площадь 680 квадратных миль» (рис. 1). Это была проблема, о которой Комиссия по национальным паркам

была прекрасно осведомлена. Полин Дауэр, вдова Джона Дауэра, которая была одним из основателей комиссии, сообщила об этом:

«Господствует почти всеобщее невежество в отношении последствий присвоения [земле статуса национального парка]. Многие люди, например, думают, что автоматически откроется доступ ко всем частным землям»⁹⁵.

Роланд Х. Уэйд, на протяжении многих лет активно сотрудничавший с газетой «Йоркшир Пост» от имени национальных парков⁹⁶, опубликовал письмо в октябре 1950 года после того, как член совета графства Уэст-Райдинг высказался за исключение земель на юге графства из национального парка Пик Дистрикт:

«Эта территория является зоной сбора воды для местных властей, и они хотят защитить её от загрязнения. Естественно, если она станет частью национального парка, по ней будут ходить люди, и возникнет опасность загрязнения».

Уэйд ответил:

«Эта мысль, по-видимому, основана на неверном представлении о назначении национального парка. Когда создаётся национальный парк, земля внутри него не становится общественной собственностью... В Законе о национальных парках и сельской местности 1949 года ничего не говорится о том, что общественность может иметь неограниченный доступ ко всем землям в национальных парках»⁹⁷.

Два года спустя Уэйд опубликовал в газете Лидса статью под названием «Недоразумения, связанные с национальными парками», которая начиналась с анекдота о том, что «одна предприимчивая фирма по продаже газонокосилок недавно обратилась в Комиссию по национальным паркам с просьбой заключить контракт на стрижку травы в их парках». Далее он писал:

«Идея национального парка, вероятно, пострадала больше из-за своего названия, чем по какой-либо другой причине. Существует путаница с национальными парками в Соединённых Штатах и Африке, которые представляют собой природные заповедники, где охраняются дикие животные. Слово «национальный» предполагает национализацию земли. Слово «парк» предполагает наличие ограждений, турникетов и мусора. Национальный парк не означает ничего из этого. ... нет никаких изменений в собственности, никаких ограждений вокруг, доступ к ним будет не больше, чем раньше»⁹⁸.

Лорд Болтон рассказал анекдот репортёру из «Йоркшир Пост». Он обнаружил двух незнакомцев в холле Болтон-Холла в Уэнслидейле, которые любовались картинами:

«Они были респектабельной парой... Они были очень вежливы, но я указал им, надеюсь, столь же вежливо, что Болтон-Холл — это частный дом.

⁹⁵ COU 2/1, Minutes of the National Park Commission, 13th Meeting, 13 Mar. 1951, Minute 149 (1).

⁹⁶ The first letter of Wade's in the Yorkshire Post on a conservation topic is of 11 Apr. 1936. He was active in both CPRE and the Friends of the Lake District. John Cousins, Friends of the Lake District: the early years (2009), pp. 101–2.

⁹⁷ YP, 16, 25 Oct. 1950.

⁹⁸ 'Misunderstandings about the national parks', YP, 1 Nov. 1952. On this occasion Wade was writing as Chairman of the Leeds and Lower Dales branch of the CPRE. (This had been established in 1948: YP, 6 Oct. 1948).

Они сказали, что думали, что он находится на территории национального парка. Они были возмущены тем, что я попросил их уйти».

Это вызвало ещё одно письмо от Уэйда. «Корень недоразумения, связанного с национальными парками, по-видимому, кроется в слове «парк», которое создаёт впечатление, что территория национального парка открыта для посещения. Это, конечно, заблуждение»⁹⁹.

Несмотря на то, что создание национального парка не привело к национализации земель, интересно задаться вопросом, было ли у землевладельцев право выбора. И ответ таков: у них его не было. Важно рассмотреть процессы, которые необходимо было пройти для получить статуса парка. Районы потенциальных парков были определены сначала Аддисоном, затем более подробно Дауэром, а затем Хобхаусом, который предоставил карты двенадцати предложенных им парков. Закон 1949 года предусматривал двухэтапный процесс создания национального парка. Сначала Комиссия по национальным паркам, проведя консультации на местах, выдвигала предложения, которые публиковались и содержали право на апелляцию. Возражения направлялись в Министерство местного самоуправления и жилищного строительства, и министр должен был созвать общественное слушание, чтобы рассмотреть предложение Комиссии по национальным паркам и выслушать возражения. Затем он получал отчёт от инспектора, проводившего расследование, и на основании этого издавал приказ о подтверждении.

Теперь можно утверждать, что этот процесс был в действительности недемократичным. Выбор территорий для национальных парков осуществлялся правительственным комитетом — конечно, можно было бы возразить, что они выбирали сами, — и в комитетах имело место своего рода закулисное торгашество¹⁰⁰. Комиссия приложила немало усилий, чтобы осмотреть районы, прежде чем объявить о своих предложениях по их включению в список, и учла полученные предложения. В случае с Йоркширскими долинами она скорректировала границы, изначально предложенные для исключения городов Сеттл и Ричмонд, а также некоторых небольших сельскохозяйственных угодий. Но по сути решение о том, что в Йоркшире будет Национальный парк Дейлс был создан за несколько лет до того, как кого-либо из местных жителей спросили об их мнении об этом, и когда началось общественное обсуждение, речь шла не столько о целесообразности создания парка, сколько о его точных границах. Поэтому мы можем предположить, что народное сопротивление было выражено в меньшей степени, чем можно было бы ожидать потому, что оно было бесполезным. Иногда местная оппозиция оказывала влияние: Квонкстоки не вошли в состав национального парка Эксмур из-за противодействия местных жителей, но можно утверждать, что сама идея национального парка в Сомерсете была

---

⁹⁹ YP, 8 Apr., 10 Apr. 1954.

¹⁰⁰ See here Cherry, *Environmental Planning*, II, pp. 52–5 for the volatility of the Hobhouse committee's dozen recommended parks.

непопулярна, и исключение Квонкстоков было целесообразным шагом для достижения более масштабной цели¹⁰¹.

II

Как живописный район Йоркширские долины уступали в общественном сознании Озерному краю и Национальному парку Пик-Дистрикт в Дербишире. Тем не менее, создание Комитета Аддисона в сентябре 1929 года спровоцировало дискуссию о том, должны ли долины стать национальным парком (хотя, судя по всему, речь шла о довольно узкой зоне вокруг Малхэма, а не о более обширном участке земли, выделенном в 1952 году).

В январе 1930 года лондонский корреспондент «Йоркшир Пост» опубликовал статью под названием «Национальные парки на севере». Очевидно, он беседовал с представителем Общества охраны общинных земель и пешеходных маршрутов, который предположил, что общинные земли Йоркшира и Камберленда особенно подходят для статуса национального парка. Анонимный представитель власти заявил, что территория Пеннинских гор от Нортумберленда до Дербишира могла бы стать подходящим национальным парком: другим вариантом могло бы стать побережье Йоркшира от Уитби до Скарборо. Озёрный край, по мнению анонимного представителя власти, вызывал меньше опасений. Территория Йоркширских пустошей могла бы стать хорошим местом для отдыха и сохранения дикой природы. Эта статья вызвала реакцию в виде письма от Дж. К. Эппларда из Торвера, что недалеко от Конистона, в котором он настаивал на том, что Озёрный край должен стать национальным парком, добавив, что он вовсе не безопасен, а почти каждую неделю подвергается воздействию новых «отвратительных зданий», «и одной из его прекрасных долин уже сейчас угрожает длинная вереница неприглядных электростолбов». В конце он сказал, что, по его мнению, двумя главными кандидатами на статус национального парка на севере Англии являются Озёрный край и морское побережье. За этим небольшим спором последовала статья популярной йоркширской писательницы Филлис Бентли, в которой она высказалась в пользу национальных парков и, взвесив все возможности, отдала предпочтение «Пеннинской гряде» между Ланкаширом и Йоркширом. Таким образом, не было единого мнения о наиболее подходящих местах для создания национальных парков¹⁰².

В Йоркширских долинах в этот период наблюдался некоторый рост интереса к обсуждаемому вопросу. 15 февраля 1930 года в газете «Йоркшир Пост» было опубликовано объявление о собрании градостроителей в Манчестере, на котором планировалось рассмотреть вопрос о присвоении лесу Боуленд статуса национального парка (эта цель до сих пор не достигнута). До начала собрания региональный комитет по планированию города Кейли

---

¹⁰¹ Ibid., p. 113.

¹⁰² YP, 7, 10 and 14 Jan. 1930.

принял резолюцию, в которой рекомендовал присвоить Малхэм-Коув статус парка. В 1929–1930 годах возникли опасения по поводу строительства зданий рядом с бухтой. Это привлекло внимание некоторых газет, и один обозреватель спросил, нельзя ли передать Малхэм под контроль такого органа, как Национальный фонд¹⁰³. На конференции 10 марта Объединённый комитет по планированию Манчестера и окрестностей согласился рекомендовать комитету Аддисона присвоить статус национального парка лесу Боуленд, территории вокруг Малхэма (включая Коув и Малхэм-Тарн) и Доудейлу в Пике, а также отдельным территориям, приобретённым на основании парламентского акта¹⁰⁴. Двое свидетелей, выступавших перед комитетом Аддисона, также предложили территории в долинах, подходящие для создания национальных парков. Профессор Патрик Аберкромби предложил территорию Трёх пиков или Суэйлдейла. Географ доктор Воган Корниш утверждал, что парки следует выбирать как представителей ландшафтных типов, и рекомендовал обширную территорию между Инглтоном и Килнси с запада на восток и от Сеттла до Хортон в Рибблсдейле, но включая вершины Инглборо и Пен-и-Гент¹⁰⁵. Комитет Аддисона воздержался от рекомендаций о том, какие территории должны получить статус национальных парков, просто представив резюме полученных предложений.

Идея создания парка Боуленд-Малхэм получила некоторую поддержку на местном уровне. Местные инициативы объединились на собрании, созванном Федерацией любителей пеших прогулок Западного Райдинга в феврале 1933 года, на котором была создана рабочая группа для оказания давления на правительство с целью создания национального парка в Малхэмдейле и Боулендском лесу¹⁰⁶. Но год спустя на ежегодной конференции «комитета национального заповедника Боуленд-Малхамдейл» было заявлено, что «в течение некоторого времени от государства не будет получено никакой помощи в отношении создания национальных парков»¹⁰⁷.

Правительство ясно дало понять, что не может оказывать финансовую поддержку подобным проектам и не может предпринимать никаких действий, кроме тех, которые разрешены Законом о городском и сельском планировании 1932 года¹⁰⁸.

Контроль за планированием мог стать шагом вперёд. Сельские окружные советы, охватывающие южную часть Дейлс (Седберг, Сеттл и Скиптон), объявили о своём намерении разработать совместную схему планирования в 1937 году. К началу войны защита от застройки была распространена практически на всю территорию, которая позже вошла в состав национального парка, но совершенно иным образом. Согласно закону,

---

¹⁰³ I hope to write about this episode on another occasion: 'Some consequences of a bungalow at Malham Cove'. See the Yorkshire Post, 3 Oct. 1929, 'A nature lovers diary. National Parks'.

¹⁰⁴ See the summary of their proposals in the Addison Report, pp. 80–4: a copy of their printed advocacy document is in TNA, HLG 52/720.

¹⁰⁵ Addison Report, p. 106.

¹⁰⁶ 'National park plan campaign'; editorial, 'Bowland and Malham', 4 Feb. 1933.

¹⁰⁷ Leeds Mercury, 17 Sept. 1934.

¹⁰⁸ YP, 26 Feb. 1934.

планирование было обязанностью сельских и городских окружных советов. Секретарь Совета графства Норт-Райдинг Х. Л. Торнли (впоследствии сэра Хьюберта) перехватил инициативу, заказав у Аберкромби отчёт по всему графству, а затем убедив власти второго уровня передать полномочия по планированию Совету графства, на что согласились все, кроме двух. Затем Торнли в 1934 году назначил ответственного за планирование С. Ли Винсента. В результате был создан организованный и централизованный режим планирования, осуществляемый Советом графства. Однако в Западном Райдинге Совет графства был гораздо менее активен и предоставил различным городским и районным советам возможность самостоятельно разрабатывать планы¹⁰⁹. Эта разница в подходах имела важные последствия после того, как в 1947 году Закон о городском и сельском планировании передал функции планирования советам графств.

В целом ландшафт Долин не подвергался сильному воздействию: не было запланировано ни одной магистральной дороги¹¹⁰. Имелась проблема с неуместными постройками, придорожными гаражами и рекламными щитами, но ничего необычного. Накануне Второй мировой войны Комиссия по лесному хозяйству присматривалась к землям, которые можно было бы купить, но лесовосстановление началось только после войны¹¹¹. Известняковые возвышенности в верховьях Долин, как правило, были открыты для прогулок. Болота, доступ к которым был ограничен из-за требований владельцев охотничьих угодий или водохозяйственных компаний, находились на мельничном гравии ниже по течению Дейла. Проблема, которая возникла позже, была связана с добычей камня, но, судя по всему, в 1930-х годах это не вызывало особого беспокойства. С другой стороны, в Дейле не было ни группы давления, ни общества по защите окружающей среды, которые могли бы отстаивать свои интересы. Предложение о создании общества для жителей Йоркширских долин, как местных, так и приезжих, в 1936 году, по-видимому, ни к чему не привело: одной из его целей было сохранение долин¹¹². Газета «Дейлсмен», первоначально называвшаяся «Йоркшир Дейлсмен», была основана в апреле 1939 года: её читателями (тогда, как и сейчас) вполне могли быть жители долин, живущие за их пределами, а также сами жители долин. CPRE, по-видимому, пришла в долины с опозданием¹¹³. Поскольку конфликтов с землевладельцами и их егерями практически не было, группы бродяг были гораздо менее влиятельными, чем в Манчестере и Шеффилде.

---

¹⁰⁹ Hoyle, 'Some consequences of a bungalow at Malham Cove'; Sheail, 'Introduction of statutory planning'.

¹¹⁰ See here the wartime assessments of John Dower, especially his 'Reconstruction in the Yorkshire Dales, IV, Building', *Yorkshire Dalesman* 4 (6) (1942), p. 104 and W. S. Cameron, 'A suggested West Riding regional park', *Yorkshire Dalesman* 5 (12), (1945), pp. 224–7.

¹¹¹ *Manchester Guardian*, 30 Nov. 1937; 24 Jan. 1938.

¹¹² YP, 6 Mar. 1936.

¹¹³ The establishment of a Craven branch was announced in 1948: the *Yorkshire Dalesman* 9 (12), (Mar. 1948), pp. 423–4; also 10 (3) (June 1948), p. 88.

III

В то время, как в 1930-х годах правительство мало интересовалось национальными парками, они заняли важное место в планах послевоенного восстановления. В докладе Скотта говорилось, что создание национальных парков давно назрело. Идея национального парка перестала быть прерогативой лоббистских групп и стала заботой правительства.

Не было никакого сомнения, что Йоркширские долины не заметят как потенциальный национальный парк. Джон Дауэр (1900–1947) был одним из главных сторонников создания национальных парков¹¹⁴. Дауэр родился в Илкее. Он получил образование архитектора и спроектировал молодёжный hostel в Малхэме, который открылся в июле 1938 года¹¹⁵. Позже он жил в Киркби-Малхэме. В 1938 году Дауэр написал брошюру «Постоянный комитет по национальным паркам», «Аргументы в пользу национальных парков в Великобритании», а затем выступил перед рядом сочувствующих обществ: перед Национальным советом по жилищному строительству и городскому планированию в Харрогите в Ноябре 1938 года и на ежегодной встрече друзей Озерного края в мае 1939 года (где он выразил оптимизм по поводу того, что за последние несколько месяцев отношение изменилось и что общественная поддержка политики создания национальных парков растёт)¹¹⁶. В 1942 году, после того как его уволили из армии по инвалидности (он заболел туберкулезом, который впоследствии привел его к смерти), он поступил на государственную службу. Затем Дауэру было поручено курировать сельскую политику в Министерстве труда и Планирование и Министерстве городского и загородного планирования. Министерство поручило ему изучить возможные места для размещения национальных парков, работа, которая в конечном итоге привела к публикации одноименного отчета в мае 1945 года.

В период с июня по ноябрь 1942 года Дауэр опубликовал серию из шести статей в журнале «Yorkshire Dalesman» о послевоенной «Реконструкции в Йоркширских долинах»¹¹⁷. В третьей из них («На открытом воздухе») Дауэр утверждал, что отдых на открытом воздухе уступает только сельскому хозяйству по использованию ландшафта долин. Долины были «прекрасной страной, которую нужно содержать в прекрасном состоянии». Он не недооценивал проблемы сохранения этой красоты и сдерживания неприглядного и нежелательного развития и пообещал рассмотреть их в следующей статье. Здесь он обратил своё внимание на бродячих собак. Он не считал, что наличие бродячих собак создает проблему для фермеров. Он признавал, что некоторые бродячие собаки были «неосторожными, невежественными или грубыми», но считал, что фермеры получали от них

---

¹¹⁴ For Dower, see ODNB; also John Sheail, 'John Dower, national parks and town and country planning in Britain', *Planning Perspectives* 10 (1995), pp. 1–16.

¹¹⁵ YP, 18 July 1938.

¹¹⁶ YP, 23 Nov. 1938, 22 May 1939.

¹¹⁷ John Dower, 'Reconstruction in the Yorkshire Dales', *Yorkshire Dalesman* 4 (1942), (3), pp. 44–8; (4), pp. 64–7; (5), pp. 84–6; (6), pp. 103–4; (7), pp. 124–7 and (8), 144–6.

гораздо больше. Он предвидел проблемы из-за желания любителей пеших прогулок иметь доступ к вересковым пустошам. Закон о доступе к горам 1939 года был несовершенно, и он ожидал его отмены до того, как его условия вступят в силу. Скорее всего, он ожидал конфликта с владельцами вересковых пустошей и водохозяйственными организациями, которые беспокоились о своей охоте, а также о чистоте воды. Он выступал за доступ к вересковым пустошам, за исключением дней охоты. Водопроводные компании должны были хлорировать подаваемую ими воду. Он добивался улучшения указателей на пешеходных дорожках, предоставления большего количества мест для ночлега, «чтобы справиться с послевоенным наплывом посетителей». Необходимо было усилить защиту флоры и фауны, в том числе «природных заповедников», доступ в которые был ограничен.

Сохранение ландшафта (и сельского хозяйства, от которого он зависит), свобода и возможность отдыха на свежем воздухе, защита дикой природы на лучших британских территориях с красивой дикой природой — вот цели «национальных парков», которых так хотят люди и которые правительство, похоже, наконец-то благосклонно рассматривает как элемент послевоенного восстановления.

Дауэр считал, что Озёрный край имеет неоспоримое право на то, чтобы стать национальным парком, но что по крайней мере некоторые долины — Уорфдейл над Болтонским аббатством, Малхэм, Верхний Рибблсдейл и Три-Пикс — должны занимать высокие места в любом списке потенциальных территорий для национальных парков. В этом случае он не упомянул Суэйлдейл и Уэнслидейл.

В его последней статье обсуждались «способы и средства», с помощью которых можно было бы реализовать его видение, и поэтому она была в основном посвящена планированию, но здесь он едва упомянул национальные парки как средство, с помощью которого можно было бы осуществлять контроль. Наиболее полное обсуждение будущего национального парка Дейлс произошло благодаря другому автору, У. С. Кэмерону, который в то время был Городским инженером из Лидса¹¹⁸. Кэмерон утверждал, что «более дикие районы» лучше всего подходят для национальных парков, и здесь он упомянул Озёрный край, Сноудонию и Грампианс. Он также видел необходимость в парках, расположенных ближе к промышленным агломерациям, куда городское население могло бы приезжать на выходные, и это привело его к идее создания системы «меньших национальных или региональных парков». Возможно, в будущем они получат статус национального парка. Кэмерон особенно хотел, чтобы были проложены и обозначены пешеходные тропы, а также чтобы были созданы условия для людей, которые хотят жить в загородных коттеджах или на пенсии в сельской местности. По этой причине он призывал к контролируемому развитию деревень. По его мнению, будет

---

¹¹⁸ Cameron, 'Suggested West Riding Regional Park'. He also gave a lecture on a similar theme, YP, 1 Dec. 1943. For Cameron see the account of his career in YP, 8 July 1942 when he was elected President of the Town Planning Institute. He retired in 1947 after 44 years of service: YP, 30 Apr. 1952.

разрешено тщательное планирование кемпингов и туристических баз: ленточная застройка будет запрещена. Строительство бунгало и хижин будет контролироваться. Кэмерон, что неудивительно, учитывая его профессиональные интересы, видел решение в тщательном зонировании и планировании сельской местности. Территория, которую он задумал для своего регионального парка, по сути, представляла собой северную часть Западного Райдинга от Скиптона до Дента, но он также включил в неё южную часть Уэнсдейла в Северном Райдинге. На карте, прилагавшейся к его статье, не были отмечены все крупные города (Скиптон, Сеттл, Инглтон, Седберг, Хоуз и Аскригг), но она охватывала гораздо большую территорию, чем предполагал Дауэр.

Вклад Дауэра и Кэмерона показал, что в годы войны вопрос о национальных парках быстро развивался как с точки зрения институциональной формы, которую должен был принять национальный парк, так и с точки зрения территорий, которые они могли охватывать. Изначально предполагалось, что национальных парков может быть всего два или три. В других местах могли быть защищены небольшие участки чрезвычайно важных ландшафтов, но со временем количество проектируемых национальных парков росло, и они охватывали гораздо большие территории. Таким образом, в случае с Йоркширскими долинами в отчёте Дауэра упоминаются Пеннинские горы (верхняя часть Уорфдейла, верхняя Эйрдэйл (включая Малхэм) и верхнюю часть Рибблсдейла в первом списке национальных парков, а затем «Пеннинские горы Суэйлдейла» (с частями Уэнслидейла и Хаугилл-Феллс) во втором списке «возможных будущих национальных парков»¹¹⁹. Дауэр был членом комитета Хобхауса, который определил национальный парк Йоркшир-Дейлс, состоящий из Пеннинских гор Крейвен-Дауэр и Суэйлдейлские Пеннины и, наконец, Дентдейл и Хаугиллс были добавлены к Йоркширскому национальному парку Долин, который был создан в 1954 году¹²⁰. По мере развития национальный парк включал в свои границы гораздо большие площади сельскохозяйственных угодий, что вызывало разногласия. Он также пересекал границу графства, поэтому у парка было два хозяина. Однако в целом важно понимать, что идея создания Йоркширских долин как Национального парка обсуждалась в течение двадцати лет до принятия закона 1949 года. Эта идея, несомненно, была знакома многим: она возникла не благодаря Дауэру, Хобхаусу или принятию закона 1949 года.

IV

Все, должно быть, понимали, куда дует ветер, после публикации доклада Хобхауса. Йоркширские долины должны были стать национальным парком. Конечно, что это означало на практике, стало понятно лишь спустя несколько

---

¹¹⁹ See Glover, “In good hands”, Map 2. This map shows all of Dower’s candidate areas but only appeared in an earlier draft of the report and not in the published version.

¹²⁰ Cherry, *Environmental Planning*, II, pp. 42–3, 53.

лет. Но на этом этапе не было никаких свидетельств сопротивления или недовольства местных жителей. Возможно, люди были настроены оптимистично или думали, что этого не случится. В ноябре 1949 года Том Стефенсон, почётный секретарь Ассоциации любителей пеших прогулок, сказал собравшимся любителям пеших прогулок в Брэдфорде и на собрании Ассоциации молодёжных хостелов в Галифаксе в том же месяце, что создание национального парка Дейлс не является неизбежным и что его нужно лоббировать. Год спустя сообщалось, что молодёжные организации «безразличны» к созданию национального парка¹²¹. Это было в октябре 1952 года, до того, как границы предполагаемого парка были отправлены на рассмотрение соответствующим местным властям. Совет сельского округа Седберг выступил против этой идеи (он не был включён в границы парка, как планировал Хобхаус)¹²². Советник Паркинсон сказал: «Это будет похоже на жизнь в заповеднике, где гораздо больше людей будет указывать нам, что делать»¹²³. Другой член совета также выразил опасение по поводу новых правил:

«Мы видели, что произошло в Озёрном крае, и не хотим, чтобы это случилось здесь. Крыши фермерских построек пришлось бы красить в какой-то определенный цвет, и появились бы всевозможные правила».

Несколько членов совета хотели, чтобы территория сельского совета не включалась в состав парка: «Было решено, что нельзя упускать возможность возразить против включения этой территории, если округ не получит от этого никакой пользы». Член парламента от консерваторов в Скиптоне Дж. Б. Дрейсон посетил Дент и сказал, что «хотел бы поздравить членов сельского совета с их решимостью противостоять дальнейшему вмешательству чиновников». Дрейсон говорил: «Действуйте как «социалисты, национализирующие сельскую местность»: «Йоркширские долины такие, какие они есть, потому что они всегда были нетронутыми»¹²⁴. Однако, судя по всему, Дрейсон больше не высказывался публично о национальном парке, по крайней мере, насколько нам известно. В отчёте о его ежегодном визите в свой избирательный округ летом 1953 года нет упоминаний о том, что национальный парк был предметом его недовольства¹²⁵. В то время как Седбергу не удалось покинуть парк, Сеттлу и Ричмонду это удалось, и границы парка были пересмотрены, чтобы исключить их¹²⁶. Но национальный парк, по видимому, не удовлетворил ни один местный спрос и не вызвал местного

---

¹²¹ YP, 2 Nov., 28 Nov. 1949; 11 Dec. 1950.

¹²² For the following, YP, 31 Oct. 1952.

¹²³ In 1949 the Vicar of Staveley in Westmorland went so far as to express fears that under the National Park, Lakeland residents would be treated 'as a type of American Indian, dwelling there by kind permission of the authorities' and that 'the inhabitants should live in reservations for the curious gaze of visitors'. YP, 18 Feb., also 30 Mar. 1949. The colonial overtones are made explicit here, but the word 'reserve' was used in the 1930s as an alternative to 'park' (as in the Bowland Malhamdale National Reserve Committee) and see the example on p. 289 above.

¹²⁴ YP, 1 Nov. 1952.

¹²⁵ 'Few questions for Skipton MP', YP, 13 Aug. 1953, '550 miles tour of constituency', YP, 22 Aug. 1953.

¹²⁶ 'Settle may be excluded from National Park', YP, 8 Dec. 1952. YD1, letters from Reeth, Leyburn and Richmond RDCs saying they would not oppose designation, Dec. 1953.

интереса, и из местных советов только Ричмондский городской совет дошёл до того, что подал апелляцию против создания парка¹²⁷.

V

Оппозиция национальному парку исходила не столько от сельских районных советов, сколько от двух окружных советов, между которыми были разделены долины (карта 1)¹²⁸. Совет графства Норт-Райдинг (NRCC) под руководством своего секретаря Х. Л. Торнли имел некоторый опыт работы с национальными парками, которые уже были вынуждены приспособлять вересковые пустоши Северного Йоркшира Национальный парк, который был объявлен таковым в феврале 1952 года и подтвержден (после проведения расследования) в ноябре следующего года. Торнли, по-видимому, стремился не отдать еще одну часть своего округа национальному парку и добивался отсрочки подтверждения или, если это было невозможно, нейтрализации администрации парка. Бернард Кеньон, клерк в Совет округа Уэст-Райдинг (WRCC), похоже, более благосклонно отнесся к идее национального парка, возможно, потому что в его администрации было больше членов лейбористской партии, которые симпатизировали ему. WRCC были младшими партнерами в объединенном правлении Пик Дистрикт Национальный парк.

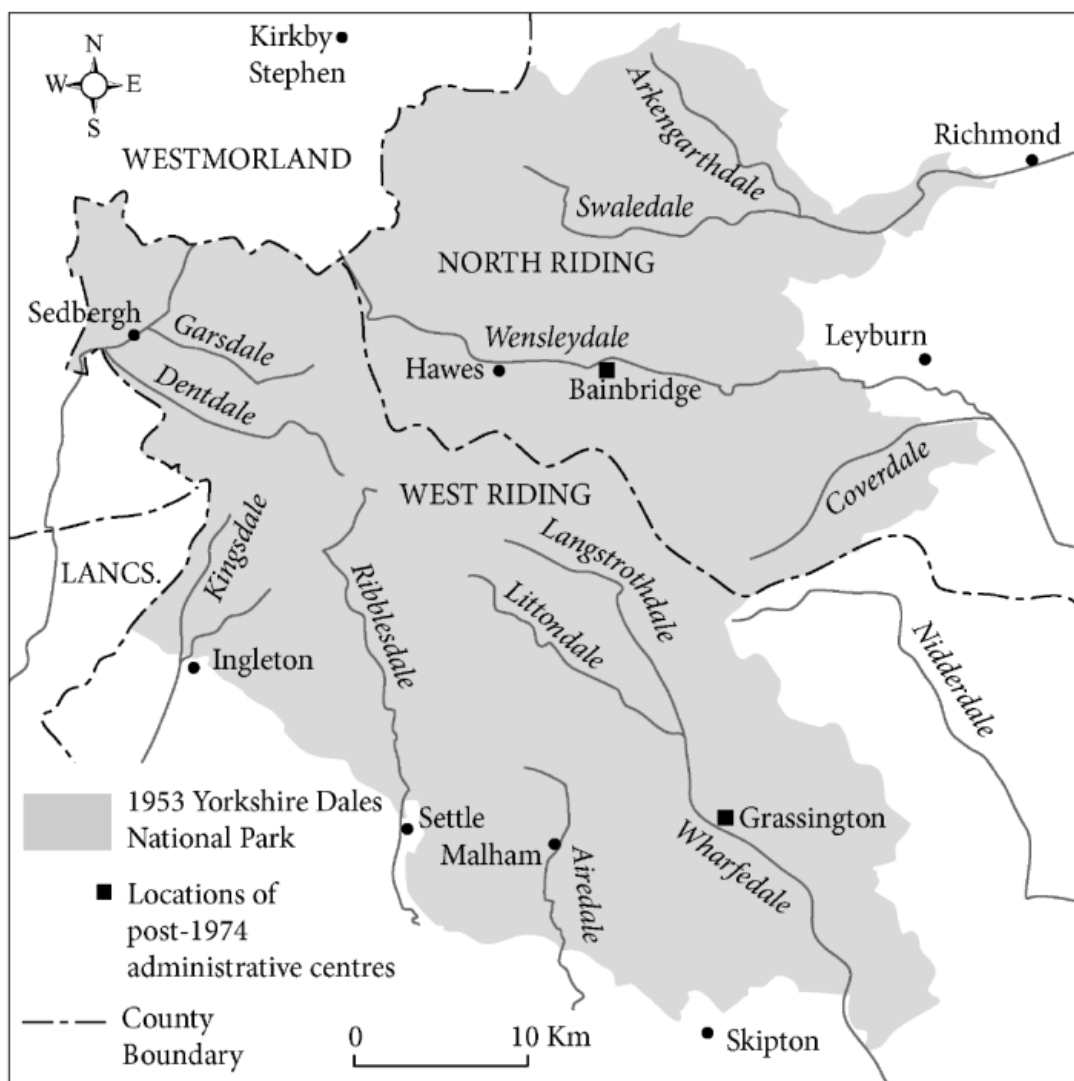
3 июня 1952 года Гарольд Абрахамс, секретарь комиссии, написал секретарям двух окружных советов, предупредив их о том, что комиссия собирается рассмотреть вопрос о присвоении Долинам статуса национального парка и отправить группу членов комиссии и сотрудников для осмотра местности в июле. Он проинформировал, что никакого решения принято не было, и если будет решено приступить к назначению, то будет возможность для консультаций¹²⁹.

---

¹²⁷ COU 1/845 (1C), 'Summary of comments received from local authorities.

¹²⁸ This section is largely based on the NPC's files now in the National Archives and two files of papers from the archive of the North Riding County Council, NYRO, NRCC/P/YD1 and 2 (hereafter YD1, YD2). A third file is labelled 'Mr Thornley's National Park papers. Kenyon shared his correspondence with Thornley and so taken together these files contain most of the correspondence between the two councils and the NPC. It should be noted that the title of Clerk applied to what we would now call the chief executive of the county council.

¹²⁹ Copy in YD1 with commissioners' itinerary.

MAP 1. Yorkshire Dales National Park. Drawing: Catherine Glover.

Позиция Уэст-Райдинга на этом этапе и практические проблемы, которые он предвидел, были изложены на частной встрече Абрахамса и Кеньона в июле. Кеньон предупредил, что создание объединённого совета встретит значительное сопротивление. Абрахамс возразил, сказав, что комиссия будет настаивать на том, чтобы закон был реализован так, как его задумал парламент, и не согласится на создание объединённого консультативного комитета. Кеньон изложил свои возражения против создания совета по нескольким причинам, в первую очередь из-за географического положения. Границы графств совпадали с естественными географическими особенностями. Во-вторых, организация графств сильно различалась: в Западном Райдинге всё было децентрализовано, а в Северном Райдинге — централизовано¹³⁰. Объединённый совет объединил бы очень разные структуры, и, если бы он был создан и доказал свою эффективность, то NRCC столкнулся бы с аргументами в пользу того, чтобы децентрализация

¹³⁰ Kenyon did not expound on this, but it reflects the way in which the different implementations of the 1932 Town and Country Planning Act (see above p. 293) had been carried forwards as arrangements under the 1947 act.

распространилась бы на всё графство. В-третьих, он ожидал сильного сопротивления назначению одного специалиста по планированию на всю территорию. Но Кеньон явно не был против того, чтобы Уэст-Райдинг-Дейлс стал национальным парком, и он выдвинул практичное предложение о том, что комиссия должна встретиться с председателем и заместителем председателя совета графства. Он считал, что этот жест будет оценён по достоинству и полезен для обеих сторон¹³¹. Идея о встрече не была реализована сразу.

О намерении перейти к назначению судей было сообщено двум окружным советам в письме от 10 сентября. Торнли ответил, выразив удивление по поводу размеров территории, которая должна быть выделена, и попросив NPC заверить его, что не будет никаких попыток создать объединённый совет¹³². Кеньон написал Торнли, явно пытаясь согласовать совместный ответ: Торнли отнёсся к этому спокойно, предположив, что нет смысла встречаться до тех пор, пока не соберётся его комитет по планированию, но настоятельно рекомендовал им согласиться выступить против любой идеи создания объединённого совета¹³³.

18 сентября Абрахамс написал Торнли, признав, что комитетам совета необходимо собраться, прежде чем совет сможет дать ответ, но также отметив, что, поскольку Национальную комиссию по паркам критикуют в парламенте и других местах за медлительность в работе, ей придётся продолжать действовать в отношении распространяя карты границ парков. Подняв вопрос о советах по управлению, Абрахамс указал на явное намерение закона 1949 года создать объединённые советы там, где парк простирался за пределы графства¹³⁴. В тот же день, когда Кеньон писал Торнли, он считал, что его совет будет сопротивляться любому предложению о создании национального парка в Дейле. Если бы они не согласились с этой точкой зрения, то возражали бы против объединённого совета и выступали бы за создание только консультативного комитета¹³⁵.

По мере приближения даты объявления Абрахамс возобновил предложение Кеньона о встрече с председателем WRCC¹³⁶. Это было согласовано в рамках Комиссии, и было решено, что представители обеих сторон встретятся за ужином в отеле «Куинс» в Лидсе 6 октября. От NPC присутствовали сэр Патрик Дафф (председатель) и Абрахамс¹³⁷. От WRCC — председатель совета, олдермен Томлинсон, председатель комитета по планированию, олдермен сэр Бертрам Уилсон и его заместитель, член совета графства Николсон, присутствовали вместе с Кеньоном и Артуром Бейтсом, сотрудником отдела планирования графства. Дафф начал с того, что NPC решил перейти к утверждению. Как только утверждение будет опубликовано, можно будет вносить предложения по поправкам. Что касается управления, то

¹³¹ Memo for NPC chairman, COU1/908 (27).

¹³² YD1, Abrahams to Thornley 10 Sept. and reply 12 Sept.

¹³³ YD1, Kenyon to Thornley, 11 Sept. and reply 13 Sept.

¹³⁴ YD1, Abrahams to Thornley, 18 Sept. 1952.

¹³⁵ YD1, Kenyon to Thornley 18 Sept.

¹³⁶ COU 1/908 (28).

¹³⁷ See the minute of the meeting at COU1/908 (57).

парламент предусмотрел создание Объединённого совета, когда парк объединит несколько органов планирования. NPC выступал именно за это, хотя окончательное решение оставалось за министром.

Олдермен Уилсон немедленно признал пригодность долин в качестве национального парка и перешел к административным вопросам. Он повторил точку зрения, высказанную Кеньоном Абрахамсу: «Северный и Западный райдинги были очень разными по темпераменту и мировоззрению, и простая бумажная конструкция Объединенного правления не обеспечила бы единства целей, которого добивались участники Комиссии по национальным паркам». Он рассказал об опыте создания объединенного совета по сельскохозяйственному образованию. Поэтому он считал, что WRCC будет «всем сердцем» поддерживать создание отдельного комитета по планированию, и если будет создан Объединённый консультативный комитет, то они обнаружат, что окружной комитет действительно прислушивается к их мнению. Они и наймут консультанта по планированию. Поэтому Уилсон утверждал, что NPC должен согласиться на создание Объединённого консультативного комитета на пять лет: если по истечении этого срока результаты его работы окажутся неудовлетворительными, то они смогут приступить к созданию объединённого совета. Дафф, однако, выступал за создание объединённого совета. Он не понимал, как можно рассматривать парк как единое целое без него. Каждый округ будет заниматься только своей частью парка, а не нуждами парка в целом.

Из-за своей озабоченности Объединённым советом NPC, похоже, упустили из виду подтекст того, что им говорили. Западный Йоркшир приветствовал создание парка Дейлс. Если бы они договорились о создании окружного комитета, то отнеслись бы к парку серьёзно и финансировали бы его должным образом. С их стороны не было никаких ожиданий, что Северный Райдинг сделает это. И какими бы ни были практические проблемы управления парком, пересекающим крупный водораздел, Западный Райдинг не хотел, чтобы его сдерживал Северный Райдинг, который, по их мнению, сильно отличался от них по темпераменту. Ужин в отеле «Куинс» закончился мирно, но без каких-либо договорённостей. Параллельной встречи с властями Северного Райдинга не было: в NPC обсуждался вопрос о том, стоит ли её проводить, но, поскольку Северный Райдинг никогда не просил о встрече, в итоге было решено, что в ней нет необходимости. Это, по-видимому, было серьёзной ошибкой, а также проявлением невежливости¹³⁸. Таким образом, не понимая толком местную политику, NPC приступил к назначению.

VI

8 октября Абрахамс официально написал в советы, что комиссия намерена создать национальный парк, и приложил к письму описание его

---

¹³⁸ Kenyon told Thornley of the meeting (but in deliberately vague terms) and stressed that the West Riding had stated its opposition to a Joint Board. YD1, Kenyon to Thornley, 16 Oct. 1952.

границ. В прессе также было опубликовано соответствующее объявление¹³⁹. Примерно в это же время подкомитет по планированию №1 в Северном Райдинге заявил, что возражает против создания нового национального парка в графстве, и настоял на том, что если парк всё же будет создан, то Ричмонд и нижнюю часть Суэйлдейла нужно исключить. Комитет по планированию графства, собравшийся 31 октября, занял более мягкую позицию. Он принял идею создания парка, но при трёх условиях: существующие планы застройки останутся без изменений, будет создан объединённый консультативный комитет, а Ричмонд и городки в нижней части Суэйлдейла будут исключены. Это было доложено Абрахамсу 5 декабря. В Западном Райдинге, похоже, более благосклонно отнеслись к парку. Кеньон, с другой стороны, сказал Торнли: 8 декабря его подкомитет по планированию согласился с тем, что парк должен иметь объединённый консультативный комитет, и попросил внести небольшие изменения в его границы (в частности, исключить Сеттл). Об этом Абрахамсу сообщили после заседания комитета по планированию округа 22 декабря¹⁴⁰.

В ответ на это комиссия направила трёх уполномоченных для осмотра территорий, рекомендованных к исключению. По их рекомендации граница в Сеттле была перенесена таким образом, чтобы исключить город, и, судя по всему, Западный Йоркшир был удовлетворён этим и рядом других небольших изменений. Однако 19 марта NPC направил в NRCC письмо, в котором сообщил, что он согласен с исключением Ричмонда, но не поселков Лоуэр-Суэйлдейл, и после проверки он хотел бы включить в парк еще часть Ковердейла¹⁴¹. Когда 24 апреля состоялось заседание, Комитет по планированию Северного округа не смог определиться со своей позицией и передал Предложения НПЦ обратно в подкомитеты. На повторном заседании 31 июля оно не вынесло решения по поводу территории, которая должна быть объявлена заповедной, но упомянуло возражения Лейбернского районного совета по поводу включения в состав парка их водосборных площадок, которые, по их мнению, будут загрязняться гуляющими. Оно также предположило, что сейчас неподходящий момент для объявления территории заповедной и что совет графства должен сначала получить опыт управления Национальным парком Норт-Йоркшир-Мурс¹⁴².

Это было доложено Абрахамсу 6 августа¹⁴³. Он ответил 14 октября после заседания Комиссии¹⁴⁴. Время для консультаций истекло. Хотя NPC не удалось убедить Лейберна отозвать свои возражения, теперь они предложили перейти к определению статуса. Они не могли согласиться с аргументом о том, что

---

¹³⁹ YD1, Abrahams to Clerk of NRCC, 8 Oct. The map was published in the Evening Gazette 9 Oct., and mentioned in the YP on 10 October.

¹⁴⁰ YD1, Thornley to NPC, 5 Dec.; Kenyon to Thornley, 8 Dec., Kenyon to NPC, 22 Dec. Bates had canvassed the omission of Settle and other small boundary revisions on 7 Nov.; COU 1/839 (3) and subsequent correspondence.

¹⁴¹ COU 1/840 (12A), Minutes of the Commissioners' visit to the Dales 23–5 Feb. 1953. YD1, Rathbone (NPC) to S. Lee Vincent, 19 Jan., Vincent to Rathbone, 27 Jan., Abrahams to NRCC, 19 Mar. The adjustments to boundaries are described in COU 1/838 and COU 2/203, Committee A, meeting of 9 Mar. 1953.

¹⁴² YD1, Abrahams to Thornley, 19 Mar, 15 May; minutes of 24 Apr and 31 July; correspondence with the clerk of Leyburn RDC.

¹⁴³ Original letter COU 1/840 (20), circulated with commentary by Abrahams on 25 Aug. (25).

¹⁴⁴ COU 1/840 (26), copy in YD1.

определение статуса следует отложить¹⁴⁵. Затем Торнли написал Кеньону, что, поскольку Комиссия отказалась отложить назначение, он склонен ужесточить свою позицию и выступить против, особенно если Уэст-Райдинг займёт такую же позицию. Кеньон ответил, что ничего не слышал от Комиссии с тех пор, как получил подтверждение его письма от 22 декабря прошлого года. Он неофициально узнал, что предложенные советом изменения границ были приняты, и не понимал, как, участвуя в обсуждении границ, Западный Йоркшир теперь может выступить против самой идеи парка. С другой стороны, он по-прежнему был против идеи совместного правления, но ждал, что ему предложат¹⁴⁶.

На заседании комитета по планированию Северного Райдинга, состоявшемся 31 октября, была принята резолюция, в которой говорилось, что если отсрочка присвоения статуса неприемлема, то они оставляют за собой право выступить против этой схемы и, в частности, продолжают настаивать на том, что не должно быть никакого совместного правления. Это снова было доведено до сведения Абрахамса в письме, в котором говорилось, что, по мнению Совета, в создании национального парка Дейлс нет никакой необходимости. Это письмо было передано Комиссии на заседании 10 ноября, которая «с сожалением отметила его содержание». К этому времени было опубликовано уведомление о назначении границ с небольшими изменениями по сравнению с первоначальными предложениями. 13 ноября, будучи предупреждённым о готовящейся публикации постановления о назначении границ, Кеньон написал Торнли, чтобы договориться о встрече и согласовать их ответ. Неизвестно, встретились ли они¹⁴⁷.

VII

Приказ о назначении был подписан 7 декабря 1953 года. Затем инициатива перешла к Министерству жилищного строительства и местного самоуправления, в которое необходимо было направить возражения и в чьи полномочия входило проведение расследования¹⁴⁸. Кеньон направил в министерство письмо с изложением возражений своего совета против назначения. Было ясно, что он решил проблему, о которой упоминал в разговоре с Торнли, о том, что нужно смотреть в двух направлениях одновременно. Он признал, что совет Западного Райдинга принял во внимание рекомендации по корректировке границы. Комитет по планированию совета решил, что они не должны официально возражать против присвоения статуса, но Кеньона также попросили выразить своё мнение о том, что они не видят «никакой пользы для общества от создания предлагаемого парка». Они «были

---

¹⁴⁵ YD1, Abrahams to Thornley, 14 Oct. 1953.

¹⁴⁶ YD1, Thornley to Kenyon 16 Oct. and reply 22 Oct. 1953; Thornley to Kenyon 23 Oct. 1953.

¹⁴⁷ YD1, minute 31 Oct. 1953, Thornley to NPC, 2 Nov. 1953 (copy in COU 1/840 (28)), and Abrahams to Thornley, 18 Nov. 1953. Kenyon to Thornley, 13 Nov. 1953.

¹⁴⁸ The objections received are presented, with the response of the National Parks Commission, in the file prepared for their counsel at the enquiry, contained in COU 1/845.

твёрдо убеждены, что полномочий существующих местных органов планирования вполне достаточно для контроля за застройкой и сохранения удобств на территории». Комитет не был бы разочарован, если бы министр разделил их мнение о том, что парк не нужен. Их отношение также изменилось по мере накопления опыта работы в совместном совете национального парка Пик-Дистрикт. Они считали, что это слишком дорого. Создание совместного совета повлекло бы за собой неоправданные расходы. Не менее удовлетворительных результатов можно было бы добиться, продолжив работу в рамках существующего совместного консультативного комитета¹⁴⁹.

Торнли написал свой ответ Министерству 11 января 1954 года¹⁵⁰. Он привёл четыре аргумента в пользу того, что его нельзя оставлять в стороне. Во-первых, его совет не был «полностью против», но считал, что ещё слишком рано приступать к созданию национального парка. Общественности нужно было больше времени, чтобы привыкнуть к «идее и идеалам» национального парка. Более того, в границах округа уже был один национальный парк, и совет графства хотел получить опыт управления им, прежде чем браться за управление другим. Со временем опыт управления первым парком мог убедить фермеров и землевладельцев в том, что их худшие опасения были неоправданными. Во-вторых, он утверждал, что часть предлагаемого парка, находящаяся в их графстве, уже была должным образом защищена в соответствии с существующими полномочиями по планированию. В-третьих, если действительно было ощущение, что необходима более строгая охрана, то она должна была распространяться только на возвышенности, а днища долин должны были получить статус «территорий природной красоты» в соответствии с разделом 87 закона 1949 года. Действительно, Торнли утверждал, что долины не соответствуют критериям, изложенным в разделе 5 закона, в котором говорится о возможности отдыха на свежем воздухе. (В своём отчёте о расследовании NRC довольно язвительно отметил, что совет предполагал создание национального парка Йоркшир-Дейлс, «в котором не было бы Дейлса»¹⁵¹). В-четвёртых, он настаивал на том, что создание объединённого совета было бы ненужным и сложным в управлении.

Учитывая тот факт, что оба совета написали письма, в которых, если и не содержалось прямого возражения против создания национального парка, то были значительные оговорки по этому поводу. Общественное расследование, вероятно, было неизбежным. Возможно, предвидя его, Торнли в начале декабря написал председателю комитета по планированию графства, олдермену У. Р. Бёррилли-Робинсону из Лейберна, прося его узнать мнение своих коллег-землевладельцев. В середине января он получил письмо от

---

¹⁴⁹ HLG 92/134 (original letter): copy in YD1, Kenyon to Ministry of Housing and Local Government, 31 Dec. 1953.

¹⁵⁰ HLG 92/134, Thornley to Ministry of Housing and Local Government, 11 Jan. 1954, copy in YD2. A different view of the thinking of the NRCC comes from a minute of a conversation with S. Lee Vincent on 1 April. Vincent said that he personally favoured a park and believed that most of the county councillors did so too. The request of the county for a deferment until they had digested the North York Moors Park was perfectly genuine as was the request for a Joint Advisory Committee. Vincent thought that geography alone made a joint board unworkable. If there could be agreement on these points, he thought that opposition would disappear. COU 1/840 (34).

¹⁵¹ COU 1 /844, Brief for counsel, p. 2.

секретаря профсоюза NFU по графству, в котором тот спрашивал о позиции совета и предлагал рассмотреть их ответ на предложение о создании национального парка на собрании, которое должно было состояться в феврале. Торнли предупредил их, что у них осталось всего несколько дней на то, чтобы подать возражение, что они и сделали¹⁵². Он также обращался за советом к другим секретарям окружных советов по поводу их опыта работы в Комиссии по национальным паркам, поддерживая переписку с Р. Л. Рикардсом, секретарём окружного совета Сомерсета, который был против создания национального парка Эксмур (объявленного в январе и утверждённого в октябре 1954 года).

Помимо возражений двух советов графств, наиболее важное заявление было подано 750 членами Национального союза фермеров, которые представляли интересы Фримена, Сына и Карри, адвокатов из Дарлингтона. Их аргументы во многом совпадали с аргументами NRCC¹⁵³. Фримен, Сын и Карри отметили, что долины Уэнслидейл и Суэйлдейл были исключительно сельскохозяйственными угодьями. Поэтому было предложено исключить все низменности в двух долинах и пересмотреть границы национального парка, включив в него только возвышенности. Это предложение было обосновано тем, что в этом районе проводится план по искоренению туберкулёза крупного рогатого скота. Было высказано опасение, что посетители Долин будут оставлять ворота открытыми и допускать смешивание животных. Более того, утверждалось, что они могут распространять болезнь от одного хозяйства к другому. Таким образом, расширение доступа подорвало бы другие государственные инициативы и привело бы к пустой трате государственных средств. Более того, политика привлечения туристов в Долины усугубила бы проблему краж овец, поскольку стало бы сложнее выявлять и задерживать воров. В то время, когда фермеров поощряли производить больше продукции в интересах страны, ущерб, наносимый бродягами (и их собаками), был бы дополнительными расходами. В целом национальный парк никак не способствовал бы «политике правительства по обеспечению полного сельскохозяйственного производства». По этим причинам они настаивали на том, чтобы решение о создании национального парка было отложено на три года. Но они также утверждали, что создание администрации национального парка приведёт лишь к дополнительным расходам без какого-либо повышения эффективности работы органов планирования. Оценка их возражений показала, что:

«Если исключить сельскохозяйственные угодья из парка, то основные территории останутся нетронутыми, но из-под контроля любого совета или комитета по управлению парком будут выведены почти все постройки на этих

---

¹⁵² YD1, Thornley to Burrill-Robinson, 10 Dec; YD2, Secretary, North Riding and Durham branch of the NFU to Thornley, 14 Jan. 1954, with reply.

¹⁵³ Freeman, Son and Curry of Darlington were the solicitors for the NFU's North Yorkshire and South Durham branch and had appeared on their behalf at the enquiry into the North Yorkshire Moors National Park in 1952: YP 16 July 1952.

территориях, а также места для отдыха, восстановления сил или развлечений, не связанные с пешими прогулками»¹⁵⁴.

Комиссия серьёзно отнеслась к вопросу об искоренении туберкулёза крупного рогатого скота и обратилась за советом, чтобы определить, насколько это важно¹⁵⁵. Но в целом они отнеслись к возражениям довольно пренебрежительно. Председатель Комиссии сэр Патрик Дафф обратился к полковнику Джеральду Хейторнтуэйту, давнему защитнику национальных парков, члену комитета Хобхауса и комитета по национальному парку Пик-Дистрикт. В прошлом году его вызывали давать показания на слушаниях по делу о болотах Северного Йоркшира. Хотел бы он сделать это снова?

«В Долине я получил обращения от имени 750 фермеров, которые, как обычно, опасаются, что присвоение статуса приведёт к увеличению числа нарушений границ и нанесению ущерба, кражам овец и т.д. и т.п. ... Вы можете увидеть, какие аргументы помогут мне противостоять возражениям фермеров Йоркширской Долины: интересно, не могли бы вы поделиться со мной опытом, полученным в Пике. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

Хейторнтуэйт был готов признать, что в целом национальный парк Пик-Дистрикт оказал положительное влияние. Трудно было оценить, стало ли меньше вреда и неудобств для фермеров, но он считал, что, поскольку теперь «серьёзное внимание уделяется улучшению сельской местности, фермеры меньше обеспокоены этой проблемой». Он также считал, что общественный интерес к проблемам фермеров возрос, и сейчас реализуются некоторые ценные инициативы. Он заключил: «Нет никаких сомнений в том, что Национальный парк в Пике не только не усугубит проблемы фермеров и плохое поведение в сельской местности, но и положит им конец»¹⁵⁶.

Создаётся впечатление, что NPC несколько недооценили своего местного оппонента. В апреле, за несколько недель до слушаний, в газете «Yorkshire Post» был опубликован репортаж корреспондента, который напрямую обратился в совет графства и взял интервью у лорда Болтона¹⁵⁷. В течение предыдущих 20 лет газета поддерживала национальные парки, но эта статья начиналась так:

«Кто хочет, чтобы Йоркширские долины стали национальным парком? Судя по всему, общественный спрос на это невелик... Опросы, которые я провёл в этом районе, показывают, что фермерское сообщество также будет сильно возражать. Они будут приводить аргументы о негативных последствиях увеличения числа людей, которые не знают эту местность и не уважают её. Этот страх... разделяют землевладельцы в этом районе. ... Опросы показывают, что сельскохозяйственные общины в крупных плодородных долинах региона Дейлс очень обеспокоены сложившейся ситуацией».

---

¹⁵⁴ COU 1/844 (5).

¹⁵⁵ COU 1/844 (10)–(14). The Ministry of Agriculture thought that there was nothing of substance in the argument. HLG 92/134, Minute of meeting with representatives of MAF, 7 Sept. 1954.

¹⁵⁶ COU 1/845 (4), (8), (11).

¹⁵⁷ YP, 8 Apr. 1954. 'Landowners' fears of Dales park'.

Лорд Болтон был представителем этого мнения, хотя, как он признавал, его поместье находилось лишь частично на территории парка. Его возражения основывались на том, что большая часть выделенной территории не подходила для парка:

«Некоторые районы, такие как Озёрный край и Сноудония, состоящие в основном из гор, очевидно, подходят для этого. Но в этом районе есть большие участки, в основном в долинах, которые являются интенсивно обрабатываемыми сельскохозяйственными угодьями. Горожане, которые ещё не научились ценить сельскую местность, возможно, не смогут нанести большой ущерб в горах, но они могут нанести огромный ущерб на сельскохозяйственных угодьях».

Он признавал, что со временем люди могут приспособиться к особенностям сельской местности, но считал, что это рискованно, особенно в то время, когда фермеров поощряли к максимальному освоению своих земель. «Кажется несправедливым открывать земли для освоения, которые находятся в национальном парке». Поэтому, хотя Болтон признавал, что есть «настоящие любители сельской местности», некоторые из них писали ему, чтобы выступить против парка, потому что, по их мнению, он увеличит число посетителей Долин:

«Есть веские основания полагать, что в сельской местности будет больше хулиганства, больше открытых ворот, больше горящих скирд и лесов, больше собак, гоняющихся за овцами, больше браконьерства на частных землях, больше браконьерских ловушек для кроликов вокруг молодых плантаций, больше битого стекла, валяющегося повсюду».

Как и совет графства, он выступал за планирование, но считал, что существующих полномочий вполне достаточно.

В ответ на статью поступило два письма, в том числе от ветерана-автора писем Роланда Х. Уэйда, которого мы цитировали ранее. В обоих обращалось внимание на ошибочное мнение о том, что национальный парк сделает территорию более открытой для посетителей. В первом из них указывалось, что закон о незаконном проникновении на территорию остается в силе. Уэйд заметил, что опасения по поводу того, что создание парка приведёт к «вторжению на возделываемые земли толп беспокойных горожан», не оправдались в Озёрном крае и вряд ли оправдаются в Дейле¹⁵⁸.

Болтон развил свою мысль в меморандуме, отправленном в комиссию по расследованию¹⁵⁹. Он не был против национальных парков, даже Йоркширских долин. Он был лишь против включения Уэнслидейла и подобных ему земель в состав парка. Он утверждал, что это интенсивно обрабатываемые земли, и поэтому они сильно отличаются от уже созданных парков. Болота в парке можно было сделать доступными независимо от того, будет ли создан парк или нет, но:

---

¹⁵⁸ YP, 10 Apr. 1954.

¹⁵⁹ Copy with correspondence in HLG 92/134.

«Земля в долине сама по себе разделена на поля, многие из которых очень маленькие, и фермеры и мелкие землевладельцы возделывают их по максимуму. Я утверждаю, что создание парка поставит под серьёзную угрозу средства к существованию местного населения».

Он предполагал, что ворота останутся открытыми, и возникнут проблемы, если заражённый туберкулёзом скот выйдет и смешается с незаражённым. Он беспокоился о том, что собаки будут гонять овец, о мусоре и ущербе от пожаров. Он высмеивал аргументы тех, кто выступал за создание парка. Он согласился с тем, что создание парка не даёт никаких дополнительных прав на доступ, но, по его опыту, «сама перспектива того, что Дейл станет национальным парком, в последние два-три года привела к предположению, что всё, что находится на его территории, открыто для публики». Он считал, что введение правил не поможет решить проблемы, которые он предвидел, как и введение должности смотрителя. Он утверждал, что если те, кто настаивал, что создание парка не увеличит число посетителей, были правы, то зачем это делать?

VIII

Итак, 13 мая 1954 года в Норталлертоне было проведено общественное расследование¹⁶⁰. Комиссию по национальным паркам представлял адвокат Дж. Рэмси Уиллис. Советы двух графств были представлены своими соответствующими клерками. Leyburn RDC прислал своего секретаря. Другими противниками присвоения статуса были Брэдфордский рыболовный клуб, один частный землевладелец и NFU, отделение Норт-Райдинг и Саут-Дарем, в лице мистера Фримена из компании «Фримен, Сын и Карри». Лорда Болтона представлял его агент. Со стороны сторонников национальных парков выступал полковник Хейторнтуэйт от имени CPRE и Постоянного комитета национальных парков, представители Ассоциации любителей пеших прогулок, Ассоциации молодежных общежитий, Скиптонской торговой палаты и Исследовательской группы пещер.

Уиллис начал разбирательство с критики возражений, выдвинутых окружными советами. Он считал, что их возражения на самом деле касались управления территорией, а это не входило в компетенцию комиссии. Окружные советы утверждали, что Закон о планировании 1947 года был достаточным, но Уиллис утверждал, что парламент счёл его несовершенным, когда принял закон 1949 года, который обязал NPC создавать национальные парки. Предложение исключить из списка сами долины Йоркшира сводило на нет всю идею национального парка Йоркширские долины. По его словам, NPC с сочувствием отнесся к идее отложить присвоение статуса до тех пор, пока не сформируется парк Норт-Йоркшир-Мурс, но не мог с ней согласиться. Он

---

¹⁶⁰ The following is based on the minute of the enquiry in COU 1/846 (34). The inspector's report in HLG 92/134 gives a full account of the evidence presented.

также сочувствовал фермерам и их опасениям: в обязанности Комиссии входило обучать людей хорошим «сельским манерам».

Затем для дачи показаний был вызван представитель Северного Райдинга. Сотрудник отдела планирования графства С. Ли Винсент сделал три замечания. Строгий контроль за планированием в Венслидейле и Суэйлдейле был введён в 1939 и 1942 годах соответственно. Он не считал, что дно долины подпадает под действие раздела 5 закона, поскольку там не было условий для «отдыха на свежем воздухе». И, наконец, если бы был создан новый орган власти, это не привело бы к экономии средств для совета графства. Затем выступил олдермен Бэррилл-Робинсон, председатель комитета по планированию графства. Он похвалил работу, которую выполнял орган власти: «Он не мог представить себе, что новый орган власти мог бы что-то улучшить».

Затем был вызван мистер Кеньон. Кеньон был недоволен. Он утверждал, что Уиллис, выступавший от имени NPC, не привёл никаких доводов в пользу парка, и считал, что инспектор должен отложить расследование до тех пор, пока он этого не сделает. Кеньон подчеркнул, что долины были интенсивно возделываемы: парк был лишь приглашением для людей. В конце Кеньон сказал:

«Насколько мы можем судить, никакой пользы от этого не будет. Это просто дорого обойдётся, и мы в Йоркшире не считаем это достоинством. Возможно, мы еретики, но мы думаем, что это дорого обойдётся и мало что даст. Мы считаем, что лучше оставить всё как есть»¹⁶¹.

Затем он обратился к сотруднику по планированию округа Уэст-Райдинг мистеру Бейтсу. Он утверждал, что парк не является национальным, а представляет интерес только для жителей Йоркшира и в меньшей степени Ланкашира. Городской совет осуществлял строгий контроль за рекламой, размещением лагерей и другими мероприятиями: они могли показать, что места для отдыха в этом районе были подходящими. Бейтс продолжал утверждать, можно сказать, вопреки мнению парламента, что в 1947 году Закон о планировании сделал отчёт Комитета Хобхауса ненужным. Он считал, что этот район не соответствует требованиям раздела 5 закона о присвоении статуса. Кроме того, назначения министра в советы по планированию были недемократичными и, скорее всего, непопулярными. В этом история доказала его правоту. Секретарь Лейбернского сельского окружного совета, по-видимому, выступал за исключение их водосборных территорий из парка: они опасались загрязнения своих источников воды и считали, что создание национального парка увеличит эту опасность.

Затем выступил адвокат мистера Хирста и брэдфордских рыболовов, но не сказал ничего существенного. Мистер Хирст был вынужден признать, что публика уже могла гулять по берегам рек, которыми они владели. Мистер Фримен от имени фермеров рассказал о предыдущей попытке превратить Йоркшир в национальный парк. Он оживил обстановку, высыпав на стол перед

---

¹⁶¹ COU 1/845 (34), p. 3.

собой мешок с мусором, собранным одним из его клиентов на берегу Семерова, и риторически спросив, сколько ещё мусора останется, если национальный парк будет создан. На следующий день это было подхвачено газетами. Но главной просьбой Фримена было исключение из парка равнинных пастбищ в Венслидейле и Суэйлдейле (вплоть до 300-метрового уровня)¹⁶².

Фримен привёл в качестве свидетеля фермера из Аскригга, Р. М. Ходжсона¹⁶³. В его показаниях подробно излагается ряд уже знакомых нам возражений: опасность, исходящая от быков, вероятные расходы на налоги, постоянный ущерб, наносимый сухим каменным стенам из-за того, что люди взбираются на них, программа по искоренению туберкулёза и мусор, оставляемый туристами. Он считал, что к открытым землям холмов можно было легко добраться и не было необходимости прокладывать новые пути через огороженные сельскохозяйственные угодья. Мистер Ходжсон согласился с тем, что фермеры опасаются увеличения ущерба и нарушений границ, а также установления прав на доступ к труднопроходимым высокогорным пастбищам. Мистер Орде-Паулетт говорил от имени лорда Болтона, но мы уже ознакомились с его мнением ранее.

Другие свидетели выступали в поддержку присвоения статуса, в том числе Ассоциация любителей пеших прогулок, которая призывала к скорейшему присвоению статуса под руководством Объединённого совета с исполнительными полномочиями и во многом опиралась на опыт парка Пик-Дистрикт, утверждая, что в этом нет ничего страшного. Некоторые свидетели считали, что фермеры (или, скорее, их жёны) могут выиграть от увеличения числа туристов. Мистер Бэттс, выступая от имени Ассоциации молодежных общежитий, пожаловался, что Совет графства Северный Райдинг намеренно разжигал опасения, а не успокаивал фермеров¹⁶⁴.

В итоге Уиллис свел аргументы против создания национального парка к трём. Во-первых, был страх перед нарушением границ, на который министр обратил внимание в своём письме о подтверждении создания национального парка Пик-Дистрикт: власти должны понимать и уважать потребности фермеров. Во-вторых, были те, кто считал, что закон 1949 года не был необходим. Он не мог с этим согласиться и напомнил комиссии об условиях закона 1949 года. В-третьих, было возражение против включения сельскохозяйственных угодий, но министр уже постановил, что включение таких земель неизбежно. Опасения, что приток людей помешает искоренению

---

¹⁶² See the clippings in COU 1/844 (27a-d).

¹⁶³ Hodgson described himself in his statement as a JP and ex-Chairman of the South Durham and North Yorkshire County Branch of the NFU. He held other public offices. He had been at Lowlands farm, Askrigg, since 1921 and farmed 240 acres with sheep rights. YD2, proof of Richard Mason Hodgson.

¹⁶⁴ COU 1/844 (34) (minutes of enquiry), p. 6. Batts's claim is almost certainly true. Thornley brought 'independent' witnesses forwards: Kenyon did not. We know that Thornley had seen and corrected Lord Bolton's statement: the drafts are in his file. Likewise Burrell-Robinson. He was told by Freeman of his stunt in advance. One suspects strongly that he inspired the newspaper coverage. YD2, letter, Bolton to Thornley, 23 Apr. 1954 enclosing draft statement; Thornley to Bolton making suggestions for amendments, 24 Apr. copy draft statement (n.d.); Freeman to Thornley 8 May 1954.

туберкулёза, были основаны на недоразумении, но этот вопрос будет дополнительно обсуждаться между министерствами.

В своём отчёте от 24 мая инспектор рассмотрел вопрос о включении сельскохозяйственных угодий в состав парка¹⁶⁵. Он выразил признательность за опасения фермера. Для них назначение может стать последней каплей; это может означать вторжение в их страну городского населения со всеми дурными манерами горожан, которые так много сделали для создания себе дурной репутации; они знают, что никакие кодексы или правила не смогут обеспечить защиту их ферм, стад и отар; они предвидят, что годы усилий по обустройству на подтверждённых правах собственности землях будут сведены на нет беспечностью прохожего. Но в то же время следует понимать, что в Венслидейле, Суэйлдейле, Бишопдейле и Ковердейле уже есть дороги и пешеходные тропы, открытые для публики.

Он не мог поддержать исключение сельскохозяйственных угодий из границ парка и, конечно, не мог согласиться с просьбой об исключении всего Уэнслидейла и Суэйлдейла. Не было права доступа на эти земли. «Само название парка потеряет смысл, если исключить две такие важных долины». Поэтому инспектор рекомендовал подтвердить постановление о создании парка.

Министр не увидел необходимости вносить какие-либо поправки в постановление и 8 октября написал, что подтверждает его¹⁶⁶. Он взвесил аргументы, приведённые представителями фермеров, и, хотя не счёл их необоснованными, не посчитал, что у него есть основания исключать сельскохозяйственные угодья из парка. Вместо этого он уделил особое внимание просвещению посетителей сельской местности и тому факту, что создание национального парка не даёт общественности дополнительных прав на доступ. «Было бы невозможно ограничить территорию парка возвышенностями, не лишившись некоторых из самых привлекательных пейзажей». Он признал, но не придавал значения аргументам двух окружных советов. Что касается Лейберна, он просто не мог согласиться с тем, что территория должна быть исключена из национального парка только потому, что она служит местом сбора воды. Министерство признало, что сокращение площади парка или ограничение его территории верхними болотистыми землями «вызвало бы большой резонанс и могло бы привести к трениям между фермерами и любителями пеших прогулок, а не к их прекращению»¹⁶⁷.

Реакция прессы на письмо министра была сдержанной. В «Йоркшир Пост» был опубликован длинный пересказ письма министра с картой. В конце статьи приводилась цитата мистера Ходжсона из Аскригга, который выразил своё разочарование и повторил опасения по поводу плохого поведения посетителей¹⁶⁸. Лейберн вновь выразил протест по поводу включения в список мест для сбора. Им напомнили, что защита водоснабжения — их обязанность

---

¹⁶⁵ HLG 92/134.

¹⁶⁶ HLG 92/134 (a copy at COU 1/845 (35)).

¹⁶⁷ HLG 92/134, Macmillan to Sir Thomas Dugdale, [early] Oct. 1954.

¹⁶⁸ YP 13 Oct 1954, 'Victory for planners of Dales Park'.

и что они могли бы рассмотреть возможность хлорирования. Поскольку они подняли этот вопрос, Министерство с нетерпением ожидало, когда им сообщат, как они будут действовать¹⁶⁹.

IX

Это далеко не конец истории. Кеньон был недоволен ходом расследования и придерживался мнения, что NPC должен был предложить себя для перекрестного допроса в ходе расследования с участием сэра Томаса Шипшенкса, постоянного секретаря Министерства жилищного строительства и местного самоуправления. В конечном итоге было решено, что ничего нельзя сделать, но Шипшенкс признал, что некоторые аспекты процесса были неудовлетворительными, и сообщил об этом Комиссии по национальным паркам¹⁷⁰.

Запись в министерской папке, сделанная А. Б. Валентайном после разговора с Кеньоном, позволяет предположить, что некоторые из его жалоб были притворными и преследовали определённую цель¹⁷¹. Кеньон присутствовал на слушаниях только потому, что сотрудник отдела планирования графства Артур Бейтс не смог прийти до обеда. Он был недоволен вступительным словом Рэмси Уиллиса, которое, по его словам, длилось всего десять минут. Но возражения Северного Райдинга закончились за полчаса до обеда, и Кеньон был вынужден встать и представить дело Западного Райдинга. Поскольку он не был достаточно хорошо с ним знаком, он экспромтом раскритиковал процедуру расследования, проведённую Комиссией. Если бы это произошло случайно, Кеньон также сказал Валентайну, что если бы его могли успокоить: «что никакого совета не будет, его возмущение по поводу разбирательства тут же улетучится, но он намекнул, что если мы [министерство] подтвердим приказ и попытаемся создать совет или если к тому времени мы не проясним наши намерения в этом отношении, он всё равно может попытаться обратиться в суд на основании того, что расследование, предусмотренное законом, не проводилось».

Кеньон заметил, что в ходе расследования в Эксмуре в июне был применён другой подход. Лорд Стрэнг выступил перед NPC и обосновал необходимость создания парка.

Как только министр дал своё согласие на создание парка, у местных органов планирования было три месяца на то, чтобы проконсультироваться с Комиссией по национальным паркам по поводу административных потребностей парка. Как мы уже видели, между двумя округами было достигнуто соглашение о том, что Объединённый совет неприемлем. Поэтому они обратились за созданием Объединённого консультативного комитета в

---

¹⁶⁹ HLG 92/134, clerk of Leyburn RDC to Minister, 16 Nov. 1954 and reply.

¹⁷⁰ The correspondence between Kenyon and Sheepshanks, and Kenyon and Thornley about procedure can be found in 'Mr Thornley's file'. The question of appropriate process was discussed by the NPC: COU 2/1, 48th meeting, 15 June 1954, minute 594.

¹⁷¹ HLG 92/134, Memo, A. B. Valentine, 14 July 1954.

соответствии с разделом 8 (2) закона. Советы взяли на себя инициативу в этом вопросе, отправив почти идентичные письма в Министерство в начале декабря. В письмах утверждалось, что в ходе расследования они доказали, что долины хорошо управляются советами. Хотя это назначение дало бы им дополнительные полномочия, не было никаких сомнений в том, что два совета могли бы продолжать управлять долинами вполне удовлетворительным образом. Объединённый совет «стал бы препятствием для надлежащего управления и в то же время увеличил бы расходы». В письме от «West Riding» они повторили мысль, высказанную двумя годами ранее: «Нельзя обвинять «West Riding» в том, что он ставит экономию выше удобств этого района». Совет выполнял свои обязанности по планированию через шесть региональных отделений, одно из которых находилось в Скиптоне, и мог продолжать управлять Уэст-Райдинг-Дейлс.

В конце января состоялось совещание двух советов с участием NPC: протокол совещания не может скрыть тот факт, что оно было крайне напряжённым¹⁷². По прибытии делегациям графств были предоставлены копии документов Объединённого консультативного комитета по Сноудонии. Как только началось совещание, Кеньон сразу же раскритиковал их, заявив, что они неприемлемы. В конце концов Абрахамс был вынужден вмешаться и сказать, что им было дано указание продемонстрировать тот минимум, на который, по их мнению, согласился бы министр, если бы не было создано объединённого совета. Лорд Стрэнг сказал, что графства должны убедить NPC в том, что в Долинах существуют особые обстоятельства: Кеньон ответил, что особые обстоятельства очевидны. Стрэнг возразил, что NPC не согласен с этой точкой зрения. На самом деле некоторые члены комиссии склонялись к созданию объединённого консультативного комитета. Полин Дауэр написала Стрэнгу, что лучше было бы создать консультативный комитет, чем управлять парком двум «нежелающим и возмущённым властям, вынужденным тесно сотрудничать в рамках Объединённого совета»¹⁷³. Переговоры затянулись до 1955 года¹⁷⁴. В марте 1956 года министр согласился на создание консультативного комитета на первые три года, но не потому, что его убедили аргументы двух советов графств о том, что парк не является единым целым и не имеет естественного административного центра, а из соображений экономии¹⁷⁵.

Таким образом, новый парк с самого начала был разделён между двумя окружными советами. По сути, он управлялся двумя половинами, отделёнными друг от друга департаментами планирования окружных советов, с помощью Объединённого консультативного комитета из 18 человек, шесть из которых были назначены каждым окружным советом, а шесть — министром. Комитет Западного Райдинга впервые собрался 11 апреля 1957 года, а комитет Северного Райдинга — 17 июля 1957 года. Объединённый

---

¹⁷² See the minute, COU1/848 (34).

¹⁷³ COU 1/848 (25).

¹⁷⁴ There is much material on this in 'Mr Thornley's file'.

¹⁷⁵ COU 1/848 (90B).

консультативный комитет не собирался до Сентябрь 1957 г. Эти договорённости, которые изначально задумывались как временные, оставались в силе до 1974 г.¹⁷⁶

Два комитета получали поддержку от департаментов планирования двух советов графств, не имея в своём распоряжении специального персонала. Было высказано предположение, что комитет Западного Райдинга серьёзно относился к своей работе, в то время как комитет Северного Райдинга гораздо больше полагался на своих сотрудников. Считалось, что в Северном Райдинге гораздо более терпимо относились к строительству бунгало, чем в Западном Райдинге. Утверждалось — без сомнения, в оскорбительной форме, — что члены совета в Комитет Норт-Райдинга проинструктировал своих сотрудников быть внимательными на заседаниях в дни контрольных заседаний, чтобы члены совета могли смотреть крикет по телевизору. И в остальном Норт - Райдинг уступал Уэст-Райдингу. В Клэпхеме был открыт центр для посетителей (в Уэст-Райдинг) в 1968 году и еще один в Айсгарте (Норт-Райдинг) в 1973 году. В 1963 году Западный Йоркшир назначил первого смотрителя, а Северный Йоркшир — своего смотрителя в следующем году¹⁷⁷.

Когда в 1970 году Комиссия по национальным паркам опубликовала путеводитель по Йоркширским долинам, ей было трудно скрыть тот факт, что существование национального парка всё ещё вызывало споры¹⁷⁸. Путеводитель, написанный совместно сотрудниками по планированию из двух административных округов, один из которых выступал против создания парка во время расследования в 1954 году, не оправдывал идею существования парка. Их полномочия, как они объяснили, по сути, были обычными полномочиями по планированию, которыми местные власти обладали в течение нескольких лет до создания парка. Национальный парк критиковали за то, что он ограничивал строительство и требовал, чтобы здания возводились в соответствии с высокими стандартами. Но эти строгие правила применялись бы независимо от того, был бы национальный парк или нет, и действительно применялись до того, как национальный парк был создан. Что касается извечной проблемы мусора, оставляемого посетителями, то некоторый прогресс был достигнут благодаря ужесточению законодательства и созданию службы смотрителей. Можно было бы сделать больше для улучшения условий для посетителей, если бы выделялись деньги, но были оборудованы парковки, в Клэпеме был создан центр для посетителей, а в Малхэме — передвижной центр. И они продолжали:

«Мнения о целесообразности большого количества посетителей расходятся. Они, безусловно, способствуют развитию торговли, но многие фермеры считают, что эти посетители могут нанести ущерб, который с лихвой компенсирует полученную выгоду. Опять же, следует подчеркнуть, что это

---

¹⁷⁶ For the following, Colin Speakman, *The Yorkshire Dales National Park. A celebration of 60 years* (2014), ch. 2.

¹⁷⁷ *Ibid.*, pp. 30–1.

¹⁷⁸ B. F. Dixon and S. Lee Vincent, 'The work of the national park authorities', in I. G. Simmons (ed.), *Yorkshire Dales* (National Park Guide no. 9, 1971), pp. 48–52. See also the assessments of Arthur Raistrick, for many years the acknowledged expert on the archaeology and history of the Dales, in *The Pennine Dales* (1968), pp. 144–5, 215–6.

произошло бы независимо от того, был бы этот район обозначен как туристический или нет. ... Посетители своим неразумным — даже если непреднамеренным — поведением могут нанести ущерб не только сельскохозяйственной экономике региона, но и тому, ради чего они сюда приехали».

В каком-то смысле Национальный парк как учреждение появился только после реорганизации местных органов власти в 1974 году, когда у национального парка впервые появился собственный директор и штат сотрудников. Однако реорганизация местных органов власти не могла изменить географию Долин, и новый управляющий парком был вынужден разделить свою администрацию между Грассингтоном и Бейнбриджем¹⁷⁹.

Х

Идея создания национального парка Йоркшир-Дейлс витала в воздухе более двух десятилетий до того, как в октябре 1952 года был издан указ о его создании. Её отстаивал Дауэр, развивал Кэмерон, а затем подхватил Хобхаус. В 1952 году никто не удивился, когда Комиссия по национальным паркам выдвинула предложения о создании парка. Возможно, эта идея была настолько привычной, что перестала пугать людей. Конечно, может быть и так, что реальная оппозиция была выявлена при первых подтверждениях, а впоследствии национальные парки воспринимались как неудержимый поток, который невозможно остановить.

Мы можем выделить несколько областей, вокруг которых сформировались возражения. Во-первых, многие партии выражали сомнения по поводу создания новой бюрократической структуры. Член совета из Седберга, который считал, что национальный парк будет определять цвет крыш домов, говорил от лица тех, кто опасался жёсткого контроля, а некоторые были готовы рискнуть и рассматривать парк как «социалистическое» предприятие. Окружные советы утверждали, что меры по планированию, введённые в конце 1930-х годов и усиленные законом 1947 года, были адекватными, и в новом режиме не было необходимости. Легко сделать вывод, что ни один из окружных советов не приветствовал создание национального парка и оба активно выступали против него. И всё же это не совсем так. Возможно, правильнее будет сказать, что Западный Йоркшир не питал иллюзий по поводу Северного Йоркшира. Если оставить в стороне вопросы практичности, то, что, по-видимому, осталось невысказанным, — это убеждённость Западного Райдинга в том, что они не смогли бы легко сотрудничать с Северным Райдингом в рамках Объединённого совета и поэтому предпочли два комитета. Возможно, Кеньон представлял себе парк с двумя скоростями, в котором южная часть была бы застроена целеустремлёнными, активными местными властями, а северными долинами управляли бы более консервативные власти. NPC, похоже, не обращал

---

¹⁷⁹ Speakman, Yorkshire Dales National Park, ch. 3.

внимания на эти нюансы, или, возможно, они рассчитывали, что в Объединённом совете Западный Йоркшир и независимые члены смогут продвигать Северный Йоркшир вперёд. Северный Йоркшир, будучи преимущественно сельским округом, по понятным причинам сомневался в целесообразности создания двух специальных парков в пределах его границ и в том, что это повлечёт за собой внутреннюю реорганизацию. Оглядываясь назад, можно сказать, что их просьба о приостановке кажется более, а не менее разумной.

Во-вторых, широкая общественность не совсем понимала, что влечет за собой создание национального парка. Некоторые предполагали, что национальный парк предоставит доступ ко всем частям сельской местности в пределах границ парка, что это равносильно национализации земли. Национальные парки не оправдали этих ожиданий. Идея о том, что права собственности были или будут отменены, возможно, способствовала плохому восприятию этой идеи среди меньшинства.

В-третьих, и это следует из вышесказанного, фермеры больше всего боялись, что парк привлечёт в Долины большое количество людей, не знакомых с сельским укладом. Они будут совершать неправильные поступки, например, оставлять ворота открытыми или перелезать через сухие каменные стены. Они будут совершать акты вандализма и хулиганства, в том числе разжигать костры и снимать камни со стен. Куда бы они ни пошли, они якобы оставляли после себя мусор. Сейчас трудно понять, был ли это оправданный страх, основанный на опыте, или самоподдерживающееся предубеждение. Можно предположить, что из всех возражений убеждение в том, что парк был приглашением к незаконному проникновению, вероятно, больше всего повлияло на фермеров.

Это были общие проблемы образования, которые едва ли ограничивались посетителями Йоркширских долин. В 1930-е годы и в относительно недавнее время предпринимались попытки улучшить поведение посетителей сельской местности, начиная с кодексов хорошего поведения, выпущенных обществами любителей пеших прогулок до войны, а затем «Деревенского кодекса», который был широко распространён Комиссией по национальным паркам именно как ответ на вандализм и хулиганство в сельской местности¹⁸⁰.

В-четвёртых, было два аргумента, связанных с болезнями. Первый заключался в том, что в состав национального парка должны были войти небольшие участки водосборников, а второй — в том, что передвижение людей по парку могло помешать попыткам искоренить туберкулёз крупного рогатого скота. Оба аргумента, несомненно, были обоснованными, но, насколько можно судить, оба не имели под собой почвы. С другой стороны, не было убедительных аргументов о том, чего должен был достичь национальный парк, чего ещё не было сделано. Примечательно, что это не принесло никакого

---

¹⁸⁰ Peter Merriman, “‘Respect the life of the countryside’: the Country Code, government and the conduct of visitors in the countryside in post-war England and Wales”, *Trans. Institute of British Geographers* 30 (2005), pp. 336–50.

дополнительного финансирования. На вопросы, заданные двумя советами графств, о том, какую дополнительную ценность будет представлять национальный парк, так и не были получены ответы. Это не принесло дополнительных государственных средств в Долины. Есть ощущение, что присвоение статуса, а затем его подтверждение были, по сути, бюрократическим процессом, в котором не нужно было приводить аргументы, и что парки были соответственно слабее из-за того, что в основном создавались без согласия местных жителей.

XI

Возможно, здесь есть место для послесловия. Если взглянуть на историю национальных парков в Англии, становится ясно одно. То, что у нас вообще есть национальные парки, — результат очень успешной политики давления со стороны группы активистов. Лоббисты национальных парков и Ассоциация любителей пеших прогулок имели хорошие связи в коалиции военного времени, которая была полна решимости осуществить одну из заветных целей 1930-х годов. Но в 1930-х годах никто и не думал о десяти национальных парках: часто говорили о национальном парке, которым, вероятно, стал бы Озёрный край или, возможно, Сноудония. В отчёте Дауэра эта идея получила масштабное развитие.

Если бы консерваторы вернулись к власти в 1945 году, мы бы больше ничего не услышали о «докладе Дауэра». Когда они вернулись к власти в 1950 году, национальные парки были слишком развиты, чтобы можно было изменить политику. Тем не менее, ни консервативная партия, ни отдельные лица министры-консерваторы не отнеслись к ним с большим энтузиазмом, однако сворачивать программу не стали. Комиссия по национальным паркам, все, что они могли сделать, — это ограничить полномочия отдельных парков, отказав им в правлении. Органы местного самоуправления презирали парки за их ненужность, особенно после 1947 года. Решением было оставить национальные парки в качестве зон особого планирования под непосредственным контролем окружных советов, что, в свою очередь, замедлило развитие национальных парков и лишило их потенциала. Согласно представленным здесь доказательствам, сами обитатели парков были в основном безразличны к ним. И неясно, был ли энтузиазм любителей пеших прогулок в 1950-х годах таким же сильным, как раньше. В первые годы у национальных парков было мало друзей и много врагов. Но им повезло, что их друзья занимали хорошие должности, а созданная ими институциональная структура — пусть и несовершенная в некоторых отношениях — помогала им выживать в менее благоприятные времена.

Перевод Елены Гончарук

Выходные данные статьи: R.W. Hoyle Opposition to the creation of national parks: the case of the Yorkshire Dales. *Agricultural History Review*, Volume 67 Part 2 (2019), pp. 283-314.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЦИФРЫ: СТАТИСТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТИТУТА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Федерико д'Онофрио

Аннотация. В этой статье рассматриваются статистические данные, подготовленные Международным институтом сельского хозяйства в связи с экономическими конференциями, которые проводились под эгидой Лиги Наций в Генуе (1922) и Женеве (1927). Основанный в 1905 г. в Риме, Международный институт сельского хозяйства сформировал важную институциональную структуру для обмена знаниями о сельском хозяйстве в первой половине XX в. Изучая отчеты и запросы Института, а также планирование всемирной переписи сельского хозяйства (1930), в статье утверждается, что Институт придерживался особого видения взаимоотношений между сельским хозяйством и промышленностью, которое сильно отличалось от точки зрения англоязычных экспертов Лиги Наций. Будет показано, что в то время, как Лига занималась проблемой голода и нехваткой продовольствия, Институт сосредоточился на стабилизации доходов фермеров.

С каждым годом растет объем литературы о Лиге Наций (далее — Лига), в которой обсуждается, как Лига и другие международные организации накапливали экспертные знания по вопросам продовольствия, голода и сельского хозяйства в 1930-х годах, и как накопление ими опыта подготовило почву для программ развития учреждений Организации Объединенных Наций после 1945 г. Сосредоточение внимания на Лиге Наций и ее экспертах, которые в основном были привлечены из Британской империи, может создать ложное впечатление единодушия по вопросам, которые были весьма спорными в то время, например, о месте сельского хозяйства в экономике после опустошительной Первой мировой войны¹⁸¹.

В этой статье рассматривается появление иного подхода к проблемам сельского хозяйства в межвоенный период, а именно аграрного подхода, основанного на вере в то, что у аграриев всего мира общие интересы, которые конкурируют с интересами промышленников. В 1920-х и 1930-х годах Международный институт сельского хозяйства (ИИ) пытался озвучить аграрные идеи в «международном гражданском обществе», создав свою

---

¹⁸¹ This is the case with Ruth Jachertz and Alexander Nützenadel, 'Coping with hunger? Visions of a global food system, 1930–1960', *J. Global Hist.* 6 (2011) and S. Amrith and P. Clavin, 'Feeding the World: Connecting Europe and Asia, 1930–1945', in M. Hilton and R. Mitter (eds), *Transnationalism and Contemporary Global History (Past and Present, Supplement 8, 2013)*, while Amalia Ribí Forclaz, 'Agriculture, American expertise, and the quest for global data. Leon Estabrook and the First World Agricultural Census of 1930', *J. Global Hist.* 11 (2016), pp. 44–65, rightly focused on the ИИ. The role of the League in the economic diplomacy of the interwar period has been the subject in particular of Patricia Clavin, *Securing the world economy. The reinvention of the League of Nations, 1920–1946* (2013) and ead., *The failure of economic diplomacy* (1996).

собственную экономическую экспертизу в сотрудничестве/конкуренции с Лигой и Международной организацией труда (МОТ)¹⁸².

Изучение статистических публикаций и отчетов МИС, подготовленных в период между войнами, позволяет нам наблюдать за появлением глобального видения мира, разделенного на сельскохозяйственные и индустриальные страны, и применением к мировой сельскохозяйственной экономике идей ядра и периферии. Это видение в сочетании с глубоким пониманием того, что международное разделение труда дает привилегии промышленникам и промышленно развитым странам, в то время как условия торговли ухудшаются для сельского хозяйства, пережило международные организации межвоенных лет. Теоретики развития, особенно южноамериканские структуралисты, такие как аргентинец Рауль Пребиш и его группа в Экономической комиссии Организации Объединенных Наций для Латинской Америки и Карибского бассейна, сделали структурное различие между экспортёрами сырьевых товаров и промышленными предприятиями краеугольным камнем своего подхода к развитию – идея, которая, по мнению Пребиша, возникла в ходе дебатов в 1930-е годы. Это разделение также определяло взгляды на тот период в течение длительного времени, что было поставлено под сомнение недавними исследованиями в области мировой экономики¹⁸³. Изучение возникновения такого видения представляет очевидный интерес для историков экономических учений и статистики, но оно также имеет решающее значение для историков в целом. Учитывая важность вопросов сельского хозяйства в экономической дипломатии двух стран, важно знать, какая информация была доступна участникам переговоров, политикам и образованной общественности в 1920-х и 1930-х годах и как она сформировала их мировоззрение.

I

Основанный в Риме в 1905 г. и официально открытый в 1908 г., МИС представлял собой основную институциональную основу для обмена знаниями по сельскому хозяйству в первой половине XX в. Его деятельность охватывала широкий спектр тем, начиная от распространения предупреждений о болезнях растений и животных и заканчивая сбором статистических данных об урожае, данных о деятельности кооперативов и доходах фермерских хозяйств. Однако сбор и публикация статистических данных были самой важной из задач, поставленных перед МИС при его основании в 1905 г. Статья 9 конвенции, подписанной Италией и другими

---

¹⁸² О конкуренции между LoN и ИА см. Luciano Tosi, *Alle origini della FAO: Le relazioni tra l'Istituto Internazionale di Agricoltura e la Società delle Nazioni* (У истоков ФАО: отношения между Международным институтом сельского хозяйства и Лига Наций) (1989); о сотрудничестве МИС и МОТ см. Рибби Форклиз в другом месте этого выпуска.

¹⁸³ Edgar J. Dosman. *The life and times of Raul Prebisch, 1901–1986* (2008), p. 38; Steven C. Topik and Allen Wells, 'Commodity chains in a global economy', in Emily S. Rosenberg (ed.), *A world connecting, 1870-1945* (2012), p. 686.

государствами-членами 7 июня 1905 г., содержит следующее: Институт, осуществляющий свою деятельность в международной сфере, обязан: а) Собрать, изучать и публиковать как можно быстрее статистическую, техническую или экономическую информацию, касающуюся сельского хозяйства¹⁸⁴.

МИС начал полноценно функционировать только в 1909 г., и в течение нескольких лет, предшествовавших войне, он издавал Бюллетень сельскохозяйственной статистики (после 1914 г. – Бюллетень сельскохозяйственной и коммерческой статистики) и Международный ежегодник сельскохозяйственной статистики. Первая мировая война не прервала публикацию, но сильно повлияла на достоверность данных. В переписке института за годы войны часто упоминаются трудности, с которыми он сталкивался при получении официальных статистических публикаций¹⁸⁵. Даже итальянское правительство, которое принимало у себя ПА и поэтому обычно благосклонно относилось к его запросам, отказалось раскрывать текущие данные Бюро сельскохозяйственной статистики, заявив, что они являются военной тайной¹⁸⁶. Таким образом, статистика межвоенных лет имеет более широкое значение, чем статистика довоенного периода. Институт, безусловно, отреагировал на конкуренцию со стороны недавно созданной Лиги Наций, но очевидно, что руководство МИС также рассматривало рост «международного сообщества» как прекрасную возможность для достижения своих уставных целей: международного продвижения сельскохозяйственных классов.

С самого своего основания МИС должен был стать выразителем интересов сельскохозяйственных классов. Согласно статье 9 учредительной конвенции, Институт должен: Представить на утверждение правительств, если для этого есть необходимость, меры по защите общих интересов фермеров и улучшению их положения, после использования всех необходимых источников информации, таких как пожелания, высказанные международными или другими сельскохозяйственными конгрессами или конгрессами наук, относящихся к сельскому хозяйству, сельскохозяйственными обществами, академиями, научными организациями, и т.д.¹⁸⁷ В контексте «аграрного кризиса», который переживала Европа с появлением крестьянских партий и «сельских» консервативных режимов, ПА стремилась донести точку зрения аграриев до участников международных экономических конференций, которые перекраивали экономические

---

¹⁸⁴ Конвенция между Соединенными Штатами и другими державами о создании Международного института сельского хозяйства подписана в Риме 7 июня 1905 г.

¹⁸⁵ FAO, PA, R3, PA, Correspondance avec le prof. Laur, Brougg, Union des Paysans Suisses, servant d'intermédiaire entre l'PA et certains Pays pendant la guerre.

¹⁸⁶ In a letter to the PA, Giuseppe Zattini, the head of the Italian Bureau of Agricultural Statistics, claimed that the data were simply not available, despite the update prepared in 1916, FAO, PA, R3, Tutino, Letter to van Missenhoven, 13 Sept. 1917.

¹⁸⁷ United States of America, Convention ... 7 June 1905, p. 9 (author's italics).

отношения в мире¹⁸⁸. Важно отметить, что несмотря на то, что Лига Наций подчеркивала нейтральность статистических фактов, только деловые люди могли предоставить некоторую важную информацию по таким темам, как тарифы, цены на сельскохозяйственную продукцию, сельскохозяйственный кредит, и другие аспекты бизнес-цикла. Как и в других секторах мировой экономики, предоставление данных в Лиге Наций и ПА стало элементом переговорных стратегий ассоциаций фермеров.

Основными документами этой стратегии являются Бюллетень сельскохозяйственной и коммерческой статистики, публикация 1927 г. «Проблемы сельского хозяйства в их международном аспекте», опрос 1928 г. и чрезвычайно амбициозная Первая всемирная сельскохозяйственная перепись 1930 г. В соответствии с этой миссией ПА привлекла сельскохозяйственные ассоциации и их штатных экспертов к сбору данных, которые должны были продемонстрировать различные последствия экономических спадов для сельскохозяйственных и промышленных групп, при этом главной проблемой было ухудшение условий торговли между сельским хозяйством и промышленностью. Первая особенность статистики МИС заключается в том, что существовало такое тесное сотрудничество. В отличие от идеи, высказанной Розер Куссо, о том, что «международная экспертиза становится возможной только с согласия правительств... и благодаря активному вкладу правительств (связи между правительствами и экспертами в комитетах, разрешение министерствам на обмен статистическими данными и т.д.)», в этой статье мы демонстрируем активное участие аграрных организаций¹⁸⁹.

Действительно, статистика урожайности и выпуска сельскохозяйственной продукции, публикуемая ПА в ежегоднике сельскохозяйственной статистики, была основана на данных, опубликованных отдельными национальными статистическими управлениями, и агрегированных цифрах, предварительно одобренных государствами, но ПА также публиковал более сложные отраслевые данные и качественные отчеты, которые стали возможными благодаря вкладу международных организаций. негосударственные субъекты, особенно сельскохозяйственные ассоциации, университетские исследовательские центры и сельскохозяйственные банки. Таким образом, помимо данных, санкционированных государством, и международных сводных данных, мы подчеркнем наличие данных

---

¹⁸⁸ I have tried to sketch the meaning of an ‘agrarianist moment’ for Italian agriculturalists in my ‘The micro foundations of Italian agrarianism: Italian agricultural economists and Fascism’, *Agricultural Hist.* 91 (2017). An approach to Fascist ruralism can be found in L. Fernández Prieto, J. Pan-Montojo and M. Cabo (eds), *Agriculture in the age of Fascism: authoritarian technocracy and rural modernization, 1922–1945* (2014), while on the importance of agrarianism in different European (especially central European) contexts, see Helga Schultz and Angela Harre (eds), *Bauerngesellschaften auf dem Weg in die Moderne: Agrarismus in Ostmitteleuropa, 1880 bis 1960* (2010).

¹⁸⁹ Roser Cussó, ‘The statistical activity of the economic and financial organization of the League of Nations’, *Histoire et Mesure* 27 (2012), p. 114.

заинтересованных сторон, подготовленных агрономами для агрономов, которые Институт распространяет по всему миру. Всегда следует помнить, что интересы государств-членов не обязательно совпадают с интересами сельской элиты, которая руководит ассоциациями¹⁹⁰. Вклад ассоциаций, исследовательских центров и частных компаний был особенно важен для получения детализированных отраслевых данных. Недостаточно изучено насколько данные о ценах, издержках и бизнесе в межвоенный период отличались от данных о ВВП, инфляции и объеме производства после Второй мировой войны. В 1920-х и начале 1930-х годов вот-вот должна была начаться «кейнсианская революция» в статистике: ее острием были совокупные национальные данные Лиги Наций¹⁹¹. Размышляя об изменениях, произошедших в 1940-х годах, историк экономики Уолт Уитмен Ростоу определил «искушение и дилемму», с которыми столкнулись статистики после конца 1930-х годов: искушение состояло в том, чтобы использовать данные, которые легко доступны и которые можно систематизировать для целей международного сравнения. Дилемма заключается в том, что эти данные не позволяют статистическим аналитикам на международной основе легко получить информацию о секторах и подсекторах¹⁹².

Данные о национальном производстве, собираемые МИС от национальных статистических институтов, можно было бы легко привести в соответствие с развивающейся «кейнсианской парадигмой». Но институт также участвовал в исследовании экономических фактов в сельском хозяйстве на очень разрозненном уровне, которые не соответствовали новой парадигме и для которых роль экспертов и вклад деловых организаций были решающими. Таким образом, изучение статистических данных, собранных и опубликованных ПА, является ценной отправной точкой для изучения различных тем: роли международных организаций и экспертов (*techniciens*) в их составе;¹⁹³ противоречивых экспертных знаний, которыми располагают международные организации в области сельского хозяйства и продовольствия; подхода экспертов к сельскохозяйственному сектору; кризис с растущим осознанием скрытого конфликта между земледельцами и промышленниками; возникновение мировой экономики как статистического целого, разделенного между центральными и периферийными странами.

---

¹⁹⁰ Federico D'Onofrio. *Observing agriculture in early twentieth-century Italy* (2016), ch. 5 and 'Les statistiques agricoles ...', in Danielle Fraboulet, Clotilde Druelle-Korn, and Pierre Vernus (eds), *Les organisations patronales et la sphère publique* (2013), discusses the concept of stakeholder statistics. For a theoretical approach to the problem of the relationship between producers and the state in agriculture see the introductory paragraph to Jess Gilbert and Carolyn Howe, 'Beyond "state vs. society": Theories of the state and New Deal agricultural policies', *American Sociological Rev.* 56 (1991).

¹⁹¹ I use the term in the way it is employed by J. Adam Tooze, *Statistics and the German state, 1900–1945: the making of modern economic knowledge* (2001), pp. 13f.

¹⁹² Walt W. Rostow, *The stages of economic growth: a non-communist manifesto* (sec. edn, 1971), p. xi–xii.

¹⁹³ Clavin discusses this term in *Securing the world economy*, p. 15.

Следующие разделы призваны показать это, описав, как МИС готовился к экономическим конференциям 1922 и 1927 годов; показав противоречия в стратегии МИС между его технократическими амбициями и политической ролью; объяснив роль национальных и международных ассоциаций агрономов в сборе данных и, наконец, раскрыв, как данные обрабатываются.

II

Участие Международного института сельского хозяйства во всемирных экономических конференциях 1922, 1927 и 1933 годов стало важным успехом для его руководства. По словам Адама Тузе, премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж предложил провести Генуэзскую конференцию 1922 г., чтобы возродить экономику стран-победительниц войны путем реинтеграции Советского Союза и, прежде всего, Германии в мировую экономику. Задача восстановления экономики после послевоенного спада, по-видимому, требовала помощи «международных экспертов», которые дополняли бы деятельность экспертов, уже присутствующих в национальных делегациях¹⁹⁴. По этой причине на конференции присутствовали делегации из трех международных организаций послевоенного периода – Лиги Наций, МОТ и Международного валютного фонда. Результатом стала «настоящая катастрофа»¹⁹⁵. На самом деле Международный институт сельского хозяйства был приглашен на конференцию в Генуе в результате его лоббирования¹⁹⁶. Итальянское правительство, организовавшее конференцию в Генуе, согласилось пригласить ИА только в последний момент, что было неудивительно, учитывая поспешную организацию конференции¹⁹⁷. Хотя конференция была запланирована на апрель 1922 г., официальное приглашение поступило только в марте. Из документов, хранящихся в архиве ИА, ясно, что итальянское правительство было озадачено предложением о том, чтобы ИА направило делегацию на конференцию. Никаких конкретных сельскохозяйственных вопросов для обсуждения не было – по крайней мере, так полагало Министерство иностранных дел Италии. Эдоардо Пантано, ветеран итальянских сельскохозяйственных ассоциаций и президент ИА, решительно парировал это возражение в письме премьер-министру Италии:

«Программа Генуэзской конференции — это план экономического переустройства мира. Все финансовые, монетарные и банковские дополнения к экономической структуре, которые будут обсуждаться на конференции,

---

¹⁹⁴ Выражение «*tecnici internazionali*» можно найти в FAO, ИА, С1, Anonymous, *Le tre grandi istituzioni internazionali alla conferenza di Genova*.

¹⁹⁵ J. Adam Tooze. *The deluge: the Great War and the remaking of global order, 1916–1931* (2014), p. 428ff.; on the conference, see Carole Fink, *The Genoa Conference: European diplomacy, 1921–1922* (1993).

¹⁹⁶ FAO, ИА, С3, ИА, *Conference internationale de Gênes*, various letters.

¹⁹⁷ Carole Fink, 'Italy and the Genoa Conference of 1922', *International Hist. Rev.* 8 (1986), pp. 41–55.

основаны на производстве товаров и обмене ими. ... Сельское хозяйство занимает важнейшее место в производстве и обмене. Присутствие ПА было бы полезно для всех правительств, поскольку Институт обладает опытом, с которым не может сравниться ни одно правительство и ни одно другое учреждение»¹⁹⁸.

Э. Пантано рассказал об опыте, накопленном ПА за восемь лет, в течение которых он публиковал данные о производстве, торговле, ценах на продукты питания, домашний скот и сельскохозяйственные товары, а также информацию о законодательстве, касающемся сельского хозяйства, и исследованиях, касающихся сельскохозяйственных методов и технических усовершенствований. Статистические данные, несомненно, сыграли первостепенную роль в ответе на вопросы, которые, как ожидал Пантано, будут рассмотрены в ходе ПА в Генуе: тенденции в производстве конкретных культур, международная торговля сельскохозяйственными товарами, ситуация с сельскохозяйственным кредитованием, а также темы, которые являются спорными во многих странах, такие как аграрные реформы, интенсификация выращивания и так далее.

Надежды, которые питало руководство МИС, в значительной степени не оправдались. Когда Умберто Риччи, глава статистической службы МИС, прибыл в Геную вместе с остальной делегацией, он обнаружил, что международные организации сыграли лишь очень незначительную роль в конференции, и среди них Лига Наций имела явное преимущество. Французской и британской делегациям было не до Риччи и его сотрудников. Вся программа конференции зависела от «лондонского доклада экспертов», где единственное упоминание о сельском хозяйстве было сделано в связи с ситуацией в России, и, в конце концов, «политические вопросы полностью и постоянно затмевали все остальные»¹⁹⁹. Таким образом, МИС вел оборонительную борьбу при поддержке Альберта Томаса из Международной организации труда. Делегации удалось добиться согласия на то, что МИС будет участвовать в реализации тех пунктов отчета экспертов, которые касаются импортных и экспортных пошлин²⁰⁰.

К своему большому удовлетворению Риччи также сумел заблокировать предложение о том, чтобы Лига Наций взяла на себя сбор всей торговой статистики. В результате окончательного компромисса Лига Наций была назначена ответственным за мировую экономическую статистику при содействии и сотрудничестве других международных организаций. Это не соответствовало первоначальным амбициям института, но было воспринято

---

¹⁹⁸ FAO ПА, C3, Pantano, Letter to Luigi Facta from Rome, 20 Mar. 1922.

¹⁹⁹ Wilson Harris. The Genoa Conference. J. British Institute of International Affairs 1 (1922), p. 152.

²⁰⁰ The IIA and ILO delegation were both staying at Hotel Mackenzie, as a sign of the 'very best relations' between Pantano and Thomas, FAO, ПА, C3, Pantano, letter to Poggi from Genoa, 7 Apr. 1922.

как значительная победа²⁰¹. В результате ИА и Лига Наций начали свое болезненное сотрудничество, и данные о сельскохозяйственном производстве и торговле, собранные ИА в 61 штате, начали появляться в статистическом ежегоднике Лиги. Был проведен мониторинг тридцати двух сельскохозяйственных культур, включая колониальные и технические культуры, такие как каучук²⁰².

Статистическая работа, предшествовавшая Международной экономической конференции, состоявшейся в Женеве в 1927 г., была гораздо более масштабной, чем та, которая проводилась до Генуи, и поддержка института итальянским правительством также была более недвусмысленной²⁰³. До того, как могла бы состояться сама конференция – согласно предложению французской делегации – Совет Лиги обратился к «Подготовительному комитету» экспертов с просьбой «изучить экономические трудности, стоящие на пути возрождения всеобщего процветания, и определить наилучшие способы преодоления этих трудностей и предотвращения споров», поскольку – это было широко распространенным убеждением – «экономический мир в значительной степени будет способствовать обеспечению безопасности между странами»²⁰⁴.

В своей инаугурационной речи на восьмой Генеральной ассамблее Лиги Наций в 1927 г. чилийский делегат Энрике Вильегас похвастался, что «documentación preparatoria» (подготовительная документация), подготовленная МИС для экономической конференции, составила «conjunto de trabajos» (комплекс работ) о мировой экономической ситуации «настолько насыщенный и современный, что был вознагражден единодушными аплодисментами самых компетентных экономистов». Вильегас приписал этот успех участию различных международных организаций, помимо Секретариата Лиги: МОТ, Международной торговой палаты и МИС²⁰⁵. Хотя МИС как такового не пригласили напрямую участвовать в работе подготовительного комитета, что вызвало разочарование президента МИС Джузеппе Де Микелиса, Карлос Бреббиа, атташе по сельскому хозяйству посольства Аргентинской Республики в Риме и постоянный представитель Аргентины при МИС, был включен в число его членов. Важно отметить, что

---

²⁰¹ FAO ИА, С3, Ricci, Rapport sur la participation de l'Institut International d'Agriculture à la Conference Economique Internationale de Gênes.

²⁰² Тоси, Alle origini della FAO o таком сотрудничестве.

²⁰³ Mussolini directly complained to the League of Nations about the lack of mention of the ИА in the documents that prepared the conference (letter to the League's secretary general, 4 Dec. 1925, published in L. Sommer, Die Vorgeschichte der Wirtschaftskonferenz (Genf 1927), Anlage, Weltswirtschaftliches Archiv, 28 (1928), p. 10.

²⁰⁴ Preparatory Committee for the International Economic Conference, Report on the work of the first session of the committee, Official Journal of the League of Nations (1926), p. 819.

²⁰⁵ Archivo Nacional de la Administración de la Republica de Chile RR. Exteriores v2637, Ministerio de Relaciones Exteriores – República de Chile, Memoria de la delegación de Chile a la VIII Asamblea de la Sociedad de las Naciones, pp. 12–13.

Аргентина не была членом Европейского союза, но она была одним из ключевых экономических игроков на американском континенте и важнейшим экспортером сельскохозяйственной продукции. Благодаря своему членству в МИС аргентинская элита получила беспрецедентную возможность изложить на международном форуме точку зрения экспортеров сельскохозяйственной продукции. Бреббии удалось выдвинуть кандидатуру Карло Драгони, генерального секретаря Института, в число экспертов, оказывающих помощь первой комиссии подготовительного комитета (по сельскому хозяйству). Подготовительному комитету было поручено изучить две темы: доходы и расходы фермеров. Институт располагал относительно надежными данными о производстве 32 культур, за выращиванием которых он следил, но комитет интересовался более широкой оценкой доходов аграриев: статистика производства имеет первостепенное значение, но сама по себе она не дает полной картины²⁰⁶.

Эксперты решили сконцентрироваться на 22 продуктах в восьми географических зонах (в дополнение к «Мировой» зоне) и изучить цены на эти культуры на пяти рынках происхождения (Буэнос-Айрес, Мельбурн, Кейптаун, Калькутта, Нью-Йорк) и четырех рынках назначения (Лондон, Гамбург, Марсель, Кобе). Исследование затрат на вводимые ресурсы охватывало «последовательные звенья цепи, которая связывает производство, с одной стороны, с конечным потреблением, с другой» в четырех областях: «(а) издержки производства, включая вопросы аренды, налоговое бремя, стоимость оборудования, проценты на капитальные затраты и стоимость рабочей силы; (b) организации производителей, а также характер и степень их влияния на рынки и цены; (с) торговые издержки, связанные с транзитом от производителя к оптовому продавцу, от оптового продавца к розничному продавцу и от розничного продавца к конечному потребителю.; (d) влияние и рост кооперативных организаций, сокращающих процесс сбыта». Пункты (b) и (d) отражают важность, придаваемую производственным кооперативам и другим организациям, таким как Канадский пшеничный фонд, в снижении затрат на сырье и маркетинг для мелких фермерских хозяйств. Вопрос, поднятый в пункте (а), был более сложным, и комитету пришлось полагаться на скудные данные, имеющиеся в распоряжении МИС и МОТ (о стоимости рабочей силы)²⁰⁷.

В целом, экспертный комитет должен был представить мировое сельское хозяйство в виде бюджета, в котором валовое производство (доходы) отражено с одной стороны, а расходы – с другой. Было ли сельское хозяйство прибыльным бизнесом? Предварительным ответом на этот вопрос стало первое масштабное исследование МИС о мировом сельском хозяйстве – проблемы сельского хозяйства в их международных аспектах, – которое было

---

²⁰⁶ Preparatory Committee for the International Economic Conference, 'Report on the work of the first session of the committee', p. 822.

²⁰⁷ Ibid., pp. 822–3.

подготовлено для конференции в Женеве²⁰⁸. Данные о производстве и ценах регулярно публиковались правительствами многих стран, и, таким образом, примерно 60 стран были в состоянии предоставить свои данные международному сообществу. Однако собрать данные о стоимости ресурсов было сложнее, поскольку МИС приходилось полагаться на сложную инфраструктуру, созданную национальными статистическими управлениями и ассоциациями фермеров. Таким образом, в отчет были включены такого рода данные только по нескольким странам, и только по Германии были собраны исчерпывающие данные.

Однако отчет ПА преследовал две противоречивые цели. С тех пор это противоречие характерно для большинства дискуссий по сельскому хозяйству. С одной стороны, ПА и Лига Наций были обеспокоены проблемой дефицита: голод в России в 1921 г. вызвал первые усилия по оказанию гуманитарной помощи в Соединенных Штатах и напугал весь мир²⁰⁹. В предисловии к сборнику МИС говорилось, что «цель состоит в том, чтобы описать методы, которые могут быть использованы для оказания материальной и эффективной поддержки всем усилиям, направленным на увеличение количества и качества сельскохозяйственной продукции в сочетании со снижением цен»²¹⁰. С другой стороны, официальной задачей МИС была защита сельскохозяйственных классов. Очевидно, что фермеры были заинтересованы в сохранении относительно высоких цен на сельскохозяйственную продукцию. В отчете МИС признается, что цены на продукцию выросли, но данные о затратах на вводимые ресурсы свидетельствуют о том, что фермеры испытывают постоянные трудности. Цены на сельскохозяйственную продукцию были намного выше, чем в довоенный период, но их рост не соответствовал росту цен на промышленные товары. С кредитованием также было туго. В результате, даже если 1925 г. был относительно удачным для большинства фермеров по сравнению с тяжелыми потерями от послевоенного экономического спада, дефляционная политика и протекционизм уже нанесли ущерб многим странам. Эта проблема была известна во всем мире как преискурант, расхождение между сельскохозяйственными и промышленными ценами²¹¹.

В докладе подчеркивается существование дисбаланса между спросом и предложением, между сельскохозяйственными и промышленно развитыми странами, поскольку в нем подчеркивается тенденция изменения цен²¹². В нем также рассматривался профицит экспорта или импорта в различных регионах мира. Это была наглядная демонстрация контраста между точкой зрения

---

²⁰⁸ International Institute of Agriculture, *Agricultural problems in their international aspect* (1927).

²⁰⁹ On the American relief effort, see Bertrand M. Patenaude, *The big show in Bololand: the American relief expedition to Soviet Russia in the famine of 1921* (2002). The archive of the ПА shows the Institute's relative powerlessness when faced with famine, see for instance the pathetic indifference to the Chinese famine of 1921, in FAO, ПА, R8, ПА, *Famine en Chine*.

²¹⁰ International Institute of Agriculture, *Agricultural problems*, p. 7.

²¹¹ Friederich Aereboe, *Agrarkrisis und Land wirtschaftliche Betriebsorganisation* (1926).

²¹² International Institute of Agriculture, *Agricultural problems*, p. 7.

производителей и точкой зрения стран-потребителей, подчеркнутого Рут Яхертц и Александром Нутценаделем²¹³. Итоги конференции отразили эту напряженность. Аграрный блок так называемой «европейской периферии» (Польша, Венгрия, Болгария, Румыния и Греция) вступил в конфликт с промышленными странами северо-Западной Европы и их протекционистской политикой. Мы увидим, что ИА под руководством Джузеппе Де Микелиса попыталась разыграть эту карту в своем соревновании с Лигой Наций, представив себя как защитника аграриев и сельскохозяйственных стран против промышленных интересов, которыми руководствуется Лига. Как представитель фермеров, МИС был включен в состав консультативного комитета, который должен был следить за выполнением рекомендаций Экономической конференции. В состав комитета входили 35 членов, включая представителей МОТ, МИС и Международной торговой палаты²¹⁴.

III

В 1924 г., когда институт готовился к поездке в Женеву, руководство МИС приступило к обсуждению амбициозного проекта, который позволил бы описать взаимосвязи между спросом и предложением сельскохозяйственной продукции, а также между странами-экспортерами и странами-импортерами. В этот период многие статистики и экономисты работали над кривыми спроса и предложения и над оценкой взаимосвязей между ценами, спросом и предложением, но эта проблема не поддавалась прогнозированию²¹⁵. Конкретно, цель МИС состояла в том, чтобы провести обзор сельского хозяйства всего мира и предоставить статистикам надежную основу для их оценок сельскохозяйственного производства. Всемирная сельскохозяйственная перепись 1930 г. была гигантской попыткой скоординировать сбор данных о размерах ферм и урожайности в большинстве стран мира и, таким образом, обеспечить необходимую основу для оценки мирового производства. Средства были получены от Международного совета по образованию (ИЕВ) фонда Рокфеллера. Фонд Рокфеллера в межвоенный период финансировал многие проекты, возглавляемые европейскими учеными и Лигой Наций, в основном через Международный инвестиционный фонд и (отдельный) Совет по исследованиям в области социальных наук²¹⁶.

Важно отметить, что, хотя Соединенные Штаты не были членом Лиги Наций, они были членом МИС, что, вероятно, объясняет, почему Хобсону,

---

²¹³ Jachertz and Nützenadel, *Coping with hunger?*, p. 103.

²¹⁴ Archivo Nacional de la Administración de la Republica de Chile RR. Exteriores v2637, Ministerio de Relaciones Exteriores – República de Chile, Memoria de la delegación de Chile a la VIII Asamblea de la Sociedad de las Naciones, p. 65.

²¹⁵ This kind of study was the main field of application for Henry Schultz, *Statistical laws of demand and supply, with special application to sugar* (1928) and culminated with Ragnar Frisch, *Pitfalls in the statistical construction of demand and supply curves* (1933).

²¹⁶ On the importance of the SSRC, see Donald Fisher, *Fundamental development of the social sciences: Rockefeller philanthropy and the United States Social Science Research Council* (1993).

американскому делегату в МИС, удалось привлечь Министерство сельского хозяйства к этому проекту. Проект ПА, казалось, идеально вписывался в амбициозную «технократическую» программу, которая доминировала в США в 1920-х годах²¹⁷. Подготовка к переписи началась всерьез в 1925 г., когда назначенный руководитель переписи американец Леон М. Эстабрук, наконец, прибыл в Рим. Эстабрук – значимая фигура. В качестве сотрудника Министерства сельского хозяйства США он побывал в Аргентине и Парагвае (по «займу» у министерства), где помогал местным органам власти в создании управлений сельскохозяйственной статистики²¹⁸. Таким образом, он был примером того растущего класса американских экспертов, которые помогали американским и европейским правительствам при более или менее явной поддержке правительства США. Например, в те же годы так называемая комиссия Кеммерера посетила Чили, Эквадор и Боливию (а позже Польшу, Данциг и Латвию) для консультирования правительств по финансовым и валютно-кредитным вопросам²¹⁹.

Сельскохозяйственная статистика, как и государственные финансы, была экспортируемой практикой, основные институты которой могли быть воспроизведены (хотя и с разной степенью совершенства) в разных странах. Признание этих международных профессий, как показывает история самого Эстабрука, не было само собой разумеющимся. На государственной службе США не было общепризнанной международной учебной программы. Эстабрук поначалу сопротивлялся идее переезда в Рим, а когда сдался и переехал в Италию, то постоянно жаловался на еду и оливковое масло. Взаимодействие между американскими экспертами и европейцами, которые контролировали ПА, с самого начала оказалось трудным. Хотя ПА был вынужден принять американские деньги, они все же хотели провести перепись в соответствии со своими собственными приоритетами. Де Микелис, президент ПА с 1925 г., созвал Совет статистиков, который должен был контролировать проект и работу Эстабрука. Все члены Совета были европейцами. Наряду с представителями Италии, Франции и Великобритании, победителями войны, присутствовали три представителя аграрных государств Центральной и Восточной Европы (чех, болгарин и латыш)²²⁰.

---

²¹⁷ Nick Cullather. *The hungry world: America's Cold War battle against poverty in Asia* (2011), ch. 1, describes the pervasive role of calories during the Hoover administration.

²¹⁸ Leon M. Estabrook, *Agricultural survey of South America: Argentina and Paraguay* (1926) testifies of this activity; Estabrook kept extensive records of his missions to Latin America in his unpublished memoirs *Life of an American*, National Agricultural Library, Washington, DC, Estabrook MSS, box 1–3, pp. 1101–1500 of the original pagination.

²¹⁹ The Frank W. Fetter Papers in the David M. Rubenstein Rare Book and Manuscript Library document the activity of the commission in Guatemala, Ecuador, Chile, Bolivia, Poland, Latvia, Danzig and China; some details on the setting up Argentina's central bank may be found in Dosman, Raúl Prebisch, p. 95.

²²⁰ FAO ПА D2, *Commission internationale pour le recensement agricole*, Michelis, *Mesures pour la préparation du recensement agricole mondial: note du Président Rome, 10 Dec. 1925*. This committee was eventually enlarged to include more countries.

Столкновение между европейцами и американцами достигло кульминации в декабре 1925 г. Британский делегат и итальянский статистик Родольфо Бенини получили свои собственные формы, утвержденные постоянной ассамблеей МИС, вместо формы Эстабрука, когда последний находился в США. Потребовалась угроза американцев отозвать средства на проведение переписи, прежде чем планы Эстабрука были восстановлены, а планы Бенини отвергнуты²²¹.

Как указала Амалия Рибби Форклаз в своей статье, основные разногласия между Эстабруком и итальянцами в ПА касались основных элементов исследования. Эстабрук не разделял интереса итальянцев к муниципалитетам и считал, что геологическая и топографическая информация излишне усложнила бы сбор данных. Вместо этого он хотел собирать данные с ферм, как это было принято в сельскохозяйственной статистике США и Великобритании, а не с муниципалитетов, и его интересовали более масштабные операции, а не очень маленькие фермы. Более того, Эстабрук утверждал, что в опрос должны быть включены только наиболее распространенные сельскохозяйственные культуры и крупные коммерческие фермы, в то время как большинство европейцев интересовались социально значимыми мелкими производителями и культурами, имеющими региональное значение.

Несмотря на то, что компромиссное решение, достигнутое в 1926 г., соответствовало рекомендациям Эстабрука, план Бенини интересен тем, что он был гораздо ближе к общей концепции и желаниям европейского руководства ПА, чем проект, который в конечном итоге реализовал Эстабрук. План переписи, предложенный Бенини, воспроизводил европейскую статистическую практику и в точности соответствовал британскому и итальянскому подходам к сельскохозяйственной статистике. Итальянский статистик предложил выделить две группы стран. Статистически продвинутые страны собирали данные от отдельных фермеров, спрашивая каждого фермера, какая площадь у него или нее под каждой культурой, какова средняя продуктивность земли и сколько у него или нее скота. По сути, это был британский способ сбора сельскохозяйственной статистики, но он был дорогостоящим и требовал большого числа сборщиков данных²²².

Лишь несколько стран могли позволить себе этот метод. Всем остальным Бенини рекомендовал последовать примеру Италии, что, по его мнению, является хорошим средним путем. Вместо сбора данных по хозяйствам национальные статистические институты будут использовать данные муниципалитетов или их совокупности²²³. Муниципалитеты были

---

²²¹ Ribi Forelaz, 'Agriculture' offers a thorough account of this struggle.

²²² See for instance, Patrick G. Craigie, 'Memorandum on the methods employed in the collection of the annual agricultural statistics of Great Britain', Bulletin de l'Institut international de statistique, partie II (1903).

²²³ On municipalities in Italian statistics, Giovanni Favero, *Le misure del regno: Direzione di statistica e municipi nell'Italia liberale* (2001).

достаточно малы для того, чтобы местные чиновники могли оценить посевную площадь и средние показатели, но все же достаточно велики для того, чтобы ПА смог обработать данные. Бенини ожидал получить всего 700 000 «фишек» от муниципалитетов по всему миру. По мнению Бенини, у муниципалитетов было еще одно важное преимущество. Проблема экономической статистики заключалась в том, что крупномасштабное административное деление накладывало искусственные границы на такое явление, как сельское хозяйство, которое в значительной степени зависело от природных факторов и, таким образом, не знало границ. Бенини утверждал, что за пределами искусственных административных границ, установленных людьми, «гомо сапиенс» в самом благородном смысле этого слова, ...человек как истинный искатель истины, должен обращать внимание на реальные взаимосвязи между факторами производства и условиями окружающей среды²²⁴. Муниципалитеты представляли собой наилучший компромисс между административными границами и географическими единицами, что в то время вызывало всеобщее беспокойство, о чем, например, говорил великий немецкий статистик Майр²²⁵.

Перепись выявила бы взаимосвязанность мира, а не его разделение на национальные государства. По этой причине ему казалось важным, чтобы данные были представлены не по странам, а по более мелким территориальным единицам. Таким образом, он рассчитывал выяснить взаимосвязь между различными регионами мира с экологической и экономической точек зрения. Он хотел проверить модель фон Тюнена на практике.

Прусский экономист заявил, что доходность на единицу земли снижается в зависимости от удаленности от рыночных центров, и сделал вывод, что сельскохозяйственная деятельность будет осуществляться по определенным географическим схемам: в отдаленных регионах будут преобладать виды деятельности низкой интенсивности (такие как лесное хозяйство и производство мяса), а в отдаленных регионах – высокой интенсивности (такие как молочное хозяйство и огородничество). преобладает в районах, расположенных ближе к рынкам. Бенини ожидал, что перепись опишет сферы влияния наиболее важных городских центров и то, как они характеризуются различными вариантами и интенсивностью [землепользования]. Тогда можно было бы провести различие между районами, зависящими от импорта, и районами, готовыми к экспорту: изобразив их цветными картограммами, отличить регионы, где урожая достаточно для удовлетворения потребностей местных жителей, от тех, где

---

²²⁴ FAO, PA D2, Commission internationale pour le recensement agricole, Benini, Recensement agricole général 1930: Considérations et propositions, p. 2.

²²⁵ Mayr had proposed using 'natural regions' rather than administrative divisions. This question is discussed in Émil M. Levasseur, 'La statistique graphique', in Jubilee Volume of the Statistical Society of London (1885), and for Italian agricultural statistics in Ghino Valenti, 'Per l'ordinamento della statistica agraria in Italia', Bollettino Ufficiale del Ministero dell'Agricoltura, Industria e Commercio, II (1907).

урожая недостаточно, и тех, где есть продовольствие. Это позволило вмешаться, а именно: [обозначить] те районы, где урожайность сельского хозяйства может быть повышена за счет применения самых современных средств, и те районы, где земля может быть обработана и рекультивирована в соответствии со способностью данной территории поглощать естественный прирост населения или миграционные потоки, которые, возможно, могут быть направлены в другие районы²²⁶. Таким образом, Бенини определил мелиорацию земель и создание новых поселений на недостаточно эксплуатируемых землях как единственный верный способ обеспечить увеличение производства продовольствия при одновременном создании новых источников дохода для фермеров. Он не проводил различия между ценностью колониальных земель и «внутренней колонизацией» латифундий и мелиорированных земель. Бенини, безусловно, с пониманием относился к планам итальянского правительства на родине и в колониях, которые предусматривали самообеспечение продовольствием и мелиорацию земель, но важно подчеркнуть, что схожие идеалы вдохновляли политику большинства европейских стран и их колоний²²⁷. План Бенини, казалось, предлагал надежную статистическую основу для контролируемой торговли и миграции между районами мира с избытком производства и с дефицитом.

Успешно восстановив контроль над программой переписи, Эстабрук добился успеха в привлечении огромного числа стран. Он заявил, что только Либерия, Персия, Афганистан, Боливия и Парагвай не присоединились к проекту и что перепись охватит 98% населения земного шара и 92% территории земного шара²²⁸. В конце 1929 г. он, наконец, вернулся в США из Рима и обнаружил, что его бывший союзник Хобсон полностью отодвинул его на второй план в иерархии Министерства сельского хозяйства США: признак того, насколько хрупкой в то время все еще была карьера международных экспертов²²⁹.

Как только предварительная работа была закончена и все было устроено, статистическое управление МИС провело обработку данных за 1930 г., а затем контролировало процесс печати. В итоге только 37 стран и доминионов (из 200 стран и колоний) представили данные для публикации. Перепись укрепила представление о высокодифференцированном сельском мире, в котором в одних странах преобладают небольшие поместья и высокая урожайность с

---

²²⁶ FAO, IA D2, Commission internationale pour le recensement agricole, Benini, Recensement agricole général 1930: Considérations et propositions, p. 4: (author's translation).

²²⁷ For a survey of the impressive spread of internal colonization, see Jan G. Smit, 'Laendliche Neusiedlung in Mitteleuropa vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zur Gegenwart als nationalpolitisches Instrument. Ziele, zeitgenoessische Stellungnahmen und Ergebnisse', *Erdkunde* 40 (1986).

²²⁸ FAO, IA R15, Correspondance avec le Directeur du Bureau pour le Recensement agricole mondial de 1930, Leon M. Estabrook, Annual report of the director of the World Agricultural Census 1929, Rome 29 Sept. 1929, p. 1.

²²⁹ Ribí Forclaz, 'Agriculture', p. 63.

гектара, а в других – большие поместья и низкая урожайность²³⁰. Перепись была наиболее близкой к технократическому духу, который был присущ Лиге Наций. Это в значительной степени отражало идеалы начала 1920-х годов и растущую конкуренцию между МИС и Лигой. Однако напряженность в отношениях между этими двумя институтами, а также растущее недовольство итальянского фашистского правительства англо-французским господством в Лиге привели к тому, что МИС (действовавший в координации с итальянскими дипломатами) стал отличаться от Лиги, развиваясь в другом направлении²³¹. В Женеве, на заседаниях Экономического консультативного комитета Лиги, Де Микелис и руководство Института пытались укрепить уже существующие связи с представителями ассоциаций агрономов, такие, как Эрнст Лаур и Луи де Вогюэ из Международной сельскохозяйственной комиссии (ЦРУ), учреждения, сыгравшего определенную роль в зарождении МИС, как описано Никколо Миньеми в другом месте этого выпуска.

Эпизод, раскрывающий отношение Де Микелиса к «*burocrazia tecnica*» Лиги, произошел в 1927 г. Вернувшись в Рим с еще не остывшими впечатлениями от заседаний Консультативного экономического комитета Лиги, Дэвид Фергюсон, руководитель Бюро экономических и социальных исследований ПА, представил план полной реорганизации своего офиса. Он хотел превратить его в исследовательский центр по изучению бизнес-цикла и развития. Новое Бюро экономических и социальных исследований будет публиковать «индексы, отражающие циклические изменения, общие тенденции цен, производство и потребление, спрос и предложение, условия обращения и кредитования, покупательную способность в сельском хозяйстве и промышленности, динамику торговли», и наряду с этими данными оно будет предоставлять «экономические барометры сельского хозяйства».

Влияние температуры и дождевых капель на сельское хозяйство. Для выполнения этой задачи Фергюсон хотел нанять 20 новых «редакторов» и прогнозировал «значительные расходы». Однако де Микелис и Гвидо Руата, генеральный секретарь ПА не позволили Фергюсону развить свой департамент до уровня статистической «слоновости», который, по словам Кейнса, характеризовал Лигу Наций²³². Они очень четко указали на то, что проект нереалистичен даже для «технической бюрократии Лиги Наций», и в любом случае он не отвечает задаче МИС. МИС был создан не как исследовательский центр, а как «центр формирования мирового общественного мнения по вопросам, касающимся сельскохозяйственных законов и политики, чего можно достичь только единодушными международными действиями». Хотя МИС была известна в основном своими публикациями, как утверждал Де

²³⁰ ПА, First World Agricultural Census, vols 1–4, Rome (1939).

²³¹ FAO ПА, I17, Paulucci di Calboli Barone, Giacomo, L'attività economica della Società delle Nazioni.

²³² J. M. Keynes concluded his review of J. Tinbergen's volume on the world economic crisis published by the League by warning: 'It is a strange reflection that his book looks likely, as far as 1939 is concerned, to be the principal activity and raison d'être of the League of Nations', J. M. Keynes, 'Professor Tinbergen's method', Economic J. 49 (1939), p. 568.

Микелис, последние были лишь средством достижения цели, а именно представления интересов фермеров²³³.

IV

Планы Де Микелиса в отношении Бюро экономических и социальных исследований сильно отличались от предложения Фергюсона о превращении бюро в исследовательский институт по изучению бизнес-циклов. Де Микелис – ключевая фигура в этой истории. После изучения медицины в Лозанне и юриспруденции в Женеве он был назначен уполномоченным Италии по вопросам эмиграции и внутренней колонизации. В этом качестве он работал в тесном контакте с МОТ и был членом правления МОТ с 1920 г. по 1936 г. Его международный опыт и связи в сочетании с практическим опытом управления социальными изменениями сделали его полезным итальянскому фашистскому режиму, пришедшему к власти в 1922 г. В 1925 г. он стал президентом ИА (устав ИА закреплял эту должность за итальянцами)²³⁴. Примером подхода Де Микелиса к международному аспекту сельскохозяйственных проблем является программа *Enquête Agricole*, которую ИА запустил в 1928 г. Это исследование, как и план Фергюсона, отвечало пожеланиям Консультативного экономического комитета Лиги Наций. Первоначально это было предложение Фергюсона, но на этот раз Де Микелис одобрил план британского статистика. Причина, вероятно, заключалась в различных политических функциях, которые могло выполнять исследование (и в гораздо меньших затратах).

Для проведения расследования МИС может обратиться к сети недавно созданных органов: Международной постоянной комиссии сельскохозяйственных ассоциаций (СИРА), Международной координационной комиссии по сельскому хозяйству (СИСА), Международному научному совету по сельскому хозяйству (СИСА) и Экономическому комитету по сельскому хозяйству (СЕАг). В этих комитетах и советах научно-технический опыт сочетался с представлением интересов бизнеса. Целью СИРА была организация и координация деятельности национальных ассоциаций агрономов под эгидой ИА. Таким образом, это была самая передовая попытка МИС обеспечить представительство интересов фермеров. В решении этой задачи ИА конкурировал с Международной комиссией по сельскому хозяйству, возглавляемой де Воге, которая была создана самой консервативной организацией французских аграриев и землевладельцев – Обществом земледельцев Франции²³⁵. Другой комитет, СИСА, Международная комиссия по координации сельского хозяйства, был создан как внешнее

---

²³³ FAO, IА R20, David Ferguson, *L'organisation du bureau des études économiques et sociales and Ruata's rebuff*.

²³⁴ Stefano Gallo, *Il Commissariato per le migrazioni e la colonizzazione interna (1930–1940): per una storia della politica migratoria del fascismo* (2015) on De Michelis as Italian commissioner for emigration.

²³⁵ *On the rue d'Athènes*, Pierre Barral, *Les agrariens français de Meline a Pisani* (1968).

учреждение, в состав которого вошли представители Института во главе с де Воге. Международный научный совет по сельскому хозяйству, напротив, представлял собой комитет экспертов по сельскому хозяйству со всего мира, отобранных институтом по представлению национальных делегатов. CISA и CIPA участвовали в исследовании 1928 г., результаты которого были представлены в октябре 1929 г. на первом заседании другого консультативного комитета ИА – Сельскохозяйственного экономического комитета (CEAg).

Члены CEAg, в свою очередь, были выбраны из числа членов CISA с конкретной целью координации деятельности ИА с деятельностью LoN²³⁶. В своем письме министру-директору Германии Густаву Байеру Фелингу Де Микелис сообщил, что он хотел бы видеть немца Андреаса Гермеса, руководителя CISA. Швейцарец Эрнст Лаур и француз Жюль Готье будут представлять свои страны в CEAg.

Гермес, Лор и Готье демонстрируют удивительно схожие профили. Все трое внесли свой вклад в подготовку документации Всемирной экономической конференции 1927 г.: они были экспертами в области сельского хозяйства с мировым именем и лидерами аграрного движения в своих странах. Более того, Гермес в течение трех лет, с 1911 г. по 1914 г., работал в ИА в отделе экономики сельского хозяйства. Опять же, CEAg объединила в себе представление интересов в области сельского хозяйства и техническую экспертизу. Но отношения с Лигой Наций усложнили проблему, и Де Микелис быстро – и безуспешно – попытался избавиться и от Гермеса, и от Готье, когда они высказались в поддержку создания сельскохозяйственного комитета Лиги²³⁷. Его многочисленные комитеты были частично созданы для того, чтобы воспроизвести инклюзивное управление страной. МОТ, в состав которой вошли представители профсоюзов и работодателей, а также представители государств-членов. Как подчеркнул Миньеми, согласно уставу ИА, в постоянном комитете официально представлены только государства-члены. Таким образом, комитеты ассоциаций и экспертов (CIPA, CISA и

---

²³⁶ Interestingly, the 18 countries invited to the CEAg were, other than the European great powers, either European agricultural countries (Romania, Latvia, Spain, Denmark) or agricultural countries of the world 'periphery' (Australia, Brazil, Canada), FAO, ИА D5, Comité économique agricole, 1928–1935, Michelis, letter to the ministers of Germany, Australia, Brazil, Canada, Spain, France, Great Britain, Italy, Romania, Switzerland, Poland and Latvia, 8 Jan. 1929.

²³⁷ FAO ИА D5, Comité économique agricole, 1928–1935, Michelis, Letter to Gustav Beyer-Fehling, Rome 4 Feb. 1929 and letters to Beyer-Fehling and Maurice Lesage, 28 June 1929. On Hermes, leader of the Farmers Union of Germany, one of the founder of the Christian Democratic Union and a student of agricultural economy, see Heide Barmeyer, *Andreas Hermes und die Organisationen der deutschen Landwirtschaft: Christliche Bauernvereine, Reichslandbund, Grüne Front, Reichsnährstand, 1928–1933* (1971); Hermes was replaced by the Nazis, FAO, ИА D5, Comité économique agricole, 1928–1935, Letter from the Reichminister for food and agriculture to the President of the International Institute of Agriculture, 27 Dec. 1934; on Laur, Werner Baumann, *Bauernstand und Bürgerblock: Ernst Laur und der Schweizerische Bauernverband, 1897–1918* (1993); Jules Gautier was a member of the Conseil d'Etat (sec. de travaux publics) and the president of the National Confederation of Agricultural Associations.

СЕАg) были созданы для того, чтобы восполнить недостаток официального представительства ассоциаций²³⁸. Запрос был направлен на то, чтобы зафиксировать жалобы и пожелания аграриев по всему миру. 14 сентября 1928 г. Де Микелис написал, что исследование представит в Женеве «экономическую ситуацию в сельском хозяйстве... такой, какой ее оценивают сами фермеры»²³⁹.

Вопросы, подготовленные Фергюсоном, касались основных сельскохозяйственных культур, проблемы таможенных пошлин, показателей сельскохозяйственного производства в сравнении с промышленным производством и общей оценки экономического положения сельского хозяйства. В конце анкеты ассоциациям предлагалось предложить меры по преодолению экономического кризиса. СІРА удалось привлечь ассоциации из 24 стран (Норвегия, Дания, Нидерланды, Англия, Шотландия, Ирландское свободное государство, Бельгия, Франция, Испания, Италия, Швейцария, Венгрия, Австрия, Румыния, Польша, Латвия, Алжир, Тунис, Южно-Африканский союз, Канада, Бразилия, Восточная Голландия Индии, Филиппин и Германии). Ответы, полученные от этих ассоциаций, и ответы, полученные от экспертов по сельскому хозяйству СІСА, выглядят чрезвычайно похожими. В целом высказывались сожаления по поводу того, что цены на сельскохозяйственную продукцию выросли гораздо меньше, чем цены на промышленную продукцию, и, следовательно, прибыль резко снизилась, в то время как процентные ставки резко возросли²⁴⁰. Ценовой разрыв (*price gap*) вновь стал основной причиной сельскохозяйственного кризиса. Генеральный секретарь ІА Бриси заключил: «Мы можем подтвердить, что основная причина неблагоприятных экономических условий заключается в том, что цены на сельскохозяйственную продукцию упали гораздо более значительно – и, следовательно, стали намного ближе к довоенному уровню – чем цены на продукты, которые вынуждены покупать сельскохозяйственные классы»²⁴¹.

Расследование 1928 г. и создание СЕАg ясно показывают стратегию Де Микелиса. Причудливое разрастание комитетов и советов (СІРА, СІСА, СІСА и СЕАg) явно было призвано уравновесить одиночество, которое воспринималось как слишком далекое от интересов аграриев и сельскохозяйственных стран. Возможно, по предложению итальянского правительства МІС создавал свою собственную сеть экспертов, чтобы создать общий фронт аграриев и сельскохозяйственных стран против духа Лиги Наций. Но, как это ни парадоксально, эта стратегия нуждалась в LoN, и

²³⁸ Constitution of the ILO, art. 3, par. 1.

²³⁹ FAO, ІА R28, Enquete agricole 1928 (author's translation).

²⁴⁰ Giovanni Federico, 'Not Guilty? Agriculture in the 1920s and the Great Depression', JEcHist. 65 (2005) denies the significance of the Preisschere for the general economic crisis of 1929, but believes that credit might have had an effect.

²⁴¹ FAO Archive D5 comité économique agricole, 1928-1935, Brizi, ІА, Comité économique agricole, Іère Session, 1–3 Octobre 1929, Enquetes complémentaires sur les conditions générales de l'Agriculture et documentation ordinaire de l'Institut, partie Пème, p. 16.

она имела смысл лишь постольку, поскольку консультативные органы Лиги предоставляли ПА необходимую аудиторию. Таким образом, цель состояла в том, чтобы сделать ПА поставщиком сельскохозяйственной информации для Лиги и помешать Лиге развивать свой собственный исследовательский потенциал в этой области.

V

Важность этих статистических проектов МИС, независимо от конкретных стратегий, которые они раскрывают, не следует недооценивать. Они обеспечили первую основу для понимания глобальных дисбалансов спроса и предложения. ФАО Организации Объединенных Наций, которая в конце 1940-х годов поглотила МИС, по-прежнему проводит сельскохозяйственные переписи. Отчеты по МИС 1920-х годов предвосхитили многие темы, которые доминировали в 1930-х годах и в последующий период: ухудшение условий торговли сельскохозяйственными товарами, их избыточное предложение, обоснование протекционистской политики и индустриализации, а также устойчивость мелких фермерских хозяйств. И все же подход МИС существенно отличался от опыта ФАО, накопленного после Второй мировой войны. Инициативы МИС нуждались в поддержке правительств, но в основе их лежал идеал взаимодействия с представителями сельскохозяйственных организаций, который почти полностью исчез из межправительственной практики Организации Объединенных Наций.

Статистическая практика МИС была сформирована с учетом интересов ассоциаций сельскохозяйственных организаций. Сельскохозяйственные организации были незаменимы для сбора микроданных о расходах и доходах, и Институт активно привлекал к участию сельскохозяйственную элиту различных стран-участниц. Тем не менее, мы, вероятно, были бы введены в заблуждение, если бы интерпретировали мобилизацию экспертных знаний заинтересованных групп международными организациями в межвоенный период как начало формирования международного гражданского общества. Джузеппе Де Микелис и Эдоардо Пантано хотели воспроизвести в международных организациях «систему посредничества между заинтересованными группами, каким-то образом постоянно включенную в процесс принятия государственных решений», систему, которую Чарльз С. Майер назвал это «корпоративизмом»²⁴². Отношения между МОТ и фашистским режимом были намного лучше, чем между Лондоном и Италией до вторжения в Эфиопию, – вероятно, представляет собой прецедент для идей Де Микелиса²⁴³. Однако МОТ имела трехстороннюю структуру, которая была

---

²⁴² Charles S. Maier, *Recasting bourgeois Europe: Stabilization in France, Germany, and Italy in the decade after World War I* (1975), pp. 580ff.

²⁴³ According to Stefano Gallo, 'Dictatorship and international organizations. the ILO as a "test ground" for Fascism', in Sandrine Kott and Joëlle Droux (eds), *Globalizing social rights. the International Labour Organization and beyond* (2013), the ILO remained a site of ideological

призвана институционализировать классовую борьбу и включала представителей работодателей и наемных работников наряду с представителями государства, в то время как руководство МИС полностью игнорировал социальные конфликты в сельском хозяйстве. Своего рода корпоративистское представление сельскохозяйственных интересов, предпринятое руководством МИС в 1920-х и начале 1930-х годов, опиралось на консервативную мобилизацию сельскохозяйственных классов, которая, со всеми ее неясностями, началась в конце XIX в. Это предполагало наличие общих интересов у сельскохозяйственных классов, что превращало пространственные различия (городские и сельские) в экономические различия (промышленные и сельскохозяйственные). Социологи, особенно экономисты-аграрии, были главными сторонниками такого эссенциализирующего дискурса²⁴⁴. Отрицание внутреннего конфликта в сельском хозяйстве сочеталось с воинственной ролью, которую Де Микелис отводил МИС как представителю сельскохозяйственных производителей на мировой арене.

Благодаря своей институциональной структуре и глубоким идеологическим принципам, МИС выражала понимание мировой сельскохозяйственной системы, которое резко отличалось от подхода, в конечном итоге разработанного в Лиге Наций экспертами из Британской империи. Научные усилия технических учреждений Лиги Наций, которые в конечном итоге стали доминировать в ФАО в послевоенные годы, были сосредоточены на борьбе с голодом, потребностях в питании и недопроизводстве продовольствия. Вместо этого МИС настаивал на том, что низкие цены на сельскохозяйственные товары угрожают благосостоянию фермеров²⁴⁵. Именно покупательная способность фермеров беспокоила МИС.

Эти два подхода совпадали только в проектах по интенсификации землепользования и расширению предложения земли нуждающимся в ней фермерам. Более того, как заметили Клавин и Амрит в 2013 г., защита «сельскохозяйственных классов» не была политически нейтральной. Требования сельскохозяйственных классов, когда они высказывались без учета классовых различий между владельцами, арендаторами, мелкими землевладельцами и т.д., часто сочетались с националистическими

‘experimentation’ for socialists, not immune to flirting with Italian corporatist ideology; this was perhaps the case with the Belgian Henri de Man, who would later head a collaborationist government in Belgium, and was one of the candidates for the succession to Thomas, see Michel Brélaz, *Henri de Man: une autre idée du socialisme* (1985), pp. 605ff.

²⁴⁴ Pierre Cornu and Jean-Luc Mayaud, ‘Introduction. Le temps retrouvé de l’agrарisme? Réflexion critique sur l’historicité et l’actualité d’un paradigme’, in Pierre Cornu and Jean-Luc Mayaud (eds), *Au nom de la Terre: agrарisme et agrariens, en France et en Europe, du 19e siècle à nos jours: actes du 23e colloque de l’Association des ruralistes français* (2007), p. 14.

²⁴⁵ Amrith and Clavin, ‘Feeding the World’, p. 30. The IIA repeatedly reiterated its concern for ‘the reduction in purchasing power, an inevitable result of the fall in agricultural prices’, for instance in its Memorandum on the World Crisis in relations to the agriculture of the European States, with particular reference to unemployment, 1931: http://biblio-archive.unog.ch/Dateien/CouncilMSD/C-323-M-148-1931-VII_EN.pdf

аргументами против послевоенного порядка, установленного Версалем и Лигой. Поэтому неудивительно, что отношения между ПА и Лигой так быстро ухудшились. Как это ни парадоксально, но, несмотря на ожесточенную борьбу, которую вела ПА за сохранение своей независимости от Лиги Наций, включение данных Института в ежегодник Лиги имело решающее значение для их распространения. Благодаря этому включению данные Института о производстве и торговле стали широко использоваться при обсуждении экономического кризиса 1929 г. и аграрного кризиса. Они внесли свой вклад в разработку концепции глобальной продовольственной системы с учетом географии производства, производственных затрат и экспорта, которая оставалась влиятельной далеко за пределами существования самого института. В частности, данные МИС привели к созданию таксономии стран мира, которая была повторена разными авторами с небольшими отличиями²⁴⁶. Эта таксономия настаивала на существовании промышленного ядра и различных периферийных районов: европейской периферии, состоящей из Южной, Центральной и Восточной Европы, богатых земель сельскохозяйственных гигантов (Аргентина, Канада, Австралия, Бразилия, Россия) и зависимой периферии страдающих от голода стран (Китай, многие африканские страны). колонии и, все чаще, Индия). Как ясно показал проект Бенини, регионы, где земли было много, а урожайность на гектар низкая, необходимо было осваивать и заселять людьми, приезжающими из перенаселенных регионов мира.

С одной стороны, это было видение с периферии: оно подчеркивало, насколько болезненным был новый мир для аграриев и сельскохозяйственных стран и как сильно они страдали от протекционизма и торгового дисбаланса. В этом смысле роль Аргентины – ведущей страны в сельскохозяйственном производстве, которая сильно пострадала от растущей автаркии в основных странах, – была замечательной. Экономист и глава центрального банка Рауль Пребиш, наряду со своим будущим другом Карлосом Бреббиа из ПА, был в числе экспертов, подготовивших подготовительный документ к Всемирной конференции по экономике и валютному регулированию, состоявшейся в Лондоне в 1933 г.²⁴⁷ В своем проекте эксперты сосредоточились на проблемах передачи цикла от промышленного ядра к сельскохозяйственной периферии. Страны, в которых преобладает сельское хозяйство, страдают от того же самого преискуранта (увеличивающегося разрыва между промышленными ресурсами и сельскохозяйственной продукцией), который затрагивает фермеров внутри стран. Благодаря Пребишу, в частности, таксономическое наследие МИС нашло отражение в дискуссиях о развитии во второй половине

---

²⁴⁶ For instance, Vladimir P. Timoshenko, *World agriculture and the depression* (1933), Mario Bandini, *Agricoltura e crisi* [Agriculture and crisis] (1937).

²⁴⁷ Prebisch declared that he met Brebbia during the preparations for the conference, Julio González del Solar, 'Conversaciones con Raúl Prebisch' (1983) [www.facso.uchile.cl/publicaciones/moebio/25/mallorquin.htm].

XX в. и внесло свой вклад в формирование устойчивого образа мира, иногда конкурируя с политикой, опирающейся на опыт ФАО ООН.

Однако, с другой стороны, концепция, предложенная руководством МИС и их союзниками из организаций фермеров, была полна противоречий. Одних статистических данных было недостаточно для учета противоречивых интересов стран. Однако противоречия глубоко укоренились в системе управления институтом. Единого фронта аграриев и сельскохозяйственных стран не существовало, и итальянское правительство, несмотря на всю свою поддержку инициатив МИС и всю свою якобы аграрную позицию, в 1925 г. повысило таможенные пошлины на импорт пшеницы. Вскоре после этого Муссолини начал борьбу за увеличение внутреннего производства пшеницы и сокращение масштабов ее импорта. Наиболее наглядная демонстрация того, что аграрии не смогли согласовать расходящиеся национальные интересы, произошла после Всемирной экономической и валютной конференции, состоявшейся в Лондоне в 1933 г. В рамках конференции крупнейшие страны-производители зерна подписали соглашение, которое устанавливало производственные квоты и координацию тарифов, но соглашение так и не было реализовано, и подписавшие его стороны предпочли прибегнуть к протекционизму и внутренней поддержке цен.

VI

В межвоенные годы МИС при поддержке дипломатии Италии и других стран пыталось найти для себя новую роль в конкуренции с Лигой Наций. Для реализации этой стратегии МИС требовалась международная арена, на которой она могла бы продвигать свою аграрную программу. Однако в течение 1930-х годов МИС быстро утратила свою значимость, поскольку ее руководство стало более радикально фашистским и, в частности, после выхода Италии из Лиги Наций в 1937 г. Теодор Портер показал, что «стремление к объективности» было важнейшей, но противоречивой движущей силой в истории количественной оценки социальных фактов²⁴⁸. Критически настроенные историки иногда интерпретировали стремление к объективности как «объективирующий, технократический разум»²⁴⁹.

История, рассказанная в этой статье, показывает, что объективность не была четким критерием экономической экспертизы в межвоенные годы. Лига проводила различие между «политическими» и «техническими» вопросами, причем первые относились к межправительственным переговорам, а вторые – к «объективной» экспертизе. Но Клавин подчеркнул ограниченность и, в конечном счете, надуманность этого различия. Правительства, с одной стороны, пытались придать отчетам Лиги такую форму, которая препятствовала бы их критике. С другой стороны, институты Лиги часто

---

²⁴⁸ Theodore M. Porter, *Trust in numbers: the pursuit of objectivity in science and public life* (1995).

²⁴⁹ Tooze, *Statistics and the German state*, p. 285.

пытались «скрыть политическое значение вопросов, которые она хотела бы вынести на международное рассмотрение», объявляя их чисто техническими вопросами²⁵⁰.

Как мы видели, ИА отреагировал на скрытую политическую программу Лиги Наций своей собственной политической программой, которая повлияла на его статистику. Осознавая, что она не может конкурировать с Лигой в плане общей экономической экспертизы, ИИС стал специализироваться на методологически более консервативных видах экспертизы. По-прежнему предоставляя актуальную статистику производства и торговли, Лига сознательно отказалась от возможности расширить свои возможности в области анализа бизнес-цикла, что является важной областью знаний Лиги. Что касается экономического анализа, то Бюллетень сельскохозяйственной и коммерческой статистики ИИС никогда не выходил за рамки очень грубой описательной обработки данных. Под руководством Де Микелеса ИА решил вместо этого сосредоточиться на другой задаче, которая сочетала бы технический опыт и открыто политическую позицию, стирая грань между «техническим» и «политическим». По мнению Де Микелеса, исследование 1928 г., в котором была обобщена точка зрения ассоциаций фермеров, было более важным для ИИС, чем экономический анализ. Представление себя представителем аграрных интересов требовало иных критериев «объективности». Лига Наций внесла свой вклад в формирование мировых институтов, которые возникли после Второй мировой войны, во многом благодаря способности ее экспертов в области экономики и финансов быть инновационными и научно-сложными. Из-за узкого понимания своей миссии старый институт быстро канул в лету в послевоенном мире, и на смену ему, как в институциональном, так и в политическом плане, пришла ФАО.

Перевод Александра Оришева

Выходные данные статьи: Federico D'Onofrio Agricultural numbers: the statistics of the International Institute of Agriculture in the Interwar period. *Agricultural History Review*, Volume 65 Part 2 (2017), pp. 277-296.

---

²⁵⁰ Clavin, *Securing the world economy*, p. 15.

МИРОВОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КРИЗИС И БРИТАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЛИГЕ НАЦИЙ В 1931 ГОДУ

Мадлен Линч Данги

Аннотация. В данной статье рассматривается генезис и конечный провал программы кредитования, спонсируемой Лигой Наций для помощи фермерам в Центральной и Восточной Европе. Первоначально этот проект получил мощную поддержку со стороны нескольких различных групп британских чиновников, для которых он стал продвижением политики европейского участия. Его Краткая история проекта показывает, как глобальный сельскохозяйственный кризис повлиял на британскую внешнюю политику в критический переломный год.

В переломном 1931 г. мировой сельскохозяйственный кризис повлиял на британскую внешнюю политику. Стремительное падение мировых цен на сельскохозяйственную продукцию, начавшееся в 1929 г., дало мощный толчок движению за единство империи и одновременно вызвало новые призывы к солидарности между европейскими производителями и потребителями продовольствия. Эти конкурирующие требования решительно ограничивали усилия по сохранению роли Британии в европейской экономической политике и политике безопасности во время наступления Великой депрессии.

1931 г. стал переломным моментом в британской политике в отношении Европы. В 1920-е годы британские лидеры использовали Лигу Наций для содействия политической стабилизации и экономическому восстановлению континентальной Европы. Однако, когда в марте 1931 г. предложение о создании австро-германского таможенного союза в марте 1931 г. вызвало в Европе дипломатическую бурю, которая дестабилизировала систему Лиги Наций.

Британский кабинет намеренно занял «пассивную» позицию. Напряженность вокруг таможенного союза расстроила и без того нестабильные финансовые рынки, что привело к масштабному банковскому кризису, который распространился по всей Центральной Европе, а летом достиг Великобритании.

Хотя историки тщательно изучали переориентацию британской внешней политики в 1931 г., они не исследовали систематически влияние глобального сельскохозяйственного кризиса на этот процесс²⁵¹. В этой статье показано, что

---

²⁵¹ See notably, D. Kaiser, *Economic diplomacy and the origins of the Second World War* (1980), pp. 81–99;

R. Boyce, *British capitalism at the crossroads, 1919–1932: a study in politics, economics, and international relations* (1988), pp. 241–369; P. Williamson, *National crisis and National Government: British Politics, the Economy,*

and Empire, 1926–1932 (1992); Z. Steiner, *The Lights that failed: European international history, 1919–1933* (2005), pp. 685–796; P. Cohrs, *The unfinished peace after World War I: America, Britain and the stabilisation of Europe, 1919–1932* (2008), pp. 572–602; R. Boyce, ‘The

забота о бедствующих фермерах в Соединенном Королевстве и империи была решающим фактором британской дипломатии в Европе в 1930-1931 годах. Одной из ключевых последних попыток сохранить роль Великобритании в континентальной экономической политике и политике безопасности до падения лейбористского правительства была программа многостороннего сельскохозяйственного сотрудничества, Международная сельскохозяйственная ипотечная кредитная компания (далее – IAMCC). Это была программа кредитования, спонсируемая Лигой Наций и ориентированная на фермеров в Центральной и Восточной Европе.

Европа. В этой статье мы проследим его происхождение и окончательное поражение.

IAMCC, в первую очередь, не был британским проектом. Он был направлен на привлечение незанятого капитала из Франции к нуждающимся фермерам в Центральной и Восточной Европе. Это был ответ на просьбу о помощи, поданную в Лигу группой представителей стран Центральной и Восточной Европы.

Руководители Банка Англии и Министерства финансов стремились стимулировать экспорт французского капитала и укрепить доверие к европейским финансовым рынкам, чтобы снизить давление на фунт. Артур Хендерсон, министр иностранных дел, надеялся нейтрализовать геополитическую напряженность в бассейне Дуная, где, как считалось, немцы пытались создать сферу влияния.

Эти финансовые и политические цели стали особенно актуальными после объявления плана создания австро-германского таможенного союза в марте 1931 года. Сторонники единства империи, тем не менее, продолжали энергично выступать против создания Австро-германского таможенного союза.

Резкое снижение мировых цен на сельскохозяйственные культуры, начавшееся в 1929 г., предъявило новые требования к британским фермерам. Это дало мощный толчок движению за единство империи и одновременно вызвало новые призывы в Лиге солидарности между европейскими производителями и потребителями продуктов питания. Краткая история IAMCC показывает, как эти противоречивые требования сформировали британскую дипломатию в Лиге в решающий 1931 г.

Великая депрессия. Кризисные условия стимулировали международные институты, которые не были конкретизированы. Это привело к некоторому напряжению в сотрудничестве с устоявшимися сетями экспертов в области сельского хозяйства, такими как Международный институт сельского хозяйства.

В 1920-х годах британские официальные лица использовали Лигу для содействия сотрудничеству в области безопасности, финансовой реконструкции и либерализации торговли в Европе. После войны

Significance of 1931 for British Imperial and International History', *Histoire@Politique* 11 (2010) [www.histoire-politique.fr].

базирующиеся в Лондоне финансовые институты и экспертные сети были в центре движения за восстановление международного золотого стандарта. Лондонские банкиры и британские финансовые чиновники помогли организовать ряд спонсируемых Лигой займов правительствам Австрии, Венгрии, Греции, Болгарии, Эстонии и вольного города Данциг с целью восстановления валютной стабильности в Центральной и Восточной Европе.

Восточная Европа. Представители Министерства торговли также использовали Лигу для продвижения либеральных коммерческих норм посредством ряда многосторонних договоров²⁵².

Во второй половине 1920-х годов Министерство иностранных дел поддержало формальные, но ограниченные обязательства Великобритании по обеспечению безопасности в Европе. Подписав Локарнские договоры 1925 года, Великобритания гарантировала западные границы Германии.

Остин Чемберлен, министр иностранных дел Великобритании с 1924 по 1929 г., рассматривал эти договоры как основу для нового объединения Европы²⁵³.

Во время и после Первой мировой войны Британия ввела ограниченную систему имперских тарифных преференций; британские налоговые пошлины на «роскошные» продукты питания, такие как сухофрукты, применялись по сниженной ставке к продуктам из империи. Впоследствии консерваторы настаивали на введении более всеобъемлющего режима имперских преференций, но для этого потребовалось бы введение из-за непопулярных тарифов на импорт продовольствия в Великобританию. Консерваторы проиграли выборы, посвященные этому вопросу, в 1923 г., отчасти из-за того, что избиратели выступали против «продовольственных налогов»²⁵⁴.

В конце 1920-х годов, по мере того как в Британии набирало силу движение за единство империи, на континенте набирало силу движение за европейскую экономическую солидарность. В 1929 г. министр иностранных дел Франции Аристид Бриан попытался объединить сторонников европейского экономического единства вокруг общей программы. Он призвал к созданию «некоего федерального звена» между европейскими государствами под эгидой Лиги, прежде всего в экономической сфере²⁵⁵.

---

²⁵² A. Orde, *British policy and the European reconstruction after the First World War* (1990), pp. 108–145, 266–315; Y. Cassis, *Capitals of capital: the rise and fall of international financial centres, 1780–2009* (trans., Jacqueline Collier, 2006), pp. 161–7; Boyce ‘Significance of 1931’.

²⁵³ R. Grayson, *Austen Chamberlain and the commitment to Europe: British foreign policy, 1924–29* (1997), pp. 84–93; A. Henderson, *Consolidating world peace (1931)*; D. Carlton, *MacDonald versus Henderson: The foreign policy of the second Labour Government* (1970), pp. 73–99.

²⁵⁴ I. Drummond, *British economic policy and the Empire, 1919–1939* (1972), pp. 51–70; Boyce, *British capitalism*, pp. 87–9; J. O’Brien, ‘F. L. McDougall and the origins of the FAO’, *Australian J. Politics and Hist.* 46 (2000), pp. 165–8; F. Trentmann, *Free trade nation: Commerce, consumption, and civil society in modern Britain* (2008), pp. 222–7.

²⁵⁵ On debates about the formation of European sub structures within the League of Nations, see notably: S. Schirmann (ed.), *Organisations internationales et architectures européennes, 1929–1939* (2003); P. Clavin, ‘Europe and the League of Nations’, in Robert Gerwarth (ed.), *Twisted Paths: Europe 1914–1945* (2006), pp. 325–54;

«План Бриана» в Уайтхолле был в целом воспринят негативно. Многие официальные лица опасались, что он будет способствовать региональному сближению в других частях земного шара, что поставит под угрозу единство Британской империи. Даже те, кто поддерживал сильную роль Великобритании в европейских делах, скептически отнеслись к этому плану, опасаясь, что он ослабит авторитет правительства.

Лига. Хотя Хендерсон и разделял эти опасения, он не мог позволить себе сразу отвергнуть план Бриана. Хендерсон был глубоко привержен разоружению Лиги. В 1931 г. его назначили председателем Конференции по разоружению, и Бриан был важным сторонником этого дела. Хендерсон в частном порядке сообщил Бриану, что Британия не сможет участвовать в европейской торговой системе, и поддержал предложение Бриана о создании нового исследовательского комитета Лиги – Комиссии по расследованию Европейского союза. Он проходил под председательством самого Бриана и стал известен как Комитет Бриана²⁵⁶.

II

Летом 1930 г. движение за создание европейской экономической структуры в рамках Лиги было возрождено сторонниками международного сельскохозяйственного сотрудничества в Центральной и Восточной Европе. Они попытались использовать Комитет Бриана для разработки многосторонней программы помощи европейским фермерам, испытывающим трудности. К 1929 г. фермеры по всему миру столкнулись с резким снижением цен на сырьевые товары и ужесточением условий кредитования. В 1929 г. средняя цена экспорта сельскохозяйственной продукции снизилась на 20% и 1930 г. и еще на 25% в период с 1930 г. по 1931 г.²⁵⁷

Цены на сельскохозяйственные товары падали гораздо быстрее, чем цены на промышленные товары. Например, в Румынии в период между 1929 и 1933 гг. стоимость импорта снизилась на 34%, а стоимость экспорта снизилась на 60%, что означало, что Румыния должна была увеличить экспортные продажи на 25%, чтобы поддерживать то же количество

J. Bariéty (ed.), *Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe, 1919–1932* (2007); Note 5 continued *europäische Einigung zwischen den Kriegen*, *Europäische Geschichte Online* (2010), www.ieg-ego.eu/schulzm-2010a-de; A.-I. Richard, 'Competition and complementarity: civil society networks and the question of decentralizing the League of Nations', *J. Global Hist.* 7 (2012), pp. 233–56; J.-M. Guieu, 'The debate about a European institutional order among international scholars in the 1920s and its legacy', *Contemporary European Hist.* 21 (2012), pp. 319–37.

²⁵⁶ R. Boyce. *The great interwar crisis and the collapse of globalization* (2009), pp. 252, 269–70; id., 'The Briand Plan and the crisis of British Liberalism', in A. Fleury (ed.), *Le Plan Briand d'Union fédérale européenne* (1998), pp. 121–44; Steiner, *Lights that failed*, pp. 585–7; C. Schwarte, *Le Plan Briand d'Union Européenne: De sa genèse au Quai d'Orsay à son échec dans la diplomatie des grandes puissances Européennes (1929–1931)* (2014), pp. 439–49.

²⁵⁷ D. Rothermund, *The global impact of the Great Depression* (1996), pp. 38–47; B. Eichengreen, *Golden fetters: the gold standard and the Great Depression* (1992), p. 228.

импорта²⁵⁸. Потому что процентные ставки в крупнейших мировых хранилищах золота – США и Франции – резко возросли как раз в тот момент, когда цены на урожай начали стремительно падать, обслуживая международные долги стали чрезвычайно дорогими для экспортеров сельскохозяйственной продукции. Например, с 1928 г. по 1931-1932 годы доля расходов на обслуживание долга в экспортных поступлениях возросла в Югославии с 18,1% до 36%, а в Румынии – с 14,6% до 36%.²⁵⁹ Кроме того, экспортеры сельскохозяйственной продукции столкнулись с растущими торговыми барьерами. В Европе в 1931 г. тарифы на сельскохозяйственные товары были в среднем в два раза выше, чем в 1927 г., в то время как тарифы на пшеницу были в пять раз выше²⁶⁰.

Сельскохозяйственный кризис, начавшийся в 1929 г., был глобальным в том смысле, что о снижении цен быстро стало известно через товарные рынки, объединяющие фермеров по всему миру.

Действительно, историки-клиометристы подчеркивали развитие интегрированных и обширных товарных рынков в XIX веке как основное свидетельство того, что это была эпоха «глобализации»²⁶¹. В этой статье показано, что сельскохозяйственный кризис был глобальным и в XIX в. Возникает ощущение, что это породило новую напряженность между крупными наднациональными политическими структурами, такими как Лига Наций и Британская империя²⁶².

В 1929 и 1930 гг. снижение цен на сельскохозяйственные культуры способствовало укреплению поддержки имперских преференций в Великобритании и доминионах. Вопрос о тарифных преференциях занимал центральное место на Лондонской имперской конференции, состоявшейся осенью 1930 г. и вызвавшей значительное напряжение в кабинете лейбористов.

На Имперской конференции премьер-министр Канады выступил с предложением значительно расширить существующие имперские преференции, введя общее повышение тарифов на неимперский импорт на 10%. Среди лидеров лейбористской партии сложился довольно сильный консенсус против этой схемы – на том основании, что она ляжет неприемлемым бременем на продовольственные бюджеты Великобритании, – но возникли резкие разногласия по поводу того, насколько категоричным должен быть отказ Кабинета министров.

Государственный секретарь по делам доминионов Джеймс Генри Томас хотел предложить конструктивную альтернативу; он высказался за введение

---

²⁵⁸ I. Berend, *Decades of crisis: Central and Eastern Europe before World War II* (1998), p. 256.

²⁵⁹ D. Aldcroft and S. Morewood, *Economic change in Eastern Europe since 1918* (1995), p. 56

²⁶⁰ G. Federico, *Feeding the world: an economic history of agriculture, 1800–2000* (2010), p. 194.

²⁶¹ See for example K. O'Rourke and J. Williamson, 'When did globalization begin?' *European Rev. Economic Hist.* 6 (2002), pp. 23–50.

²⁶² John Darwin proposes a model of global history that includes both economic 'connectedness' and the confrontation of large structures of political power in *After Tamerlane: the global history of Empire since 1405* (2007).

квот на импорт британской имперской пшеницы или, по крайней мере, на твердое обязательство сохранить существующие тарифные преференции на несколько лет. В отличие от этого, министр финансов Филип Сноуден решительно выступил как против канадской системы преференций, так и против встречных предложений Томаса. Премьер-министр Рамсей Макдональд в конце концов убедил Сноудена и Томаса согласиться на средний курс: они сохраняют текущие предпочтения до тех пор, пока этот вопрос не будет рассмотрен на последующей имперской конференции в Оттаве, запланированной на осень 1931 г.²⁶³

В Центральной и Восточной Европе был проведен ряд конференций для обсуждения коллективных мер реагирования на сельскохозяйственный кризис. На самую крупную, Варшавскую конференцию, съехались представители Болгарии, Эстонии, Латвии, Венгрии,

На Ассамблее Лиги в сентябре 1930 г. был представлен список резолюций в поддержку международного экономического сотрудничества. В этих резолюциях предлагалось специальное отступление от существующих обязательств по договору о наиболее благоприятствуемой нации, с тем чтобы позволить западноевропейским правительствам предоставлять экспортерам сельскохозяйственной продукции из Центральной и Восточной Европы льготные тарифы.

Они также рекомендовали создать совместные системы хранения и сбыта зерна для стабилизации цен, а также международную программу кредитования²⁶⁴. Лидеры лейбористской партии раскритиковали как предложение о тарифных преференциях для европейских сельскохозяйственных товаров, так и негативную реакцию, которую оно вызвало у Индии и доминионов. В Лиге Ассамблее, делегации Индии и доминионов выразили совместный протест против предложения о европейских тарифных преференциях. В своем отчете об Ассамблее на общем собрании Мэри Гамильтон, член парламента от лейбористской партии из Чатем-Хауса, входившая в делегацию Британской лиги, заявила, что предложение о европейских тарифных преференциях: «заставило представителей доминионов вскочить на ноги в знак протеста, столь же поразительного, сколь и наивного. Им показалось отвратительным, что мы вообще обсуждаем региональные соглашения; это вообще не входило в компетенцию Комитета. Они энергично протестовали против этого... и в то же время подчеркивали безусловное право Австралии, Канады, Новой Зеландии

---

²⁶³ Williamson, *National crisis and national government*, pp. 82–3; Boyce, *British capitalism*, pp. 272–5; Drummond, *British economic policy and the empire*, pp. 67–9; A. Howe, *Free Trade and Liberal England, 1846–1946* (1997), pp. 293–4.

²⁶⁴ On the agrarian conferences in Central and Eastern Europe in summer and autumn of 1930: Anon, 'The International Wheat Conferences during 1930–1931', *Wheat Studies of the Food Research Institute* 7 (1931), pp. 441–3; DGH, 'The European agrarian bloc', *Bulletin of International News* 7 (1930), pp. 3–11; S. Schirmann, *Crise, coopération économique et financière entre États européens, 1929–1933* (2000), pp. 109–13; the Foreign Office followed these conferences very closely. See File 7399 in TNA, FO 371/14936.

и так далее, чтобы предпринять те шаги, которые они считают необходимыми для защиты первичной и вторичной продукции в своих собственных странах»²⁶⁵.

Гамильтон был депутатом парламента от Блэкберна, приходящего в упадок центра текстильной промышленности, столкнувшегося с катастрофической безработицей в 1930-1931 годах. Вместе с канцлером Филипом Сноуденом, также бывшим членом парламента от Блэкберна, она принадлежала к тому крылу лейбористской партии, которое выступало против распространения тарифных преференций на импорт сельскохозяйственной продукции из империи - неприемлемого «продовольственного налога» на городскую бедноту Британии²⁶⁶.

Несмотря на обвинения в лицемерии со стороны Гамильтона и других лидеров лейбористской партии, представители Индии и доминионов утверждали, что европейские и имперские тарифные преференции не являются аналогичными. Они настаивали на том, что такого рода дискриминация приемлема в ограниченных имперских рамках, но недопустима в Лиге, которая должна оставаться твердо приверженной принципу всеобщего коммерческого равенства. Джехангир Куверджи Койаджи, член индийской делегации на Ассамблее Лиги, напомнил, что «предложения Варшавской конференции вызвали большой интерес как у Индии, так и у других зарубежных стран, интересы которых в основном связаны с сельским хозяйством». Он признал, что «большинство» предложений были «бесспорно разумными», но настаивал на том, что «очевидно, что первая и самая важная критика должна быть направлена против использования механизма и инструментов Лиги для их продвижения». Подводя итог, Койаджи утверждал, что европейцев следует поощрять к созданию преференциальной региональной торговой системы, но они должны делать это вне рамок Лиги²⁶⁷.

Однако многие европейцы по геополитическим соображениям предпочли продолжить программу региональных сельскохозяйственных тарифных преференций под эгидой Лиги. По состоянию на 1930 г. Германия была единственным государством, которое проявило готовность предоставить существенные льготные тарифы на экспорт сельскохозяйственной продукции из Центральной и Восточной Европы. В 1930 г. немецкие торговые чиновники начали изучать возможность заключения двусторонних соглашений о преференциях в рамках новой стратегии проецирования власти в Центральной

---

²⁶⁵ H. Dalton and M. Hamilton, 'The Eleventh Assembly of the League of Nations' J. Royal Institute of International Affairs, 9 (1930), p. 709; see also TNA FO 371/1495, League of Nations Eleventh Assembly. Report of the Delegates of the United Kingdom to the Secretary of State for Foreign Affairs, 31 Dec. 1930.

²⁶⁶ Anon, 'International Wheat Conferences', pp. 444–5; Drummond, *British economic policy and the empire*, pp. 67–9.

²⁶⁷ J. C. Coyajee, *India and the League of Nations* (1932), pp. 114–16; on the conflict between imperial and European plans for agricultural preferences, see Schirmann, *Crise, cooperation économique et financière*, pp. 97–9.

и Восточной Европе, проводимой министром иностранных дел Юлиусом Курциусом и канцлером Генрихом Брюнингом. Эта новая стратегия отчасти была ответом на сельскохозяйственный кризис. Резкое снижение цен на сельскохозяйственные культуры дало Германии, как крупнейшему импортеру продовольствия в континентальной Европе, новый мощный источник влияния на своих восточных соседей. Сторонники более агрессивной внешней политики Германии считали, что это обстоятельство необходимо использовать в полной мере²⁶⁸. В 1931 г. Брюнинг заявил своему кабинету министров: «сильнейшее оружие, имеющееся в распоряжении Германия в своих международных отношениях, придерживается того факта, что мы являемся импортером сельскохозяйственной продукции»²⁶⁹.

Курциус и Брюнинг не прилагали особых усилий, чтобы скрыть свою цель – использовать импорт продовольствия для расширения политического влияния Германии на Восток. Напротив, они использовали стратегию преднамеренного националистического пиара, чтобы отвлечь внимание немецкой общественности, недовольной политикой жесткой бюджетной экономии, проводимой Брюнингом, и недавним соглашением о репарациях по плану Янга²⁷⁰. Хотя они выступали против принципа тарифных преференций, спонсируемых Лигой, на европейских рынках сельскохозяйственных товаров, руководители внешнеполитических ведомств также были встревожены перспективой неконтролируемой немецкой коммерческой экспансии на Восток. Эта проблема занимала Роберта Ванситтарта, который официально был самым высокопоставленным чиновником в Министерстве иностранных дел в качестве постоянного заместителя госсекретаря. В мае 1931 г. он написал длинный меморандум анализа взаимосвязей между экономической политикой и безопасностью на континенте. В ней он особо отметил растущую опасность немецкого экономического империализма в деле европейской политической стабильности: Германия, лишённая по мирному договору своего военного оружия, сейчас занята совершенствованием своей экономической мощи, чтобы, когда настанет момент, она могла послужить ей острием атаки в медленной кампании за мирное господство в Европе²⁷¹. Ванситтарт также выразил обеспокоенность тем, что формирование «аграрного блока» в

---

²⁶⁸ H. Sundhaussen, 'Die Weltwirtschaftskrise im Donau-Balkan-Raum und ihre Bedeutung für den

Wandel der deutschen Außenpolitik unter Brüning', in W. Benz and H. Graml (eds), 'Aspekte deutscher Aussenpolitik im 20. Jahrhundert', special issue, Schriftenreihe der Vierteljahrsheft für Zeitgeschichte (1976), pp. 121–64; Kaiser, *Economic diplomacy*, pp. 17–56; M. Schulz, *Deutschland, der Völkerbund und die Frage der europäischen Wirtschaftsordnung, 1925–1933* (1997), pp. 174–306; Schwarte, *Plan Briand*, 479–91.

²⁶⁹ Quoted in Sundhaussen, 'Weltwirtschaftskrise im Donau-Balkan-Raum', p. 137.

²⁷⁰ D. J. Carlton, *MacDonald versus Henderson: the foreign policy of the second Labour Government* (1970), pp. 64–6; Rödder, *Stresemanns Erbe: Julius Curtius und die deutsche Außenpolitik, 1929–1931* (1996), pp. 42–68.

²⁷¹ Boyce, *British capitalism*, pp. 328–9; TNA, CAB 22/221, Robert Vansittart, 'An aspect of international relations in 1931', 14 May, 1931.

Центральной и Восточной Европе в 1930-1931 годах скорее усугубило, чем ослабило геополитическую напряженность в регионе. Он заявил: «всемирная депрессия в сельском хозяйстве... поощряет создание новой оборонительной группировки в Европа аграрных стран и тех, кто не смог провести индустриализацию самостоятельно. Пока еще слишком рано говорить о том, будет ли это «объединение» способствовать международному сотрудничеству или приведет лишь к еще одному расколу, который приведет к смещению уже существующих политических взглядов. Однако это движение может иметь политические последствия, и за ним следует наблюдать»²⁷².

В этом контексте облегчение бремени международной задолженности стало потенциальным средством анализа движения в поддержку европейской аграрной солидарности и взятия его под контроль Лиги, одновременно противодействуя немецкому влиянию в бассейне Дуная. В сентябре 1930 г. Финансовый комитет Лиги Наций объявил о начале работы над международной схемой сельскохозяйственного кредитования на своем заседании в январе 1931 г.²⁷³

III

В то время как Артур Хендерсон и еврофилы в Министерстве иностранных дел поддерживали международную программу кредитования, ориентированную на фермеров в Центральной и Восточной Европе, из-за ее геополитических преимуществ, сотрудники Лиги из Банка Англии и Министерства финансов Великобритании поддержали ее, поскольку стремились стимулировать экспорт французского капитала. Они обвинили жесткую денежно-кредитную политику Франции в нехватке золота в Лондоне. Они утверждали, что из-за заниженного курса франка и высоких процентных ставок Банк Франции аккумулировал чрезмерную долю золота в мировых запасах золота, не вызывая соответствующего расширения денежной массы и кредитования. Они пытались стимулировать французское внешнее кредитование, чтобы противодействовать ограничительной денежно - кредитной политике Франции. Зимой 1930-1931 годов представители казначейства Франции и Великобритании встретились, чтобы обсудить ряд совместных мер, призванных помочь решить проблему нехватки капитала в Лондоне. Они обсудили предложение Варшавской конференции о программе международного сельскохозяйственного кредитования и согласились поддержать его²⁷⁴.

---

²⁷² Ibid.

²⁷³ Archives of the League of Nations, Geneva [LON], F/39ème Session/PV9, Comité Financier. Procès-verbal de la 8ème séance, 9 Sept. 1930.

²⁷⁴ K. Mouré, *The gold standard illusion: France, the Bank of France, and the international gold standard, 1914–1939* (2002), pp. 183–6; Boyce, *British capitalism*, pp. 294–9; Centre des archives économiques et financières, Savigny-le-Temple, B 64341, Reunion chez M. Germain-Martin, 6 Jan. 1931; Note pour le Ministre, 13 Jan. 1931; Principales contreparties à demander à la Grande Bretagne, 10 Jan. 1931; TNA, Prem 1/105, Agricultural Credits Scheme, 16 May 1931

В 1930-1931 годах французская резервная политика также находилась под пристальным вниманием в Женеве. В 1929 г. Финансовый комитет сформировал делегацию по золоту для изучения вопроса о том, может ли нехватка монетарного золота, вызванная либо ошибочной политикой национальных резервов, либо недостаточным физическим предложением золота, вызвать дефляцию в мировой экономике. В 1930-1931 годах несколько членов Финансового комитета высоко оценили предложение Лиги о программе европейского сельскохозяйственного кредитования как реализацию рекомендаций делегации Gold²⁷⁵.

Официальные лица в Секретариате Лиги также приветствовали возможность развивать финансовую роль Комитета как агента международного сотрудничества. Финансовый комитет был консультативным органом, подотчетным Совету Лиги и получавшим материально-техническую поддержку от Секретариата. Это была небольшая группа официальных лиц и экспертов, которые встречались примерно три раза в год для содействия международному сотрудничеству в области финансовой и монетарной политики. В 1920-х годах Финансовый комитет добился впечатляющих практических успехов. Он сотрудничал с частными банковскими сетями, чтобы помочь договориться о ряде международных займов для стабилизации валют в Центральной и Восточной Европе²⁷⁶.

Решение Финансового комитета рассмотреть вопрос о сельскохозяйственном кредите в 1930 г. представляло собой попытку расширить сферу его компетенции с макроэкономической стабилизации на международное развитие. В целом, начало Великой депрессии пробудило в Секретариате Лиги новый интерес к борьбе с бедностью²⁷⁷. Расширение полномочий Финансового комитета, с тем чтобы он охватывал вопросы международного развития, повлекло за собой изменение методов его работы и сетей сотрудничества. Когда в 1920-х годах Финансовый комитет организовывал мероприятия по стабилизации валютного курса, он привлекал специальные комитеты банкиров и экспертов. Они разрабатывали индивидуальные займы для продвижения конкретных проектов. В ответ на

---

²⁷⁵ P. Clavin and J. W. Wessels, 'Another golden idol? The League of Nations' Gold Delegation and the Great Depression, 1929–1932', *International Hist. Rev.* 26 (2004), pp. 765–95; LON, F/40ème Session/PV3, Comité Financier. 40ème Session. Procès-verbal de la troisième Note 25 continued séance, 16 Jan. 1931; LON, F/40ème Session/PV8, Comité Financier. 40ème Session. Procès-verbal de la 8ème séance, 19 Jan. 1931.

²⁷⁶ Michel Fior, *Institution globale et marchés financiers: la Société des Nations face à la reconstruction de l'Europe, 1918–1931* (2008); Y. Decorzant, 'La Société des Nations et l'apparition d'un nouveau réseau d'expertise économique et financière, 1914–1923', *Critique internationale* 52 (2011), pp. 35–50; Y. Decorzant, *La Société des Nations et la naissance d'une conception de la régulation économique internationale* (2011); P. Clavin, *Securing the world economy: the reinvention of the League of Nations, 1920–1926* (2013), pp. 25–33; On the longer history of international financial advising and institutional tutelage, see M. Flandreau (ed.), *Money doctors: the experience of international financial advising, 1850–2000* (2003).

²⁷⁷ A. Salter, 'World finance and economics: the next steps', *The Spectator*, 22 Nov. 1930, p. 24; Clavin, *Securing the world economy*, p. 72

запрос Варшавской конференции по облегчению бремени международной задолженности фермеров Финансовый комитет разработал новую формулу: частная компания, находящаяся под патронажем Лиги, обеспечит постоянный доступ к международным финансовым рынкам и будет способствовать долгосрочным законодательным реформам, благоприятствующим иностранным инвестициям и ипотечному кредитованию. Для реализации этого плана Финансовый комитет использовал свои сеть сотрудников в банковских и финансовых кругах, а также новых партнеров, включая Международный институт сельского хозяйства (далее – МИС) и экспертов в области ипотечного кредитования сельского хозяйства. Ранее МИС сотрудничал с другими организациями Лиги, но не с Финансовым комитетом²⁷⁸.

IV

После того как в сентябре 1930 г. Финансовый комитет объявил, что он рассмотрит предложение Варшавской конференции о европейской программе сельскохозяйственного кредитования, началась подготовка по нескольким направлениям. В ноябре 1930 г. польское правительство организовало в Варшаве вторую конференцию, на которой особое внимание уделялось вопросу сельскохозяйственного кредитования. На ней присутствовали представители Секретариата Лиги, а также банкиры и эксперты по сельскому хозяйству из Центральной и Восточной Европы. Они составили пространный меморандум, в котором описывали потребности в кредитах стран - членов Лиги. По рекомендации Секретариата Лиги они также распространили опрос для сбора информации о действующих законах и практике кредитования в регионе. Результаты были представлены Финансовому комитету перед его заседанием в январе 1931 г.²⁷⁹ Эксперты, собравшиеся в Варшаве, обсудили, следует ли Лиге сосредоточиться на промежуточных кредитах (от шести месяцев до пяти лет) или долгосрочных кредитах (более пяти лет). Они согласились с тем, что долгосрочные кредиты было бы легче продавать иностранным инвесторам, поскольку они были бы более надежными и стандартизированными, но они были бы недоступны многим фермерам в Центральной и Восточной Европе. Банки, как правило, требовали «первую закладную» на землю в качестве обеспечения долгосрочного сельскохозяйственного кредита. Это ограничило круг потенциальных заемщиков фермерами, которые могли предоставить в залог довольно большой участок земли, который ранее не предлагался в качестве обеспечения по кредиту. Кроме того, качество кадастровых исследований в этом регионе

---

²⁷⁸ J. Flores and Y. Decorzant, 'Public borrowing in harsh times: the League of Nations loans revisited' (working paper 12091, University of Geneva, Sept. 2012) [www.unige.ch/ses/dsec/repec/files/12091.pdf].

²⁷⁹ LON, Section Files, Jan Walré [de Bordes]/S 69 J. W. de Bordes, Note on the Warsaw Conference for Agricultural Credit, Nov. 1930

было крайне неравномерным, и зачастую они были непомерно дорогими для оценки земли, которая будет использоваться в качестве залога. Варшавская конференция, в конечном итоге, рекомендовала Лиге предоставить промежуточный, а не долгосрочный кредит, поскольку он лучше соответствует срокам проведения большинства сельскохозяйственных улучшений и может быть гарантирован различными видами движимого и недвижимого имущества. Это также означало бы, что сельскохозяйственные кооперативы, в дополнение к индивидуальным фермерам, могли бы получать займы по контракту²⁸⁰.

После Варшавской конференции по сельскохозяйственному кредитованию группа официальных лиц из секретариата Лиги встретились, чтобы определить общие черты международного сельскохозяйственного кредитного банка. Они решили, что Финансовый комитет должен официально разделить ответственность за этот проект с комитетом Бриана по Европейскому союзу. Это четко определило бы ограниченный региональный охват проекта. В разработанном секретариатом проекте определены два ключевых фактора, которые позволят международному сельскохозяйственному кредитному банку предоставлять кредиты по сниженным ставкам. Во-первых, это будет способствовать стандартизации законодательства о кредитовании и ипотеке. Во-вторых, демонстрация международной солидарности укрепила бы доверие к рынкам кредитования и улучшила бы позиции заемщиков на переговорах²⁸¹.

После того, как секретариат подготовил первоначальный проект сельскохозяйственного кредитного банка Лиги, финансовый комитет собрался в январе 1931 г. для уточнения материально-технических особенностей проекта. На этой встрече присутствовали представители Варшавской конференции, а также МИС. То МИС сообщило, что оно начало изучать возможности международного сотрудничества в области сельскохозяйственного кредитования в 1925 г. и провело конференцию экспертов по сельскохозяйственному кредитованию в 1926 г. Оно разослало два отдельных вопросника примерно четырём сотням кредитных учреждений для сбора информации о местных потребностях и законах о кредитовании. Затем были проведены дополнительные конференции экспертов для обсуждения результатов опроса. Президент ПА Джузеппе Де Микелис выступил перед собравшимися в январе 1931 г. Де Микелис рекомендовал Финансовому комитету согласовать свою новую инициативу по сельскохозяйственному кредитованию с предыдущей работой МИС и отметил, что МИС уже запланировало проведение собственной конференции по сельскохозяйственному кредитованию на май 1931 г.²⁸² Он сообщил, что

---

²⁸⁰ LON/Section Files, Alexander [Loveday]/S 80, Memorandum on the problem of agricultural credits for intermediate periods, 19 Nov. 1930.

²⁸¹ 1 LON/ de Bordes/S 69, 'Procedure for the Agricultural Credits Question', nd.

²⁸² LON, F/40ème Session/PV2, Comité Financier. 40ème Session. Procès-verbal de la deuxième séance, 15 Jan. 1931

предыдущее исследование МИС показало, что было бы проще всего организовать международное кредитование на долгосрочной основе путем выдачи ипотечных кредитов. Это была базовая модель, которой в конечном итоге придерживался ИАМСС²⁸³.

В то время как основные функциональные возможности ИАМСС были основаны на рекомендациях в ПА именно банкиры из Финансового комитета, возглавляемого Отто Нимейером, обеспечили, чтобы эта схема получила мощную институциональную поддержку в Лиге. Нимейер был высокопоставленным чиновником в британском казначействе, прежде чем стать советником Банка Англии. Он работал в Финансовом комитете с 1922 г. по 1937 г. Он сыграл центральную роль в координации займов Лиги для стабилизации валют Центральной и Восточной Европы в 1937 г.²⁸⁴ Он был директором сельскохозяйственного ипотечного банка в Соединенном Королевстве, но он подошел к обсуждению, касающемуся ИАМСС, главным образом, с точки зрения международных финансовых рынков. Он утверждал, что важнейший вопрос, стоящий перед Финансовым комитетом, возможно ли разработать план, который привлечет бы инвесторов, и он одобрил рекомендации МИС, поскольку, по его мнению, они предлагают наилучшие средства для достижения этой цели²⁸⁵. Он заявил: «Это вообще не сельскохозяйственный вопрос, а финансовый... вопрос не в том, связан ли он с промышленностью, сельским хозяйством или с чем-то еще, и если, поэтому мы должны заниматься практической работой и добиваться результатов, а люди, с которыми нам приходится консультироваться, - это в большей степени финансисты общего профиля, чем специалисты по сельскохозяйственным кредитам»²⁸⁶. В конечном счете, ИАМСС стал плодом сотрудничества между «финансистами общего профиля» и специалистами по сельскохозяйственным кредитам.

В январе 1931 г. Финансовый комитет сформировал делегацию по сельскохозяйственным кредитам, в состав которой вошли члены Финансового комитета, представители МИС и частные банкиры из сельскохозяйственных кредитных учреждений. Эта делегация собралась в феврале 1931 г., чтобы проработать практические аспекты проекта. Она разработала учредительный

---

²⁸³ 3 LON, F/40ème Session/PV3, 16 Jan. 1931

²⁸⁴ Orde, *British policy and European reconstruction*, pp. 310–11. While Niemeyer represents a thread of continuity between the early League loans and the IAMCC, there are also important discontinuities. The League's early currency-stabilization interventions were driven by central bankers who conceptualized the Financial Committee as a small, closed club of experts narrowly focused on monetary and fiscal policy, chief among them Montagu Norman of the Bank of England. Norman decried the diversification of the League's economic goals in the late 1920s. In 1930 he helped establish a new, independent 'gentleman's club' for central bankers: the Bank of International Settlements (P. Clavin, 'Men and markets: Global capital and the international economy', in G. Sluga and P. Clavin (eds), *Internationalisms: A twentieth century history* (2016), pp. 97–108).

²⁸⁵ LON, F/40ème Session/PV3, 16 Jan. 1931.

²⁸⁶ LON, F/40ème Session/PV8, 19 Jan. 1931.

устав для IAMCC и международный договор, определяющий обязательства правительств-участников. Затем компания представила эти документы на утверждение подкомитету по сельскохозяйственным кредитам Министерства сельского хозяйства Бриана. В более общем плане, разрешение сельскохозяйственного кризиса в Европе стало главной задачей Комитета Бриана после января 1931 г.²⁸⁷ IAMCC был задуман как частный банк, спонсируемый Лигой, который продавал бы акции. Западноевропейские банки затем будут выдавать кредиты на основе этого капитала фермерам в Центральной и Восточной Европе. В течение первых пяти лет доступ к ним будут иметь только европейские кредиторы в фонды IAMCC. После этого зарубежные банки также смогут подать заявку на использование IAMCC. Планировалось, что кредиты IAMCC будут выдаваться в Центральной и Восточной Европе через национальные сельскохозяйственные кредитные банки, аффилированные с правительством²⁸⁸.

Эти банки предоставляли займы по относительно умеренным процентным ставкам, но часто в очень ограниченных масштабах. Под давлением общего международного кредитного кризиса, начавшегося в 1928 г., те немногие банки, которые предлагали такие займы, были вынуждены сократить объем кредитования, как раз в тот момент, когда цены на сельскохозяйственную продукцию начали падать. Все большему числу фермеров приходилось принимать получать краткосрочные займы от мелких кредиторов, которые часто взимали непомерно высокие процентные ставки, иногда доходившие до 500% годовых. Целью IAMCC было остановить эту тенденцию²⁸⁹. Это позволило бы напрямую привлечь новый капитал в национальные сельскохозяйственные кредитные банки в Центральной и Восточной Европе. Европа. При наличии резерва в пять миллионов долларов будет разрешено выдавать займы на общую сумму в 50 млн долларов²⁹⁰. Финансовый комитет подсчитал, что этой суммы будет достаточно для погашения значительной части текущих высокопроцентных сельскохозяйственных кредитов в Центральной и Восточной Европе. По оценкам Варшавской конференции, долги сельского хозяйства в регионе составили в общей сложности 200 миллионов долларов, и половина из этих займов имела «обременительные» процентные ставки. Они признали, что их оценки, вероятно, были заниженными, но, тем не менее, их цифры указывают

---

²⁸⁷ LON, F/CA/1ère Session/PV1–PV12, Délégation du comité financier pour le crédit agricole, Première session, 9 Feb.–14 Feb., 1931; Schirmann, Crise, coopération économique et financière, pp. 96–7; On the diverse efforts to address the agricultural crisis in the Briand Committee, see Schwarte, Plan Briand, pp. 474–536

²⁸⁸ Convention for the creation of an international agricultural mortgage credit company (1931).

²⁸⁹ I. Berend, 'Agriculture' in M. C. Kaser and E. A. Radice (eds), The economic history of Eastern Europe, 1919–1975 (5 vols, 1986), I, pp. 164–6; LON, F/CA/I, Le crédit agricole dans certains pays de l'Europe centrale et orientale, 27 Jan. 1931

²⁹⁰ Convention for the creation of an international agricultural mortgage credit company

на то, что IАМСС был бы достаточно крупным, чтобы оказать значительное влияние на экономику сельских районов Центральной и Восточной Европы²⁹¹.

Сторонники IАМСС также надеялись, что это будет способствовать привлечению независимых частных иностранных инвестиций и будет способствовать более широкому переходу к «продуктивному» долгосрочному международному кредитованию. В 1920–х годах польские, венгерские и чехословацкие сельскохозяйственные кредитные банки продавали облигации на британском, американском и – в более ограниченной степени – французском рынках²⁹². Была надежда, что IАМСС может проложить путь к новым выпускам частных облигаций.

В 1920-х годах международные интервенции по стабилизации валютных курсов в Центральной и Восточной Европе помогли стимулировать крупные объемы частных иностранных инвестиций. Однако большая их часть была направлена на покрытие дефицита государственного бюджета, обслуживание долга и потребление, а не на улучшение производства. Это означало, что в Центральной и Восточной Европе общее бремя внешней задолженности стран росло гораздо быстрее, чем их способность выплачивать долги. Банки и правительства все больше полагались на краткосрочные займы для преодоления этого разрыва. Весной и летом 1931 г. ухудшение банковских балансов и снижение доверия инвесторов вызвали массовый отказ от краткосрочных займов в Центральной Европе²⁹³. Масштабы IАМСС были слишком малы, чтобы напрямую противостоять этому движению. Тем не менее, это могло бы помочь повысить доверие к финансовым рынкам, продемонстрировав международную политическую солидарность и предложив новую модель «продуктивного» внешнего кредитования. Между целями IАМСС по укреплению слабеющего доверия инвесторов за счет быстрого вливания капитала в сельскохозяйственные банки Центральной и Восточной Европы и содействие долгосрочным законодательным реформам, которые способствовали бы продуктивным иностранным инвестициям. В делегации Финансового комитета по сельскохозяйственным кредитам возникли серьезные разногласия по поводу того, следует ли требовать от правительств подтверждения того, что их законы, касающиеся кредитования и ипотеки, соответствуют определенному набору международных стандартов, прежде чем их банки получают доступ к средствам IАМСС. Делегация рассмотрела возможность проведения тщательной первоначальной проверки. обзор имущественного и кредитного законодательства в странах-потенциальных заемщиках и разработка подробной программы реформ для

---

²⁹¹ LON, F/CA/2, 'Indebtedness of agriculture in certain central and eastern European countries'; LON, F/40ème Session/ PV4, 16 Jan. 1931, Comité Financier. 40ème Session. Procès-verbal de la quatrième séance, 16 Jan. 1931.

²⁹² LON, F/CA/I, Le crédit agricole dans certains pays de l'Europe centrale et orientale, 27 Jan. 1931.

²⁹³ M. Fior, *Institution globale et marchés financiers*, pp. 93–104; Eichengreen, *Golden fetters*, pp. 93–104; D. Aldcroft, 'Eastern Europe in an age of turbulence, 1919–1950', *EcHR* 41 (1988), pp. 597–8.

каждой из них. Главным сторонником этого подхода был Эжен Регард. Регард был вице-управляющим банка *Crédit Foncier de France*, который неофициально планировал предоставить большую часть капитала для ИАМСС. Регард хотел убедиться, что были проведены надлежащие кадастровые исследования, чтобы предоставить юридически обязательный отчет о собственности на землю до того, как ИАМСС начал свою работу. Однако делегация в конечном итоге решила, что это будет чрезмерно отложить запуск проекта. Вместо этого они поручили компании Регарда и Анджело Ди Нола, генеральному директору Итальянского института кредитного фонда, подготовить ряд необязательных рекомендаций, которые послужат руководством для будущей законодательной реформы. Правительствам, действующее законодательство которых не соответствует этим руководящим принципам, будет предложено напрямую гарантировать займы, выданные через ИАМСС, для обеспечения дополнительного обеспечения²⁹⁴. Отто Нимейер настаивал на том, что долгосрочные займы с ипотечным покрытием были бы лучшим средством чтобы быстро привлечь капитал для национальных сельскохозяйственных кредитных учреждений в Центральной и Восточной Европе. Этот расчет отражает особую заинтересованность британских финансовых чиновников в поощрении французских иностранных инвестиций.

Французские инвесторы были хорошо знакомы с сельскохозяйственными ипотечными кредитами, поскольку французские банки, такие как Фондовый кредит Франции, в конце XIX - начале XX веков создали значительный внутренний рынок для этого вида кредитования²⁹⁵. Однако французские банки особенно осторожно относились к инвестированию в условиях политической нестабильности. Они только что сильно пострадали от отказа СССР выплатить суверенный долг царской России, и поэтому политические волнения любого рода вызывали тревогу в парижских финансовых кругах²⁹⁶. В конце 1920-х годов в Центральной и Восточной Европе было много беспорядков. Возможно, самым шокирующим было то, что в 1929 г. король Александр установил королевскую диктатуру в Югославии после того, как черногорский парламентарий застрелил четырех своих коллег во время сессии Национального собрания. В конце 1920-х годов по всему региону возникли новые диктатуры и военизированные организации различного толка. По большей части эти изменения привели к консолидации консервативных авторитарных правительств, которые были привержены

---

²⁹⁴ LON, F/CA/1ère Session/PV2, Délégation du comité financier pour le crédit agricole, Première session, Procès-verbal provisoire de la deuxième séance, 9 Feb. 1931.

²⁹⁵ The *Crédit Foncier de France* also played a central role in the development of mortgage-credit institutions throughout Europe in the nineteenth century (R. Cameron, *France and the economic development of Europe, 1800–1914* (1961), pp. 128–31).

²⁹⁶ See K. Oosterlinck, *Hope springs eternal: French bondholders and the repudiation of Russian sovereign debt* (trans. A. Bulger, 2016).

обслуживанию внешних долгов, но, тем не менее, эти потрясения вызвали большое беспокойство в международных финансовых кругах²⁹⁷.

Для Нимейера и многих других членов Финансового комитета цель программы Лиги по сельскохозяйственному кредитованию заключалась не только в оказании помощи фермерам-должникам, но и в восстановлении доверия инвесторов в Центральной и Восточной Европе путем вовлечения правительств региона в новую программу международного кредитования. национальный экономический надзор. Исключительная нацеленность ИАМСС на долгосрочное кредитование вызвала критику, когда готовый план был представлен на утверждение Комитету Бриана весной 1931 г. Критика исходила не от тех стран, которые первоначально собрались на Варшавские конференции в 1930 г.; они безоговорочно и с энтузиазмом одобрили эту схему.

Однако руководители МИС были настроены более скептически. Они предложили, чтобы вопросы кредитной, торговой и тарифной политики, затрагивающие экспортеров сельскохозяйственной продукции, решались совместно. Они рекомендовали, чтобы долгосрочные кредитные должны быть предоставлены кооперативам для содействия строительству перерабатывающей и распределительной инфраструктуры, а не зарезервированы исключительно для индивидуальных фермеров, как это было в прошлом. ИАМСС также утверждали, что фермерам и кооперативам срочно необходим доступ к краткосрочным кредитам для поддержки сезонной маркетинговой деятельности²⁹⁸. Рекомендация руководителей МИС о более комплексном подходе к сельскохозяйственному кредитованию, возможно, отчасти была стратегией привлечения их собственной широкой сети партнеров-организаций. В статье Д'Онофрио подчеркивается, что в 1920-х годах МИС установила связи с широким кругом сельскохозяйственных маркетинговых и кредитных учреждений, отчасти преследуя корпоративистские политические идеалы. Д'Онофрио также отмечает, что МИС часто одновременно сотрудничала и конкурировала с Лигой. Лидеры МИС охотно стремились участвовать в конференциях и комитетах Лиги, но они также ревностно охраняли свою независимость. В 1931 г. они, по-видимому, неохотно уступили Финансовому комитету Лиги исключительные полномочия по регулированию международного сельскохозяйственного кредитования. Когда в мае 1931 г. Финансовый комитет представил устав ИАМСС Комитету Бриана для окончательного утверждения, МИС представила свой собственный план создания второго Международного банка

---

²⁹⁷ Berend, *Decades of crisis*, pp. 190–202; Anon, *The two Europes*, *The Economist*, 13 Sept. 1930, pp. 472–3.

²⁹⁸ 'Appendix 20. Memoranda from the International Institute of Agriculture concerning points III(a) and III (c) of the agenda of the Commission of Enquiry at its May session,' in *League of Nations Doc. C. 395.M.158.1931.VII, Commission of Enquiry for European Union. Minutes of the third session of the commission (25 June, 1931)*, pp. 194–211.

краткосрочного кредитования, который будет работать в штаб-квартире ПА в Риме.

Компания обратилась к Комитету по бренду с просьбой «оказать моральную поддержку этой новой инициативе», создав специальный подкомитет для мониторинга ее банка краткосрочного кредитования. Это было бы аналогом существующего подкомитета комитета Бриана по сельскохозяйственным кредитам, который курировал работу Финансового комитета над ИАМСС²⁹⁹. Комитет Бриана не выполнил особую просьбу ПА о создании дублирующих подкомитетов по сельскохозяйственному кредитованию. Это привело бы к установлению эквивалентности между Финансовым комитетом, который был неотъемлемой частью ПА. Предположительно, это и было целью МИС. Лидеры МИС уже давно требовали признания в качестве официального, но автономного подразделения Лиги, обладающего исключительными полномочиями в вопросах сельского хозяйства, по аналогии с Международной организацией труда. В 1932 г. МИС была, наконец, признана официальным консультативным органом Лиги³⁰⁰.

За пределами ПА другие критики ИАМСС оспаривали сам принцип расширения сельскохозяйственного кредитования в условиях свободного падения цен на сельскохозяйственные культуры. Они предположили, что новые кредиты просто побудят фермеров увеличить производство и наводнят и без того переполненные рынки большим количеством товаров. Эта обеспокоенность была выражена экспортерами сельскохозяйственной продукции в Европе, в частности, Голландцами – и за пределами Европы – в частности, индийцами³⁰¹.

В ходе работы Комитета было подчеркнуто, что чрезмерная зависимость от краткосрочных кредитов не позволяет фермерам в Центральной и Восточной Европе адаптироваться к меняющимся рыночным условиям за счет использования новых методов и оборудования. В этом отчете предполагалось, что долгосрочный кредит позволит фермерам приобретать новую технику, использовать химические удобрения, внедрять новые системы землепользования и ирригации, а также заниматься более рациональным растениеводством и животноводством³⁰². В целом, они утверждали, что

---

²⁹⁹ Ibid., p. 206.

³⁰⁰ F. G. von Graevenitz, 'Internationalismus in der Zwischenkriegszeit: Deutschland und Frankreich in der globalen Agrarkrise' (unpublished PhD thesis, European University Institute, 2011), p. 412; E. Tollardo, *Fascist Italy and the League of Nations, 1922–1935* (2016), pp. 34–6, 223

³⁰¹ LON/Loveday/S 80, Commission d'étude pour l'Union européenne. Procès-verbal provisoire de la deuxième séance, 20 April 1931; Coyajee, *India and the League of Nations*, p. 131.

³⁰² 2 LON/Loveday/S 80, Memorandum on the problem of agricultural credits for intermediate periods, prepared by the agricultural credit experts of Bulgaria, Czechoslovakia, Estonia, Hungary, Latvia, Poland, Roumania, and Yugoslavia, met at Warsaw on 10–13 November 1930; Commission of Enquiry for European Union. Sub-commission for Agricultural Credits. Provisional Minutes. Third Meeting, April 21, 1931.

фермерам необходимы более эффективные кредитные механизмы для поддержки специализации и инноваций, которые Амалия Риби Форклез обоснуждает в связи с сельским образованием в своей статье в этом номере.

V

Многие из сторонников IAMCC высоко оценили этот проект, поскольку он обещал предоставить немедленные и ощутимые доказательства международного единства даже на ранних стадиях его реализации. Правительствам стран-участниц было предложено продемонстрировать взаимную солидарность, внося взносы в общий фонд капитала, который послужит отправной точкой проекта – «специальный резервный фонд». Это был фонд в 25 млн долларов швейцарских франков (5 млн долларов), которые гарантировали бы первоначальное приобретение акций IAMCC. Специальный резервный фонд будет сформирован за счет авансов правительства, которые IAMCC будет постепенно предоставлять погашать по мере создания собственных независимых резервов капитала. Это вывело бы Лигу на неизведанную территорию. Предыдущие займы Лиги не основывались на международном пуле капитала. Лига помогала привлекать кредиторов и андеррайтеров, но не выступала в качестве прямого посредника³⁰³. В случае с IAMCC, как «государства-кредиторы», где предполагалось продать большую часть акций, так и «государства-заемщики», где предполагалось предоставить большую часть средств в виде займа, чрезвычайно неохотно одобряет какие-либо новые статьи бюджета, какими бы незначительными они ни были³⁰⁴.

Таким образом, хотя руководители казначейства с энтузиазмом поддержали IAMCC, они ожидали значительного политического противодействия запросу Великобритании о выделении средств в резервный фонд в период всеобщего затягивания поясов. Они также опасались, что такой запрос спровоцирует требования аналогичной помощи со стороны фермеров в Соединенном Королевстве и доминионах. Следовательно, казначейство и иностранный офис согласились с тем, что британские делегаты в Женеве должны решительно поддержать IAMCC, но также должны предложить поправку, которая сделает взносы в резервный фонд обязательными только для потенциальных стран-заемщиков³⁰⁵.

Хотя чиновники казначейства стремились поощрять иностранные займы Франции, они также крайне неохотно одобряли какие-либо новые статьи бюджета, какими бы незначительными они ни были. Канцлер Филип Сноуден отреагировал на сокращение британских золотых резервов зимой 1930-1931 годов призывом к решительному сокращению бюджетных расходов. Это привело к ожесточенным дебатам в парламенте и Кабинете министров о

---

³⁰³ Flores and Decorzant, 'Public borrowing in harsh times', pp. 10–14.

³⁰⁴ League of Nations Doc. C.199(a). M.81(a).1931. II.A (1931), International Agricultural Mortgage Credit Company. Report of the Financial Committee to the Council.

³⁰⁵ Boyce, British capitalism, pp. 291–303

«справедливом распределении бремени» сокращения расходов между социальными классами³⁰⁶. Таким образом, хотя руководители казначейства с энтузиазмом поддерживали IAMCC, они опасались, что такой запрос спровоцирует требования аналогичной помощи со стороны фермеров в Соединенном Королевстве и доминионах. Руководители казначейства указали, что позже они пересмотрят участие Великобритании в резервном фонде, если «окажется, что наш отказ внести взносы разрушит всю схему и повлечет за собой слишком серьезные политические неудобства по сравнению со сравнительно небольшой суммой, поставленной на карту»³⁰⁷.

Когда Комитет Бриана Подкомитет по сельскохозяйственным кредитам собрался в апреле 1931 г. для обсуждения устава IAMCC, и британский делегат Уолтер Смит безуспешно пытался убедить других членов принять предложение Министерства финансов освободить страны-кредиторы от уплаты взносов в резервный фонд³⁰⁸. Смит был избран представлять Великобританию в подкомитете по сельскохозяйственным кредитам Комитета Бриана, потому что он был хорошо знаком с тяжелым положением фермеров в Великобритании. В то время Смит был одним из двух членов парламента от Норвича и парламентским секретарем Совета по торговле. Ранее, с 1911 г. по 1923 г., он занимал пост президента Национального союза сельскохозяйственных рабочих и помог провести переговоры по сельскохозяйственному соглашению 1924 г.³⁰⁹. Он выполнял функции парламентского секретаря Министерства сельского хозяйства. Во многом благодаря этому в соответствии с законодательством, ставки заработной платы в британском сельском хозяйстве оставались относительно стабильными в 1920-х годах, но после первоначального послевоенного скачка цен на сельскохозяйственные культуры снизились. В отчете, который Министерство сельского хозяйства Великобритании представило Лиге в 1930 г., подчеркивалось, что британские фермеры столкнулись с тяжелым долговым бременем. Более того, общемировое снижение цен на сельскохозяйственные культуры, начавшееся в 1929 г., особенно сильно ударило по британским фермерам, поскольку растущие тарифы в континентальной Европе перенаправили сельскохозяйственный экспорт в незащищенные страны³¹⁰. Испытывающее нехватку наличности британское правительство могло удовлетворить запросы лишь частично за помощь местным фермерам в облегчении долгового бремени. Как и ожидали Смит и канцлер, когда летом 1931 г. соглашение о IAMCC было представлено

---

³⁰⁶ TNA, FO 371/15713, F. Leith-Ross, Agricultural Credits, 23 Apr. 1931.

³⁰⁷ Williamson, National crisis and national government, p. 220.

³⁰⁸ TNA, FO 371/15713, 23 Apr. 1931.

³⁰⁹ LON, Loveday/S 80, Commission d'étude pour l'Union Européenne, Sous-commission pour le credit agricole, Procès-verbal provisoire de la deuxième séance, 20 Apr. 1931

³¹⁰ A. Howkins and N. Verdon, 'The state and the farm worker: the evolution of the minimum wage in agriculture in England and Wales, 1909–24', *AgHR* 57 (2009), pp. 257–74; R. Perren, *Agriculture in Depression, 1870–1940* (1995), pp. 40–8; LON/de Bordes/S 69, The Present Situation in Agriculture in Great Britain, and its Causes, 16 June 1930.

парламенту, оно встретило значительное сопротивление. Хотя Министерство сельского хозяйства одобрило участие Великобритании в проекте, представители консервативной партии утверждали, что средства британского казначейства должны быть использованы для поддержки фермеров в Великобритании и Британской империи³¹¹.

Разногласия по поводу распределения бремени и выгод в ИАМСС вызвали новые дебаты о богатстве и благосостоянии в системе Лиги. В переговорах ИАМСС различие между «странами-кредиторами» и «странами-заемщиками» часто переводилось в различие между «двумя Европами», «промышленной Европой» и «сельскохозяйственной Европой». Французский экономический журналист Франсис Делаизи предложил концепцию «двух Европ» в своей популярной книге 1929 г. «*Les deux Europes*». Он утверждал, что «промышленная Европа» должна интенсивно продвигать торговлю, инвестиции и развитие инфраструктуры в сельскохозяйственной Европе». Это повысило бы уровень жизни на всем континенте за счет расширения сельского рынка для промышленных товаров. На протяжении всего периода зарождения проекта сторонники ИАМСС часто и явно ссылались на концепцию «двух Европ» и защищали проект не только с точки зрения его влияния на финансовые рынки, но и с точки зрения его вклада в уровень жизни сельского населения³¹².

В заключительном отчете Финансового комитета по ИАМСС Совету Лиги говорилось, что: все меры, направленные на повышение уровня жизни в тех европейских странах, где в настоящее время уровень жизни относительно низок, должны способствовать увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию с более высокой стоимостью, такую как мясо, молоко, фрукты и т. д. Предоставление кредита поэтому помогло бы, с одной стороны, осуществить те изменения в производстве, а с другой — увеличить спрос, которые в равной степени необходимы для общего улучшения условий ведения сельского хозяйства. Они также, безусловно, имели бы эффект увеличения покупательной способности земледельцев, и особенно их спроса на промышленную продукцию³¹³. Таким образом, хотя ИАМСС был сосредоточен на повышении доходов фермеров, он также вызвал более широкие обсуждения сельской экономики, которые предвосхитили эволюцию экономических институтов Лиги в 1930-х годах.

---

³¹¹ Hansard, House of Commons Debates, 253, 17 June, 1931, col. 1720–1; 254, 22 June, 1931, col. 21; 254, 23 June, 1931, col. 222–4; 256, 23 Sept. 1931, col. 1622

³¹² F. Delaisi, *Les deux Europes* (1929); see references to ‘agricultural’ and ‘industrial’ Europe in Anon, ‘The two Europes’; League of Nations Doc., C.655.M.270 (1930), ‘Report of the sub-committee appointed to examine the question of the negotiations concerning the trade of agricultural states of central and eastern Europe’, Second International Conference with a view to concerted economic action.

³¹³ League of Nations Doc. C.199(a).M.81(a).1931.II.A (1931), International Agricultural Mortgage Credit Company. Report of the Financial Committee to the Council.

VI

Хотя ИАМСС стал важным шагом в долгосрочной эволюции моделей развития сельских районов, разработанных Лигой Наций, весной 1931 г. он также имел особое геополитическое значение. В марте, вскоре после того, как делегация Финансового комитета по сельскохозяйственным кредитам завершила свою работу, Австрия и Германия объявили о плане создания будущего таможенного союза. Это заявление вызвало дипломатический скандал, сильно подорвало доверие инвесторов по всей Европе и сделало международное финансовое сотрудничество ещё более необходимым. В этом контексте ИАМСС предстал как единственная конструктивная альтернатива австро-германской схеме, которая получила относительно широкую поддержку как в британских, так и во французских официальных кругах. Это был также «первый ребёнок» комитета Бриана и его единственный проект, близкий к завершению; таким образом, он стал ключевым испытательным полигоном для европейского экономического сотрудничества под руководством Лиги Наций³¹⁴.

Предложение о создании австро-германского таможенного союза было воспринято многими как первый шаг к австро-германскому политическому союзу, аншлюсу, что было запрещено несколькими договорами Лиги Наций. Французское правительство быстро разработало встречное предложение — «Конструктивный план», целью которого было повысить экономические показатели в Центральной и Восточной Европе и снизить привлекательность эксклюзивных двусторонних соглашений с Германией. Конструктивный план предполагал создание системы европейских тарифных преференций, а также программы международной финансовой помощи, которая включала в себя ИАМСС³¹⁵. Многие чиновники в Уайтхолле утверждали, что Великобритания должна поддержать хотя бы некоторые элементы Конструктивного плана, чтобы избежать дипломатического противостояния между Францией и Германией. Главным сторонником активного участия Великобритании был Филип Ноэль-Бейкер, личный секретарь Хендерсона в парламенте. Ноэль-Бейкер был бывшим сотрудником Секретариата Лиги Наций, который принимал активное участие в разоруженческих усилиях Лиги на протяжении 1920-х годов. В апреле 1931 г. он утверждал, что австро-германский таможенный союз вызвал серьёзную обеспокоенность на континенте и поставил под угрозу всю европейскую стратегию Министерства иностранных дел, направленную на разоружение³¹⁶. Ноэль-Бейкер настаивал на том, что европейские державы должны были «избавиться от соглашения с помощью

---

³¹⁴ League of Nations Doc. C. 295. M. 158. 1931.VII. Commission of enquiry for European Union. Minutes of the third session of the commission, 25 June 1931.

³¹⁵ TNA, T 188/19, Frederick Leith-Ross, Note of discussion with Monsieur Rueff on the 2nd May, 1931.

³¹⁶ TNA, T 188/19, Anonymous [Philip Noel-Baker], Proposals for a possible solution of the present conflict concerning the Austro-German Union, 18 Apr. 1931.

какого-либо согласованного альтернативного решения, которое приняла бы Европа в целом»³¹⁷. Вместо этого кабинет министров решил проводить минимальную, «пассивную» политику. Перед отъездом в Женеву для участия в майской сессии Совета Лиги Наций и комитета Бриана Хендерсону было поручено просто приостановить проект таможенного союза, потребовав пересмотра его соответствия договорам Лиги Наций³¹⁸. Однако встречи Хендерсона в Женеве окончательно убедили его в том, что Британия должна сделать больше: «Я был глубоко впечатлён тем, какое значение этому вопросу придавали все правительства Центральной Европы. Все они ясно дали понять, что это, безусловно, самый важный политический вопрос, возникший в Европе после войны». В самом деле, я пришёл к определённым выводам, что если мы сможем найти согласованное решение проблемы, которое удовлетворит все стороны с экономической и политической точек зрения, то мы будем вправе рассчитывать на мирное будущее и более тесное международное сотрудничество в Европе. Но если такое решение не будет найдено, то мы должны ожидать крайне опасных международных событий³¹⁹. Хендерсон рекомендовал использовать «весь вес влияния правительства Его Величества», чтобы помочь комитету Бриана разработать программу сотрудничества «как для решения вопроса об австро-германском таможенном союзе, так и для смягчения экономического кризиса, угрожающего политической стабильности Европы»³²⁰. В этом контексте Хендерсон с энтузиазмом поддержал ИАМСС как альтернативу австро-германскому таможенному союзу.

Однако, когда стало известно, что «проект будет сорван» без финансовой поддержки Великобритании, руководство казначейства быстро отказалось от своей позиции. Чтобы укрепить доверие к проекту, Хендерсон запросил немедленное одобрение кабинета министров на подписание договора ИАМСС и предоставление полной политической и финансовой поддержки со стороны Великобритании³²¹. Министерство сельского хозяйства и казначейство согласились с просьбой Хендерсона, но министр по делам доминионов Джеймс Генри Томас отказался. Томас заявил, что его «очень беспокоят» планы по созданию ИАМСС: «С точки зрения более широкой имперской политики, участие Соединённого Королевства в схеме, разработанной, в первую очередь, на благо европейских стран, может вызвать очень неблагоприятную политическую реакцию в доминионах»³²². Томас

---

³¹⁷ TNA, T 188/19, 18 Apr. 1931

³¹⁸ TNA, T 188/19, Record of an interdepartmental meeting held at the Foreign Office on April 23rd to consider the proposed Austro-German customs union.

³¹⁹ TNA, CAB/24/221, A. Henderson, 'The proposed Austro-German customs union', 3 June 1931.

³²⁰ Ibid.

³²¹ TNA, FO 371/15731, The League of Nations Agricultural Mortgage Credit Scheme, 28 May 1931; TNA, PREM 1/105, Foreign Office to Treasury, 7 May 1931; Telegram, A. Henderson to P. Snowden, 14 May 1931.

³²² TNA, PREM 1/105, J. H. Thomas to R. MacDonald, 16 May 1931.

утверждал, что Великобритания не может подписать договор ИАМСС, пока его ведомство не сможет тщательно изучить его последствия для запланированной Оттавской имперской конференции и проконсультироваться с доминионами³²³.

Хендерсон и руководители министерства иностранных дел решительно выступили против рекомендаций Томаса. Они ценили ИАМСС главным образом за то, что он был готов к реализации, и считали, что майское заседание комитета Бриана было самым подходящим моментом для его запуска³²⁴. В меморандуме, который он написал, резюмируя эту схему, Роберт Ванситтарт утверждал, что дальнейшая задержка значительно уменьшит политические преимущества ИАМСС и не изменит того факта, что перед Великобританией стоит трудный выбор между европейскими и имперскими обязательствами:

«Таким образом, вопрос, требующий решения, сводится к тому, должна ли настоятельная необходимость что-то сделать для депрессивных стран Восточной Европы и встать в один ряд с Францией и другими европейскими странами преобладать над необходимостью воздержаться от действий, которые могут и, вероятно, будут, по мнению доминионов, справедливо или нет, наносить ущерб их сельскохозяйственному экспорту и перспективам Оттавской конференции»³²⁵.

Премьер-министр Рамсей Макдональд не поддался на уговоры министерства иностранных дел в пользу ИАМСС. Он был раздражён тем, что узнал о проекте в последнюю минуту, и отказался принимать поспешное решение. Он упрекнул Хендерсона за попытку реализовать схему без полного рассмотрения кабинетом министров. Он заявил: «Этот вопрос меня удивляет... это вопрос первостепенной важности, и его следовало вынести на рассмотрение кабинета министров, когда Уолтер Смит докладывал о нём. Он не может быть решён между ведомствами»³²⁶. Он не уполномочил Хендерсона подписывать договор ИАМСС во время майской сессии комитета Бриана, но Хендерсон продолжал настаивать на скорейшем принятии решения.

Эта схема является единственным конструктивным предложением, разработанным комитетом по расследованию для Европейского союза с целью смягчения экономического кризиса. Это создаст неблагоприятное впечатление и может ослабить влияние правительства Его Величества на другие европейские государства в вопросах проведения позитивной экономической политики и даже, в дальнейшем, в вопросах необходимости разоружения —

---

³²³ Boyce, *British capitalism*, pp. 325–7.

³²⁴ TNA, PREM 1/105, F. Leith-Ross to the Foreign Office, 8 May 1931; R. Vansittart, Memorandum, 15 May 1931

³²⁵ TNA, PREM 1/105, R. Vansittart, 15 May 1931

³²⁶ TNA, PREM 1/105, R. MacDonald to the Foreign

Office, 15 May 1931; also quoted in Boyce, *British capitalism*, p. 325. David Carlton notes that MacDonald was generally much less supportive of the League of Nations than Henderson (Carlton, *MacDonald versus Henderson*, 27–9)

если успех этой первой схемы будет поставлен под угрозу из-за нашего отказа внести небольшой вклад, необходимый для её реализации³²⁷.

11 июня Хендерсон наконец получил одобрение кабинета министров на подписание договора IАМСС, но ему всё ещё предстояло пройти долгий путь, чтобы добиться ратификации парламентом и одобрения британского взноса в специальный резервный фонд. Эта задача становилась всё более сложной по мере того, как в июне и июле Центральная Европа, а затем и Великобритания погружались в нарастающий финансовый кризис. Кризис начался в мае с краха австрийского банковского гиганта Creditanstalt и его распространение на немецкие банки в июне. Попыткам скоординировать международную реакцию на банковский кризис в Центральной Европе постоянно мешали нерешённые проблемы, связанные с австро-германским таможенным союзом. Поскольку лондонские банки вложили значительные средства в Австрию и особенно в Германию, ухудшение финансовых условий там также подорвало доверие к британской финансовой системе и фунту стерлингов. Это вызвало раскол в лейбористском правительстве, поскольку казначейство и Банк Англии в ответ потребовали резкого сокращения социальных расходов в рамках скоординированной международной интервенции в поддержку фунта стерлингов.

23 августа группа министров-лейбористов во главе с Хендерсоном подала в отставку в знак протеста. На следующий день Макдональд сформировал новое национальное правительство, состоящее из представителей всех партий. Хотя Национальное правительство было создано с целью удержать Великобританию на золотом стандарте, 21 сентября оно, тем не менее, отказалось от золотого фунта. После того как в октябре на всеобщих выборах был утверждён его мандат, национальное правительство ввело новый десятипроцентный протекционистский тариф на промышленные товары. Оно также начало обсуждать тариф на импорт сельскохозяйственной продукции, чтобы на Оттавской имперской конференции в 1932 г. ввести более широкую систему имперских преференций. Осенью 1931 г. Министерство иностранных дел тщетно протестовало против перехода кабинета министров к протекционизму и имперским преференциям, которые оно расценивало как отказ от дипломатических обязательств Великобритании на континенте³²⁸. Поскольку еврофилы в министерстве иностранных дел всё больше внимания уделяли противодействию переходу к тарифной защите, они отказались от борьбы за участие Великобритании в IАМСС. В сентябре министерство иностранных дел объявило парламенту, что оно не планирует представлять на ратификацию соглашение о создании Международного валютного фонда (IАМСС) или запрашивать британский взнос в специальный резервный фонд³²⁹. Это фактически обрекло проект на провал.

---

³²⁷ TNA, FO 371/15731, Arthur Henderson, Cabinet Memorandum, 2 June 1931.

³²⁸ Boyce, *British capitalism*, pp. 332–69; Kaiser, *Economic diplomacy*, pp. 82–6; Williamson, *National crisis and national government*, pp. 255–343

³²⁹ Hansard, *House of Commons Debates*, 256, 23 Sept.

Парламентские графики многих государств, ответственных за внесение наибольших взносов в резервный фонд, не позволяли ратифицировать договор IАМСС до истечения крайнего срока в декабре. Это означало, что необходимая сумма не могла быть собрана без ратификации договора Великобританией³³⁰. Крайний срок в 31 декабря изначально был включён в договор, чтобы дать заинтересованным правительствам возможность договориться о сокращении масштабов IАМСС, если станет очевидно, что они смогут поддерживать только меньший резервный фонд. Однако к январю 1932 г. девальвация британского фунта и международный банковский кризис привели европейскую финансовую и денежную систему в такое плачевное состояние, что финансовый комитет решил отложить проект³³¹.

VII

История возникновения и генезиса IАМСС раскрывает сложные аспекты влияния глобального сельскохозяйственного кризиса на британскую дипломатию в Европе в решающий 1931 г. Геополитическая напряженность в бассейне Дуная усилилась, поскольку немецкие лидеры стремились использовать импорт продовольствия для усиления своего влияния в регионе. Лидеры Центральной и Восточной Европы вдохнули новую жизнь в движение за европейское экономическое единство в рамках Лиги, попытавшись сформировать единый аграрный блок. Требования Лиги о предоставлении помощи европейским фермерам помогли создать новую модель международного финансового сотрудничества: правительствам предлагалось напрямую вносить средства в международный фонд, который использовался для выдачи кредитов иностранным фермерам. Ожидалось, что этот механизм перераспределения принесёт большую пользу, поскольку укрепит доверие инвесторов и повысит уровень жизни в сельской местности. Однако оказалось трудно заручиться политической поддержкой для участия Великобритании в такого рода международных экспериментах в области развития, поскольку снижение цен на сельскохозяйственную продукцию также воодушевляло сторонников единства империи. Для многих британских чиновников IАМСС имел особое значение, поскольку представлял собой более широкую политику политического и экономического взаимодействия с Европой. Хендерсон ценил IАМСС, поскольку он предлагал средства для содействия международному сотрудничеству в Европе и предотвращения франко-германского геополитического противостояния в бассейне Дуная, которое поставило бы под угрозу процесс разоружения.

1931, col. 1622; TNA, FO 371/13571, Draft Reply to Parliamentary Question number 19, 23 Sept. 1931.

³³⁰ LON, de Bordes/S 90, Jan Walre de Bordes to Otto Nieymeyer, 11 Nov. 1931.

³³¹ LON, F/41ème Session/PV1, Comité Financier. 40ème Session. Procès-verbal de la deuxième séance, 6 May, 1931; LON, F/44th Session /PV1; F/44th Session / PV1, Financial Committee, Forty-fourth Session. First Meeting, 11 Jan. 1932.

Эта цель стала более важной после объявления в марте 1931 г. о планах создания австро-германского таможенного союза. Чиновники казначейства поддержали МВФ как меру, укрепляющую доверие, которая стимулировала бы дальнейшее кредитование богатой золотом Франции бедными золотом странами Центральной и Восточной Европы, хотя они и не хотели финансировать его напрямую. Ратификация Великобританией договора IАМСС стала бы сигналом для иностранных наблюдателей о том, что в Уайтхолле доминируют фракции в министерстве иностранных дел и казначействе, выступающие за политическое взаимодействие с Европой и международное сотрудничество в области денежно-кредитной политики. Напротив, провал этого договора после его первоначальной активной поддержки Великобританией стал сигналом для всего мира о том, что в новом национальном правительстве преобладают сторонники национального протекционизма, имперских привилегий и денежно-кредитной политики «разори соседа».

IАМСС представлял собой промежуточный этап в развитии экономических институтов Лиги. Это была попытка ориентировать Финансовый комитет на долгосрочное международное развитие, и она свидетельствовала о возросшей обеспокоенности судьбой фермеров в контексте глобального сельскохозяйственного кризиса. Однако IАМСС был лишь незначительным вкладом в развитие сельских районов, поскольку он был сосредоточен исключительно на доходах фермеров. Это также было связано с довольно традиционным представлением о международной дипломатии как о борьбе великих держав за влияние в Европе. В 1930-х годах, столкнувшись с серьёзными и постоянными трудностями в сельскохозяйственных регионах по всему миру, сотрудники Лиги разработали новые институты и концепции для решения проблемы сельской бедности как проблемы здравоохранения и благосостояния, а также доходов. Они всё чаще рассматривали сельское хозяйство как элемент «сельской жизни», неразрывно связанный с различными другими формами домашнего хозяйства и производства. Это изменение сопровождалось расширением географического охвата экономической деятельности Лиги. Многие сторонники имперского протекционизма в Британской империи были разочарованы результатами системы преференций, введённой в Оттаве в 1932 г., и впоследствии переключили своё внимание с империи на Лигу. В 1930-х годах секретариат Лиги сохранял особый интерес к Центральной и Восточной Европе. Однако по мере того, как коммерческие отношения в этом регионе становились всё более политизированными в результате экономической экспансии национал-социалистов, секретариат стремился оправдать своё дальнейшее участие в этом регионе, используя нейтральные концепции здравоохранения и социального обеспечения, а не торговли и финансов³³². В 1930-х годах IАМСС

---

³³² Clavin, *Securing the world economy*, pp. 159–98; A. Ribi Forclaz, ‘A new target for international social reform: The International Labour Organisation and working and living conditions in agriculture in the inter-war years’, *Contemporary European Hist.* 20 (2011), pp. 307–

предвидела эволюцию Лиги Наций в сторону новых форм «хлебного и масляного интернационализма», но это также показывает, насколько сельское хозяйство повлияло на более традиционные формы дипломатии в начале Великой депрессии³³³.

Перевод Александра Оришева

Выходные данные статьи: Madeleine Lynch Dungy The global agricultural crisis and British diplomacy in the League of Nations in 1931. *Agricultural History Review*, Volume 65 Part 2 (2017), pp. 297-319.

29; J. O'Brien, 'F.L. McDougall and the origins of the FAO', pp. 170–2; P. Clavin and K. K. Patel, 'The role of international organizations in Europeanization: The case of the League of Nations and the European Economic Community', in M. Conway and K. K. Patel (eds), *Europeanization in the twentieth century: historical approaches* (2010), pp. 111–18; S. Amrith and P. Clavin, 'Feeding the World: Connecting Europe and Asia, 1930–1945', in M. Hilton and R. Mitter (eds), *Transnationalism and Contemporary Global History (Past and Present, Supplement 8, 2013)*, pp. 42–8.

³³³ Clavin, *Securing the world economy*, p. 165.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФИТОФТОРОЗА КАРТОФЕЛЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1846-1852 ГГ.

Мартен Сеппель

* This paper presents the results of the research done with the support of the Estonian Research Council (grant no. PUT119). I would also like to thank Enn Tarvel, Ansgar Schanbacher, and Timo Myllyntaus for their useful comments and the literature references on my concerns on this topic.

Аннотация. Недавние исследования значительно расширили наши знания о распространении фитофтороза картофеля в Западной Европе в 1840-х годах, но его присутствие в Восточной Европе и в России игнорировалось. Цель этой статьи — сначала рассмотреть распространение фитофтороза картофеля в Прибалтийских губерниях, откуда он начал распространяться по всей Российской империи. Во-вторых, это исследование показывает влияние болезни на сельскохозяйственную политику центрального правительства в Санкт-Петербурге, а также на масштабы выращивания картофеля. Главным последствием фитофтороза картофеля стала задержка распространения практики массового выращивания и потребления картофеля в России по крайней мере на десятилетие. Картофель должен был защитить крестьян от голода, но появление фитофтороза вызвало экономический кризис.

Одной из главных движущих сил распространения картофельных культур в Европе была вера в то, что картофель может решить проблему частых неурожаев зерновых³³⁴.

Вплоть до середины XIX века неурожай случался в той или иной части Российской империи практически каждый год. Таким образом, необходимость поиска решения кризиса пропитания постоянно стояла на повестке дня для Санкт-Петербурга.³³⁵ В первом указе Екатерины II от 1765 года о введении в Российской империи возделывания картофеля особо подчеркивалась большая польза и надежность картофеля в случае неурожаев зерновых и нехватки хлеба.³³⁶ При издании своего указа Екатерина II, очевидно, вдохновлялась

---

³³⁴ A. Bourke, *The visitation of God? The potato and the Irish famine* (1993), pp. 12–14; C. Ó Gráda, *Black '47 and beyond. The great Irish famine in history, economy, and memory* (1999), pp. 20–1.

³³⁵ N. M. Druzhinin, *Gosudarstvennye krest' jane i reforma P. D. Kiseleva, II, Realizatsija i posledstvija reformy* [State peasants and the reform of P. D. Kiselev, II, Realization and aftermath of the reforms] (1958), p. 223.

³³⁶ *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii* [here after PSZ], *sobranie pervoe* [Complete law collection of the Russian Empire, first part] (1830), no. 12,406 (31 May 1765). For the order of 1765 see V. S. Lehnovich, *K istorii kul'tury kartofelja v Rossii* [On the history of the potato culture in Russia], in *Materialy po istorii zemledelija SSSR, II* [Materials on the agriculture of USSR, II] (1956), pp. 279–93.

прусскими картофельными указами Фридриха II 1740–1750-х годов.³³⁷ Кроме того, в литературе XVIII века в Прибалтике картофель часто упоминался как средство решения проблемы ежегодного голода, от которого страдало крестьянство.³³⁸

Однако в первой половине девятнадцатого века рацион питания в России был настолько сильно основан на зерне, что даже в 1840-х годах для крестьянства все еще не было самоочевидным, что картофель является высокопитательной пищей, которая может заменить хлеб в случае нехватки зерна или голода.³³⁹ В 1840 году император Николай I вернулся к идее, что картофель может быть средством борьбы с голодом. Развитие выращивания картофеля рассматривалось как наиболее решительная попытка поощрения инноваций в сельском хозяйстве при Николае I.³⁴⁰

Однако в 1846 году на Российскую империю обрушилась опустошительная картофельная болезнь. К 1849 году ею были охвачены уже тридцать три российские губернии, а к 1851 году эпидемия распространилась по всей европейской части России вплоть до Урала на востоке и, возможно, до некоторых мест в Сибири и Уссурийском крае.³⁴¹ Это было огромным потрясением для России. До осени 1846 года картофель в России не подвергался каких-либо серьезным заболеваниям.³⁴² Были случаи неурожая картофеля, но только из-за неблагоприятных погодных условий.³⁴³ Вероятнее всего, эта опасная новая болезнь начала распространяться в России из Прибалтийских губерний в Санкт-Петербургскую губернию, а затем в Финляндию и другие пограничные регионы.³⁴⁴ Описанный ход болезни и ее

---

³³⁷ См.: Humm, 'Friedrich II. und der Kartoffelanbau in Brandenburg-Preussen', in F. Göse (ed.), *Friedrich der Große und die Mark Brandenburg. Herrschaftspraxis in der Provinz* (2012), pp. 183–215.

³³⁸ См. например: J. B. v. Fischer, *Liefländisches Landwirthschaftsbuch auf die Erdgegend von Lief- Est- und Curland* (1753), p. 322; P. Fr. Körber, 'Ueber die jährliche Hungersnoth der lief- und ehstländischen Bauern', in *Der nordischen Miscellaneen*, 8 (1784), p. 86; W. C. Friebe, 'Erster Anfang zur Cultur der liefländischen Bauern', in *Der nordischen Miscellaneen*, 18/19 (1789), pp. 540–3; K. P. M. Snell, *Beschreibung der russischen Provinzen an der Ostsee* (1794), p. 155; J. Kahk, *Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland (das zweite Viertel des 19. Jahrhunderts)* (1969), p. 31; L. Dumpe, 'Hunger und Notnahrung in Lettland', in K. D. Sievers (ed.), *Hunger und Elend in Ländern des Mare Balticum. Zum Pauperismus im Ostseeraum zwischen 1600 und 1900* (1998), pp. 62–3.

³³⁹ См.: R. E. F. Smith, D. Christian, *Bread and salt. A social and economic history of food and drink in Russia* (1984), pp. 8, 200, 278.

³⁴⁰ W. M. Pinter, *Russian economic policy under Nicholas I* (1967), pp. 176, 178.

³⁴¹ M. Prishvin, 'Kartofel' v polevoj i ogorodnoj kul'ture [The potato in the field and garden] (1908), pp. 14, 212–13.

³⁴² 'Geschichte des Kartoffelbaues in Russland', in *Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland* 7 (1849), p. 588; 'Kartofel' v Rossii [The potato in Russia], in *Sovremennik: Literaturnyj Zhurnal* 16 (1849), p. 105; Lehnovich, *K istorii*, p. 388.

³⁴³ Например: 'Benutzung der erfrorenen und faulenden Kartoffeln', in *Das Inland* 39, 27 Sept. 1839, col. 609–10. 11 'Geschichte des Kartoffelbaues', p. 588. Mikhail Prishvin also argued that the potato blight started from the Baltic provinces: Prishvin, 'Kartofel', p. 14.

³⁴⁴ 'Geschichte des Kartoffelbaues', p. 588. Mikhail Prishvin also argued that the potato blight started from the Baltic provinces: Prishvin, 'Kartofel', p. 14.

симптомы³⁴⁵ не оставляют сомнений в том, что она была частью той же эпидемии фитофтороза картофеля (*Phytophthora infestans* [Mont.] de Bary), которая начала распространяться из Бельгии в 1845 году и вызвала Великий голод 1846–49 годов в Ирландии.³⁴⁶

Картофельной фитофторе уделялось много внимания в контексте Великого голода, а также, в последнее время, в связи с континентальной Европой, но ее существование в Восточной Европе (за пределами Германии) обсуждалось весьма скудно.³⁴⁷ Михаил Пришвин и Вадим Лехнович предоставили краткий обзор распространения «potato blight» в России (в России известной как фитофтороз).³⁴⁸ Еще более кратко упоминается возникновение этой болезни в Прибалтийских губерниях в 1840-х годах, откуда она и начала распространяться.³⁴⁹

В этой статье утверждается, что картофельная фитофтора оказала гораздо большее влияние на Российскую империю, чем предполагалось в современной историографии, даже если она не вызвала голод в России, то только потому, что фитофтора появилась во времена, когда картофель еще не был принят в качестве основного продукта питания. В первой части статьи изучаются ранние сообщения о картофельной фитофторе в Прибалтийских губерниях и рассматриваются ожидания центрального правительства России относительно урожая картофеля в 1840-х годах. Во второй части обсуждается долгосрочное влияние болезни на выращивание картофеля в Российской империи в середине девятнадцатого века.

---

³⁴⁵ Например: J. H. Zigra, 'Ueber die Kartoffelkrankheit in Esthland im Jahre 1846', in *Das Inland*, 9, 5 Mar. 1847, col. 184–6; C. v. Mercklin, 'Kartoffelkrankheit in Livland', in *Correspondenzblatt des Naturforschenden Vereins zu Riga*, 2 (1847), no. 15, pp. 74–6.

³⁴⁶ A. Schanbacher, "'The all-absorbing horror of the day': Wahrnehmung und Deutung der Kartoffelkrankheit in Westeuropa 1845–1847", in M. Jakubowski-Tiessen, J. Sprenger (eds), *Natur und Gesellschaft. Perspektiven der interdisziplinären Umweltgeschichte* (2014), 219–42; H. H. Lamb, *Weather, climate and human affairs. A book of essays and other papers* (sec. edn, 2011), p. 168; J. C. Zadoks, 'The Potato murrain on the European continent and the Revolution of 1848', in *Potato Research* 51 (2008), pp. 6, 9.

³⁴⁷ C. Ó Gráda et al. (eds), *When the potato failed. Causes and effects of the 'last' European subsistence crisis, 1845–1850* (2007); P. M. Solar, 'The potato famine in Europe', in C. Ó Gráda (ed.), *Famine 150: commemorative lecture series* (1997), pp. 113–27; Zadoks, 'Potato Murrain', pp. 5–45. Zadoks mentions twice that the blight reached Ukraine and Western Russia but other studies on Europe have not mentioned Eastern Europe. However, the Baltic and Russian case has been acknowledged most recently by A. Schanbacher, *Kartoffelkrankheit und Nahrungskrise in Nordwestdeutschland 1845–1848* (2016).

³⁴⁸ Prishvin, 'Kartoffel'; Lehnovich, *K istorii*.

³⁴⁹ Kahk, *Die Krise*, p. 164; M. Svarāne, 'Kurzemes un Vidzemes zemnieku saimniecības XIX gs. 40.–50. gados (pēc pagastu arhīvu materiāliem) [Peasant farming of Courland and Livland in the 1840s–1850s (on the materials of parish archives)]', in *Latvijas agrārā vēsture (XVI–XIX gs.). Lauksaimniecība un tirgus feodālisma laikā [Agrarian history of Latvia (16th–19th c.). Agriculture and market in the feudal period]* (1966), pp. 140–1; Kersti Lust, *Võitlus näljaga: 19. sajandi näljahädad Eesti külas. Dokumentide kogumik [Struggle with hunger: Relief to the needy during times of famine in nineteenth century Estonia. Document collection]* (2015), p. 28.

В Российской империи картофельная фитофтора была отмечена летом 1846 года в Эстляндской губернии до цветения ранних сортов картофеля.³⁵⁰ Прямые сообщения о влиянии фитофтороза на урожай картофеля поступили с самого западного острова и из северной части Эстляндии осенью 1846 года.³⁵¹ В Лифляндской губернии ботаник Карл Ойген фон Мерклин обнаружил следы болезни в картофеле, собранном вокруг Риги и Курляндии (Либава и Гольдинген) осенью 1846 года.³⁵² В середине сентября 1846 года на рынке Таллина был обнаружен больной картофель, и после последующего отчета и рекомендаций Департамента врачебных дел Эстляндское губернское правление запретило продажу больного картофеля на рынках Таллина.³⁵³ В официальной сводке о посеве и уборке картофеля в 1846 году, составленной в губернском правлении Эстляндии, было указано, что болезнь поразила картофель в некоторых местах, но она не упоминается как главная причина снижения урожая картофеля. Длительная летняя засуха нанесла ущерб росту и урожайности картофеля.³⁵⁴ Таким образом, урожай картофеля 1846 года, по всей видимости, на тот момент не имел серьезных потерь, вызванных болезнями.³⁵⁵ Эта сильная засуха, по-видимому, остановила распространение болезни в том году, поскольку для распространения и заражения нового растения организму нужны влажность и вода.³⁵⁶

³⁵⁰ Zigra, 'Ueber die Kartoffelkrankheit in Esthland', col. 184/

³⁵¹ Estonian Historical Archives [hereafter EHA], 29-1-6495, fo. 371, Aufgabe in Aussaat und Erndte in Kartoffeln auf den gutsherrlichen Gütern in dem Insularwieckschen Districte für das Jahr 1846; EHA, 29- 4107, Acta betreffend die Kartoffelkrankheit in den Jahren 1846 und 1847.

³⁵² C. E. v. Mercklin, Die Kartoffelkrankheit in den Ostseeprovinzen Kur-, Liv- und Ehtland in den Jahren 1846 und 1847. Anatomisch-physiologische Untersuchungen (1848), pp. 5–6, 54. Mercklin also published the first report on the detection of the potato blight in Livland in October 1846 in *Correspondenzblatt des Natur-forschenden Vereins zu Riga*, 1846, no. 13.

³⁵³ EHA, 29-1-4107, fos. 1–2, Administration of medical affairs of Estland to the civil governor of Estland, 18 Sept. 1846; fo. 3, Civil governor of Estland to the police administration of Tallinn, 18 Sept. 1846.

³⁵⁴ EHA, 29-1-6495, fo. 377, Sowing and harvest of the potatoes in the province of Estland in 1846.

³⁵⁵ In Estland the potato yield ratio of 1846 was 3.8 to 1 (in 1845 it was 4.5 to 1). At the same time in the district of Saare-Lääne struck by the disease in Estland the yield ration was barely two to one in 1846: EHA, 29-1- 6495, fo. 371. Cf. Zigra, 'Ueber die Kartoffelkrankheit in Esthland', col. 184; 29-1-6495, fos. 353, 355, 369, 375v, Sowing and harvest reports of 1846 on the potato from the districts of Ida-Harju, Maa-Lääne, Lõuna-Järva and Lõuna-Harju; 296-4-1408, fo. 82v, District magistrate of Valmiera to the civil governor of Livland, 16 Nov. 1846

³⁵⁶ As was similarly the case in the Netherlands in 1846: M. Bergman, 'The potato blight in the Netherlands and its social consequences (1845–1847)', in *International Rev. of Social History* 12 (1967), p. 394; see also Lamb, *Weather*, p. 168; A. Schanbacher, 'Vulnerabilität, Kartoffelkrankheit und Nahrungskrise vor Ort: Das Fürstentum Osnabrück 1845–1847', in D. Collet et al (eds), *Handeln in Hungerkrisen. Neue Perspektiven auf soziale und klimatische Vulnerabilität* (2012), pp. 117, 119.

Первые наблюдения за больными растениями картофеля в 1847 году были сделаны в Ервенском уезде в Эстляндии во второй половине июля, когда листья растений сморщились и отмерли; пятна позже были обнаружены и на клубнях. В итоге большая часть уезда была поражена болезнью так что урожай картофеля 1847 года только удвоил количество семенного картофеля по размеру; в некоторых поместьях даже семенной картофель не был восстановлен.³⁵⁷ В Эстляндии, помимо Ервенского уезда, болезнь затронула также районы Виру и Харью на окраине Таллинна. Однако, врач из Харью обнаружил только два случая продажи картофеля с признаками заболевания в сентябре 1847 г.³⁵⁸

В Лифляндской губернии распространение картофельной болезни началось в конце июля 1847 г. в Дерптском уезде (первоначально в имениях Рожель и Эллистфер).³⁵⁹ Первую тревожную записку о «наиболее опасных проявлениях» картофельной болезни в уезде Дерптский уездный магистрат направил в Лифляндское губернское правление в начале августа 1847 года.³⁶⁰ Из Дерптского уезда болезнь быстро распространилась на Венденский, Феллинский и позже Перновский уезды. По оценкам, в Феллинском уезде болезнь вызвала уничтожение не менее двух третей урожая и половины ожидаемого урожая в Перновском уезде. Ко второй половине августа 1847 года первые сообщения о болезни поступили также из Валкского, Верроского, Вольмарского и Рижского уездов. Во многих местах картофель собирали до созревания из-за опасения распространения болезни. В Рижском уезде небольшое количество картофеля было собрано только на песчаных почвах в сентябре 1847 года.³⁶¹ Согласно отчетам 1847 года, путешественники между Ригой и Дерптом могли видеть поля, покрытые только черными и гнилыми растениями картофеля.³⁶²

1847 год был годом наибольшего опустошения, вызванного этой болезнью в Прибалтийских губерниях. Согласно статистическому отчету губернии, общий урожай картофеля в 1847 году составил всего 46 процентов в Лифляндии (317 149 четвертей) и 60 процентов в Эстляндии (254 818

---

³⁵⁷ ЕНА, 31-1-309, fo. 488, District magistrate of Lõuna-Järva to district physician of Järva, 4 Oct. 1847; 31-1-309, fo. 536, District magistrate of Ida-Järva to district physician of Järva, 8 Aug. 1847; 29-1-4762, fo. 9, Aufgabe der Größe der Aussaat und Erndte der Kartoffeln auf den gutsherrlichen Gütern in dem Districte Süd-Jerwen für das Jahr 1847; ЕНА, 29-1-4762, fo. 16 District magistrate of Ida-Järva to the civil governor of Estland, 27 Nov. 1847.

³⁵⁸ ЕНА 31-1-309, fo. 611-611v; ЕНА, 29-1-4762, fos. 17, 20, Verscläge über die Aussaat und Ernte der Kartoffeln pro 1847; ЕНА, 31-1-309, fos. 47r-v, 712, District physician of Harju to the administration of medical affairs of Estland, 15 Sept. and 4 Dec. 1847.

³⁵⁹ Latvian State Historical Archives [hereafter LSHA], 1-4-1119, fos. 3v-5, Civil governor of Livland to the Baltic governor-general, 25 Aug. 1847.

³⁶⁰ LSHA, 1-4-1119, fos. 1, 10, District magistrate of Tartu to the Baltic governor-general, 2 and 23 Aug. 1847.

³⁶¹ LSHA 1-4-1119, fos. 3v-4, 11v, Civil governor of Livland to the Baltic governor-general, 25 Aug. and 30 Sept. 1847. In the district of Cēsis the first traces of the blight was found on 2 Aug. 1847.

³⁶² Mercklin, Die Kartoffelkrankheit in den Ostseeprovinzen, p. 56.

четвертей) от среднего показателя за предыдущие пять лет.³⁶³ Это был существенный дефицит урожая картофеля (сравнимый с потерями во Фландрии или Вюртемберге, но несопоставимый с Ирландией, где в 1846–47 годах было потеряно 75–86 процентов урожая).³⁶⁴

Симптомы заболевания, описанные в Эстляндии и Лифляндии, были похожи на те, которые характерны для фитофтороза: сначала появлялись несколько черных или коричневых пятен (особенно во время цветения), которые начинали расширяться, пока не поражали все растение над землей, пока не почернеют и не завянут в течение нескольких дней, «словно застигнутое ночным заморозком».³⁶⁵ Этот процесс останавливал рост клубней, на которых также появляются коричневые пятна.³⁶⁶ Запах гнили или плесени начинает распространяться по полям.³⁶⁷ Обычно ущерб, причиненный фитофторозом на песчаной почве, слабее, и эта связь была отмечена в самые первые дни распространения фитофтороза в Прибалтийских губерниях.³⁶⁸

В январе 1847 года журнал Министерства внутренних дел уже отмечал, что болезнь картофеля «совпадает с той, которая встречается в Ирландии, Англии, Германии и в других местах».³⁶⁹ В то же время журнал ошибочно указывал, что это была болезнь «Керл», которая распространялась через Англию и Ирландию.³⁷⁰ В марте 1847 года садовод Иоганн Герман Зигра писал в еженедельнике *Das Inland*, распространявшемся во всех трех Прибалтийских провинциях, что, согласно наблюдениям ботаников и агрономов, болезнь

---

³⁶³ H. Sepp et al. (eds), *Eesti majandusajalugu [Economic history of Estonia]* (1937), p. 387

³⁶⁴ E. Vanhaute, “‘So worthy and example to Ireland’”. The subsistence and industrial crisis of 1845–1850 in Flanders’, in Ó Gráda et al. (eds), *When the potato failed*, pp. 130, 143; G. Mahlerwein, ‘The consequences of the potato blight in South Germany’, in *ibid.*, pp. 215–6; T. M. Devine, ‘Why the Highlands did not starve. Ireland and Highland Scotland during the potato famine’, also *ibid.*, p. 111.

³⁶⁵ The description of ‘as if caught by night frost’ was a very popular characterization of the disease in Livland at that time, e.g.: Mercklin, *Die Kartoffelkrankheit in den Ostseeprovinzen*, pp. 35, 56; LSHA, 1-4-1119, fo. 3v. Cf. T. P. McIntosh, *The potato: Its history, varieties, culture and diseases* (1927), pp. 194–5; A. O. Hannukkala, ‘History and consequences of migrations, changes in epidemiology and population structure of potato late blight, *Phytophthora infestans*, in Finland from 1845 to 2011’ (Ph.D thesis, Jokioinen 2012), p. 11.

³⁶⁶ LSHA, 1-4-1119, fo. 10, District magistrate of Tartu to the Baltic governor-general, 23 Aug. 1847; EHA, 31-1-309, fo. 47r–v, District physician of Harju to the administration of medical affairs of Estland, 4 Dec. 1847; EHA, 31-1-309, fos. 488, 536, The reports to the district physician of Järva and the district magistrates of Lõuna-Järva and Ida-Järva, 4 and 8 Oct. 1847.

³⁶⁷ LSHA, 1-4-1119, fo. 1, District magistrate of Tartu to the Baltic governor-general, 2 Aug. 1847; 1-4-1119, fo. 3v; Mercklin, *Die Kartoffelkrankheit in den Ostseeprovinzen*, p. 56. Cf. R. N. Salaman, *The history and social influence of the potato* (1949), p. 290.

³⁶⁸ *Revalsche Wöchentliche Nachrichten*, 24 Feb. 1847; cf. Bergman, ‘Potato blight’, p. 394.

³⁶⁹ Zigra, ‘Ueber die Kartoffelkrankheit in Esthland’, col. 184.

³⁷⁰ *Revalsche*; EHA, 29-1-4107, fos. 11–17, Baltic governor-general to the civil governor of Estland, 4 Febr. 1847. Although the potato disease called ‘curl’ that started to spread in the 18th c. was a rather loosely used term for different potato diseases, in fact, the ‘curl’ differed so radically from the blight that they cannot be confused: McIntosh, *Potato*, p. 181; Bourke, *Visitation*, pp. 27, 130, 147.

картофеля, которая начала распространяться в Эстляндии, была эпидемией, которая началась в Ирландии и распространилась на восток, которая была выявлена во всех областях Западной Европы, но также и в Америке, родине картофеля.³⁷¹ Таким образом, одновременное распространение болезни в Западной Европе и ее беспрецедентный характер были поняты в Прибалтийских провинциях с самого начала.³⁷²

Как и в остальной Европе, в Прибалтийских губерниях начали изучать причины и ход распространения болезни: распространялась ли болезнь быстрее среди картофеля раннего или позднего посева, на более низких или более высоких участках, на новых или старых полях, на удобренных или неудобренных полях (было обнаружено, что доля урожая картофеля, пораженного этой болезнью, была особенно низкой на хорошо удобренных полях).³⁷³ Было ясно, что распространение и ущерб, причиненный фитофторозом, в то время были одинаковыми как на помещичьих, так и на крестьянских землях. Естественно, была сделана попытка выяснить, какие сорта картофеля пострадали больше всего (число сортов картофеля, выращиваемых в Лифляндии, уже в начале 40-х годов XIX века превышало 80, а к концу этого десятилетия достигло 95).³⁷⁴ Четкой связи нигде не было обнаружено. Причина заболевания картофеля оставалась загадкой.³⁷⁵ Кроме того, была дискуссия о причинах фитофтороза в Прибалтийских губерниях; обсуждаемые факторы включали вредителей, паразитов, грибок или воздействие плохого воздуха.³⁷⁶ Иоганн Герман Зигра утверждал, что чем выше влажность, тем сильнее гниение картофеля, и пришел к выводу, что в этом виноваты влажный воздух и земля.³⁷⁷ Вскоре стало ясно, что все предложенные химикаты для лечения болезни бесполезны и не приносят ничего, кроме больших ненужных расходов.³⁷⁸ В августе 1847 года

---

³⁷¹ J. H. Zigra, 'Ueber die Kartoffelkrankheit', in *Das Inland*, 10, 10 Mar. 1847, col. 206–8; Mercklin, *Die Kartoffelkrankheit in den Ostseeprovinzen*, pp. 4–5.

³⁷² See also N. L. Derks, 'Ueber die Kartoffelfäule', in *Das Inland*, 1, 7 Jan. 1847, col. 4–6; 'Ueber die Annahme, daß Pilze die Ursache des Uebels der Kartoffelkrankheit seien, und die Vorschläge, dieselben durch Beitzmittel etc. zu entfernen', in *Das Inland*, 37, 15 Sept. 1847, col. 793.

³⁷³ ЕНА, 29-1-4762, fo. 9, Aufgabe der Größe der Aussaat und Erndte der Kartoffeln auf den gutsherrlichen Gütern in dem Districte Süd-Jerwen für das Ja 1847.

³⁷⁴ ЕНА, 1185-1-100, fo. 138, Livonian Public Benefit and Economics Society to the civil governor of Livland, 9 Dec. 1841; 'Geschichte des Kartoffelbaues', p. 583; 31-1-309, fo. 47r–v; 31-1-309, fo. 488, District magistrate of Lõuna-Järva to the district physician of Järva, 4 Oct. 1847; cf. Lehnovich, *K istorii*, pp. 388–9; Bourke, *Visitation*, p. 148.

³⁷⁵ The blight was misunderstood until the 1860s and the Frenchman Alexis Millardet discovered a remedy only in 1882: Ó Grada, *Black '47*, p. 21. For the debates on different theories see: Bourke, *Visitation*, pp. 130–9; Schanbacher, "'All-absorbing horror'", pp. 227–9.

³⁷⁶ 'Ueber die Annahme', col. 792–6; J. H. Zigra, 'Bemerkungen über die Kartoffelkrankheit', in *Das Inland*, 43, 27 Oct. 1847, col. 1017; Mercklin, *Die Kartoffelkrankheit in den Ostseeprovinzen*, pp. 39–44.

³⁷⁷ Zigra, 'Bemerkungen', col. 1017–8.

³⁷⁸ Zigra, 'Bemerkungen', col. 1018; Mercklin, *Die Kartoffelkrankheit in den Ostseeprovinzen*, pp. 29–34.

гражданский губернатор Лифляндии доложил Балтийскому генерал-губернатору, что, основываясь на отчетах местных профессоров, директора Императорского ботанического сада и сообщениях из-за границы, проблема заключается в отсутствии надлежащих знаний о том, как остановить распространение болезни.³⁷⁹

Летом 1847 года в Санкт-Петербург поступали сообщения не только из Прибалтики, но и из других частей Российской империи об опустошениях, вызванных фитофторозом, который оказал наибольшее воздействие на самые западные губернии: Гродненскую, Каунасскую, Виленскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Псковскую и Новгородскую.³⁸⁰ К 1850-м годам он распространился в большей или меньшей степени по всей Европейской России.³⁸¹ В Финляндии первое подтвержденное сообщение о появлении фитофтороза картофеля в Выборге относится к осени 1845 года; это было за год до того, как его заметили в Эстляндии. Однако, по-видимому, фактическое распространение болезни из южной Финляндии началось только в конце лета 1847 года, и поэтому она все еще могла возникнуть в Эстляндии.³⁸²

В 1848 году картофельная болезнь не исчезла полностью в Прибалтийских губерниях, но ослабла. Согласно отчетам уездных магистратов Эстляндии в 1848 году, фитофтороз картофеля все еще наблюдался, но в меньших масштабах, чем в предыдущем году, и урожай картофеля ожидался гораздо лучше, чем в 1847 году. Картофелеводство пострадало в 1848 году из-за продолжительной летней засухи и ранних заморозков, которые также могли помочь остановить распространение фитофтороза. Общее соотношение урожайности картофеля в Эстляндии составило 3,9 к 1, что было довольно похоже на показатели других лет и вдвое выше, чем в 1847 году.³⁸³ Урожай картофеля в Лифляндии в 1848 году был также аналогичен урожаю в годы до 1847 года.³⁸⁴ В 1849 году распространение и ущерб, нанесенный фитофторозом, снова были сильнее. Это было еще одно чрезмерно влажное лето из-за непрекращающихся дождей, и погода также затормозила рост урожая картофеля в Эстляндии.³⁸⁵ В ноябре 1849 года гражданский губернатор Лифляндии отметил, что, согласно сообщениям,

---

³⁷⁹ LSHA, 1-4-1119, fo. 4; see also Revalsche.

³⁸⁰ Mercklin, *Die Kartoffelkrankheit in den Ostseeprovinzen*, p. 55.

³⁸¹ Lehnovich, *K istorii*, p. 389.

³⁸² Hannukkala, 'History and consequences', pp. 42–3; A. M. Soininen, *Vanha maataloutemme. Maatalous ja maatalousväestö Suomessa perinnäisen maatalouden loppukaudesta 1720-luvulta 1870-luvulle [The Old Agriculture. Agriculture and the Rural Population in Finland from the End of the 1720s to the 1870s]* (1974), p. 185.

³⁸³ ЕНА, 29-1-7337, fos. 5, 7, 13, 26, 28, Akte betreffend die Aussaat und Ernte der Kartoffeln pro 1848.

³⁸⁴ H. Strods, *Latvijas lauksaimniecības vēsture no vissenākajiem laikiem līdz XX gs. 90. gadiem [Agrarian history of Latvia from the ancient times to the 1990s]* (1992), p. 131.

³⁸⁵ ЕНА, 29-3-718, fos. 4, 7, 11, 22, Akte betreffend die Aussaat und Ernte der Kartoffeln, 1849–59.

«картофельная болезнь снова распространилась почти повсюду», так что в некоторых районах почти не производилась уборка картофеля.³⁸⁶

Фитофтороз картофеля локально наблюдался в Прибалтийских губерниях также в последующие годы (1850, 1851 и 1852).³⁸⁷ В одном из отчетов, распространенных в Санкт-Петербурге, было объявлено, что картофельная болезнь исчезла к 1850 году в Эстляндской губернии.³⁸⁸ Однако это было преждевременно, поскольку болезнь сохранялась в Эстляндии по крайней мере до 1852 года в южном Харьюском уезде и особенно в южном Ервенском уезде (небольшие повреждения, вызванные картофельной болезнью в южном Ервенском уезде, были также зарегистрированы в 1855 и 1857 годах).³⁸⁹ В 1851 году Министерство государственных имуществ в Санкт-Петербурге объявило, что в течение очень засушливого лета предыдущего года картофельная болезнь была обнаружена только на западе и в некоторых северных губерниях. Она уже исчезла в других провинциях, ранее пораженных этой болезнью.³⁹⁰ К середине 1850-х годов эпидемия картофельной гнили, казалось, в основном закончилась³⁹¹.

II

Картофельная гниль поразила Российскую империю в очень сложный момент для центрального правительства. Это был еще один катастрофический фактор в дополнение к тяжелой эпидемии холеры, общему дефициту поставок зерна, разрушительным пожарам и политическим потрясениям в Европе, которые совпали в последние годы 1840-х годов, особенно в 1848 году.³⁹² В 1840-х годах во многих регионах были очень плохие урожаи зерновых, но 1848 год принес самый серьезный неурожай во всей империи за царствие Николая I. Российская экономика пережила серьезный кризис, и более миллиона человек умерли в 1847–51 годах.³⁹³ Однако трудно оценить, в какой степени картофельная гниль сыграла роль в этом кризисе смертности. Холера достигла своей наивысшей интенсивности в регионах, где выращивание картофеля

---

³⁸⁶ ЕНА, 2054-1-1199, not paginated, Civil governor of Livland to the Baltic governor-general, 21 Nov. 1849; Svarāne, 'Kurzemes un Vidzemes', p. 141.

³⁸⁷ См. например: A. Rost, T. Mäeväli (eds), *Die Kirchenchronik von Kusal* (2014), p. 195

³⁸⁸ Lehnovich, *K istorii*, p. 390.

³⁸⁹ ЕНА, 29-3-718, *Akte betreffend die Aussaat und Ernte der Kartoffeln, 1849–59*

³⁹⁰ Lehnovich, *K istorii*, p. 390. On the contrary, Prishvin has brought out that in 1851 the potato blight was the harshest all over Russia: Prishvin, *Kartofel'*, pp. 13–4, 213.

³⁹¹ C. E. v. Mercklin, *Nachträgliche Bemerkungen zur Kartoffelkrankheit* (Moscow 1856), p. 3. Also in Finland the first wave of the potato blight lasted until the mid-1850s (the years of 1847, 1848, and 1851 were the severest): Soininen, *Vanha maataloutemme*, p. 185.

³⁹² A. S. Nifontov, *Rossija v 1848 godu* (1949), pp. 19–26

³⁹³ A. S. Ermolov, *Nashi neurozhai i prodovol'stvennyi vopros'*, part 1 (1909), pp. 55–6; R. E. McGrew, *Russia and the cholera, 1823–1832* (1965), p. 5.

было одним из самых низких в Европейской России: Донской казачий край, Астрахань и Саратов³⁹⁴.

Ясно одно: картофельная болезнь разрушила большие надежды, возлагавшиеся на картофель как на решение частых неудач других культур. Еще в 1840 году Санкт-Петербург начал новую кампанию по содействию выращиванию картофеля по всей Империи.³⁹⁵ Введение картофеля было официально представлено как прямая воля и «отеческое предвидение» императора Николая в 1840-х годах.³⁹⁶ Однако картофельную кампанию скорее следует отнести к влиянию министра государственных имуществ Павла Киселева, который видел в урожае картофеля важный инструмент для пропитания крестьянства и облегчения бедности. В административной иерархии вопросы выращивания картофеля относились к его министерству. Экономическая политика Киселева, занимавшего этот пост с 1838 года, была сосредоточена на развитии сельского хозяйства России, причем главной целью было найти решения для преодоления системной бедности и голода среди крестьянства.³⁹⁷ Поскольку картофель как альтернативный основной продукт питания был уже одобрен российскими властями в 1765 и 1797 годах, Киселев, очевидно, просто вернулся к зашедшему в тупик решению из прошлого.³⁹⁸

Приказы начала 1840-х годов ясно показывают, что возобновление интереса правительства было ответом на неурожаи хлебов в некоторых губерниях России в 1839 и 1840 годах.³⁹⁹ Развитие картофелеводства рассматривалось как лучшее средство для обеспечения продовольствия народа («обеспечения народного продовольствия») в периоды неурожаев хлебов.⁴⁰⁰ Киселев выразил это очень ясно: «Главная цель возделывания картофеля — обеспечение продовольствием населения в случае неурожаев хлебов или высоких цен на хлеб. Вопрос о развитии картофеля как сырья или как

---

³⁹⁴ C. E. Henze, *Disease, health care and government in late imperial Russia. Life and death on the Volga, 1823–1914* (2011), p. 163.

³⁹⁵ Smith, Christian, *Bread and salt*, pp. 280, 283; Druzhinin, *Gosudarstvennye krest' jane*, pp. 53, 236, 247; H. Strods, 'Kartupeļu audzēšanas sākums Latvijā XVII gs. beigās – XIX gs. pirmā pusē [The beginning of the potato cultivation in Latvia from the end of the 17th c. to the first half of the 19th c.]', in *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis* 10 (1958), p. 55; 'Kartofel' v Rossii', p. 104; 'Geschichte des Kartoffelbaues', p. 585.

³⁹⁶ Например: ЕНА, 1185-1-100, fo. 149r–v, Economic department of the ministry of the internal affairs to the civil governor of Estland, 24 Feb. 1841; 29-1-6495, fos. 39–41, P. Kiselev to the civil governor of Estland, 17 July 1841.

³⁹⁷ Druzhinin, *Gosudarstvennye krest' jane*, pp. 51, 235.

³⁹⁸ E. Iu. Ivanova-Malofeeva, *Reforma gosudarstvennoj derevnii v Tambovskoj gubernij (seredina 30-h – seredina 50-h gg. XIX v.)* (2005), p. 84.

³⁹⁹ PSZ, *Sobranie vtoroje [Second Part]* (1830–1884), no. 15296, 16 Feb. 1842; ЕНА, 29-1-6495, fo. 7, List of the circular letters from the ministry of state domains in 1840; A. P. Zablotskii-Desyatovskii, *Graf P. D. Kiselev i ego vremya*, II (1882), pp. 102–3.

⁴⁰⁰ Например: ЕНА, 1185-1-100, fo. 149–149v; 29-1-6495, fos. 6v, 75, P. Kiselev to civil governor of Estland, 31 Jan. 1841 and 31 Mar. 1842.

переработанного продукта питания является второстепенным».⁴⁰¹ В своем указе 1842 года Николай I упомянул о потенциальном положительном влиянии картофельных культур на переход к четырехпольному земледелию как об одной из причин их внедрения.⁴⁰² Действительно, картофель рассматривался как улучшитель земли и диверсификация полевых культур.⁴⁰³ Кампания по выращиванию картофеля также была сосредоточена на использовании картофеля в качестве корма (с особым акцентом на этом после 1843–1844 гг.)⁴⁰⁴ Киселев говорил о дальнейшем использовании картофеля как о самоцели по крайней мере с 1842 года. Картофель стал рассматриваться не только как продукт питания для людей и животных, но и как основа для развития отраслей промышленности, сосредоточенных на его переработке в крахмал, сироп и т. д.⁴⁰⁵

Одной из главных целей было развитие картофелеводства не только в садах, но и на полях и приусадебных участках.⁴⁰⁶ В июле 1840 года секретный комитет под руководством военного министра графа Чернышева постановил, что государственные крестьяне должны сеять семенной картофель в количестве, достаточном для получения чистого прироста в одну четверть (131 кг) на «ревизионную душу».⁴⁰⁷ Однако в указе императора от 8 августа производство картофеля в государственных имениях было установлено в размере половины четверти (или «одного осьмой») на душу.⁴⁰⁸ В 1841 году Киселев установил для Российской империи план по картофелеводству следующим образом: каждый крестьянин (как в частных, так и в государственных имениях) должен сажать столько семенного картофеля, чтобы ожидаемый годовой урожай обеспечивал не менее половины годового потребления продовольствия для его семьи (всего хозяйства) на случай

---

⁴⁰¹ ЕНА, 29-1-6495, fo. 40; 1185-1-100, fo. 133, Civil governor of Livland to the Livonian Public Benefit and Economics Society, 22 Nov. 1841.

⁴⁰² PSZ, *Sobranie vtoroje*, no. 15,296, 16 Feb. 1842; LSHA, 3-1-1928, fo. 14, P. Kiselev to the civil governor of Livland, 31 Mar. 1842; ЕНА, 29-1-6495, fo. 75, P. Kiselev to the civil governor of Estland, 31 Mar. 1842.

⁴⁰³ M. Confino, *Systèmes agraires et progrès agricole: L'assolement triennal en Russie aux XVIIIe–XIX siècles* (1969), p. 304

⁴⁰⁴ Druzhinin, *Gosudarstvennye krest' jane*, p. 53.

⁴⁰⁵ LSHA, 3-1-1928, fo. 13, P. Kiselev to the administration of state domains of Livland, 31 Mar. 1842; ЕНА, 29-1-6495, fo. 136, P. Kiselev's circular letter to the civil governors, 26 Mar. 1843; PSZ, *Sobranie vtoroje*, no. 16,538, 15 Feb. 1843; ЕНА, 203-1-282, fo. 2, Nicholas I to P. Kiselev, 15 Feb. 1843, a copy; 'Geschichte des Kartoffelbaues', p. 586.

⁴⁰⁶ LSHA, 3-1-1928, fo. 13; ЕНА, 203-1-218, fos. 50–1, Administration of state domains of Estland to the state estates, 21 May 1842; Druzhinin, *Gosudarstvennye krest' jane*, p. 235.

⁴⁰⁷ S. V. Tokarev, *Krest' janskije kartofel'nye bunty* [The peasants' potato riots] (1939), p. 24; Zablotskii-Desyatovskii, *Graf P. D. Kiselev*, p. 105

⁴⁰⁸ Prishvin, *Kartofel'*, p. 8; Zablotskii-Desyatovskii, *Graf P. D. Kiselev*, pp. 106–7. The same amount was noted by the minister of state domains in his circular letter of 28 Aug. 1840: Tokarev, *Krest' janskije*, p. 25.

неурожая зерновых.⁴⁰⁹ В 1843 году это было установлено как общероссийская норма по 1 четверику (т.е. одной восьмой от четверти) на душу.⁴¹⁰

Расширение выращивания картофеля и достижение ожидаемых показателей урожая рассматривались центральным правительством как цели, которые, однако, не могли быть достигнуты без систематической организации и участия местного самоуправления. Все должностные лица и помещики, ответственные за выращивание картофеля, должны были работать над достижением этой цели. Центральное правительство неоднократно подчеркивало необходимость принятия государственных мер по содействию выращиванию картофеля в России.⁴¹¹ Согласно указу Николая I от 16 февраля 1842 года, губернские правления должны были продолжать реализацию мер и контролировать выращивание картофеля даже в тех губерниях, где крестьяне уже выращивали картофель прежде.⁴¹² Тем не менее, в 1843 году гражданский губернатор Эстляндии выразил опасения, что местные эстонские крестьяне не примут картофельную культуру и потеряют интерес к ее выращиванию, если не будут приняты дополнительные меры. Как он писал в своем письме эстляндскому дворянству, «остаются опасения, что из-за недоверия, уже возникшего среди крестьянства, нежелающего принимать новшества («крайне невосприимчивого» зачеркнуто), выращивание картофеля постепенно сократится или, может быть, исчезнет совсем»⁴¹³.

Особое внимание уделялось образованию, чтобы побудить людей принять картофель в качестве альтернативного основного продукта питания. Согласно постановлению, изданному императором в 1840 году, краткие, но ясные указания, объясняющие выращивание, хранение и использование картофеля, должны были быть напечатаны и распространены⁴¹⁴. Киселев также считал пропаганду выращивания картофеля крайне важной. Как он отметил в 1847 году, улучшения в сельском хозяйстве никогда не были успешными или устойчивыми, если они осуществлялись силой; крестьян следует убеждать в преимуществах улучшенного сельского хозяйства⁴¹⁵.

---

⁴⁰⁹ ЕНА, 29-1-6495, fos. 40–1; 1185-1-100, fo. 133, Civil governor of Livland to the Livonian Public Benefit and Economics Society, 22 Nov. 1841.

⁴¹⁰ PSZ, *Sobranie vtoroe*, no. 16,538, 15 Feb. 1843. By 1850 the sowing norm of 1 tchetverik potatoes per soul was achieved in 16 provinces out of 48, incl. the Baltic provinces: I. D. Koval'chenko, *Russkoe krest'janstvo v pervoj polovine XIX v.* [Russian serf peasantry in the first half of the 19th c.] (1967), pp. 389–91 (appendix table 3).

⁴¹¹ Например: ЕНА, 29-1-6495, fos. 40, 53r–v, Ministry of state domains to the civil governor of Estland, 14 Nov. 1841.

⁴¹² PSZ, *Sobranie vtoroe*, no. 15,296, 16 Feb. 1842.

⁴¹³ '[...] daß der bereits angeregte Eifer für die gute Sache bey unserem für den Neuerungen so wenig empfänglichen abgeneigten Landvolke, allmählig wieder erkalten und vielleicht sogar gänzlich nachlassen könnte': ЕНА, 29-1-6495, fo. 155v, Civil governor of Estland to the head of the nobility of Estland, 2 Sept. 1843, a draft.

⁴¹⁴ ЕНА, 29-1-6495, fo. 7, List of the circular letters by the ministry of state domains in 1840; Prishvin, *Kartofel'*, p. 9

⁴¹⁵ Druzhinin, *Gosudarstvennye krest'jane*, p. 236.

В 1840 году по воле императора была составлена и напечатана Министерством государственных имуществ «Краткая инструкция по посеву, уборке, хранению и употреблению картофеля».⁴¹⁶ В ней содержались указания земледельцам по посадке, уборке и хранению картофеля, а также указания по различным способам его приготовления и использования. С января 1841 года по распоряжению Киселева эти инструкции активно распространялись по всей Российской империи⁴¹⁷. В Прибалтийских губерниях (в Таллине) брошюра была переведена и напечатана на немецком языке.⁴¹⁸ В случае с коронными именными Прибалтийских губерний копии рассылались отдельно из Петербурга.⁴¹⁹ Однако распространение никогда не было массовым. Эстляндский гражданский губернатор, например, отправил менее 20 экземпляров на немецком языке каждому уездному магистрату для частных имений, и не для бесплатной распространения, а для продажи по цене 15 серебряных копеек за штуку. Согласно распоряжению эстляндского гражданского губернатора, брошюра должна была распространяться среди помещиков (а не крестьян).⁴²⁰ Неизвестно, была ли она переведена на местные языки (эстонский или латышский). Доход от продаж и отчеты уездного магистрата от конца весны того же года показывают, что экземпляры быстро раскупались.⁴²¹ Помимо немецкой версии, несколько русских экземпляров брошюры были отправлены для бесплатного распространения⁴²².

Вступительные строки брошюры подчеркивают, что картофель может стать решением проблемы голода в случае нехватки зерна. Кроме того, в ней подчеркивается, что картофель является здоровым и питательным продуктом питания для употребления человеком; его можно использовать в качестве корма для скота, для производства водки, а также перерабатывать в сахар и

---

⁴¹⁶ *Kratkoe nastavlenie o poseve, uborke, khranении i upotreblении kartofelja* (St Petersburg 1841). Already in the spring of 1840, before the publication of this brochure, the ministry of the internal affairs disseminated another manuscript on potato cultivation ('*Kratkoe nastavlenie o pazvedении kartofelja*'). The latter was translated into German in Livland but was not published. However, it also appeared in the Gazette of the province of Olonets: *Oloneckija Gubernskja Vedomosti*, 18, 4 May 1840; ЕНА, 1185-1-89, fo. 78, *Kurze Anleitung über den Kartoffelbau*

⁴¹⁷ ЕНА, 29-1-6495, fo. 6, P. Kiselev to the civil governor of Estland, 31 Jan. 1841; 1185-1-100, fo. 142, P. Kiselev to the civil governor of Livland, 31 Jan. 1841; 902-1-1133, not paginated, Civil governor of Estland to the district magistrate of Maa-Viru, 20 Mar. 1841.

⁴¹⁸ *Kurze Belehrung über die Aussaat, Ernte, Aufbewahrung und den Gebrauch der Kartoffeln*. (Zufolge Allerhöchsten Befehls im 3. Departement der Reichs-Domänen angefertigt im Jahre 1841) (Reval [1841]).

⁴¹⁹ ЕНА, 203-1-214, fo. 92, Ministry of state domains to the administration of state domains of Estland, 26 Feb. 1841.

⁴²⁰ ЕНА, 29-1-6495, fo. 27, Circular letter of the civil governor of Estland to all the district magistrates, 21 Mar. 1841; 29-1-6495, fo. 32, District magistrate of Maa-Viru to the civil governor of Estland, 25 Apr. 1841.

⁴²¹ ЕНА, 29-1-6495, fo. 72, District magistrate of Alutaguse to civil governor of Estland, 8 Mar. 1842; 29-1-6495, fos. 33, 35, 46, 47, Civil governor of Estland to the district magistrates of Maa-Viru, Ranna-Viru, Lõuna-Järva, Maa-Lääne 13 June, 20 June, 5 Aug. and 19 Aug. 1841.

⁴²² ЕНА, 902-1-1133, not paginated, Civil governor of Estland to the district magistrate of Maa-Viru, 20 Mar. 1841; 29-1-6495, fo. 6.

крахмал. Картофель можно выращивать везде, даже на глинистых, песчаных и меловых почвах. В отличие от зерна, семенной картофель не обязательно должен быть высокого качества. Практически весь семенной картофель (кроме подмороженного) можно сажать. Кроме того, один семенной картофель можно разрезать на несколько частей, при условии, что каждая часть содержит 1–2 картофельных глазка. Их можно собирать для употребления в пищу даже до времени сбора урожая⁴²³.

Одним из главных аргументов Киселева в начале 1840-х годов было то, что картофель более устойчив к неурожаю, чем другие полевые культуры.⁴²⁴ До эпидемии 1847 года картофель пропагандировался как почти идеальный продукт питания, выращивание которого не имело недостатков. Картофельные культуры явно считались более устойчивыми к «вредным изменениям в атмосфере», поскольку им требовалось меньше осадков из-за их больших листьев и более крупных корней, которые меньше страдали во время засухи. Утверждалось, что при соблюдении хорошей и своевременной обработки погода мало влияла на урожай картофеля. Картофель был чувствителен только к заморозкам, что необходимо было учитывать при планировании уборки урожая. Даже если урожай пострадал от обморожения, а чрезмерные осадки вызвали гниение клубней, это не обязательно означало неурожай. Были даны рекомендации о том, как сделать картофельную муку из подмороженного картофеля, которая может быть даже более долговечной, чем зерновая мука. Также можно было частично использовать гнилой картофель и старый семенной картофель для корма скота и перегонки.⁴²⁵

Ведущее сельскохозяйственное общество в Прибалтийских губерниях, Лифляндское общество общественного блага и экономики (*die Livländische Gemeinnützige und Ökonomische Sozietät*) дало более сбалансированный обзор картофеля в 1841 году. Общество подчеркивало, что, учитывая долготу Лифляндии, картофель дает наилучший урожай из всех возможных, но он также требует наибольшей заботы и усилий. Картофель мог обеспечить продовольственное снабжение в больших масштабах, только если выращивался «старательным земледельцем с заботой и вниманием».⁴²⁶ Таким образом, Общество подчеркнуло один из самых проблемных моментов выращивания картофеля. Расширение более трудоемкого выращивания картофеля в поместьях также означало большую потребность в труде крестьян в форме барщины, хотя, как указывал Юхан Кахк, барщинные правила, установленные в начале века, не предусматривали работы по сбору

---

⁴²³ Kurze Belehrung, pp. 3–4, 8; 1185-1-89, fos. 76, 81v.

⁴²⁴ ЕНА, 29-1-6495, fo. 6.

⁴²⁵ ЕНА, 1185-1-89, fos. 76, 79, 82v–83v; 1185-1-100, fo. 133; see also A. Hueck, *Darstellung der landwirtschaftlichen Verhältnisse in Esth-, Liv- und Curland* (1845), pp. 210–1; ‘Benutzung der erfrorenen’, col. 609–10.

⁴²⁶ ЕНА, 1185-1-100, fos. 134v–5r, President of the Livonian Public Benefit and Economics Society to the civil governor of Livland, 9 Dec. 1841.

картофеля.⁴²⁷ Картофель привел к необходимости вести переговоры о еще более интенсивной сезонной барщине или вынудил землевладельцев нанимать больше рабочей силы.⁴²⁸

Однако Общество не считало трудоемкость выращивания картофеля самой большой проблемой, а скорее считало таковой тот факт, что семенной картофель требовал хранения (особенно в больших количествах и отдельно для разных сортов), и защищать его от деградации было гораздо сложнее, чем хранение семян зерна. Картофелю нужен хороший сухой погреб, который защищал бы его от холода, к которому «наше крестьянство редко имеет доступ».⁴²⁹ Фактически, даже поместья не всегда были готовы предоставить крестьянам хранилище для семенного картофеля на зиму и таким образом предотвратить гниение.⁴³⁰ Общество пришло к выводу, что в отличие от пшеницы и ржи, обладающих высокой питательной ценностью, картофель не может полностью заменить хлеб среди «классов, которые выполняют тяжелый физический труд»⁴³¹.

III

Любое идеализированное восприятие картофеля было разрушено фитофторозом, который начал распространяться в 1846 году.⁴³² Фитофтороз картофеля, с его быстрым распространением и разрушительными последствиями, оказался неожиданным для всей Европы.⁴³³ В 1841 году Ливонское общество общественного блага и экономики заявило, что если картофель выращивать в более или менее благоприятных условиях, «урожай не упадет ниже уровня трех картофелин на одну семенную картофелину».⁴³⁴ Средняя урожайность в Лифляндии в 1847 году составила всего 1,5 картофелины на семенную картофелину из-за фитофтороза. Это был самый

---

⁴²⁷ J. Kahk, *Murrangulised neljakümnendad [The Upheaval Forties]* (1978), pp. 26, 28. See also Strods, *Latvijas*, p. 105.

⁴²⁸ Confino, *Systèmes agraires*, p. 304.

⁴²⁹ ЕНА, 1185-1-100, fos. 135, 137

⁴³⁰ Например: LSHA, 3-1-1929, fo. 62v. Third parish judge of the district of Cēsis to the civil governor of Livland, 3 Nov. 1842; Rost, Mäeväli (eds), *Die Kirchenchronik*, p. 190.

⁴³¹ ЕНА, 1185-1-100, fo. 136. It is not, of course, true since the potato supports life better than grain when eaten as the sole element of the diet: N. Nunn and N. Qian, 'The potato's contribution to population and urbanization: Evidence from a historical experiment', in *Quarterly J. Economics*, 126 (2011), p. 599.

⁴³² For the moods after realizing that the European potato disease had reached Russia, see e.g. I. Reshetnikov, 'O boleznii kartofelja' ['About the potato disease'], in *Sovremennik: Literaturnyj Zhurnal* 16 (1849), pp. 98–100

⁴³³ Salaman, *History and social influence*, p. 289; E. Vanhaute, R. Paping, C. Ó Gráda, 'The European subsistence crisis of 1845–1850: a comparative perspective', in Ó Gráda et al. (eds), *When the potato failed*, p. 20.

⁴³⁴ ЕНА, 1185-1-100, fo. 136v.

низкий показатель в Лифляндии за всю историю (средний показатель между 1842 и 1846 годами составлял 3,27 на семья).⁴³⁵

Еще в августе 1847 года гражданский губернатор Эстляндии выразил опасение, что распространение картофельной болезни приведет к «опасному кризису» и спаду в выращивании картофеля среди крестьян, поскольку «нежелание крестьян принимать новшества, связанные с экономическими методами, уже хорошо известно».⁴³⁶ Наибольшие опасения гражданского губернатора были связаны с большими потерями в продовольственном обеспечении (Volksversorgung), которые в первую очередь коснутся крестьян. Если в предыдущие годы урожай картофеля был довольно плохим на крестьянских землях, но, по крайней мере, средним на полях поместий, то из-за картофельной болезни поместья лишились бы необходимого дохода для содержания крестьян. Несколько помещиков из Феллинского уезда в частных беседах с гражданским губернатором подсчитали, что их прямые потери от картофельной болезни 1847 года достигли 8 000–10 000 серебряных рублей каждый.⁴³⁷

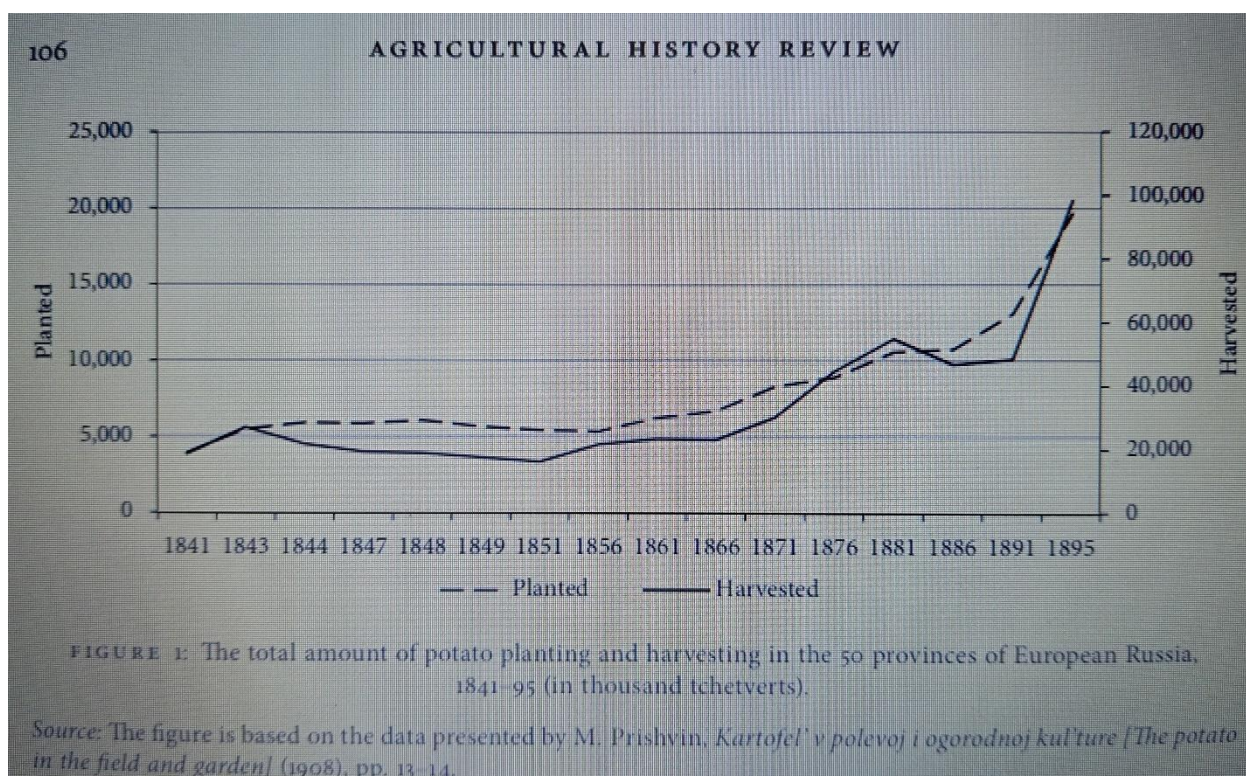

Рисунок 1

Уолтер Маккензи Пинтер указал, что в России посевы картофеля росли только до середины 1840-х годов и что в последующие годы правления

⁴³⁵ Strods, *Latvijas*, p. 131.

⁴³⁶ LSHA, 1-4-1119, fo. 5.

⁴³⁷ LSHA, 1-4-1119, fos. 5, 11v.

Киселева они оставались практически неизменными.⁴³⁸ В начале картофельной кампании 1840 года количество посаженного картофеля в России составляло около 1 миллиона четвертей; к 1844 году оно увеличилось более чем в шесть раз до 6 миллионов четвертей, но затем оставалось на этом уровне (или ниже) до 1860-х годов (см. рисунок 1). Средний общий объем посадок картофеля в России был меньше в 1851–1860 годах, чем в период с 1841 по 1850 год (5,5 млн и 5,75 млн четвертей соответственно).⁴³⁹ Количество посаженного и собранного картофеля во многих регионах Европейской России не только не росло в конце 1840-х и начале 1850-х годов, но и снижалось, пока не начало постепенно расти снова в конце 1850-х годов.⁴⁴⁰ Это быстрое замедление и даже спад в выращивании картофеля было в основном связано с упадком, вызванным картофельной болезнью (как в моральном, так и в урожайном отношении). Обзор выращивания картофеля в Псковской губернии в «Журнале государственных имений» за 1853 год говорил, что «лет десять назад картофель в этой губернии выращивался в значительных количествах, но с тех пор, как появилась болезнь, фермеры стали ограничивать посадку, так что теперь и помещики, и крестьяне сажают его только для собственного потребления».⁴⁴¹ Однако в Российской империи не было картофельного голода, и в источниках из Прибалтийских губерний, где доля выращенного картофеля была самой высокой в России, нет упоминаний о случаях смерти от голода из-за картофельной болезни. Таким образом, картофельная болезнь была в основном экономическим, административным и моральным поражением. В конце 1840-х годов она не только положила конец картофельной кампании Киселева; ее главным следствием было то, что она помешала распространению выращивания картофеля и вызвала (иногда резкое) падение производства картофеля в Российской империи. Если в Ирландии картофельная болезнь привела к снижению производства картофеля на 35 лет⁴⁴², то в Прибалтике и многих других российских губерниях это падение продолжалось от пяти до десяти лет.

---

⁴³⁸ Pinter, *Russian economic*, p. 177; cf. A. S. Nifontov, *Zernovoe proizvodstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX veka* [Russian grain production in the second half of the 19th century] (1974), p. 227; A. Z. Baraboj, 'Posevy i urozhai khlebov, kartofelja, saharnoj svekly v pomeshhich'em i krest'janskom khozjastvah Pravoberezhnoj Ukrainy v pervoj polovine XIX v. ['Sowing and harvest of grain, potatoes, sugar beet on manorial and peasants' lands in the right-bank Ukraine in the first half of the 19th century']', in *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy 1962 g* (1964), pp. 344–5.

⁴³⁹ Koval'chenko, *Russkoe krepostnoe*, pp. 386 (Appendix Table 1), 389–91 (Appendix Table 3). The most evident drop in the amount of potatoes sowed took place in the provinces of Mogilev, Vilnius, Kaunas, Pskov, Kaluga, Tver, Vitebsk and Volhynia. The Baltic provinces stayed more or less at the same level.

⁴⁴⁰ Data from the provinces of Kiev, Volhynia and Podolsk show a decrease in the first half of the 1850s and a new increase at the end of the decade: Baraboj, 'Posevy i urozhai', p. 345.

⁴⁴¹ Lehnovich, *K istorii*, p. 390.

⁴⁴² Ó Grada, *Black '47*, pp. 13, 23–4; S. Rosen, 'Potato Paradoxes', in *J. Political Economy* 107 (1999), p. 303.

IV

В Российской империи картофель не был принят крестьянством снизу как продовольственная культура, а скорее был навязан сверху как мера помощи голодающим. Продвижение выращивания картофеля осуществлялось посредством указов императора и требовало систематической кампании, проводимой центральным правительством и элитой общества. В то же время государство пыталось изменить привычки питания крестьян. Картофель изображался как хорошая еда, и официальные инструкции по выращиванию картофеля включали прямые указания о том, как его готовить.

Картофель рассматривался как способ спасения от неурожая зерновых и проблемы голода среди крестьянства. Большая часть Европейской России действительно была очень пригодна для выращивания картофеля с точки зрения как климата, так и почвенных характеристик.⁴⁴³ Таким образом, российское центральное правительство разыграло эту карту в попытке найти решение частой нехватки продовольствия, от которой продолжала страдать страна.

В 1840 году император настойчиво потребовал увеличения выращивания картофеля во всей Российской империи. Эта картофельная кампания, безусловно, стала важным поворотным моментом для внедрения картофеля в России. До середины 1840-х годов все, казалось, шло по плану Киселева. Картофелеводство в России расширялось, и применяемые меры, казалось, приносили плоды. Но прежде, чем этот решительный прорыв был завершен, в 1846 году в Российской империи разразилась опустошительная эпидемия картофельного фитофтороза, которая продолжалась до 1852 года, распространяясь из Прибалтийских губерний. Главным последствием картофельного фитофтороза стала отсрочка массового выращивания и потребления картофеля по крайней мере на десятилетие в России. До конца 1860-х годов масштабы выращивания картофеля оставались примерно на том же уровне, что и в 1840-х годах. Только после этого десятилетия, особенно в 1870-х годах, выращивание картофеля увеличилось в три-четыре раза как на помещичьих и крестьянских землях в Прибалтийских губерниях.⁴⁴⁴ Картофель стал не только насущной пищей для бедных крестьян во время голода, но и универсальной заменой зерна и основным продуктом питания для всех к последней четверти девятнадцатого века. К концу девятнадцатого века Россия была превзойдена только Германией по производству картофеля в Европе.⁴⁴⁵

---

⁴⁴³ Nunn and Qian, 'Potato's contribution', pp. 611–2.

⁴⁴⁴ J. Kahk, 'Die Getreide- und Kartoffelproduktion in Estland im 19. Jahrhundert im Spiegel der Gouverneurs-berichte. Gedanken über die Parallelenentwicklung von Guts- und Bauernwirtschaften im Baltikum', in Proc. Estonian Academy of Sciences. Humanities and Social Sciences 42 (1993), p. 12.

⁴⁴⁵ Prishvin, 'Kartofel', p. 2; K. F. Kiple, K. Coneè Ornelas (eds), *The Cambridge World History of Food* (2 vols, 2000), II, p. 1879.

Перевод Василя Сакаева

Выходные данные статьи: Marten Seppel The spread of the potato blight in the Russian Empire, 1846 to 1852. *Agricultural History Review*, Volume 65 Part 1 (2017), pp. 94-107.

ОТ «ГОЛОДНЫХ» 1840-Х ДО «ДОРОГИХ» 1850-Х: СЛУЧАЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КРИЗИСА В БЕЛЬГИИ, 1853–1856

Воутер Ронсейн и Эрик Ванхот

Аннотация. В этой статье исследуется продовольственный кризис 1853–1856 годов в Европе. В ней утверждается, что это был не классический голод, вызванный далеко идущим снижением доступности продовольствия. Напротив, это был один из первых случаев «продовольственного кризиса» в международном масштабе: кризиса, спровоцированного высокими ценами, препятствующими доступу к продовольствию для значительной части населения. Этот кризис возник из-за новых форм уязвимости, появившихся в результате интернационализации цепочек поставок, пролетаризации труда и коммерциализации товаров и услуг. Как таковой, он в основном затронул городское население, зависящее от рынка. Мы завершаем проведением параллелей с современной глобальной продовольственной системой.

«[Почему] в середине 1850-х годов, по-видимому, не было кризиса, сопоставимого с кризисом конца 1840-х годов?» — задался вопросом Питер Солар в своей статье в сборнике эссе о влиянии картофельной болезни в Европе, опубликованном в 2007 году.⁴⁴⁶ С точки зрения уровня цен на продукты питания и снижения покупательной способности 1850-е годы были такими же суровыми, как 1840-е годы, если не хуже. Солар указал, что по всей северо-западной Европе среднегодовые цены на пшеницу в период с 1853 по 1856 годы были такими же высокими, как в 1847 году, и, более того, оставались такими еще в течение нескольких лет подряд. Однако «голодные пятидесятые» не стали таким же привычным выражением, как «голодные сороковые». Означает ли это, что продовольственный кризис последнего десятилетия был менее разрушительным, и если да, то почему это произошло пока неизвестно. Мало кто из ученых обращал внимание на 1850-е годы (работа Лорана Эрмана является недавним исключением), и многое из того, что мы знаем, исходит из мимолетных ссылок.⁴⁴⁷ В этой статье мы хотим привлечь внимание к этому эпизоду в истории Западной Европы. Мы исследуем, действительно ли он оказал меньшее влияние, чем «голодные сороковые», и предлагаем объяснение, почему это могло быть так. Мы делаем это, сосредоточившись на случае Бельгии.

Предыдущие исследования показали, что если общее воздействие продовольственного кризиса 1850-х годов было умеренным, то для тех, кто его пережил, оно было совсем не умеренным. Шеве и О Града считают, что четыре года с 1853 по 1856 год были «без сомнения» такими же драматичными, как 1846 год, однако недавний обзор Альфани и О Грады фактов голода, определяемых как смертоносные события, включает 1840-е годы, но не 1850-

---

⁴⁴⁶ Peter M. Solar, 'The crisis of the late 1840s: what can be learned from prices?', in Cormac Ó Gráda, Richard Paping and E. Vanhaute (eds), *When the potato failed. Causes and effects of the 'last' European subsistence crisis, 1845–1850* (2007), p. 82.

⁴⁴⁷ Laurent Herment, 'Les communautés rurales de Seine-et-Oise face à la crise frumentaire, 1853–1856', *Histoire et Mesure* 26 (2011), pp. 187–220.

е годы.⁴⁴⁸ В одном из немногих тематических исследований Лоран Эрман заявил, что продовольственный кризис в окрестностях Парижа был серьезным из-за высоких цен, размера сокращения урожая, продолжительности кризиса и нарушения торговли зерном из-за Крымской войны. Городское население пострадало, но сельское население было почти не затронуто.⁴⁴⁹ В своем исследовании потребления продуктов питания на душу населения в Нидерландах Мерейн Книббе подсчитал, что потребление зерновых в 1850-х годах существенно не снизилось. Напротив, потребление продуктов животного происхождения снизилось, в результате чего биологический уровень жизни достиг своей нижней точки (надира) девятнадцатого века именно в 1850-х годах.⁴⁵⁰ Частота продовольственных бунтов в Англии, Франции, Бельгии и Швеции еще раз свидетельствует о бедственном положении в это десятилетие.⁴⁵¹ Некоторые авторы подчеркивают международный масштаб кризиса, указывая на влияние Крымской войны, но также предполагая связь между падением европейских цен на зерно после 1856 года и финансовой паникой в США в 1857 году.⁴⁵²

Солар приводит несколько причин, по которым 1850-е годы, по видимому, оказали более мягкое общее воздействие: цены на пшеницу были схожими, но пики цен на картофель были менее выраженными в 1850-х годах, чем в 1840-х годах. Большая часть уязвимого населения уже была устранена во время кризиса 1840-х годов, рынки, возможно, стали более эффективными после отмены хлебных законов, и правительства, возможно, научились лучше справляться с такими кризисами после опыта 1840-х годов.⁴⁵³ Аналогичным образом, Эрман подчеркивает усилия французского правительства по облегчению бедствия: оно быстро реагировало, поощряло местные власти к

---

⁴⁴⁸ Jean-Michel Chevet and Cormac Ó Gráda, 'Revisiting "Subsistence Crises": The characteristics of demographic crises in France in the first half of the 19th century', *Food and Foodways*, 12 (2004), p. 191; G. Alfani and Cormac Ó Gráda, 'Famines in Europe: an Overview', in Guido Alfani and Cormac Ó Gráda (eds), *Famine in European History* (2017), pp. 1–24.

⁴⁴⁹ Herment, 'Les communautés rurales de Seine-et-Oise'.

⁴⁵⁰ Merijn T. Knibbe, 'De hoofdelijke beschikbaarheid van voedsel en de levensstandaard in Nederland, 1807–1913', *Tijdschrift voor Sociale en Economische Geschiedenis*, 4 (2007), pp. 78–9.

⁴⁵¹ John Bohstedt, *The politics of provisions: food riots, moral economy, and market transition in England, c.1550–1850* (2010), pp. 251–3; Roger Price, *The modernization of rural France: Communications networks and agricultural market structures in nineteenth-century France* (1983), p. 146; Wouter Ronsijn, 'De "laatste" voedselrellen. Voedseloproer in de jaren 1850 in Vlaanderen: een casestudie van Sint-Niklaas', *Tijdschrift voor Sociale en Economische Geschiedenis*, 6 (2009), pp. 80–108; G. Fridlitzius, 'The Crimean War and the Swedish economy', *Economy and Hist.*, 3 (1960), pp. 96–7; Christian Petersen, *Bread and the British economy, c.1700–1870* (1995), p. 207.

⁴⁵² James L. Huston, 'Western grains and the Panic of 1857', *Agricultural Hist.* 57 (1983), pp. 14–32; see also Charles W. Calomiris and Larry Schweikart, 'The Panic of 1857: Origins, transmission, and containment', *JECH* 51 (1991), pp. 807–34.

⁴⁵³ Solar, 'Crisis of the late 1840s', p. 85.

необходимым действиям и поддерживало общественные работы, чтобы обеспечить бедных некоторым доходом.⁴⁵⁴

Наш главный аргумент заключается в том, что продовольственные кризисы 1840-х и 1850-х годов, несмотря на сходства в среднегодовом уровне цен, были очень разными по своей природе. В 1840-х годах произошло то, что мы называем «кризисом голода», тогда как кризис 1850-х годов стал одним из первых «кризисов цен на продовольствие» в международном, возможно, даже глобальном масштабе. Первый тип кризиса вызван существенным снижением доступности продовольствия, затрагивающим широкие слои общества. Напротив, последний тип кризиса является результатом прежде всего сбоя в торговле, а не в производстве, затрагивая в первую очередь зависящее от рынка население: наемных рабочих, мелких ремесленников и людей в сфере розничной торговли, т. е. те группы, которые напрямую не участвуют в производстве продовольствия и не имеют прямого, не опосредованного рынком доступа к продовольствию. Хотя оба типа кризисов могут иметь схожее влияние на цены, они, тем не менее, будут иметь различное влияние на разные группы общества.

I

К середине XIX в. классическая, локализованная форма «кризиса голода» теряла свои позиции в Европе уже несколько столетий. Традиционные периоды голода в основном описывались как локальные кризисы, характеризующиеся внезапным падением поставок продовольствия и избыточной смертностью. Они почти всегда были связаны со стихийными бедствиями (дожди, экстремальная температура), экологическими потрясениями (извержения вулкана, моры, эпидемии) и/или антропогенными катастрофами (войны), сокращающими поставки продовольствия и/или нарушающими механизмы поставок продовольствия.⁴⁵⁵ Англия и Северная Италия пережили свои последние периоды серьезного голода в семнадцатом веке. Пики смертности в восемнадцатом и девятнадцатом веках во Франции и Нидерландах были скромными по сравнению с предыдущими столетиями, даже в кризисные годы: 1740–1741, 1794–1795, 1816–1818 и 1845–1848. Похоже, что западноевропейская история голода закончилась в 1845–1848 годах «большим взрывом»: ирландский голод, измеряемый по доле потерь населения, был одним из самых разрушительных продовольственных кризисов в мировой истории.⁴⁵⁶

Во второй половине XIX века в Европе наблюдался значительный рост доступности продовольствия. Это совпало с ростом продовольственной безопасности, снижением относительных цен на продовольствие и сокращением численности сельскохозяйственного населения. Эти события

---

⁴⁵⁴ Herment, 'Les communautés rurales de Seine-et-Oise', pp. 201–05.

⁴⁵⁵ Cormac Ó Gráda, *Famine: A short history* (2009), pp. 6–7.

⁴⁵⁶ Alfani and Ó Gráda, 'Famines in Europe: an overview'.

знаменуют начало первого глобального продовольственного режима, в который были интегрированы производители продовольствия по всему миру.⁴⁵⁷ Расширение и модернизация продовольственных цепочек, разрыв зависимости производства от потребления вызвали беспрецедентный поток дешевых продуктов питания в Европу что положило конец классическим кризисам голода в этой части мира.

Однако коммерциализация продуктов питания и труда в глобализирующемся продовольственном режиме также создала новые уязвимости, сделав значительные группы населения существенно более чувствительными к кризисам цен на продукты питания нежели это было раньше. Эти новые уязвимости включали зависимость от заработной платы и от международных рыночных условий. Новые формы продовольственного обеспечения, от прямого до косвенного доступа к рынку, полностью изменили политическую экономию продовольственного снабжения. Переговоры связанные с поставками продуктов питания и ценами на продукты питания, были теперь частью местной моральной экономики, основанной на двойном принципе: праве на питание и общественном договоре взаимной ответственности.⁴⁵⁸ Наш главный аргумент заключается в том, что в контексте расширения рынков и продовольственных цепочек снижение взаимных связей в сообществе создало новую уязвимость к резким изменениям цен на продукты питания, затрагивая в первую очередь растущее и зависимое от рынка городское население.⁴⁵⁹

В этой статье мы утверждаем, что высокие цены в период с 1853 по 1856 годы ознаменовали международный продовольственный кризис цен, поскольку это бедствие было в большей степени результатом цен и распределения продовольствия, чем его наличия. Соотношение между ценами и поставками во время этого кризиса отличалось от кризисов, связанных с голодом, в двух отношениях: высокие цены без серьезного дефицита и своеобразная модель изменения цен на зерно. В 1850-х годах в странах, омываемых Северным морем, не было серьезного дефицита основных продуктов питания. Картофель постепенно становился более устойчивым к фитофторозу, а дефицит зерновых на местном и национальном уровнях был дополнен импортом. Для потребителей имели значение рост стоимости продуктов питания и снижение их покупательной способности. Новым в 1850-х годах было то, что продовольственное снабжение посредством рынка стало главной сценой для борьбы за продовольственную безопасность. Во многих отношениях продовольственный кризис 1853–56 годов создал новую модель. Начиная с конца 1840-х годов международный рынок зерна стал основным фактором, определяющим цену на внутренних рынках в районе Северного моря. Ранее импорт был важен для таких частей этого региона, как Фландрия

---

⁴⁵⁷ Philip McMichael, *Food regimes and agrarian questions* (2013).

⁴⁵⁸ Bohstedt, *Politics of provisions*.

⁴⁵⁹ Raj Patel and Philip McMichael, 'A political economy of the food riot', *Rev. Fernand Braudel Center for the Study of Economies, Historical Systems, and Civilizations* 32 (2009), pp. 9–35.

в конце Средневековья и Голландия в начале Нового времени, но с середины девятнадцатого века он стал жизненно важным для большей части Европы.⁴⁶⁰ Кроме того, по мере увеличения импорта местные сельскохозяйственные производители смогли отказаться от производства основных продуктов питания в пользу специализации или вообще отказаться от сельского хозяйства. Это связано с переплетенными процессами урбанизации, пролетаризации и индустриализации, которые пополняли ряды населения, зависящего от заработной платы.⁴⁶¹ И последнее, но не менее важное — это был международный кризис: он затронул самые индустриализованные страны и превзошел географические границы более ранних кризисов голода.

В этом случае мы сосредоточимся на Бельгии, первой индустриальной стране за пределами Англии, хотя мы предполагаем, что наши выводы будут также применимы к другим индустриализирующимся и урбанизирующимся регионам в Великобритании и северной Франции в этот период. Мы сравниваем причины и последствия кризисных лет 1850-х годов (которые, как мы утверждаем, представляли собой современный кризис цен на продовольствие) с кризисом 1840-х годов (который был в основном классическим кризисом голода). Мы будем следовать двум линиям рассуждений. Во-первых, мы измерим степень снижения доступности продовольствия и роста цен на продовольствие в Бельгии в 1840-х и 1850-х годах. Во время кризиса цен на продовольствие мы ожидаем, что сокращение поставок продовольствия будет намного меньшим по сравнению с голодными годами 1840-х годов. Поскольку кризисы цен на продовольствие вызваны рыночными сбоями и ценовыми пиками, связь с (существенной) нехваткой продовольствия на микро- и макроуровне должна быть гораздо менее жесткой, чем при классических кризисах поставок. Во-вторых, мы сравниваем влияние кризисов 1840-х и 1850-х годов на городское и сельское население, сосредоточившись на частоте продовольственных бунтов и на изменении уровней смертности, рождаемости и бедности. Мы предполагаем, что доля домохозяйств, зависящих от рынка и покупающих большую часть своей еды, больше в городских, чем в сельских регионах, и все, наоборот, для доли домохозяйств с другими возможностями получения продовольствия, т.е. с (частичной) самодостаточностью и взаимными кредитными отношениями. Мы ожидаем, что голод 1840-х годов затронул оба типа домохозяйств, через ценовой механизм, а также через физическое отсутствие продовольствия, тогда как кризис цен на продовольствие 1850-х годов затронет в основном зависимое от рынка население, поскольку поставки были доступны, но цены высоки. Рассмотрение опыта городов и сельской местности в 1840-х и 1850-х годах будет осуществляться косвенным способом через рассмотрение опыта

---

⁴⁶⁰ Milja van Tielhof, *The 'mother of all trades': The Baltic grain trade in Amsterdam from the late sixteenth to the early nineteenth century* (2002); Paul Sharp and Jacob Weisdorf, 'Globalization revisited: Market integration and the wheat trade between North America and Britain from the eighteenth century', *Explorations in Economic Hist.* 50 (2013), pp. 88–98.

⁴⁶¹ Jan de Vries, *European Urbanization, 1500–1800* (1984).

этих различных групп домохозяйств. Мы ожидаем, что городские районы в 1850-х годах пострадали больше, чем сельские районы.

Оставшаяся часть статьи разделена на три части. Во-первых, мы рассмотрим непосредственные причины продовольственного кризиса 1850-х годов: результаты урожая, динамику цен и искажения в международной торговле зерном во время Крымской войны. Затем мы объясним, почему Бельгия стала уязвимой для международных кризисов цен на продовольствие в середине девятнадцатого века, с фокусом внимания на росте населения и зависимости от рынка. Наконец, мы проанализируем последствия этого кризиса цен на продовольствие, рассмотрев доступность продовольствия, продовольственные бунты, уровень бедности и демографические модели. В заключение мы проведем некоторые параллели с современной глобальной продовольственной системой.

II

В июле 1853 года, в начале нового урожая года, цены на пшеницу начали расти в регионе Северного моря (см. Рисунок 1). Это было начало продовольственного кризиса 1850-х годов, трех лет устойчиво высоких цен на зерно, которые закончились только в конце 1856 года. Начиная с лета 1853 года при цене около 20 франков за гектолитр, цены на пшеницу выросли до 30 франков к концу года и продолжали колебаться между 25 и 35 франками до конца 1856 года, когда цены вернулись к прежнему уровню. С 1854 по 1856 год среднегодовые цены в итоге были равны ценам 1847 года.

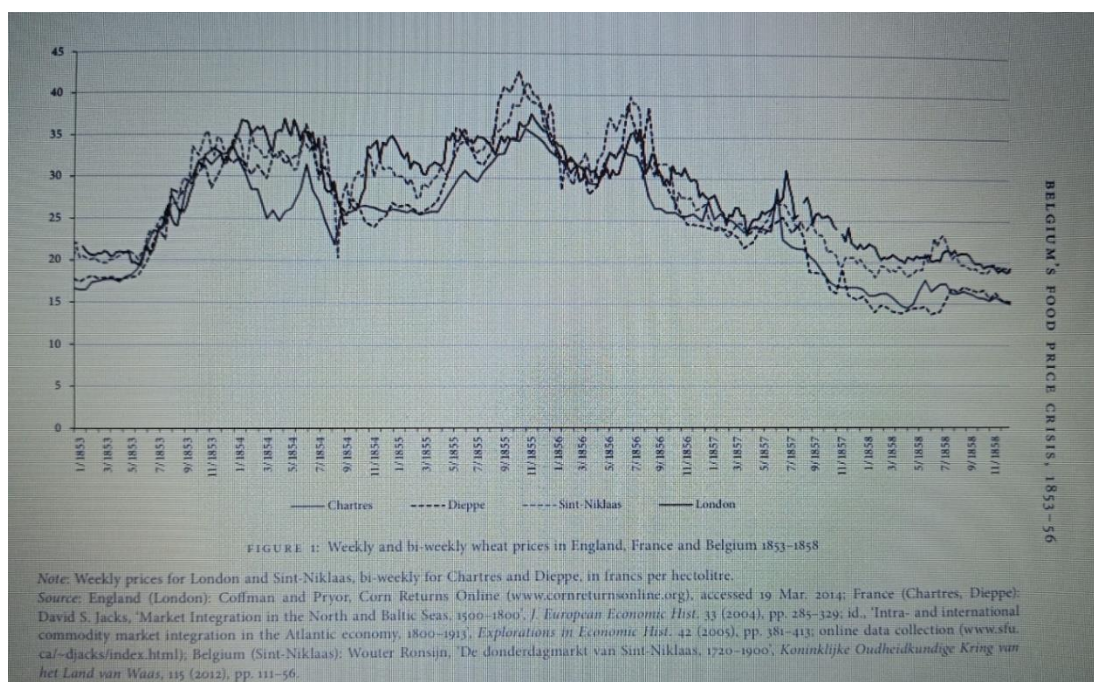

Рисунок 1

Сравнение с ценовыми тенденциями в более ранних кризисах показывает, что это был не классический голод. Во-первых, продолжительность периода устойчиво высоких цен была намного дольше (см. Рисунок 2).

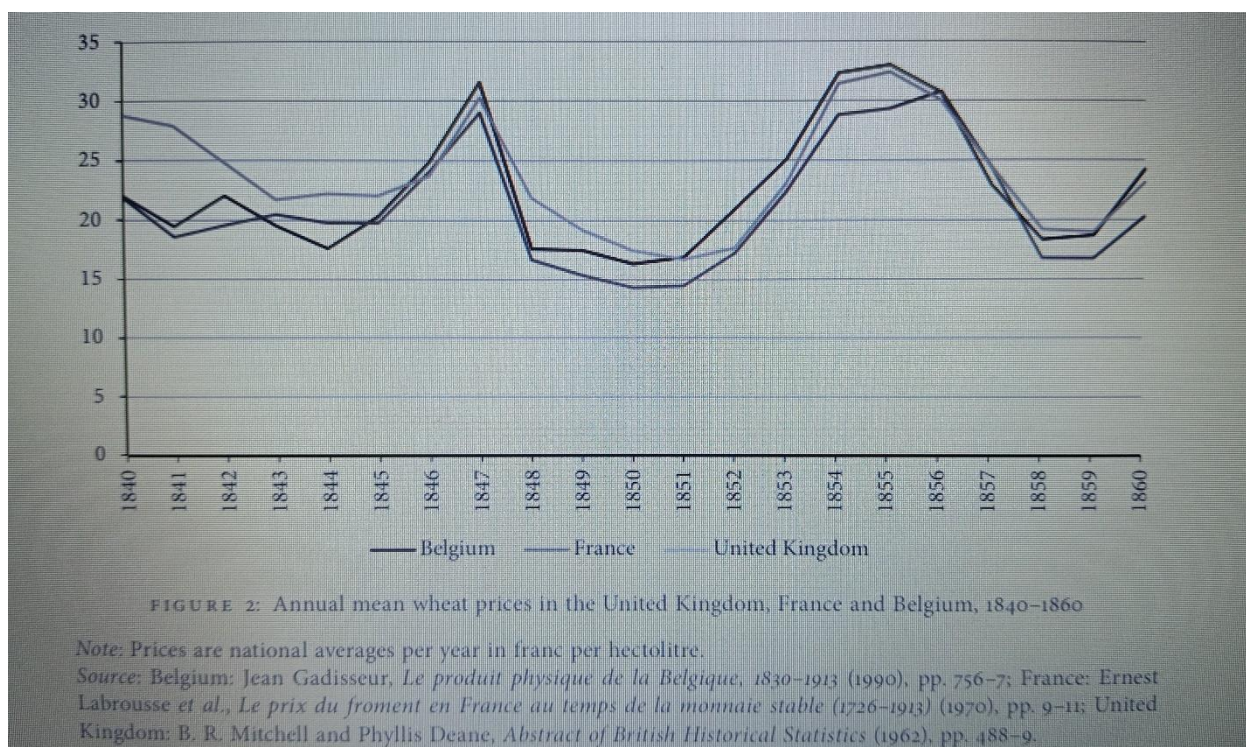

Рисунок 2

Во-вторых, сезонная динамика цен заметно отличалась. В кризис, вызванный голодом, цены обычно следовали «the soudure-pattern», по крайней мере, в Южных Нидерландах.⁴⁶² Например, после неурожаев 1739, 1816 и 1846 годов цены на рынке Синт-Никласа, Бельгия, постепенно взлетели к следующей зиме, затем достигли пиковых уровней между маем и июнем, и последовательно снижались и даже рухнули после месяцев сбора урожая (см. Рисунок 3). Цены, зарегистрированные на том же рынке между 1853 и 1855 годами, показывают совершенно другой ритм: они выросли гораздо раньше в сельскохозяйственном году и оставались высокими гораздо дольше. Единственным исключением был период низких цен в сентябре 1854 года после эпизодов «рыночных бунтов».⁴⁶³

⁴⁶² «The soudure-pattern» относится к модели роста цен до сбора урожая и падения цен после сбора урожая. Жерар Беор недавно показал, что эта модель была менее распространена, чем считалось ранее. См.: Gérard Béaur, 'La "soudure" n'est plus ce qu'elle était. Contribution à l'étude du mouvement saisonnier du marché du blé et du marché de la terre d'après le cas de la région de Chartres au XVIIIe siècle', in Jean-François Chauvard and Isabelle Laboulais (eds), *Les fruits de la récolte* (2007), pp. 93–107.

⁴⁶³ Ronsijn, 'De "laatste" voedselrellen'.

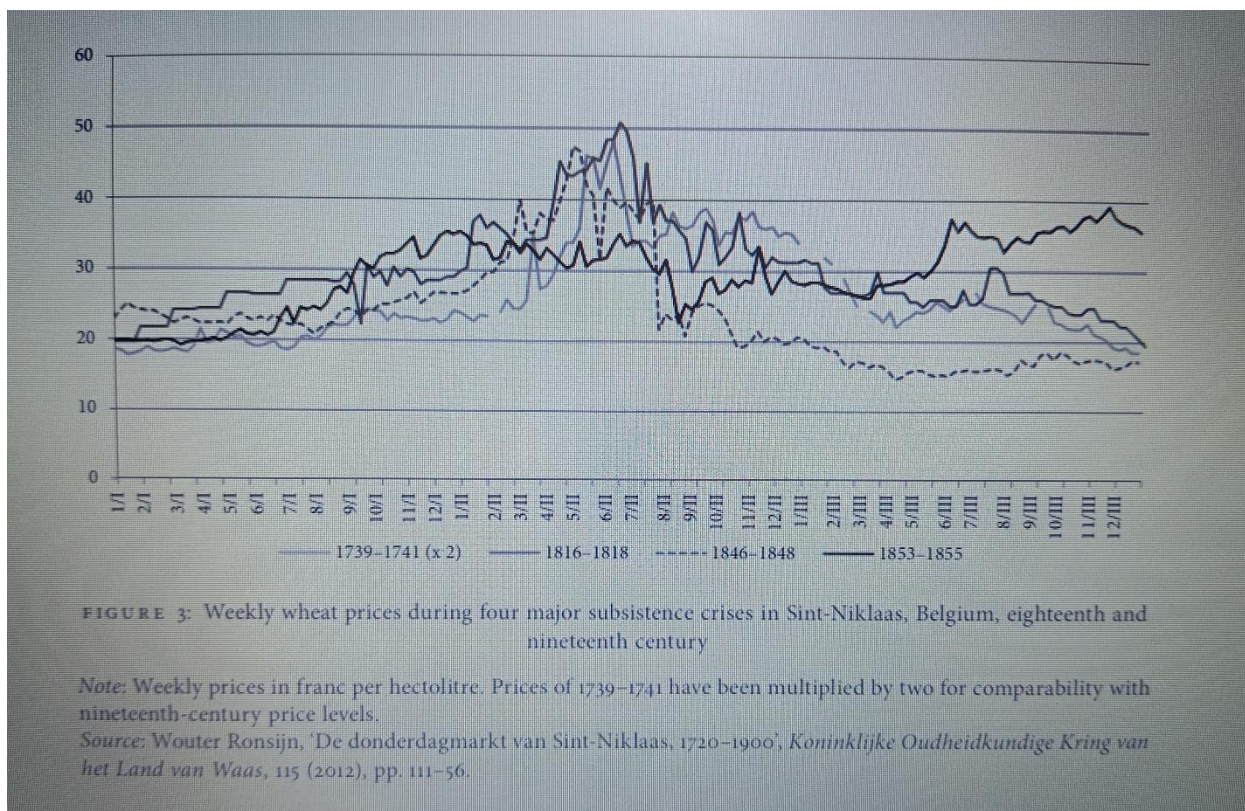

Рисунок 3

Несмотря на то, что уровни цен были сопоставимы, дефицит урожая в целом был менее драматичным в 1853–1856 годах, чем в 1840-х годах, хотя различия между регионами в районе Северного моря были значительными (см. Таблицу 1). В 1846 году урожайность ржи упала значительно ниже обычного уровня. В 1853 и 1855 годах урожайность пшеницы была недостаточной, хотя и не такой низкой, как урожайность ржи в 1840-х годах. Немецкие районы сравнительно хорошо справились в 1853 году, но пострадали сильнее в 1855 году. В большинстве стран и в 1846, и в 1853 годах последовали обильные урожаи. В Англии 1847 год был ниже среднего, но рекордный урожай 1854 года сделал это «*annus mirabilis*» («годом чудес») согласно современным отчетам.⁴⁶⁴ Только во Франции урожайность 1854 года, вероятно, была недостаточной, чтобы компенсировать потери предыдущего года.⁴⁶⁵ Эти результаты урожая не оказали прямого влияния на уровень цен. Хотя урожай пшеницы 1847 года в Англии был ниже среднего, цены рухнули во второй половине того года. Напротив, рекордный урожай 1854 года не оказал того же эффекта.

⁴⁶⁴ Petersen, *Bread and the British economy*, p. 206.

⁴⁶⁵ Herment, 'Les communautés rurales de Seine-et-Oise', pp. 198–201; Toshio Horii, 'La crise alimentaire de 1853 à 1856 et la Caisse de la Boulangerie de Paris', *Revue Historique*, 272 (1984), pp. 375–7.

Таблица 1

TABLE 1: Harvest results wheat and rye, 1840s and 1850s

Wheat	Coefficient of variation	Z-scores					Index (average for 1846–1859 = 100)				
		1846	1847	1853	1854	1855	1846	1847	1853	1854	1855
Belgium	0.13	-0.75	1.29	-1.66	1.21	-1.49	91	116	79	115	81
England	0.13	-0.60	-0.49	-1.83	1.22	-0.51	92	94	77	116	93
Seine-et-Oise	0.13	-1.50	0.97	-1.95	-0.19	-0.32	81	112	76	98	96
Seine-et-Marne	0.15	-1.97	1.07	-1.53	0.52	-0.74	71	116	77	108	89
Oise	0.17	-1.25	1.10	-1.46	0.52	-1.85	79	118	75	109	69
Ille-et-Vilaine	0.13	-0.28	2.16	-0.53	-1.20	-1.09	96	129	93	84	86
Morbihan	0.19	-1.71	1.28	-1.71	0.43	-1.11	67	125	67	108	78
Prussia	0.14	-1.20	1.28	-0.48	0.64	-2.40	83	118	93	109	67
Saxony	0.13	-0.67	-0.08	-1.01	-0.54	-1.70	92	99	87	93	79
Unweighted average	0.14	-1.10	0.95	-1.35	0.29	-1.25	83.6	114.1	80.4	104.4	82.0

Rye	Coefficient of variation	Z-scores					Index (average for 1846–1859 = 100)				
		1846	1847	1853	1854	1855	1846	1847	1853	1854	1855
Belgium	0.24	-2.36	1.53	-0.45	0.77	-0.91	44	136	89	118	78
England											
Seine-et-Oise	0.17	-2.34	1.27	-0.95	0.20	-0.27	59	122	83	104	95
Seine-et-Marne	0.15	-1.77	0.68	0.23	1.37	-0.76	73	110	104	121	88
Oise	0.15	-2.05	0.31	-1.02	0.68	-0.86	70	105	85	110	87
Ille-et-Vilaine	0.24	-0.87	0.14	-0.16	-0.48	-2.52	80	103	96	89	40
Morbihan	0.22	-2.50	1.19	-1.50	0.39	-0.39	45	126	67	109	91
Prussia	0.19	-1.92	1.97	-0.31	0.53	-1.38	64	137	94	110	74
Saxony	0.17	-1.31	1.91	-0.32	-0.27	-0.68	78	132	95	95	88
Unweighted average	0.19	-1.89	1.13	-0.56	0.40	-0.97	64.13	121.38	89.1	107.0	80.1

Note: Authors' calculations based on results of 14 harvests from 1846 to 1859. The Z-scores express how many standard deviations one particular observation differs from the series mean, and are an indicator of the exceptionality of that observation.

Sources: Belgium: Jean Gadisseur, *Le produit physique de la Belgique 1830–1913* (1990), p. 532; France: data courtesy of Laurent Herment; England: M. J. R. Healy and E. L. Jones, 'Wheat Yields in England, 1815–59', *J. of the Royal Statistical Society, Series A (General)*, 125 (1962), pp. 574–79; Prussia and Saxony: Ernst Engel, 'Die Getreidepreise, die Ernteerträge und der Getreidehandel im preussischen Staate', *Zeitschrift des Königlich Preussischen Statistische Bureaus*, 1 (1861), pp. 249–89.

То, как урожайность влияла на доступность продовольствия, зависело от доли пшеницы и ржи в региональных структурах производства. Дефицит производства 1850-х годов, вероятно, слабее ударил по регионам, производящим рожь, таким как Саксония и Пруссия, которые производили в два-три раза больше ржи, чем пшеницы.⁴⁶⁶ Районы, производящие пшеницу, такие как Англия и Франция, последняя выращивала в три раза больше пшеницы, чем ржи, вероятно, пострадали сильнее. Тем не менее, внутреннее производство, возможно, все еще покрывало 90 процентов потребностей Великобритании во время кризиса 1850-х годов, отчасти за счет расширения площадей под пшеницей.⁴⁶⁷ Бельгия занимала промежуточное положение, производя немного больше ржи, чем пшеницы.⁴⁶⁸ В Бельгии производство хлебного зерна на душу населения (пшеница, рожь, меслин и полба) за вычетом зерна, зарезервированного для семенных целей с 1848 по 1852 годы, составляло в среднем около 208 кг. В 1846 году оно составляло 135 кг; в 1853

⁴⁶⁶ Maurice Block, *Statistique de la France comparée avec les autres états de l'Europe*. Tome Deuxième (1860), pp. 40, 48–9; Ernst Engel, 'Die Getreidepreise, die Ernteerträge und der Getreidehandel im preussischen Staate', *Zeitschrift des Königlich Preussischen Statistische Bureaus*, 1 (1861), pp. 277, 282–3.

⁴⁶⁷ Petersen, *Bread and the British economy*, pp. 166, 175–6.

⁴⁶⁸ Table 2; Martine Goossens, *The economic development of Belgian agriculture: a regional perspective, 1812–1846* (1993), p. 146.

и 1855 годах - 171 кг и 158 кг соответственно.⁴⁶⁹ Поэтому в 1850-х годах дефицит был меньше.

Кроме того, общая доступность продовольствия в 1845 и 1846 годах сильно пострадала от картофельной болезни, которая впервые проявилась в эти годы. В 1845 году болезнь уничтожила 70 процентов урожая картофеля в Нидерландах и почти 90 процентов в Бельгии; в 1846 году она уничтожила около 80-90 процентов в Шотландском нагорье и Ирландии.⁴⁷⁰ После середины 1840-х годов урожайность картофеля медленно восстанавливалась, достигнув «нормального» уровня снова к середине 1850-х годов.⁴⁷¹ Цены на картофель росли как в 1846-1847 годах, так и в 1854-1855 годах. В 1840-х годах пик цен проявился более отчетливо, хотя абсолютный уровень цен в Бельгии в 1850-х годах был схожим.⁴⁷²

Таким образом, в большинстве регионов, включая Бельгию, дефицит в 1850-х годах был довольно скромным по сравнению с 1840-ми годами, и он не может объяснить общую природу и долговечность высоких цен с 1854 по 1856 годы. Три непосредственных фактора помогают объяснить, почему цены начали расти почти одновременно с урожаем 1853 года.⁴⁷³ Во-первых, слабый урожай 1853 года ясно показал, что спрос на импорт зерна в странах-производителях пшеницы, таких как Франция и Англия, будет расти. Это почти мгновенно вызвало больше заказов и более высокие ставки фрахта судов. Во-вторых, после того, как стало ясно, что международный спрос будет расти, слухи о надвигающейся войне в районе Черного моря в июне 1853 года породили неопределенность относительно поставок зерна из России - основного поставщика зерна на европейских рынках. Это создало ощущение срочности, и, как следствие, импорт был согласован гораздо раньше. По словам Кловланда, началась «драка за пшеницу», что еще больше повысило фрахтовые ставки.⁴⁷⁴ В-третьих, неопределенность, вызванная угрозой начала войны, также повысила страховые ставки. В совокупности эти элементы сделали поставки зерна более дорогими. Цены на зерно продолжали расти во время и после сбора урожая 1853 года.

Хотя фрахтовые ставки снизились после начала военных действий, цены на зерно оставались высокими. Сама война оказала прямое влияние на

---

⁴⁶⁹ Based on output estimated by Jean Gadisseur, *Le produit physique de la Belgique, 1830–1913: Présentation critique des données statistiques. Introduction générale. Agriculture* (1990), p. 612.

⁴⁷⁰ Eric Vanhaute et al., 'The European subsistence crisis of 1845–1850: a comparative perspective', in Ó Gráda et al. (eds), *When the potato failed*, p. 22.

⁴⁷¹ Gadisseur, *Le produit physique*, p. 536.

⁴⁷² Solar, 'Crisis of the late 1840s', pp. 82, 85; Ronsijn, 'De "laatste" voedselreellen', p. 91.

⁴⁷³ Jan Tore Klovland, 'New evidence on the fluctuations in ocean freight rates in the 1850s', *Explorations in Economic Hist.* 46 (2009), pp. 274–8; Adrian Leonard, 'Risk, uncertainty, and market pricing: marine insurance in peacetime and war (paper presented at the Datini – ESTER Advanced Seminar 'The Market and its Agents', Prato, 2–4 May 2014)', pp. 18–19; Price, *Modernization of rural France*, pp. 35, 64, 66; Vassilis Kardasis, *Diaspora merchants in the Black Sea: the Greeks in southern Russia, 1775–1861* (2001), p. 121.

⁴⁷⁴ Klovland, 'New evidence on the fluctuations in ocean freight rates', p. 277.

западноевропейские рынки зерна в результате блокады союзниками портов Черного моря и Балтийского моря и запрета Россией на экспорт зерна.⁴⁷⁵ Россия запретила экспорт из Черного моря и Азова в феврале 1854 года и из портов Балтийского моря в конце 1855 года. Все эмбарго на экспорт были сняты весной 1856 года. Во время войны западноевропейские рынки зерна были отрезаны от больших объемов российского зерна, которые могли бы помочь покрыть западный дефицит. Только небольшое количество российского зерна достигало Западной Европы контрабандой или по сухопутным путям через Пруссию и Австрию. Статистика экспорта из России и данные стран-импортеров подтверждают, что торговля русским зерном остановилась в 1854 и 1855 годах.⁴⁷⁶ Национальный дефицит в бассейне Северного моря был компенсирован, за исключением, возможно, Франции, за счет поставок из других мест, включая Пруссию, и все возрастающего импорта из Швеции и Соединенных Штатов.⁴⁷⁷ Тем не менее, прекращение российского импорта было, очевидно, серьезной причиной для беспокойства. Цены начали снижаться только в 1856 году, когда конфликт закончился и импорт из России возобновился.

В кризисные годы бельгийское правительство регулярно обращалось к губернаторам провинций и их региональным консультативным органам за советом о причинах высоких цен на зерно и о возможных средствах их устранения.⁴⁷⁸ В переписке в самом начале продовольственного кризиса тревожный рост цен в период сбора урожая 1853 года приписывался спекуляциям и увеличению экспорта во Францию, где дефицит, как считалось, был гораздо большим. Вызванный этим рост цен на продовольствие снижал покупательную способность трудящихся классов, снижая спрос на промышленные продукты, что создавало большую безработицу и, следовательно, усугубляло последствия дороговизны зерна. Год спустя, в сентябре 1854 года, министр внутренних дел отметил новый рост цен на зерно, который, как он справедливо считал, не отражал фактическую урожайность зерновых культур.⁴⁷⁹ Среди других причин он указал на истощение запасов

---

⁴⁷⁵ Valerii L. Stepanov, 'The Crimean War and the Russian economy', *Russian Studies in Hist.*, 51 (2012), pp. 19, 21–3; Olive Anderson, 'Economic warfare in the Crimean War', *Economic Hist. Rev.* 14 (1961), pp. 35, 38; Kardasis, *Diaspora merchants*, p. 121; John E. Cairnes, 'The effect of war on prices', *Dublin Statistical Society* 1 (1856), pp. 231–2.

⁴⁷⁶ O. Ternier, *Vneshnej torgovli Rossii s 1853 po 1856 g.* (Sankt Peterburg, 1858), pp. 63, 69, 75, 80; B. R. Mitchell and Phyllis Deane, *Abstract of British Historical Statistics* (1962), pp. 100–01; Kardasis, *Diaspora merchants*, pp. 122–6.

⁴⁷⁷ John Bennet Lawes and Joseph Henry Gilbert, 'Home produce, imports, consumption, and price of wheat, over forty harvest-years, 1852–53 to 1891–92', *JRASE*, third ser., 4 (1893) Appendix, Table I; Price, *Modernization of rural France*, pp. 65–66, 302; Fridlitzius, 'The Crimean war and the Swedish economy', pp. 70–2; Yves Segers, *Economische groei en levensstandaard. De ontwikkeling van de particuliere consumptie en het voedselverbruik in België, 1800–1913* (2003), p. 497; Sharp and Weisdorf, 'Globalization revisited'.

⁴⁷⁸ Public Records Office, Ghent (hereafter PROG), provincial archives East Flanders 1870–1900 (hereafter EF 1870–1900), 4A/355.

⁴⁷⁹ PROG, EF 1870–1900, 4A/355, 23 Sept. 1854.

урожая 1853 года. Хотя урожай 1854 года казался превосходным, он еще не поступил на рынки, отчасти потому, что фермерское население было все еще слишком занято сбором урожая. На этот раз международная ситуация была определена как главная причина высоких цен: закрытие портов Балтийского и Черного морей и скудный урожай в США сократили импорт. Другие считали экспорт, который все еще был разрешен, главной причиной растущего давления на рынке. Однако губернатор Восточной Фландрии писал, что большего следовало ожидать от новостей о взятии Севастополя, чем от каких-либо таможенных мер по облегчению бедствия.⁴⁸⁰ Нарушение международной торговли зерном из-за войны продолжалось и в последующие годы, что привело к банкротству нескольких торговых компаний. По этой причине Гентская торговая палата в октябре 1856 года считала, что цены упадут только тогда, когда торговля будет восстановлена и российское зерно снова поступит в бельгийские порты.⁴⁸¹

Бельгийское правительство не спешило реагировать на вероятность повышения цен и вероятное снижение доступности продовольствия после посредственного урожая 1853 года. Импортные пошлины на продукты питания были отменены довольно быстро в августе, но экспорт продовольствия из страны оставался разрешен за исключением картофеля, экспорт которого был запрещен уже в октябре. Запрет на экспорт зерновых был введен только в конце ноября 1854 года после волны продовольственных бунтов. Характер и сроки этих мер были очень близки к параллельным мерам, принятым во Франции.⁴⁸² Бельгийский запрет на экспорт оставался в силе до июня 1857 года, а свободный, необлагаемый налогом импорт был разрешен до следующего декабря. В отличие от предыдущих десятилетий, 1850-е годы характеризовались острыми разногласиями по таможенной политике между сторонниками режима свободной торговли, которые часто имели интересы в расширяющемся промышленном секторе, и сторонниками запрета, которые обычно были связаны с сельским хозяйством и землевладением. Переписка по этому вопросу между правительством и губернаторами провинций свидетельствует об этом разделении мнений и их неуверенности в том, как действовать.⁴⁸³ Их нерешительность резко контрастирует с быстрой реакцией бельгийского правительства после первой вспышки картофельной болезни в сентябре 1845 года. В тот раз правительство немедленно провозгласило беспошлинный импорт зерна, картофеля и других продовольственных товаров, одновременно запретив их экспорт вместе с вывозом хлеба и других

---

⁴⁸⁰ PROG, EF 1870–1900, 4A/355, 3 Oct. 1854.

⁴⁸¹ PROG, EF 1870–1900, 4A/355, 13 Oct. 1856.

⁴⁸² In France: imperial decrees of 18 Aug. 1853 and 29 Nov. 1854.

⁴⁸³ Pascale Delfosse, *La politique agricole de l'État belge en période de crise au XIXe siècle: les rapports de force dans une société en transition vers le capitalisme industriel* (1983), pp. 22–4; id., 'État, crises alimentaires et modernisation de l'agriculture en Belgique (1853–1857)', *Revue du Nord*, 72 (1990), pp. 73–4, 83–93; Maarten F. Van Dijck, *De wetenschap van de wetgever. De klassieke politieke economie en het Belgische land-bouwbeleid, 1830–1884* (2008), pp. 327–29, 333–34.

хлебобулочных изделий. Эти законы оставались в силе до начала 1850 года. В то же время национальное правительство начало закупать продовольствие из-за рубежа.⁴⁸⁴

III

Непосредственными причинами устойчиво высоких цен на зерно в 1850-х годах были скромные неурожаи внутри и за пределами стран бассейна Северного моря и нарушение международной торговли зерном из-за войны в Черноморском регионе. Однако это не объясняет локального воздействия этого кризиса. Очевидно, что в этот период Бельгия стала более чувствительной к потрясениям в международной торговле зерном. Это было результатом двух взаимосвязанных тенденций: роста населения и увеличения числа домохозяйств, зависящих от рынка.

В столетии между 1750 и 1850 годами население южных Нидерландов/Бельгии удвоилось и составило более 4,4 миллиона жителей. После 1850 года рост населения продолжался несколько более медленными темпами, почти достигнув 6,7 миллиона жителей к 1900 году.⁴⁸⁵ Доля городского населения оставалась постоянной примерно до 1850 года. Измеряемая как доля населения, проживающего в муниципалитетах с населением 5000 жителей или более, степень урбанизации оставалась на уровне около 20 процентов с 1750 по 1850 год.⁴⁸⁶ В абсолютных числах большая часть роста пришлась на сельскую местность. В 1846 году, по сравнению с 1806 годом, число ртов, которых нужно было кормить, увеличилось на 1,35 млн.: около 1 млн. в сельской местности и 350 тыс. в городах.⁴⁸⁷ Из-за нехватки земли и неравного доступа к ней большинство людей в сельской местности не производили достаточно продовольствия, чтобы прокормить себя, и им приходилось выходить на продовольственный рынок, чтобы приобрести хотя бы часть своего пропитания.

Сельскохозяйственное производство Бельгии не поспевало за ростом населения после 1800 года, что делало страну все более зависимой от импорта продовольствия. В первой половине XIX века сельскохозяйственное производство росло, но отставало от роста численности населения. В результате сельскохозяйственное производство на душу населения снизилось.⁴⁸⁸ В ответ на это фокус сельского хозяйства сместился в сторону

---

⁴⁸⁴ Eric Vanhaute, “‘So worthy an example to Ireland’”: the subsistence and industrial crisis of 1845–1850 in Flanders”, in O’Grada, Papping and Vanhaute (eds), *When the potato failed*, p. 138.

⁴⁸⁵ Guy Dejongh and Yves Segers, ‘Een kleine natie in mutatie. De economische ontwikkeling van de Zuidelijke Nederlanden/België in de eeuw 1750–1850’, *Tijdschrift voor Geschiedenis*, 114 (2001), pp. 173–4.

⁴⁸⁶ Dejongh and Segers, ‘Een kleine natie in mutatie’, p. 174; Goossens, *Economic development of Belgian agriculture*, p. 372.

⁴⁸⁷ *Ibid.*, p. 364.

⁴⁸⁸ Martine Goossens, ‘Belgian agricultural output, 1812–1846’, *Belgisch Tijdschrift voor Nieuwste Geschiedenis*, 34 (1993), pp. 227–73.

производства основных продуктов питания: производство технических культур сократилось в пользу как картофеля, так и хлебных злаков. Одновременный рост производства более дорогой пшеницы и более дешевого картофеля указывает на поляризацию в моделях потребления. Растущая напряженность в сельскохозяйственном производстве особенно затронула города. Сегерс подсчитал, что городское потребление продовольствия на душу населения снизилось в первой половине XIX века, не только в промышленных центрах, но и в небольших городах.⁴⁸⁹ По словам Шоллиерса, в середине XIX века среднее потребление продовольствия было заметно скромнее в городах, чем в сельской местности.⁴⁹⁰ Сельскохозяйственный прогресс после 1850 года был частичным; Бломм называет третью четверть XIX века «вялым ростом, закончившимся прямой стагнацией в 1870-х годах».⁴⁹¹ Рост производства еще больше замедлился, и хотя площади под промышленные и кормовые культуры увеличились, не было никаких фундаментальных изменений в структуре сельскохозяйственного производства до последней четверти века.⁴⁹² Вплоть до 1840-х годов мальтузианский кризис поставок предотвращался растущей зависимостью от картофеля, который мог прокормить вдвое больше людей на гектар, чем зерновые. Вспышка болезни в сентябре 1845 года выявила растущую зависимость населения от потребления картофеля. После 1840-х годов сравнимых продовольственных кризисов не наблюдалось из-за отсутствия неурожаев, как в 1845 и 1846 годах, еще и из-за увеличения импорта зерновых.⁴⁹³

В результате быстрого демографического роста и отставания сельскохозяйственного производства южные Нидерланды/Бельгия перешли из региона, экспортирующего зерно, в регион, импортирующий зерно. Во второй половине XVIII века южные Нидерланды экспортировали около 5-7 процентов своего годового урожая хлебных зерен и гречихи. Этот экспорт продолжался в период, когда регион был присоединен к Франции; в те годы большие объемы зерна перевозились во внутренние районы Франции.⁴⁹⁴ Вероятно,

---

⁴⁸⁹ Yves Segers, 'Oysters and rye bread. Polarising living standards in Flanders, 1800–1860', *European Rev. of Economic Hist.* 5 (2001), pp. 301–36.

⁴⁹⁰ P. Scholliers, 'From the 'crise des Flandres' (1840s) to Belgium's 'question sociale' (1880s): nutritional landmarks of transition in industrializing Europe', *Food and Foodways* 5 (1992), p. 158.

⁴⁹¹ Jan Blomme, *The economic development of Belgian agriculture, 1880–1980. A quantitative and qualitative analysis* (1993), p. 32

⁴⁹² Jan Blomme, 'Productie, produktiefactoren en produktiviteit: De Belgische Landbouw 1846–1910', *Belgisch Tijdschrift voor Nieuwste Geschiedenis*, 24 (1993), pp. 275–93.

⁴⁹³ Goossens, 'Belgian agricultural output', pp. 240–2, 248; Segers, 'Oysters and rye bread'; Blomme, 'Productie, produktiefactoren en produktiviteit', pp. 281–2.

⁴⁹⁴ Chris Vandenbroeke, 'Landbouw in de Zuidelijke Nederlanden, 1650–1815', *Algemene geschiedenis der Nederlanden*, 8 (1979), pp. 83–4; Chris Vandenbroeke and W. Vanderpijpen, 'Landbouw en platteland in de Zuidelijke Nederlanden 1770–1844', *Algemene geschiedenis der Nederlanden*, 10 (1981), pp. 187–8; Willy Vanderpijpen, 'De landbouw en de landbouwpolitiek in het Leie- en Scheldedepartement (1794–1814)' (unpublished PhD thesis, Brussels University (VUB), 1983), pp. 203–92.

именно кризис 1817 года и последовавшая за ним сельскохозяйственная депрессия 1820-х годов положили конец экспорту зерна из южных Нидерландов. Во время этой депрессии Западная Европа была наводнена восточноевропейским и российским зерном, а также столкнулась с внутренним перепроизводством. В ответ на это внутреннее производство сократилось.⁴⁹⁵ В конце 1820-х годов внутреннее производство восстановилось и расширилось, но импорт продовольствия вскоре стал необходимым на структурной основе, особенно с 1840-х годов. Тем не менее, общий объем импорта оставался скромным (см. Таблицу 2). Во время ценового кризиса 1850-х годов объем импорта в Бельгию составлял около 11 процентов от объема внутреннего урожая хлебного зерна: 15 процентов для пшеницы, полбы и меслин и 5 процентов для ржи. Другими словами, 90 процентов хлебного зерна, необходимого для внутреннего потребления, по-прежнему обеспечивалось внутренним производством.

Тем не менее, растущий импорт усилил влияние международной торговли зерном на местные и национальные поставки и цены, а также усилил интеграцию рынков. Но почему и как высокие цены повлияли на большую часть населения? Второй причиной повышения чувствительности Бельгии к потрясениям в международной торговле зерном был беспрецедентный рост зависимость от рынка населения.⁴⁹⁶ В середине XIX века каждое третье бельгийское домохозяйство не имело доступа к земле, по сравнению с менее чем одним из пяти около 1800 года.⁴⁹⁷ Кроме того, почти половина сельскохозяйственных угодий имела площадь менее одного гектара, и большинство этих владений находились в аренде за быстрорастущую арендную плату. Другими словами, около двух третей всех бельгийских семей должны были покрывать, по крайней мере, часть своих потребностей в питании за пределами своего хозяйства. Кроме того, это был период ускоренной индустриализации, когда число наемных рабочих росло намного быстрее, чем общая численность населения. Очевидно, что доля населения, которая частично или преимущественно зависела от заработной платы, чтобы обеспечить себе доступ к продовольствию, резко возросла, сократив долю домохозяйств с другими видами источников продовольствия, такими как самообеспечение, местные кредитные отношения и выплаты натурой.\

---

⁴⁹⁵ Goossens, 'Belgian agricultural output', p. 245; Goossens, *Economic development of Belgian agriculture*, pp. 161–5, 202–05; Jan Bieleman, *Boeren in Nederland. Geschiedenis van de landbouw, 1500–2000* (2008), pp. 148–9; Phil Kint, *Prometheus aangevuurd door Demeter. De economische ontwikkeling van de landbouw in Oost-Vlaanderen, 1815–1850* (1989), pp. 138–9.

⁴⁹⁶ G. L. de Brabander, *De regionaal-sectoriële verdeling van de economische activiteit in België (1846–1979): een kritische studie van het bronnenmateriaal* (1984); Hilde Greefs and Bruno Blondé, 'The growth of urban industrial regions: Belgian developments in comparative perspective, 1750–1850', in Jon Stobart and Neil Raven (eds), *Towns, regions and industries: urban and industrial change in the Midlands, c.1700–1840* (2005), pp. 210–27

⁴⁹⁷ Eric Vanhoute, 'Rich agriculture and poor farmers: Land, landlords and farmers in Flanders in the eighteenth and nineteenth Centuries', *Rural Hist.* 12 (2001), pp. 19–40.

Таблица 2

TABLE 2: Bread grain production, imports and market trade in Belgium, 1840s and 1850s

<i>Average production</i>	<i>Wheat, spelt, and maslin</i>	<i>Rye</i>	<i>Total</i>
1846	6,493,396	5,293,191	11,786,587
1856	8,475,731	6,065,716	14,541,447
Imports			
Annual average of 1852–1856	1,276,172	331,144	1,607,316
As a percentage of production in 1856	15.1	5.5	11.1
Market trade			
Trade volume at the 33 main grain markets, September 1856 to August 1857	1,003,562	521,282	1,524,844
As a percentage of production in 1856	17.4	8.6	12.9

Note: All production and trade volumes in hectolitre. Market trade volumes only include wheat and rye, not spelt or maslin, and the proportion sold is calculated accordingly. Market trade volumes of Liège are not included as they appear faulty.

Source: Production data: *Agriculture, recensement général*, 1846, 1856; Import data: Daniel Degrevé, *Le commerce extérieur de la Belgique, 1830–1913–1939* (1982), pp. 304, 309; Market trade volumes: *Bulletin administratif du ministère de l'Intérieur*.

Расширение промышленных зон, таких как промышленные бассейны Валлонии, требовало более крупных площадей водосбора, чтобы прокормить рабочих и их семьи. В ответ на это конфигурация внутренней торговли зерном кардинально изменилась. Еженедельные общественные рынки долгое время играли центральную роль в торговле зерном отечественного производства. Тем не менее, только небольшая часть годового урожая физически обменивалась на этих рынках. В 1856 году торговля на 33 основных зерновых рынках Бельгии составила 17,4 процента от общего урожая пшеницы и 8,6 процента от общего урожая ржи (см. Таблицу 2). Объемы торговли на публичных рынках снизились, поскольку больше сделок заключалось для пробы, а не для общего объема. Кроме того, города и поселки все чаще снабжались торговцами, которые покупали урожай у ворот фермы.⁴⁹⁸ Этот сдвиг в организации рыночной стратегии начался в крупных городах, но с 1860-х годов за ним последовали и более мелкие города.⁴⁹⁹ К концу XIX века общественные рынки зерна практически исчезли.⁵⁰⁰

⁴⁹⁸ PROG, provincial archives East Flanders 1830–1850 (hereafter EF 1830–50), 2912 and 2916 and EF 1870–1900, 4A/580.

⁴⁹⁹ Chris Vandenbroeke, 'Voedingstoestanden te Gent tijdens de eerste helft van de 19de eeuw', *Belgisch Tijdschrift voor Nieuwste Geschiedenis* 4 (1973), pp. 149–50; Wouter Ronsijn, 'De donderdagmarkt van Oudenaarde, 1750–1900: een reconstructie van anderhalve eeuw prijzen en handelsvolume', *Handelingen van de Geschied- en Oudheidkundige Kring van Oudenaarde* 49 (2012), pp. 3–45; id., 'De donderdagmarkt van Sint-Niklaas, 1720–1900. Een reconstructie van meer dan anderhalve eeuw prijzen en handelsvolume', *Koninklijke Oudheidkundige Kring van het Land van Waas* 115 (2012), pp. 111–56; Isabelle Devos, 'Prijzen van Granen en andere Landbouwprodukten in de Kasselrij Kortrijk (16de–19de eeuw)' (unpublished licentiate thesis, Ghent University, 1990), pp. 531–38.

⁵⁰⁰ Paul Van Hissenhoven, *Les grains et le marché d'Anvers* ([1910]), pp. 555–9.

Зерно, продаваемое у ворот фермы, часто покупалось на вес, в метрических единицах, тогда как на публичных рынках оно обычно продавалось по объему, часто в древних местных единицах измерения.⁵⁰¹ Этот переход от объема к весу и к одновременной стандартизации измерений отражает географическое расширение торговли зерном и растущее число посредников. Данные о весе или специальной плотности зерна были необходимы для точного определения цены на товары из различных географических регионов, проходящие через посредников.⁵⁰² Заключение сделок по весу, а не по объему, позволяло этим посредникам более надежно оценивать качество отечественного зерна, будь то у ворот фермы или на публичных рынках, или импортного зерна, купленного у международных торговцев.

Собирая информацию в гораздо большем масштабе, посредники внесли значительный вклад в сближение цен на зерно как внутри страны, так и на международном уровне.⁵⁰³ И наоборот, их поведение также можно было бы расценить как «обманчивую спекуляцию». В кризисные годы 1847 и 1854 годов распространилась своеобразная идея, что все рынки зерна в стране должны проводиться в один и тот же день и час. Сторонники этой идеи считали, что тогда рынки смогут функционировать изолированно друг от друга, и цены можно будет устанавливать без вмешательства со стороны других рынков. Этот проект фактически был направлен против интеграции цен.⁵⁰⁴ Однако он получил небольшую поддержку, потому что мало кто верил, что он даст желаемый эффект.⁵⁰⁵ Общее противодействие этому проекту показывает изменившееся отношение к роли рыночной торговли и усиливающееся взаимодействие между местными рынками и международной торговлей зерном около 1850 года.

В результате демографического роста, отставания сельскохозяйственного производства, растущей рыночной зависимости населения и рыночной интеграции бельгийские потребители все больше конкурировали с потребителями из других стран-импортеров за те же ресурсы. С середины XIX века люди, покупавшие пшеницу на провинциальном бельгийском рынке (например, в Синт-Никласе), платили цены, схожие с

---

⁵⁰¹ PROG, EF 1830–50, 2912 and EF 1870–1900, 4A/580; Bulletin administratif du ministère de l'Intérieur, 8 (1854), p. 328, 11 (1857), p. 436.

⁵⁰² A. Velkar, “‘Deep’ integration of 19th century grain markets: coordination and standardisation in a global value chain” (Department of Economic History, LSE, Economic History Working Papers, 145/10, 2010).

⁵⁰³ See also Guy Dejongh et al., ‘In de greep van de markt. De integratie van de regionale landbouw-markten in België, 1700–1850’, Belgisch Tijdschrift voor Nieuwste Geschiedenis 30 (2000), pp. 5–47; Erik Buyst et al., ‘Road expansion and market integration in the Austrian Low Countries during the second half of the 18th Century’, Histoire et mesure 21 (2006), pp. 185–219

⁵⁰⁴ Report in Gazette van Audenaerde, 25 July 1847, p. 3, col. 2, and 3 Dec. 1854, p. 2, col. 3; Gazet van St. Nicolaes, 26 Nov. 1854, p. 2, col. 2 and 3 Dec. 1854, p. 3, col. 1; Bulletin administratif du ministère de l'Intérieur 8 (1854), p. 542.

⁵⁰⁵ PROG, EF 1870–1900, 4A/355.

ценами на лондонском рынке, хотя покупательная способность британских потребителей могла быть выше, чем у бельгийских. Это отражает высокую степень рыночной интеграции в Европе в то время. Недавние исследования показали, что процесс рыночной интеграции ускорился во второй четверти XIX века, создав «европейский» рынок зерна к концу 1840-х годов.⁵⁰⁶ Исследования, основанные на швейцарских и шведских наблюдениях, утверждают, что на национальном уровне скачки цен по-прежнему были в основном результатом климатических потрясений по крайней мере до середины XIX века.⁵⁰⁷ Однако рыночная интеграция сделала эту корреляцию менее значимой к 1850-м годам, и в результате национальные уровни цен больше не отражали результаты национального урожая.

IV

Мы утверждаем, что из-за разной природы двух кризисов последствия кризиса цен на продовольствие 1853–1856 гг. принципиально отличались от кризиса голода 1845–1847 гг. Мы ожидаем, что это различие будет наиболее очевидным при сравнении сельского и городского опыта во время продовольственного кризиса 1850-х годов. В отличие от картофельного голода 1840-х годов, этот кризис был в первую очередь вызван снижением покупательной способности потребителей. Мы измеряем это изменение доступа к продовольствию четырьмя способами: доступность продовольствия, частота продовольственных бунтов, сельские и городские модели рождаемости и смертности, а также сельские и городские модели уровня бедности.

(a) *Доступность продовольствия*

Ив Сегерс подсчитал, что средняя доступность продовольствия в середине XIX века в Бельгии была на низком и даже критическом уровне. Средний рацион питания жителей Бельгии снизился с примерно 2850 ккал в день около 1800 года до примерно 2450 ккал около 1850 года.⁵⁰⁸ Данные Сегерса на Рисунке 4 показывают уровни продовольствия, доступного для потребления обычным человеком между 1846 и 1860 годами. Данные о потреблении овощных продуктов основаны на годовых результатах урожая,

---

⁵⁰⁶ David S. Jacks, 'Intra- and international commodity market integration in the Atlantic economy, 1800–1913', *Explorations in Economic Hist.* 42 (2005), pp. 381–413; Solar, 'Crisis of the late 1840s'; David Chilosì et al., 'Europe's many integrations: Geography and grain markets, 1620–1913', *Explorations in Economic Hist.* 50 (2013), pp. 46–68

⁵⁰⁷ Jari Holopainen et al., 'Climatic signatures in crops and grain prices in 19th-century Sweden', *The Holocene* 22 (2012), pp. 939–45; Christian Pfister, 'Fluctuations climatiques et prix céréalières en Europe du XVIe au XXe siècle', *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations* 43 (1988), pp. 25–53; Rodney Edvinsson, 'Harvests and grain prices in Sweden, 1665–1870', *AgHR* 60 (2012), pp. 1–18; see also Solomos Solomou and Weike Wu, 'Weather effects on European agricultural output, 1850–1913', *European Rev. Economic Hist.* 3 (1999), pp. 351–73.

⁵⁰⁸ Segers, *Economische groei en levensstandaard*, pp. 256–73; Yves Segers, 'Nutrition and living standards in industrializing Belgium, 1846–1913', *Food and Hist.* 2 (2004), p. 160.

импорте и экспорте, а также оценках доли этих продуктов, не используемых для потребления человеком, но не принимают во внимание возможность переноса от одного урожая к другому. Для продуктов животного происхождения было недостаточно данных для точной реконструкции годовых колебаний, за исключением данных о сыре.⁵⁰⁹ Среднее потребление продовольствия на душу населения было снижено в течение всего периода, а не только в годы кризиса. Данные показывают, что в период с 1853 по 1856 год доступность хлебных злаков и, в меньшей степени, картофеля, была лишь немного ниже, чем в предыдущие годы. В этом отношении результаты Сегерса подтверждают результаты более раннего исследования Ван ден Экхаута и Шоллиерса.⁵¹⁰ Импорт покрыл дефицит урожая, и, учитывая запрет на экспорт в ноябре 1854 года, переходящий остаток отличного урожая того года вероятно, компенсировал дефицит в 1855 году. Большие объемы пшеницы и ржи были импортированы несмотря на войну на востоке, особенно из (или через) Пруссию и Нидерланды.⁵¹¹ Точно так же данные о поставках зерна на местных рынках показывают рост, особенно с 1854 года и далее.⁵¹² Например, в Синт-Никласе местная газета сообщила в ноябре 1854 года, что сельские жители продавали больше пшеницы и гречихи на рынке, чтобы воспользоваться высокими ценами, в то время как сами потребляли импортный рис.⁵¹³ Стабильность поставок продовольствия на душу населения в 1850-х годах резко контрастирует с нехваткой урожая 1840-х годов, начиная с суровой зимы 1844–1845 гг. После первого появления болезни в 1845 г. урожай картофеля в Бельгии оставался в среднем на 40–60 процентов ниже докризисного уровня с 1846 по 1850 г. (за исключением урожая 1849 г.). Продовольственная ситуация стала очень нестабильной в конце 1846 г. и первой половине 1847 г. Это усугублялось плохими урожаями хлебного зерна, бобов и гороха. Рассчитанные в зерновом эквиваленте, совокупные потери урожая хлебного зерна и картофеля в 1846 г. составили 66 процентов.⁵¹⁴

---

⁵⁰⁹ Segers, *Economische groei en levensstandaard*, pp. 77–95.

⁵¹⁰ Patricia Van den Eeckhout and Peter Scholliers, 'De hoofdelijke voedselconsumptie in België, 1831–1939', *Tijdschrift voor Sociale Geschiedenis* 9 (1983), pp. 293–4. See also Jan Blomme, 'De hoofdelijke broodgraanconsumptie in België, 1850–1939: een alternatieve benadering', *Tijdschrift voor Sociale Geschiedenis* 12 (1986), pp. 401–15.

⁵¹¹ *Tableau général du commerce avec les pays étrangers, 1840–1860*.

⁵¹² Ronsijn, 'De donderdagmarkt van Oudenaarde'; Ronsijn, 'De donderdagmarkt van Sint-Niklaas'; Devos, 'Prijzen van Granen'.

⁵¹³ Report in *Gazet van St. Nicolaes*, 12 Nov. 1854 p. 1, col. 2–3.

⁵¹⁴ Vanhaute, "So worthy an example to Ireland", pp. 130–1.

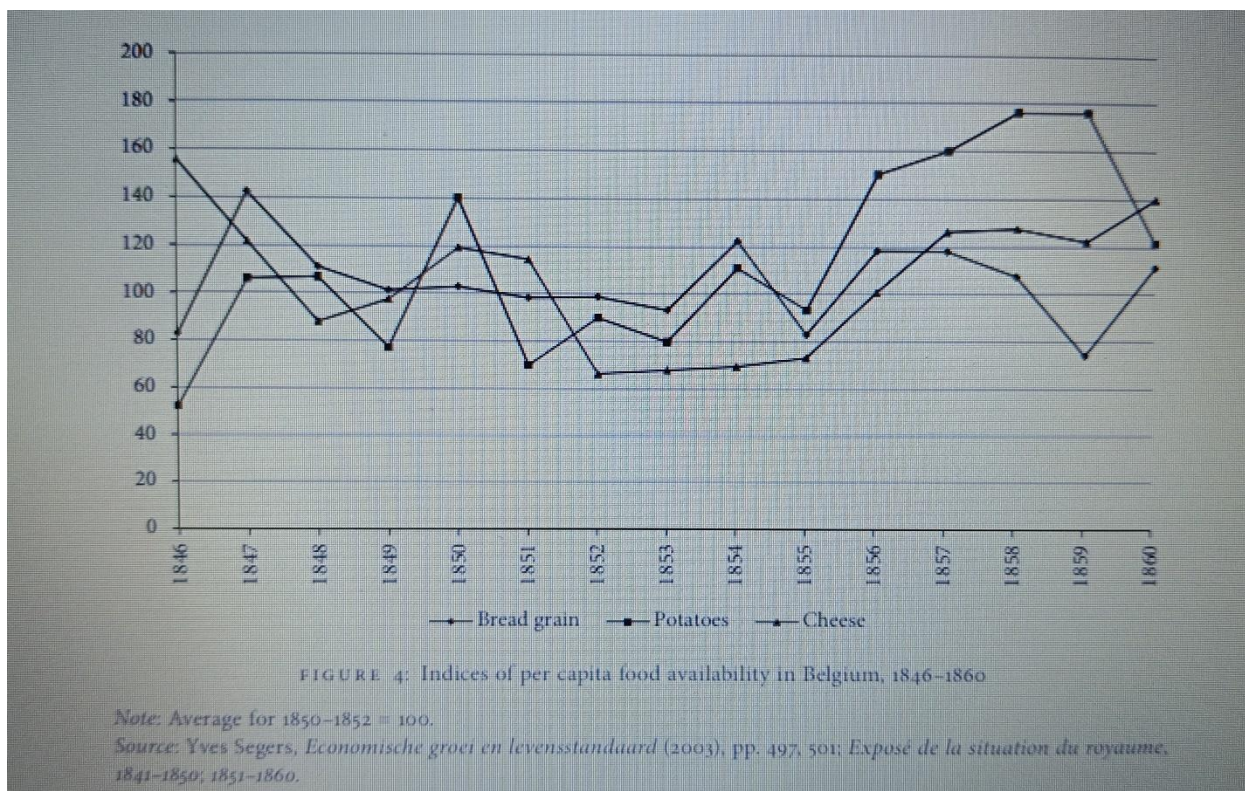

Рисунок 4

Продовольственный кризис середины 1850-х годов не характеризовался внезапным снижением доступности продуктов питания: именно нарушение международной торговли зерном привело к резкому росту потребительских цен. Доступ к продуктам питания стал затруднен для тех, у кого не было необходимой покупательной способности. В середине XIX века около половины частных расходов уже шло на продукты питания.⁵¹⁵ Среди домохозяйств с доходом ниже среднего эта доля, несомненно, была больше. В этих обстоятельствах внезапный рост цен на продукты питания мог вызвать хаос, если заработная плата не выросла соответственно. Как показывают индексные цифры Шоллиерса (1913=100), номинальная заработная плата резко выросла в 1850-х годах, с индекса 40 в 1850 году до 53 в 1856 году, но реальная заработная плата стагнировала или снижалась, с 52 в 1850 году до 47-51 с 1853 по 1855 годы.⁵¹⁶ Более того, не все профессиональные группы испытали даже рост номинальной заработной платы. Например, заработная плата на прядильной фабрике Вортмана в Генте стагнировала.⁵¹⁷

⁵¹⁵ Yves Segers, 'Economic growth and living standards. The development of consumer expenditure and food consumption in Belgium, 1800-1913', *J. European Economic Hist.* (2005), p. 521.

⁵¹⁶ Peter Scholliers, 'A century of real industrial wages in Belgium, 1840-1939', in Peter Scholliers and Vera Zamagni (eds), *Labour's Reward. Real wages and economic change in 19th- and 20th-century Europe* (1995), pp. 130-4.

⁵¹⁷ Gerda Avondts et al., *Lonen in de spinnerij van het bedrijf A. Voortman - N.V. Texas, 1835-1914* (1976).

Трудности, испытываемые в эти годы, были выявлены первым бюджетным обследованием, проведенным в Бельгии примерно в 1854 году, которое было специально было сосредоточено на городских и сельских рабочих домохозяйствах.⁵¹⁸ Эдуард Дюкпетио, сообщая о результатах этого обследования, пришел к выводу, что потребление продуктов питания рабочими домохозяйствами часто было недостаточным, как в городах, так и в сельской местности. Он отметил, как во многих случаях расходы превышали доходы; уровень заработной платы больше не соответствовал уровню цен на продукты питания. Возникающий дефицит покрывался временными мерами, общественной благотворительностью, накоплением долгов или приводил к банкротствам. В более общем плане, не только рабочие сталкивались с бедствием в результате недавнего роста цен на продукты питания, но и владельцы магазинов, подчиненные служащие и даже мелкие рантье. Главными причинами этого роста цен, по мнению Дюкпетио, были рост численности населения и структурный дефицит сельскохозяйственного производства, война на Востоке, а также увеличение потребления зерна. В ответ на картофельную болезнь люди ели меньше картофеля и больше хлеба и масла. Это, утверждал он, объясняет, почему цены на продукты питания в 1854 году были высокими, несмотря на обильный урожай того года.⁵¹⁹

(b) Частота продовольственных бунтов

Высокие цены на продукты питания на фоне урожаев, которые, казалось, не были особенно скудными, спровоцировали многочисленные продовольственные бунты.⁵²⁰ В период с августа по октябрь 1853 года продовольственные бунты были зарегистрированы в Льеже, Синт-Никласе и Брюсселе. В период с мая по июль 1855 года рынки Синт-Никласа и Гента были местом беспорядков, в то время как в сентябре 1856 года в Генте произошли уже серьезные волнения. В дополнение к этим локальным инцидентам, с августа по сентябрь 1854 года в Восточной и Западной Фландрии и в прилегающих регионах также прошла волна продовольственных бунтов. Сообщалось о беспорядках в городах Турнэ, Ипр, Куртре, Менен, Локерен, Синт-Никлас (дважды), Брюгге, Брюссель, Ауденарде и Мехелен. Во многих случаях эти инциденты начинались на публичных рынках после того, как одного или нескольких торговцев обвиняли в завышении цен. В других случаях грабили пекарни. Время этой волны продовольственных бунтов приводит к выводу, что они были ответом на воспринимаемое населением несоответствие между отличным урожаем, который собирался в то время, и

---

⁵¹⁸ The decision to make the survey was taken during the Congrès de statistique in Brussels in September 1853.

⁵¹⁹ E. Ducpétiaux, *Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique: subsistances, salaires, population* (1855), pp. 135–57, 199, 232.

⁵²⁰ On labour and other conflicts during this period, see also Julien Maréchal, *La Guerre aux Cheminées: Pollutions, peurs et conflits autour de la grande industrie chimique (Belgique, 1810–1880)* (2016), pp. 152–9.

постоянно высоким уровнем цен на зерно.⁵²¹ Хотя нехватка продовольствия была гораздо более серьезной в 1846 и в начале 1847 года, коллективные городские продовольственные бунты были исключительным явлением.⁵²² В то десятилетие наблюдался заметный рост сельской преступности, включая незаконное проникновение в дома, грабежи и бродяжничество. По сравнению с 1850-ми годами картофельный голод нанес гораздо больший ущерб сельскому населению; он спровоцировал более мелкие, менее скоординированные и менее заметные формы социальных действий.

(с) *Рождаемость и смертность*

Влияние обоих продовольственных кризисов на рождаемость и смертность заметно различалось между городом и сельской местностью. На рисунках 5 и 6 мы проводим различие между городскими и сельскими коэффициентами рождаемости и смертности. Город и сельскую местность можно было различить только с использованием национальных данных, основанных на официальном обозначении муниципалитетов, поэтому то, что показывают графики, является приблизительными данными. Тем не менее, они показывают, что общее воздействие продовольственного кризиса 1840-х годов было более радикальным, и что кризис 1850-х годов сильнее ударил по городским районам, чем по сельским. Уровень рождаемости в 1850-х годах упал ниже уровня 1840-х годов в городах, тогда как в сельской местности он оставался выше. Помимо пика смертности в 1849 году, вызванного холерой, уровень смертности в городах в 1850-х годах приблизился к уровню 1840-х годов, тогда как в сельской местности скачки уровня смертности в 1850-х годах были менее выраженными и произошли позже, чем в городах. Рост смертности в 1854 году также стал частично результатом эпидемии холеры, но эта волна была относительно умеренной по сравнению с 1849 годом.⁵²³ Оба показателя смертности и рождаемости показывают, что последствия продовольственного кризиса наиболее очевидны в 1855 году, что свидетельствует о том, что продолжительность периода дорогого зерна истощила ресурсы многих людей, особенно в городских условиях.

---

⁵²¹ Ronsijn, 'De "laatste" voedselrellen', pp. 94–6; id., '1845–1860: De "laatste" voedselrellen in twee kleine Oost-Vlaamse steden, Oudenaarde en Sint-Niklaas', Congrès de Namur. Actes du 8ème Congrès de l'Association des Cercles francophones d'Histoire et d'Archéologie de Belgique et 50ème Congrès de la Fédération des Cercles d'Archéologie et d'Histoire de Belgique (2011), pp. 356–7

⁵²² Vanhaute, "So worthy an example to Ireland", p. 137.

⁵²³ Karel Velle, 'België en de 19de eeuw. Gevolgen van de blauwe dood', *Geschiedenis der Geneeskunde* (1997), pp. 95–105.

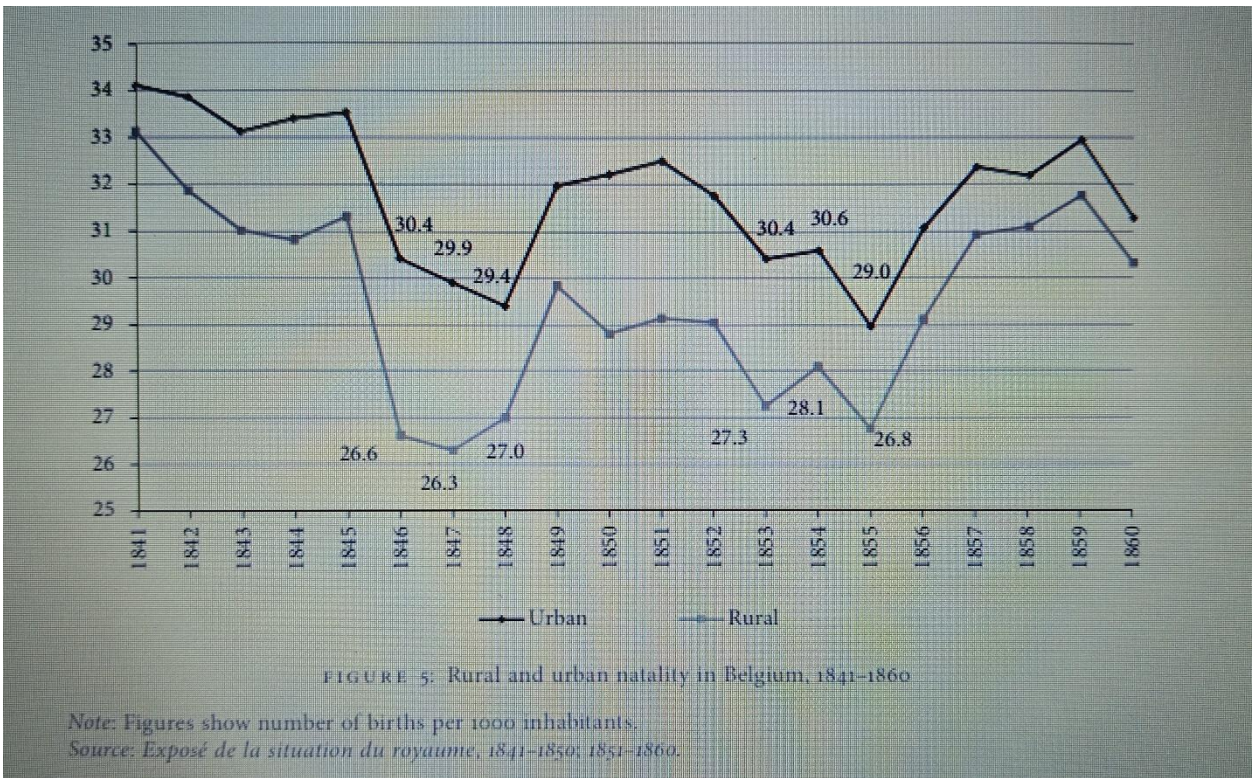

Рисунок 5

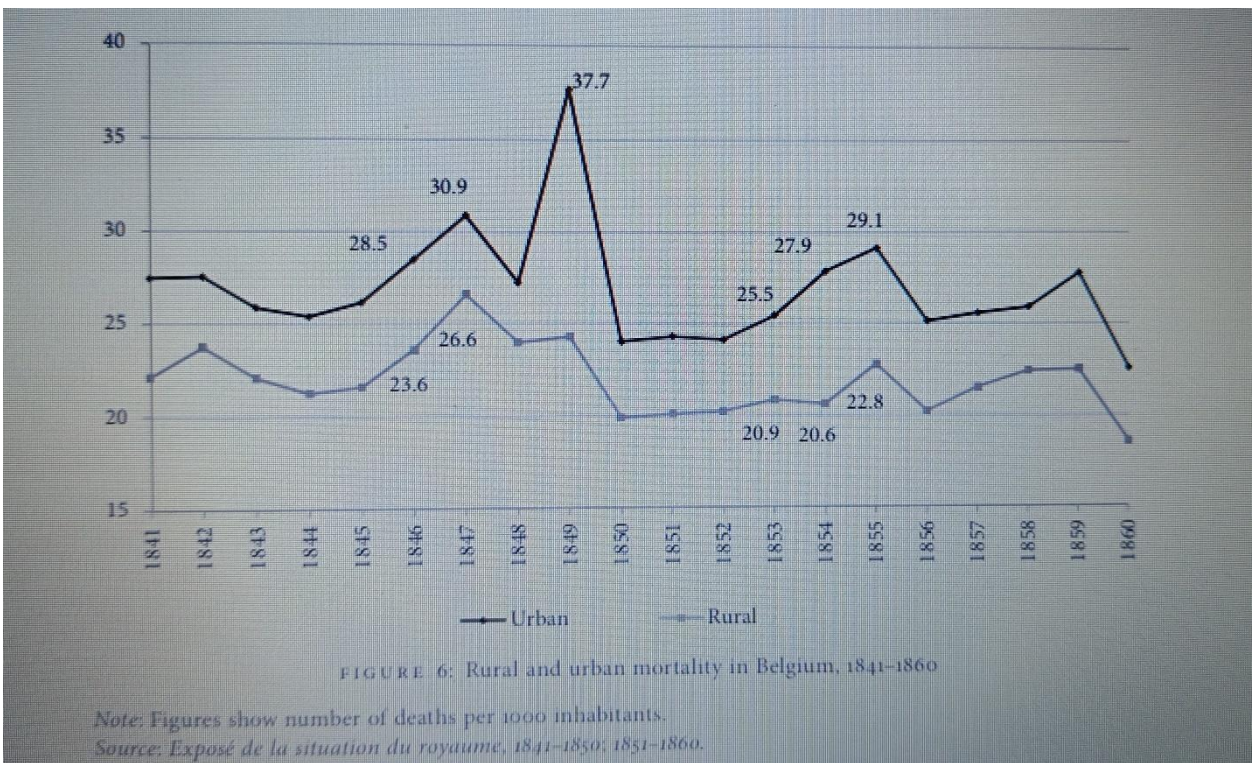

Рисунок 6

(d) Бедность

Наконец, наблюдение о том, что в целом городские жители пострадали больше во время ценового кризиса 1850-х годов, подтверждается данными о количестве зарегистрированных бедных. На рисунке 7 мы фиксируем уровень бедности в провинциях Восточная Фландрия и Льеж; обе провинции имели сильный городской промышленный и агропромышленный сектора. В Восточной Фландрии количество зарегистрированных бедных изначально было выше в сельской местности, но ситуация изменилась в 1850-х годах. Бедность в городах в 1850-х годах превысила уровни 1840-х годов, тогда как в сельской местности наблюдался лишь перерыв в снижении с очень высоких показателей 1840-х годов. В Льеже зарегистрированная бедность была выше в городских районах и выросла в 1850-х годах до уровней, сопоставимых с уровнями 1840-х годов. В сельской местности Льежа, напротив, влияние продовольственного кризиса 1850-х годов было едва заметно. Все эти признаки согласуются с нашим утверждением, что в Бельгии бедствие 1850-х годов было не столько результатом фактической нехватки продовольствия, сколько высоких цен и сопутствующих проблем распределения продовольствия. В целом, города пострадали от продовольственного кризиса 1850-х годов сильнее, чем сельские районы. Тем не менее, продовольственный кризис не остался незамеченным в сельской местности, как показывают также наши демографические данные, потому что там также росло число домохозяйств, не имевших доступа к земле. Только небольшое число ферм производило достаточные излишки, чтобы иметь возможность извлечь выгоду из высоких цен на продукты питания. Кризис имел разнонаправленные эффекты в зависимости от положения домохозяйств на продовольственном рынке. Из-за высоких цен часть населения в городах и в сельской местности столкнулась с большими трудностями в удовлетворении своих ежедневных потребностей в питании, хотя доступность продовольствия на душу населения не была существенно ниже.

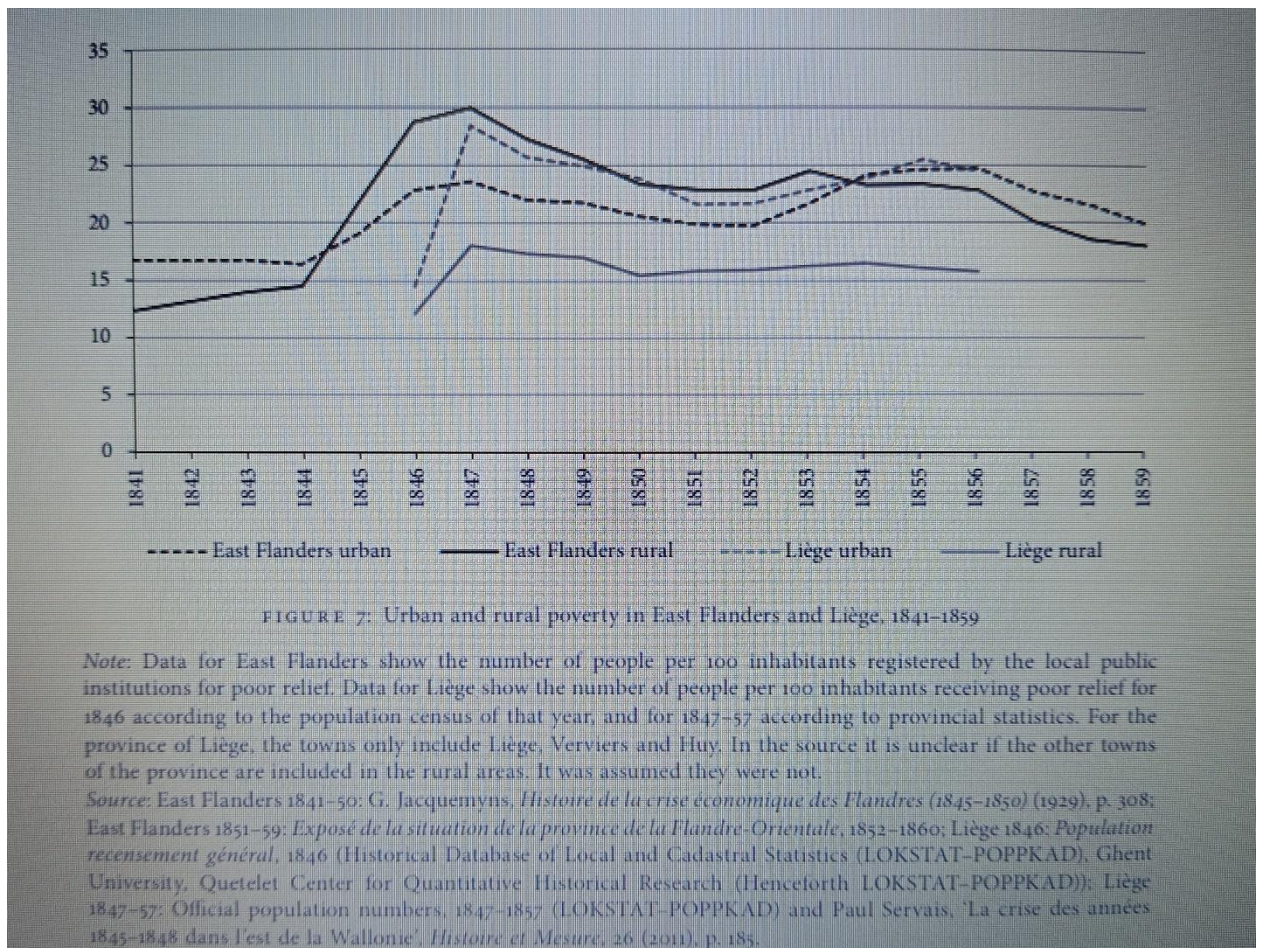

Рисунок 7

Эти выводы совпадают с немногими существующими исследованиями кризиса 1850-х годов. По сравнению с 1845–1847 годами этот кризис был относительно мягким по своим общим последствиям, но особенно затронул зависимых от рынка наемных работников. Поэтому он в основном ударил по городскому населению, как подтвердил Гермент в своем исследовании Франции.⁵²⁴ Как и в Нидерландах, Бельгия не столкнулась с заметным дефицитом хлебного зерна.⁵²⁵ Если вмешательство правительства помогло уменьшить влияние кризиса, как предполагают Гермент и Солар, то, вероятно, в основном на местном уровне, где власти могли усилить покупательную способность людей, оказывая прямую поддержку (финансовую или натуральную) или предоставляя дополнительные доходы (например, посредством общественных работ), тем самым позволяя им покупать продукты питания, которые были в продаже. Тем не менее, кажется, что и центральные, и местные органы власти отреагировали гораздо быстрее, и более широким набором интервенционистских мер, на продовольственный

⁵²⁴ Herment, 'Les communautés rurales de Seine-et-Oise', pp. 206–15.

⁵²⁵ Knibbe, 'De hoofdelijke beschikbaarheid', pp. 78–9.

кризис 1845–1847 гг.⁵²⁶ Это резко контрастирует с нерешительным поведением центрального правительства в 1850-х годах, вероятно, из-за изменения властных отношений в высших кругах индустриализирующегося общества Бельгии. Проблема была не в поставках продовольствия, а в стоимости продовольствия. Эта цена все больше воспринималась в обществе как результат и как регулятор торговых операций, которые должны быть независимы от прямого вмешательства государственных органов. Это вызвало новые формы уязвимости, которым можно было противостоять только другими, более формальными, регулирующими инструментами социальной политики.

V

Возвращаясь к вопросу о том, почему в 1850-х годах не было кризиса, сопоставимого с кризисом 1840-х годов, мы разработали аргумент о том, что эти два кризиса были разными по характеру, и, следовательно, оказали разное влияние на разные группы общества. Во-первых, 1850-е годы не характеризовались дефицитом продовольствия на совокупном уровне, в отличие от 1840-х годов. В 1845 и 1846 годах страны поразила картофельная болезнь, а в 1846 году наблюдалось существенное падение урожайности ржи. Урожай зерна 1853 и 1855 годов были дефицитными, но не такими большими, как в 1846 году, в то время как урожаи картофеля восстанавливались после болезни. Поскольку импорт покрывал большую часть дефицита, в середине 1850-х годов не было заметно меньше продовольствия на рынке по сравнению с предыдущими годами. Цены, однако, были высокими, не только из-за неурожая, но и из-за беспокойства, окружавшего Крымскую войну, блокаду балтийских и черноморских портов и запрет России на экспорт зерна. Среди прочего это привело к повышению фрахтовых и страховых ставок, а также общей напряженности в международной торговле зерном на протяжении всего времени конфликта. Цены следовали непривычным моделям и оставались высокими в течение почти трех основных лет, с середины 1853 до конца 1856 года. По этим причинам мы называем середину 1850-х годов кризисом цен на продовольствие, но, в отличие от 1840-х годов, не кризисом голода.

Во-вторых, общее воздействие продовольственного кризиса 1850-х годов было слабее, чем у кризиса 1840-х годов, вызванного голодом, однако рост цен, вызванный трениями в международной продовольственной цепочке, затруднил доступ к продовольствию для населения, зависящего от рынка. Как мы наблюдали, городское население страдало от растущей бедности, роста смертности и снижения рождаемости в большей степени, чем население в сельской местности. Этот различный опыт городского и сельского населения

---

⁵²⁶ Vanhaute, “So worthy an example to Ireland”, pp. 138–9, 44; Eric Vanhaute and Thijs Lambrecht, ‘Famine, exchange networks and the village community. A comparative analysis of the subsistence crises of the 1740s and the 1840s in Flanders’, *Continuity and Change* 26 (2011), pp. 173–5; Delfosse, *La politique agricole de l’État belge*, pp. 22–4.

являются косвенным указанием на то, что население, зависящее от рынка, больше всего пострадало от продовольственного кризиса 1850-х годов. В 1840-х годах бедствие было вызвано как нехваткой продовольствия, так и его высокой ценой; в 1850-х годах высокая цена была главной проблемой. В отличие от голодных 1840-х годов, люди в 1850-х годах протестовали в целом ряде городских продовольственных бунтов против того, что они считали спекуляцией и несправедливыми ценами. Таким образом, проблема заключалась в распределении продовольствия, а не в его наличии. Это перекликается со знаменитой цитатой Амартии Сена о том, что современный продовольственный кризис — это не вопрос нехватки продовольствия, а вопрос нехватки продовольствия у людей.⁵²⁷

В Бельгии в 1850-х годах, как и в других регионах в бассейне Северного моря, затяжной спад сельских доходов и кризис социальных связей, помогающих выживать, вызвал новые типы экономических и социальных отношений. Это увеличило уязвимость значительной части населения к искажениям в международной торговле зерном и последующей волатильности цен. Уязвимость проистекала из сочетания двух процессов быстрого расширения рынка: импорт продовольствия становился все более необходимым для продовольственного обеспечения населения, а быстрорастущая доля населения все более зависела от нестабильных форм заработной платы для получения доступа к продовольствию. В свою очередь, и в ответ на эти события, торговля продовольствием в Бельгии становилась все более интегрированной и зависимой от мирового рынка продовольствия. Уязвимость к росту цен и ухудшению рыночных условий не была новой, но масштаб этого воздействия был совершенно другим. Дорогостоящие годы 1853–1856 гг. сформировали то, что, по-видимому, было одним из первых крупных всплесков этого типа международного продовольственного ценового кризиса, вызванного не внутренними неурожаями или разрывом региональных цепочек поставок, а дисбалансами на формирующемся мировом продовольственном рынке. Это повлияло на экономику и социальную структуру Бельгии на национальном уровне. Этот новый тип уязвимости также отражал появление совершенно других типов социальной напряженности. Общества XIX века со все более увеличивающимися слоями населения без собственных средств производства были гораздо более зависимы от превратностей рынка и подвержены им.

В долгосрочной перспективе «избавление Европы от голода» после 1850 года сопровождалось значительным увеличением доступности продовольствия, улучшением продовольственной безопасности, снижением относительных цен на продовольствие и сокращением сельскохозяйственного населения. Глобальное расширение продовольственных цепочек и зависимость от интернационализирующихся продовольственных рынков изменили возможности доступа и право на продовольствие в основных частях Западной Европы. Эта трансформация также имела свою цену. Новые типы

---

⁵²⁷ Amartya Sen, *Poverty and famines: An essay on entitlement and deprivation* (1981), p. 1.

продовольственного кризиса и уязвимости к продовольствию затронули европейское население в XIX веке и поразили основные части мира в XX веке. На протяжении всей истории ответы на уязвимость, связанную с доступом к продовольствию, были найдены в диверсификации доходов и в самосохранительных стратегиях населения, а также в обеспечении доступа к ресурсам, земле и общим благам. Радикальные общественные преобразования в Европе после 1850 года разрушили прежние механизмы безопасности домохозяйств и деревень и повлияли на способность крестьян преодолевать краткосрочные экономические потрясения (такие как неурожаи, колебания доходов или цен на продукты питания из года в год). Чтобы справиться с новыми формами уязвимости, которые возникли в результате этого процесса, на Западе новые типы государств всеобщего благосостояния в итоге много инвестировали в длительную продовольственную безопасность (доступ к дешевой пище) и в социальную защиту. Однако в значительной части Глобального Юга уязвимость перешла от временного к структурному состоянию за последние несколько десятилетий. Глобальный кризис цен на продовольствие 2007–2008 годов ясно показал, что нестабильные рынки и волатильность цен теперь влияют на продовольственную безопасность сотен миллионов семей как в городах, так и в сельской местности. В этом последнем кризисе рост цен не был результатом нарушений местного спроса и предложения; он был вызван колебаниями глобального рынка и ценовыми установками. По данным международных организаций, первый продовольственный кризис XXI века был создан человеком; он был вызван «краткосрочным перерасходом» (плохие урожаи, низкие запасы продовольствия, запреты на экспорт, спекуляции) и долгосрочными негативными сдвигами (рост населения, спрос на корма для животных, политика в отношении биотоплива). Новое городское население и оставшиеся крестьяне утратили безопасность прямого доступа к продовольствию и теперь должны полагаться на все более ненадежные доходные ресурсы. Эти изменения влияют на положение с правом на продовольствие для беспрецедентного числа людей.⁵²⁸

Перевод Василя Сакаева

Выходные данные статьи: Wouter Ronsijn and Eric Vanhaute From the hungry 1840s to the dear 1850s: the case of Belgium's food price crisis, 1853–56. *Agricultural History Review*, Volume 66 Part 2 (2018), pp. 238-260.

---

⁵²⁸ A. Haroon Akram-Lodhi and Cristóbal Kay, 'Surveying the agrarian question' (parts 1 and 2), *J. Peasant Studies* 37 (2010), pp. 177–202, 255–85; Eric Vanhaute, 'From famine to food crisis: what history can teach us about local and global subsistence crises', *J. Peasant Studies* 38 (2011), pp. 47–65.

«В ХОРОШИХ РУКАХ». СОХРАНЕНИЕ НОВОГО ЛЕСА И ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ НАЦИОНАЛЬНЫМ ПАРКОМ*

Кэтрин Гловер

Аннотация. Нью-Форест, когда-то бывшее охотничье угодье английских монархов, обязано своим характерным ландшафтом скотоводству и производству древесины. Оно избежало огораживания в XVIII веке и в 1870-х годах, извлекая выгоду из нового общественного восприятия необходимости сохранения открытых пространств. Несмотря на то, что впоследствии Нью-Форест был признан «национальным парком», только в 1920-х годах протест по поводу вырубки «древних и декоративных лесов» вызвал призывы к предоставлению ему юридической защиты и побудил правительство в целом рассмотреть вопрос о национальных парках. В 1940-х годах, было, однако, признано, что лес находится «в хороших руках», поэтому он не оказался среди кандидатов на звание национального парка, рекомендованных Комитетом Хобхауса (1947). Планы, составленные в 1950-х годах для придания ему статуса «зоны выдающейся природной красоты», были также отвергнуты. Только в конце 1980-х годов призывы к получению статуса национального парка начали серьезно обсуждаться, но в 1994 году они снова были отклонены. Статус Национального парка для «Нового леса» был окончательно утвержден только в 2004 году.

Хотя стремление к созданию национальных парков для защиты ландшафта восходит к девятнадцатому веку, в Англии и Уэльсе они впервые были созданы в соответствии с положениями Закона о национальных парках и доступе к сельской местности 1949 года. Между 1951 и 1957 годами было создано десять парков, три в Уэльсе, а остальные либо на северных возвышенностях Англии, либо на юго-западном полуострове. О Нью-Форесте в Хэмпшире говорили, как о национальном парке (хотя и с разными значениями этого слова) по крайней мере с 1870-х годов. Это был один из районов ландшафтной красоты, включенных в различные списки потенциальных национальных парков, составленные в 1930-х и начале 1940х годов. Но, несмотря на притязания на присвоение ему статуса национального парка, он не был включен в список Комитета Хобхауса и не был включен в число парков, созданных в 1950-х годах. Ему пришлось ждать до 2004 года, прежде чем включение в список было подтверждено. Почему ушло так много времени на достижение того, чего многие ожидали в 1940- годах и ранее? В этой статье Новый лес используется в качестве уникального тематического исследования для изучения эволюции идеи национального парка и изменения отношения как правительства, так и общественности к защите открытых пространств за последние 150 лет.

Для многих Нью-Форест был национальным парком *avant la lettre*. Поиск в *цифровом архиве* The Times до 1949 года выявил в общей сложности 159 упоминаний фразы «национальный парк» в преимущественно британском контексте, и еще 47

---

*Я хотела бы поблагодарить Питера Робертса за то, что он щедро поделился со мной своими знаниями об истории Нью-Фореста и за то, что он прочитал статью перед отправкой; Пола Уорд и двух анонимных рецензентов за их предложения; сотрудников Хэмпширского архива, а также сотрудников и коллег-волонтеров в Центре наследия Нью-Форест за их поддержку. Больше всего я благодарна Ричарду Хойлу за предложение провести семинар на тему «Создание национальных парков в Англии» в рамках конференции «Сельская история 2015» в Жироне, где была представлена очень ранняя версия этой статьи, и за то, что он вдохновил меня завершить ее.

упоминаний о национальных парках за рубежом⁵²⁹. Из первых 17 (11 процентов) были связаны с Нью-Форест. Единственными двумя районами, упоминаемыми чаще, были Озерный край и Лес Дина. Для сравнения, было упомянуто еще 27 районов, десять из которых были выбраны в 1949 году в качестве потенциальных национальных парков: таким образом, 11 процентов кажется непропорциональным для района, который не попал в финальную десятку лучших⁵³⁰.

I

Нью-Форест находится в графстве Хэмпшир, но в той части графства, которая почти отрезана от остальной части, представляет собой примерно треугольную область между рекой Эйвон и Саутгемптон-Уотер (карта 1). С геологической точки зрения, «пласты Бэгшот... откладываются на большой меловой впадине, которая опускается от Бэдбери и Пентриджа к острову и от Пурбека к Саут-Даунсу в Хэмпшире⁵³¹. Почвы тонкие и бедные, с небольшим сельскохозяйственным потенциалом, за исключением «небольших водозаборных полей и общих пастбищ, не изменившихся по фундаментальным показателям со времен бронзового века»⁵³². Общеизвестно, что Нью-Форест не является ни новым, ни полностью лесистым в современном смысле слова «лесистый». *Нова Фореста* упоминается в Книге Страшного суда, но понятие «лес» уже существовало в Нормандии и, по-видимому, относилось к его финансовому статусу: доходы собирались в Новом лесу от меда, пастбищ и древесины для строительства⁵³³. Ко времени Генриха II «лес» стал юридическим лицом, основанным на королевских правах на охоту, с системой «Лесного закона», в соответствии с которой жители этой местности продолжали пользоваться традиционными правами на общие земли: пастбище (для крупного рогатого скота и пони), мачту («паннаж» для свиней), мергель (для улучшения почвы), турбары (вырубку леса), «дерны» для топлива) и эстоверы (топливная древесина). Пастбища, мачты и эстоверы используются до сих пор. С 1877 года блюстителем прав общинников является суд Вердереров. Официальный вердерер — это коронное назначение; пять других вердереров избираются обладателями общих прав, а четверо назначаются различными органами, представляющими интересы лесного хозяйства, сельского хозяйства, планирования и благоустройства (Рисунок 1)⁵³⁴.

С экологической точки зрения лес имеет международное значение: это «самая большая территория дикой или «незасеянной» растительности в равнинной Британии, включая «большие участки» «вересковых пустошей, долинных болот и

---

⁵²⁹ The Times Digital Archive, 1785–2010: only ‘opinion and editorial’ items were included, as a sample of the ‘national conversation’ on the subject. The first use of ‘national park’ in The Times was on 8 Aug. 1859 when it was used to describe Hyde Park.

⁵³⁰ Arthur Hobhouse, Report of the National Parks Committee (England and Wales) (Cmd. 7121, 1947), Appendix A, suggested 12

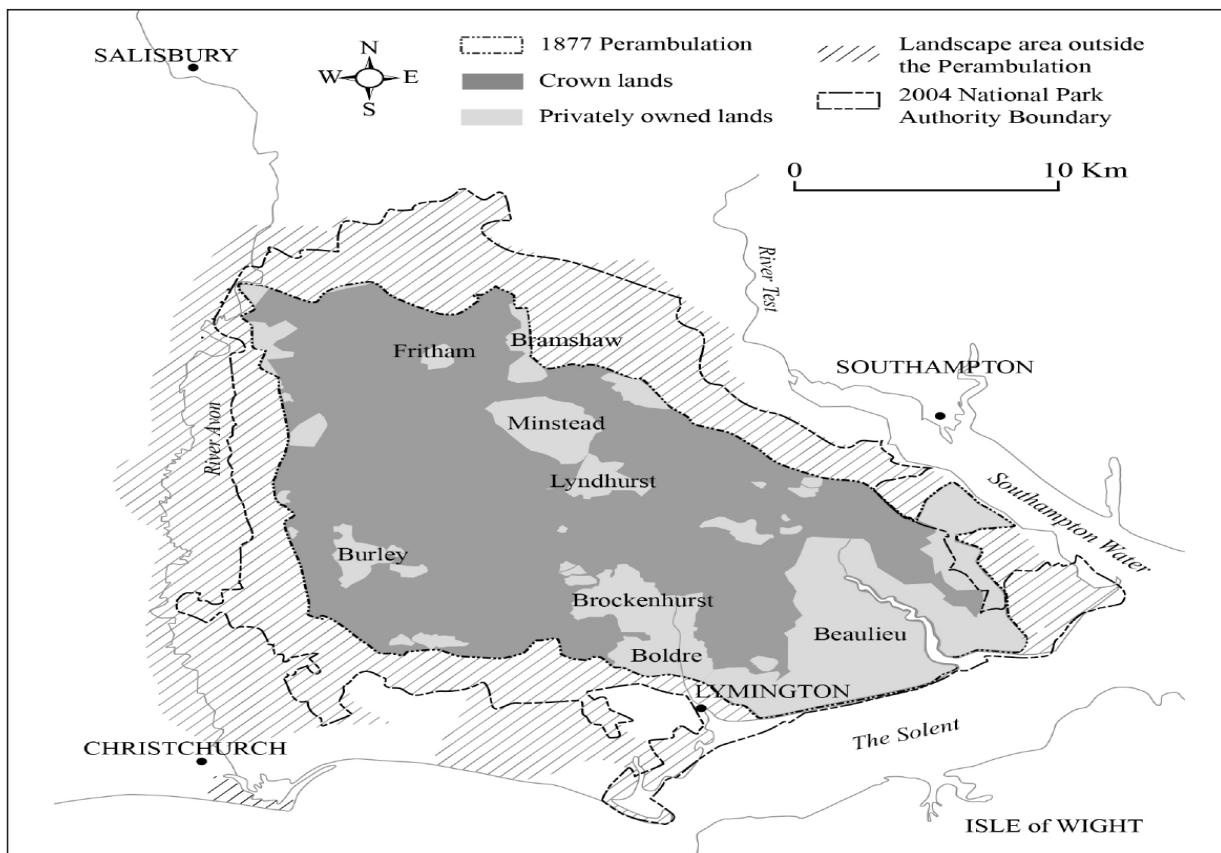
⁵³¹ Heywood Sumner, Cuckoo Hill: the Book of Gorley (c.1904–09, repr. 1987), p. 86.

⁵³² F. E. Kenchington, The commoners’ New Forest (1944), p. 10.

⁵³³ Dolly Jørgensen, ‘The roots of the English royal forest’, Anglo-Norman Studies 32 (2010), pp. 114–28, esp. p. 127

⁵³⁴ Sarah Nield, Forest Law and the Verderers of the New Forest (2005); Anthony Pasmore, New Forest Commoners (1969), p. 7; Statute 12–13 and 14 Geo. VI, c.69, New Forest Act, 1949.

древних пастбищных лесов», места обитания, которые в настоящее время редки и фрагментированы в других местах в Европе⁵³⁵.

Карта 1 – Район Нью-Форест, показывающий государственные и частные земли в пределах маршрута; более широкий ландшафт смешанных пастбищ и лесов за его пределами; также изображена граница Управления национальных парков окончательно включен в список в 2004 году.

Говорят, что здесь произрастает около 1000 древних деревьев; 63 процента из 24 000 видов насекомых, 75 процентов всех видов стрекоз встречаются здесь, и все шесть видов местных рептилий, включая гадюк и песчаных ящериц; для гнездящихся на земле птиц, таких как редкая дартфордская камышевка, он обеспечивает необходимую среду обитания; а болота являются домом для ароматного болотного мирта, болотной орхидеи и бледно-зеленого мха сфагнум⁵³⁶.

⁵³⁵ Colin R. Tubbs, *The New Forest* (1986, sec. edn, 2001), p. 18.

⁵³⁶ Ian Gambles (ed.), *British forests: The Forestry Commission, 1919–2019* (2019), p. 243.

Рисунок 1 – Осуществление общих прав в Нью-Форесте, начало 2000-х годов. Фото: автор статьи

Лес лучше всего понимать, как большую низменность, на которую соседние поселки имели общие права. В этом отношении он похож на Дартмур⁵³⁷. Владельцем земли, фактически лордом поместья, исторически была королевская власть, а с 1919 года интересы государства осуществляла Комиссия по лесному хозяйству. Заместитель землемера – это звание, которое до и после 1919 года получалось у должностного лица, отвечающего за лесное хозяйство в Нью-Форесте⁵³⁸. В том, что касается размеров, то в 1870 году местный землевладелец Г. Э. Бриско Эйр писал, что «общая площадь составляет около 63 000 акров, из которых 2 089 являются земельными участками; около 27 000 акров более или менее покрыты лесом, естественным или засаженным; остальная часть – вересковые пустоши». Но государство не владело всей землей в пределах традиционной границы (известной как «перамбуляция»): некоторые поместья, такие как Болье и Минстед, были отчуждены и находились в частной собственности. Эти земли простирались примерно на 28 000 акров, некоторые из которых были лесами, и хотя они включали в себя большую часть земель, пригодных для сельского хозяйства в пределах территории, они все чаще использовались как земельные участки для жилищного строительства. Королевская власть, как и все лорды-помещики, стремилась огораживать общину, но именно для лесного хозяйства, а не для возделывания земли. Это создавало напряженность между королевской властью и простолюдинами с конца XVII века, если не раньше⁵³⁹.

Владения, к которым прилагаются общие права, расположены на окраине леса, за пределами территории, в то время как права осуществляются внутри. В 1964 году в границы, которые сохранялись более или менее неизменным с 1217–1218 годов, были внесены поправки, чтобы включить прилегающие общинные земли и исключить

⁵³⁷ Matthew Kelly, Quartz and feldspar – Dartmoor: A British landscape in modern times (2015).

⁵³⁸ Statute 13 and 14 Geo. V, c.21, Forestry (Transfer of Woods) Act, 1923.

⁵³⁹ Richard Hoyle and Catherine Glover, 'The failure of land reform in the New Forest', paper given at Rural History 2019.

районы промышленного развития вдоль Солента⁵⁴⁰. По большей части королевская власть запрещала жилищное и промышленное строительство в районах, которые она контролировала (за исключением строительства частных домов, некоторые из которых были значительных размеров, в небольших анклавах коронного владения). Жилищная застройка могла осуществляться только на землях, находящихся в частной собственности, таких как Брокенхерст (где ей способствовало наличие железнодорожной станции). Линдхерст – административный центр Леса – был королевским поместьем, копигольды которого были переданы в собственность с 1830-х годов, что позволило деревне превратиться в небольшой город. Тем не менее, как ландшафт, Новый лес занимает более обширную территорию, чем формальные границы, за пределами которых ни Вердереры, ни Комиссия по лесному хозяйству не имели никакой юрисдикции или контроля.

Использование территории леса для охоты и скотоводства сохранило две трети из 90 000 акров в неогороженном состоянии вплоть до девятнадцатого века. Первоначально деревья и подлесок сохранялись в качестве укрытия и корма для оленей, но лесоводство было признано важным видом использования природных ресурсов леса с пятнадцатого века, с небольшими ограждениями для защиты саженцев. По крайней мере, с этого времени Лес стал пространством, оспариваемым конкурирующими интересами. Даже в средневековый период, когда королевская власть сдавала в аренду огороженные участки для лесоводства, существовал конфликт между разведением скота и сохранением древесины, когда как простолюдины, так и мелкие чиновники королевства представляли перед судом за удаление живых изгородей, вырубку леса, расчистку подлеска и использование перелесков в качестве загонов⁵⁴¹. В 1698 году, чтобы удовлетворить спрос на древесину для военно-морского флота и на строительные материалы, государство попыталась поставить производство древесины на более систематическую основу и по закону взяла на себя право возводить огораживания с целью лесоводства в течение 20-летнего периода. Законодательство разрешало распаивать огораживания после того, как деревья были посажены, а для огораживания дополнительных участков такого же размера, площадь которых когда-то была огорожена, никогда не превышала 6000 акров⁵⁴². Простолюдины подали петицию против этих «скользящих полномочий», а королевские чиновники, казалось, не желали их применять. После передачи доходов от коронных имений парламенту (после восшествия на престол Георга III) правительство стало больше интересоваться продуктивностью леса и в 1787 году заказало специальное обследование. За этим последовало дальнейшее законодательство, и к 1811 году все 6000 акров были огорожены⁵⁴³.

К 1840-м годам считалось, что в лесу обитает чрезмерное количество оленей, около 3-4 тысячи особей. Большая часть из 100 или около того оленей, убиваемых каждый год, передавалась соседним землевладельцам в качестве компенсации за

⁵⁴⁰ Statute, 1964 c.83, New Forest Act, 1964.

⁵⁴¹ C. R. Tubbs, 'The development of the smallholding and cottage stock-keeping economy of the New Forest', *AgHR* 13 (1965), pp. 27–8.

⁵⁴² Statute 9 and 10 Will. 3, c.36, An act for the increase and preservation of timber in the New Forest, 1698.

⁵⁴³ D. J. Stagg, 'Silvicultural inclosure in the New Forest from 1780 to 1850', *Proc. Hampshire Field Club* 46 (1990), p. 135; Hoyle and Glover, 'Failure of land reform'.

ущерб, нанесенный урожаю, или должностным лицам, которые в настоящее время мало или совсем не связаны с лесом. Один самец стоил в 8-10 раз дороже, чем овца (учитывая количество лет, в течение которых они должны были содержаться), и выступал сильным искушением для оленекрадов⁵⁴⁴. Кроме того, самцы-олени представляли собой серьезную угрозу для молодых деревьев. Поэтому правительство предложило уменьшить поголовье оленей и еще больше увеличить производство древесины⁵⁴⁵. Королевская власть убедила простолюдинов согласиться с этим, аргументируя это тем, что отказ от разведения оленей был бы для них взаимовыгодным, но в качестве компенсации за отказ от права на содержание леса для оленей корона потребовала права огораживать еще 10 000 акров, в результате чего общее число акров достигло 16 000. Так называемый Закон об изъятии оленей был принят в 1851 году, и он имел глубокие последствия, к которым мы вернемся в разделе II⁵⁴⁶.

В соперничество между королевской властью (которая хотела огораживать) и простолюдинами (которые хотели сохранить свои права на выпас скота) в девятнадцатом веке вступил третий элемент: публика, ищущая отдыха, будь то жители или однодневные туристы. Труды Уильяма Гилпина (1724–1804 гг.), викария Болдре в южной части Нью-Фореста, во многом способствовали эстетическому осознанию «диких» ландшафтов. Его книга *«Заметки о лесных пейзажах и других лесных видах», относящаяся главным образом к живописной красоте и иллюстрированная сценами Нью-Фореста в Хэмпшире*, вышла в свет в 1791 году⁵⁴⁷. Открытие железной дороги Саутгемптон — Дорчестер в 1847 году сделало лес более доступным для тех, кто оценил бы его красоту, и в течение следующих 50 лет стало модным иметь там дом и приезжать на выходные для верховой езды, охоты или других загородных занятий. Железнодорожной компанией также были организованы однодневные экскурсии⁵⁴⁸.

В результате в лесу появилось множество заинтересованных сторон с взаимопересекающимися и конфликтующими интересами. В 1960 году можно было сказать, что: «Нью-Форест ... планируется, управляется и обслуживается множеством организаций и частных лиц. Помимо Комиссии по лесному хозяйству... у нас есть Суд Вердереров, Министерство сельского хозяйства и рыболовства, органы планирования, Министерство транспорта; волостные, городские и районные советы; такие организации, как Общество разведения пони и крупного рогатого скота «Нью Форест», Ассоциация защиты простолюдинов, Национальный союз фермеров; Охрана природы, традиционные охотничьи и спортивные интересы, те, кто нуждается в сохранении археологических реликвий, местные пожарные службы и полиция»⁵⁴⁹.

---

⁵⁴⁴ Peter Roberts, *Saving the New Forest: New Forest Association – the first 150 years* (2017), p. 4; BPP, 1848,538, Report from the Select Committee on the Woods, Forests, and Land Revenues of the Crown, pp. 89, 94, 100, 102.

⁵⁴⁵ Gerald Lascelles, *Thirty-five years in the New Forest* (1915)

⁵⁴⁶ Heywood Sumner, 'The New Forest Deer Removal Act, 1851, and afterwards', ed. G. F. Le Pard, *Hampshire Stud.* 54 (1999), p. 76.

⁵⁴⁷ W. Gilpin, *Remarks on Forest Scenery, and Other Woodland Views ...* (3 vols, 1791).

⁵⁴⁸ C. E. M. Glover, 'A country house or a house in the country? A study of country houses in the New Forest and their residents, c.1851 to c.1923' (unpubl. MA dissertation, University of Winchester, 2012); *The Times*, 2 Aug. 1877.

⁵⁴⁹ 'Agriculture: Amenity and production in the New Forest', from A Correspondent, *The Times*, 26 Sept. 1960; the New Forest was legally transferred under the Forestry (Transfer of Woods) Act, 1923 to the Forestry Commission, which in turn was transferred to the Ministry of Agriculture, Fisheries and Food under the Forestry Act, 1945.

Но и тогда этот список не был исчерпывающим. К нему следует добавить таких важных игроков, как Ассоциация Нового леса, Национальный фонд (который приобрел некоторые из прилегающих общинных земель) и частные землевладельцы, такие как лорд Монтегю из Болье. Возможно, уже известно, что история о том, почему Нью-Форест не стал национальным парком в 1950-х годах и был вынужден ждать еще пятьдесят лет, достаточно запутанна. Как писал Артур Кэдман, заместитель геодезиста Нью-Фореста в 1959–1968 годах: «Все люди, имеющие какое-либо отношение к администрации, знают, что в каждом вопросе есть две стороны. Но в Нью-Форесте повезло, если у любой возникающей проблемы меньше шести сторон»⁵⁵⁰.

II

История вопроса начинается с принятия закона об изъятии оленей 1851 года. Хотя простолюдины и согласились на это, в течение следующего десятилетия они поняли, что их обманули. Управление лесного хозяйства сознательно решило оградить лучшие пастбища для новых лесных плантаций, потому что, по словам Лоуренса Камбербэтча, заместителя геодезиста в 1849–1880 годах, его политика заключалась в следующем: «что королевская власть должна как можно скорее осуществить свое право огораживания 16 000 акров, потому что, исключая другие преимущества, в результате этого у общинников будут отобраны все лучшие пастбища, и тогда стоимость их прав на пастбища будет существенно уменьшена, что будет иметь значение для государства в случае отмены каких-либо таких прав»⁵⁵¹.

Вырубались даже вековые деревья: в 1851 году «было сметено более трехсот вековых тисов, а море пихты теперь скрывает даже конфигурацию почвы»⁵⁵². Вместо того, чтобы снять ограничения, наложенные в соответствии с Лесным законодательством с целью защиты оленей, Управление лесного хозяйства ужесточило их правила⁵⁵³. Теперь, когда олени не осматривали подлесок и не откладывали свой навоз, качество неогороженного пастбища ухудшилось. Королевская власть предложила сдавать права на проведение спортивных состязаний на территории в аренду, а не выдавать лицензии⁵⁵⁴. Последнее, вместе с осознанием того, что потеря общих пастбищ повлияет на арендную плату, которую их арендаторы были в состоянии платить, воодушевило местных землевладельцев. Последовал шквал писем в «Таймс» и другие газеты, и в 1867 году группа землевладельцев сформировала

---

⁵⁵⁰ New Forest Heritage Centre (hereafter, NFHC), CTL2019.1.20.25, W. A. Cadman, 'The New Forest: The work of the Forestry Commission' (unpubl. typescript, n.d.).

⁵⁵¹ BPP 1854, 377, Report from the Select Committee on Crown Forests, 1854, pp. 121–3, at p. 123: Letter from Cumberbatch to Thomas Kennedy, Commissioner of Woods etc, 31 Dec. 1853; p. 154 (q. 2032); p. 155 (qq. 2047–9).

⁵⁵² G. E. Briscoe Eyre, 'The New Forest: a sketch', *Fortnightly Rev.*, April 1870 (repr. in Briscoe Eyre's *New Forest*, 2006), p. 13. This is also mentioned in *Parliamentary Debates, Commons, Third ser.* 07, c.330: 'the Poet Laureate [Alfred Tennyson] ... had gone down to the New Forest to search there for an ancient wood of yews, which had existed since the time of William the Conqueror; but all trace of them was gone. ... it had been sold to a merchant at Lyndhurst for £60'.

⁵⁵³ Heywood Sumner, 'Presidential Address: New Forest and old woods', *Proc. Bournemouth Natural Science Soc.* 18 (1925–6), p. 52.

⁵⁵⁴ 1866, 98, *Crown Lands. A bill to amend Law relating to Woods, Forests and Land Revenues of Crown.*

Ассоциацию Нового леса (NFA)⁵⁵⁵. Однако петиция в парламент только усугубила ситуацию, и в 1871 году Казначейство внесло законопроект о запрете вырубке в Нью-Форесте⁵⁵⁶. Это предложение было поддержано Генри Фосеттом, членом парламента от Брайтона, который выдвинул резолюцию о том, «что, по мнению Палаты, до принятия законодательства о Нью-Форесте в Нью-Форесте не должна быть разрешена вырубка декоративной древесины и никаких свежих огороженных участков, и что никакой лес вообще не должен быть вырублен, кроме как в целях прореживания молодых плантаций, проведения необходимых ремонтных работ в лесу и удовлетворения прав общин на топливо»⁵⁵⁷.

Рисунок 2 – Приглашение на выставку «Новый лес», лето 1875 года

Средства для Нью-Фореста были собраны путем проведения художественной выставки в Лондоне (Рисунок 2). В 1875 году был назначен Специальный комитет Палаты общин, в результате чего в 1877 году был принят Закон о Новом лесе, который запретил огораживание того, что сейчас называется «древними и декоративными» лесами (в основном считавшимися древними пастбищными лесами)⁵⁵⁸, положил конец ограничению полномочий короны по огораживанию и восстановил древний суд Вердереров, изменив его роль с действий от имени короны на защиту интересов общин. Возможно, Нью-Форест был местом первой успешной битвы за сохранение ландшафта в Великобритании за несколько лет до (неудачного) протеста против водохранилища Тирлмер⁵⁵⁹. Но политика Управления Вудса,

⁵⁵⁵ Roberts, *Saving the New Forest*, p. 17.

⁵⁵⁶ 1871, *Bills and Acts*, 81, A bill to disafforest the New Forest.

⁵⁵⁷ *Parliamentary Debates, Commons, Third ser.* 207, cc.328–343.

⁵⁵⁸ Tubbs, *New Forest*, p. 162.

⁵⁵⁹ Ian O. Brodie, *Why National Parks?* (2013), p. 14; Harriet Ritvo, *The dawn of green: Manchester, Thirlmere, and modern environmentalism* (2015).

направленная на неукоснительную эксплуатацию коронных земель Нью-Фореста в ущерб правам простолюдинов, оставила в наследство недоверие и антагонизм, которые сохраняются и по сей день.

III

«Лучшая идея, которая у нас когда-либо была» появилась в Америке в 1865 году, когда Фредерик Лоу Олмстед заложил философскую основу для национальных парков: сохранение территорий уникальной природной красоты на благо общества⁵⁶⁰. В Британии луч надежды над угрозой нависшей над лесом в 1870-х годах, заключался в том, что она заставила широкую общественность понять, что: «Нью-Форест должен был... рассматриваться как национальное достояние; и что, поскольку интересы простолюдинов, которые требовали полного и свободного пользования своими общими правами, и общественности, которая желала сохранения леса как национального парка непревзойденной красоты, были идентичны и не антагонистичны, такие интересы не должны считаться подчиненными каким-либо текущим преимуществам, которые могло бы получить государство»⁵⁶¹.

В 1871 году в редакционной статье в «*Таймс*» отмечалось, что: «законопроект [о Нью-Форесте] существенно затрагивает интересы третьей стороны, само существование которой в нем игнорируется... Нация в целом является реальным владельцем Нью-Фореста... Прежде всего, парламент должен подумать о том, не стоит ли поддерживать этот уникальный национальный парк, столь богатый пейзажами, которые быстро исчезают из Старого Света, даже, если понадобится, ценой некоторых денежных затрат»⁵⁶².

Неогороженный лес ценился не только как место отдыха: это был «единственный район в Англии, доступный для обучения и маневрирования больших масс войск»⁵⁶³. В 1882 году Джон Уайз назвал Нью-Форест «парком нации», а в 1891 году Бриско Эйр описал его как «национальный парк уникальной красоты... и домом для процветающего населения мелких фригольдеров и кустарных фермеров, не имеющих себе равных в других местах»⁵⁶⁴. В 1902 году К. Дж. Корниш, естествоиспытатель, основавший журнал «*Country Life*», назвал его «национальным лесом», который, вместе с рекой Темзой, «национальным водным потоком», должен «контролироваться попечителями с таким статусом и положением, чтобы их решение по вопросам вкуса и целесообразности управления и поддержания природных благ не вызывало сомнений»⁵⁶⁵. В 1909 году Вердереры участвовали в длительном споре с Управлением лесного хозяйства по поводу

---

⁵⁶⁰Wallace Stegner, 'The Best Idea We Ever Had', *Wilderness* 46 (1983), p. 4; Frederick Law Olmsted, *Yosemite and the Mariposa Grove: A Preliminary Report*, 1865 (repr. 2009).

⁵⁶¹Henry T. J. Jenkinson, *The New Forest: the preservation of the old timber, the open commons and common rights in the New Forest, a matter of national interest* (1871), p. 4.

⁵⁶²The Times, 17 Apr. 1871.

⁵⁶³Jenkinson, *New Forest*, pp. 3–4.

⁵⁶⁴NFHC, CTL2016.1.82, Mortimer Collection, Draft letter by G. E. Briscoe Eyre, 16 Jan. 1891

⁵⁶⁵J. R. Wise, *The New Forest: its history and scenery* (1862, artist's edition, 1882), Preface to the artist's edition, p. x; C. J. Cornish, *The naturalist on the Thames* (1902), pp. 254–5; id., *The New Forest* (1894); Andrew Goudie, 'Vaughan Cornish: Geographer', *Trans. Institute of British Geographers* 55 (1972) pp. 1–16.

использования леса для военных маневров, жаловался на то, что Управление «игнорирует... политика отношения к Новому лесу как к национальному парку... Безразличие [Управления лесов] к зарастанию открытого леса вереском, дроком и мусором, а более очевидно — проростками шотландской пихты... представляет собой постоянную угрозу для возможностей наслаждения им публикой»⁵⁶⁶.

Но одно дело – применять термин «национальный парк» к определенной части ландшафта, и совсем другое – представлять, как американская идея национальных парков, подобных Йеллоустоуну, созданного в 1872 году, может быть реализована в густонаселенной, интенсивно возделываемой Британии. В 1910 году в одной из статей отмечалось, что, хотя швейцарцы недавно создали национальный парк, в котором могут быть сохранены «все характерные виды диких животных, птиц и растений, которые желательно сохранить», «мы не можем в этой стране выделить ни одной территории для сохранения всех наших самых редких и красивых видов». Но, заключил автор, «нет никаких оснований препятствовать тому, чтобы мы предоставляли им столь же полную защиту на более широкой основе»⁵⁶⁷. Таким образом, идея создания многочисленных природных заповедников утвердилась.

В 1924 году управление лесом взяла на себя недавно созданная Комиссия по лесному хозяйству⁵⁶⁸. В январе 1926 года его председатель, лорд Ловат, выступил с речью, в которой изложил политику пополнения запасов гниющих старых лесов (к которым у них не было никаких обязательств), что включало бы в себя недопущение пастбищных животных, чтобы леса могли восстанавливаться естественным образом⁵⁶⁹. Спор о том, как обращаться со «старыми лесами», не утихает с 1880-х годов, когда Оберон Герберт основал Общество защиты старых лесов Нью-Фореста, которое «выступало за политику «Оставь в покое». Но политика Комиссии, одобренная в 1925 году Хейвудом Самнером в его президентском обращении к Борнмутскому обществу естественных наук, заключалась в том, что нет никаких оснований для того, чтобы «оставить болезнь в покое»: для лесов без защитного подлеска необходимо было «заново зарыбить (путем огораживания)», чтобы «древние декоративные леса и деревья были тщательно сохранены, а характер пейзажа был сохранен»⁵⁷⁰.

Новая политика гарантированно вызвала недовольство на местном уровне, и в 1927 году Барбара, леди Стивен, у которой был загородный дом в Хейле, обратила внимание всей страны на то, что «прохожий теперь огорчается, видя, что на одном конце этого леса расчищено большое пространство и что земля усыпана стволами высоких старых деревьев. Если мы хотим спасти сельскую Англию, то, конечно, нет ничего более достойного сохранения, чем эти великолепные леса в национальном лесу. В ответ на расспросы мне ответили, что это уничтожение

---

⁵⁶⁶ CTL2016.1.91.2, Mortimer Collection, Typescript headed 'New Forest', n.d. but late 1909 or early 1910.

⁵⁶⁷ The Times, 11 Apr. 1910.

⁵⁶⁸ George Ryle, *Forest Service: the first forty-five years of the Forestry Commission of Great Britain* (1969), p. 152

⁵⁶⁹ Sumner, 'New Forest and old woods', p. 52.

⁵⁷⁰ NFHC, CTL2016.1.48, Mortimer Collection, *The New Forest*, unpubl. booklet containing correspondence between Mr Gerard [sic] Lascelles and Mr Auberon Herbert (n.d. but c.1888); Sumner, 'New Forest and old woods', pp. 52–3, 58.

является частью схемы лесного хозяйства, приносящего прибыль»⁵⁷¹.

Комиссия заявила, что указанная вырубка была обычным делом и что срубленные ими взрослые деревья будут немедленно заменены⁵⁷². Но именно эту древесину 45 лет назад комиссар по лесам сэр Генри пообещал сохранить в его первоначальном состоянии и характере», – напомидало письмо читателям «Таймс», добавляя: «Желает ли нация, чтобы ее великолепный национальный парк управлялся в соответствии с принципами, заложенными в 1882 году, или в соответствии с экономическими принципами 1927 года?»⁵⁷³. Перед лицом этой катастрофы в области связей с общественностью в марте 1927 года Комиссия предложила NFA, по согласованию с Вердерерами, выдвинуть кандидатуру шести человек для участия в Консультативном комитете по Новому лесу. Чтобы отразить национальную важность этого района, в Комитете также были представлены Общество сохранения общин и пешеходных дорожек (CFPS) и Национальный фонд⁵⁷⁴. Выступая от имени Комиссии, лорд Ловат заявил, что «существуют определенные области, которые он считает имеющими национальное значение... Эти участки следует обрабатывать с точки зрения поддержания их красоты... Они [Комиссия] были готовы, в определенных пределах, тратить деньги для того, чтобы поддерживать нынешний уровень красоты»⁵⁷⁵. Комиссия завершила Консультативный комитет по Новому Лесу в том, что «общественность имеет свободный доступ к открытому лесу и всем огораживаемым территориям... Ежегодно выдаются многочисленные бесплатные разрешения на въезд в лагерь». Кроме того, были разрешены охота и стрельба, на пустыре было «3 поля для гольфа, крикета и футбола», а лес по-прежнему использовался для военных учений⁵⁷⁶. Таким образом, Комиссия по лесному хозяйству признала, возможно, с опозданием, что Нью-Форест был не просто частью ее владений, а частью национального наследия.

С начала века NFA постепенно приходила в упадок, но 30 апреля 1927 года она провела собрание в Брокенхерсте, на котором присутствовало более 400 человек. CFPS оказала свою поддержку Ассоциации, назвав Нью-Форест «крупнейшим и наиболее ценным в стране национальным парком уникальной красоты»⁵⁷⁷. NFA обязалась «всеми законными средствами противостоять любой политике или системе лесного хозяйства, продиктованной коммерческими или экономическими соображениями, которые рассчитаны на уничтожение или уменьшение природной красоты или удобств леса». На заседании нового Консультативного комитета в мае 1927 года были приняты две резолюции: одна была представлена Вердерерам, «осуждая запирающие огораживающих ворот и выражая сожаление по поводу уродства, вызванного открытием гравийных карьеров для ремонта автомагистралей», а другая –

---

⁵⁷¹ The Times, 21 Feb. 1927.

⁵⁷² The Times, 22 Feb. 1927.

⁵⁷³ The Times, 1 Mar. 1927, letter signed by Frank Willan, Arthur Hugh Clough, Arthur W. E. Prothero and Lord Manners

⁵⁷⁴ Hampshire Record Office (hereafter, HRO), 49M98W/84/9, NFA, Annual Report, 1928, pp. 7–8. The Committee was still meeting in 1947 (Forestry Commission, Report of the New Forest Committee (1947), p. 75

⁵⁷⁵ The Times, 3 Mar. 1927. Anthony Pasmore, *Verderers of the New Forest: a history of the Forest, 1877–1977* (1977), p. 153.

⁵⁷⁶ NFHC, LYHNF2016.693, L. C. Southern, 'New Forest Papers: The Forestry Commission's Statement to the New Forest Advisory Committee' (unpubl. typescript, c.1927), p. 6. Underlining as in original

⁵⁷⁷ HRO, 49M98W/84/9, NFA, Annual Report, 1928; Roberts, *Saving the New Forest*, p. 70; The Times, 2 May 1927.

Комиссии, «выражая мнение, что Нью-Форест следует рассматривать в первую очередь как национальный парк и заповедник флоры и фауны»⁵⁷⁸. В меморандуме, датированном июнем 1927 года двумя членами Комитета, лордом Монтегю, президентом NFA, и мисс Пенелопой Эйр (сестрой Г. Э. Бриско Эйра, члена-основателя NFA), подчеркивалось, что «нынешняя политика Комиссии по лесному хозяйству, если она будет упорствовать, разрушит красоту Нью-Фореста... Замена лиственных пород деревьев хвойными деревьями... наносит ущерб фауне и флоре, и в конечном итоге уменьшит, если не уничтожит, очарование Нового леса». Далее отмечалось, что «дубовые плантации Вильгельма III... теперь находятся под угрозой уничтожения и замены елями, а также лечения со стороны лесника» ... Среди срубленных деревьев около 20 тисов – великолепных старых деревьев. Это результат нынешней радикальной политики вырубki квадратов независимо от того, какая декоративная, редкая или старая древесина здесь есть»⁵⁷⁹. В меморандуме было высказано предположение, что «лес может быть передан Управлению работ... [так] чтобы красота больше не приносилась в жертву экономическим соображениям, и чтобы современное лесное хозяйство, научное или иное, практиковалось [sic] в других местах»⁵⁸⁰. В газете «Таймс» лорд Монтегю подверг критике политику нового руководства и противопоставил ее тому, что, по его мнению, «Ассоциация Нового леса и... подавляющее большинство общественности, а также важные национальные органы, которые разделяют наши взгляды, хотели, чтобы «к Нью-Форесту относились в первую очередь как к великому национальному парку, в котором сохранение красоты и удовольствие публики должны быть главным, а не второстепенным соображением». Комиссия, по его словам, «имеет 300 000 акров земли для освоения в других местах. Пусть он изменит свою нынешнюю политику или предоставит Нью-Форесту в распоряжение тех, кто действительно симпатизирует его национальному характеру»⁵⁸¹. В ответ мистер Ф. К. Осмастон спросил: «Кто будет готов платить за эту роскошь?»⁵⁸² Ответ был таков: «те же самые люди, которые в настоящее время вынуждены платить за неконтролируемые капризы коммерческого лесника на этих островах», многие из которых готовы внести свой вклад в покупку открытых пространств «для удовольствия общества»⁵⁸³. В самом деле, право собственности короны на лес было приведено Пенелопой Эйр как «один из главных аргументов в пользу сохранения леса как национального парка, который обычно игнорируется, а именно значительное количество капитала, которое ежегодно должно быть затрачено на «экономии», то есть на покупку красивых мест для общественного отдыха». Она продолжила: «Конечно... в осознании быстроты, с которой Лондон простирает свои щупальца по сельской местности, сохранение прекрасного Нового леса, который находится всего в 80 милях от Лондона, когда не нужно тратить ни копейки капитала, является

---

⁵⁷⁸ HRO, 49M98W/84/9, NFA, Annual Report, 1928, p. 4.

⁵⁷⁹ NFHC, LYHNF2016.692, New Forest Papers: Notes on enclosures and some recent cuttings by Lord Montagu and Miss Eyre (unpubl. typescript, c.1927).

⁵⁸⁰ Ibid.

⁵⁸¹ The Times, 22 June 1927.

⁵⁸² The Times, 24 June 1927. He appears to have been the son of L. S. Osmaston, Deputy Surveyor, 1925–31.

⁵⁸³ The Times, 6 July 1927.

единственной разумной политикой, которую следует проводить»⁵⁸⁴. В палате лордов Монтегю красноречиво говорил о необходимости сделать Нью-Форест национальным парком Управления общественных работ: «Я верю, что, когда Англия узнает [о политике вырубки старых деревьев], она будет протестовать в гораздо более решительных выражениях, чем я это делал сегодня, против того, что является национальным бедствием»⁵⁸⁵. В ответ лорд Клинтон, который недавно сменил лорда Ловата на посту председателя Комиссии по лесному хозяйству, возразил, что «всего в лесу насчитывается около 45 000 акров, которые уже входят в состав национального парка. Единственная забота, которую нам позволено проявлять в этом районе леса – это время от времени вывозить достаточное количество сухостоя, чтобы снабжать простолюдинов топливом»⁵⁸⁶.

В январе 1928 года, после еще двух заседаний, члены комиссии приняли рекомендации об особом обращении с территорией, охватывающих в общей сложности 1181 акр. В одних случаях было решено обращаться с этим лесным массивом с особым вниманием, а в других случаях было принято обязательство не производить никаких рубок в течение десяти лет»⁵⁸⁷. Доказательство того, что Комиссия осознавала важность удержания общественности на своей стороне, было продемонстрировано Дэвидом У. Янгом, тогдашним заместителем инспектора леса Дина, который написал в 1928 году, что «было бы ошибкой пытаться исключить общественность из лесных районов Комиссии», даже несмотря на то, что дополнительные пожарные патрули требовались в праздничные дни и в дни раннего закрытия⁵⁸⁸. Интересно, сколько времени понадобилось для того, чтобы важность ценности просочилась через всю организацию: в 1925 году в статье в «Журнале Комиссии по лесному хозяйству» под названием «Шестьдесят лет спустя: призыв к более правдивой перспективе» вообще не упоминалось о «удобствах»⁵⁸⁹.

IV

Споры о сохранении благоустроенности Нью-Фореста вновь привлекли внимание общественности к вопросу о национальных парках в Великобритании. В 1925 году лорд Бледислоу выдвинул проект национального парка для леса Дин, что спровоцировало Комиссию по лесному хозяйству на обсуждение идеи лесных парков⁵⁹⁰. Через пять дней после того, как лейбористы вернулись к власти в июне 1929 года, Бледислоу снова написал о «настоятельной необходимости создания Национального парка для Британии (не только как заповедника дикой фауны и флоры, но и как здорового и спокойного летнего курорта для утомленных рабочих в наших переполненных городах)». В результате был назначен Комитет по национальным паркам во главе с Кристофером Эддисоном, который впервые

---

⁵⁸⁴ The Times, 8 July 1927.

⁵⁸⁵ Parliamentary Debates, Lords, Fifth ser. 68, cols. 194, 196.

⁵⁸⁶ Ibid., cols. 205–6.

⁵⁸⁷ HRO, 49M98W/84/9, NFA, Annual Report, 1928, p. 11.

⁵⁸⁸ Quoted in John Sheail, *An environmental history of twentieth-century Britain* (2002), p. 94.

⁵⁸⁹ A. D. Hopkinson, 'Sixty years hence: a plea for a truer perspective', *J. Forestry Commission* 4 (1925), pp. 27–9. Neither does 'amenity' appear in the index to the Commission's own centenary history: Gambles (ed.), *British forests*

⁵⁹⁰ TNA, F 19/9, clipping from *Dean Forest Guardian*, 27 Nov. 1925.

собрался 10 октября 1929 года⁵⁹¹. Но, несмотря на то, что в апреле 1927 г. на собрании «единогласно и с большим энтузиазмом» была принята резолюция о том, что «Нью-Форест в силу его уникального характера и природных особенностей должен быть сохранен как национальный парк, а не как лесная территория для коммерческого использования», а в 1928 г. «что единственной целью его управления должно быть сохранение его красоты и интереса, а также поддержания всех его удобств для использования и наслаждения нации», NFA не смогла представить убедительные доказательства Комитету Аддисона, возможно, из-за разногласий среди членов.

В 1927 году казначей NFA, полковник Мансел-Джонс, считал «желательным, чтобы в качестве национального парка... единственной целью выступало сохранение благ леса и постепенное уничтожение тех чужеродных деревьев, которые были завезены из чисто коммерческих побуждений», а Афина Клаф (дочь Артура Хью Клафа) доказывала, что, поскольку «уполномоченные по лесному хозяйству не свободны, они... находятся под пристальным контролем Казначейства. Нью-Форест должен управляться органом, который может свободно следовать другой политике». Но были и те члены, которые были лояльны Комиссии, такие как Хейвуд Самнер, который утверждал, что ушел из Ассоциации, потому что он был «скромным сторонником Уполномоченных по лесному хозяйству в качестве королевского уполномоченного в Нью-Форесте»⁵⁹².

Были и другие несогласные голоса по вопросу о том, как сохранить лесную территорию. Лорд Монтегю утверждал в своем памфлете, что невозможно «спасти старые леса» и предположил, что естественное возобновление может быть достигнуто без помощи человека: «Вряд ли, если вообще когда-либо, вы видите... саженцы без естественной защиты из колючей проволоки поблизости, ежевика, колючка, куст пушистого кустарника или остролист, защищающие от укусов животных», подразумевают, что в ограждении нет необходимости⁵⁹³. Х. Х. Хейнс, вышедший на пенсию из Индийской лесной службы, подчеркнул, что «любителям природы важно обратить внимание на то, что последние тренды рассчитаны не на то, чтобы сохранить Нью-Форест как природный заповедник, а создать из него удобный уголок для скота и пони, что может привести к разрушению всего его природного разнообразия, которое мы можем наблюдать сейчас»⁵⁹⁴.

В 1930 году Воган Корниш, член Совета по защите сельской Англии (CPRE), включил Нью-Форест в список 14 возможных национальных парков⁵⁹⁵. Он также был предложен в качестве возможного национального парка рядом фигур в комитете Аддисона. Патрик Аберкромби поддержал его включение, а лорд Эдинбурга назвал его вместе с Шварцвальдом «иллюстрацией идеальной формы развития»; Центральный комитет по законодательству о лагерях предположил, что «правила, принятые Комиссией по лесному хозяйству, регулирующие кемпинг в Нью-Форесте,

---

⁵⁹¹ The Times, 10 June 1929; TNA, HLG 52/717; C. Addison, Report of the National Park Committee (Cmnd 3851, 1931) (hereafter, Addison Report).

⁵⁹² HRO, 49M98W/84/9, NFA, Annual Report, 1928; Roberts, Saving the New Forest, pp. 74, 75 and 78; HRO, 49M98W/B4/9, letter to Frank Warren from Heywood Sumner, 24 Oct. 1929.

⁵⁹³ Lord Montagu of Beaulieu, The New Forest and its old woods: a history of certain woods and the story of natural regeneration (1926) (copy in HRO, 46M70.E12).

⁵⁹⁴ NFHC, LYHNF2016.694, H. H. Haines, Letter dated 2 Dec. 1928, small capitals as in original.

⁵⁹⁵ Vaughan Cornish, National parks and the heritage of scenery (1930), map facing p. 5.

могут быть приняты в качестве модели, которую можно изменить» для удовлетворения «потребностей одиноких отдыхающих»; а Британский коррелирующий комитет для Организации «Охраны природы» предложила «меньшие вольеры, такие как в Нью-Форест... в качестве мест для разведения и сохранения как животных, так и растений». Но в меморандуме, опубликованном в отчете Аддисона, Комиссия по лесному хозяйству выразила мнение, что Нью-Форест вместе с лесами Дина и Деламера «в истинном смысле уже являются национальными игровыми площадками, и любая попытка использовать их дальше в этом направлении будет иметь тенденцию противоречащей достижению собственной цели, помимо создания трудностей там, где общинники уже имеют законные права»⁵⁹⁶.

Корниш, будучи председателем Комитета национальных парков Британской ассоциации содействия развитию науки, в 1932 году вновь выступил за статус национального парка для Нью-Фореста⁵⁹⁷. В 1934 году на национальной конференции CPRE в Саутгемптоне председатель Комиссии по лесному хозяйству сэра Рой Робинсон заявил, что «Нью-Форест был самым близким местом, с точки зрения организации процесса, к национальному парку в этой стране», а в следующем году Дэвид Янг, ныне заместитель инспектора Нью-Фореста, назвал его «первым по своей сути национальным парком Великобритании. Его леса и плантации являются неотъемлемой частью его удобств и должны управляться с учетом этого факта». Лесная эстетика, добавил он, «является отдельной отраслью науки или искусства лесного хозяйства, которая имеет жизненно важное значение для государственного лесного хозяйства в этой стране»⁵⁹⁸. Хотя доклад Аддисона оказался жертвой экономического кризиса и был отложен в долгий ящик⁵⁹⁹, он послужил толчком к созданию в 1936 году Совместной постоянной конференции по национальным паркам (SCNP)⁶⁰⁰.

В 1935 году Комиссия по лесному хозяйству признала потребность в отдыхе на природе, создав комитет для расследования того, «как избыточные и непригодные для посадки земли в лесах... может быть использовано в общественных целях»⁶⁰¹. В результате, к началу Второй мировой войны были созданы три национальных лесных парка: в Аргайле, Лесу Дина и Сноудонии⁶⁰². В 1942 году Комиссия, отвечая на вопрос о том, был ли Нью-Форест объявлен Национальным лесным парком или ему предоставляется аналогичная правовая защита, ответила, что он «фактически использовался в качестве национального лесного парка в течение стольких лет, что в настоящее время нет необходимости обозначать его как таковой»⁶⁰³. Позже в том

---

⁵⁹⁶ Addison Report, pp. 66, 67, 92, 105, 112.

⁵⁹⁷ The Times, 11 Nov. 1932.

⁵⁹⁸ The Times, 29 Oct. 1934; David W. Young, 'The New Forest', J. Soc. Foresters of Great Britain 9 (1935), pp. 1–16.

⁵⁹⁹ Clare V. J. Griffiths, *Labour and the countryside: the politics of rural Britain, 1918–1939* (2007), p. 312. It has also been argued that the 'burdens of compensation on planning authorities' in the 1932 T&CP Act rendered it 'a dead letter' (Ann MacEwen and Malcolm MacEwen, *National Parks: conservation or cosmetics?* (1982), p. 7).

⁶⁰⁰ MacEwen and MacEwen, *National Parks*, p. 7.

⁶⁰¹ TNA, F 1/6, Preliminary Draft of Post War Reconstruction Report, 1942, p. 1. In the 1920s large areas of 'high or peaty hill land' were considered unplatable: Ryle, *Forest Service*, p. 47.

⁶⁰² *Ibid.*, p. 2.

⁶⁰³ TNA, F 18/592, Correspondence, Feb. 1942, with Arnold Whittick, architectural historian, who published two articles, 'National Forest Parks', and 'National Parks', both in *Wood* 7 (1942), pp. 77–9 and 140–2.

же году Комитет по национальным лесным паркам (Великобритания) включил Нью-Форест в список возможных парков, но затем исключил его из этого списка⁶⁰⁴. В 1944 году он все еще оставался послевоенным лесным парком: хотя он так и не стал таковым, он рассматривался наряду с другими как полноценной национальный лесной парк⁶⁰⁵.

Таким образом, можно утверждать, что к 1939 году Комиссия по лесному хозяйству частично усвоила повестку доклада Аддисона и выполнила некоторые из его рекомендаций. Только в рамках «послевоенного планирования восстановления» национальные парки начали восприниматься всерьез другими правительственными ведомствами. В 1942 году, после публикации доклада Скотта о сельском землепользовании, который был выдержан в благоприятном для национальных парков и природных заповедников ключе, правительство назначило Джона Дауэра работать над «Предварительным отчетом о национальных парках».

В июне 1943 года он подготовил первый проект отчета, где определил национальный парк как: «обширную территорию красивой и относительно дикой местности, в которой на благо нации и в соответствии с соответствующими национальными решениями и действиями: (а) строго сохраняется характерная красота ландшафта, (б) обеспечивается беспрепятственный доступ и в изобилии имеются возможности для общественного отдыха на свежем воздухе, в том числе, в частности, прогулки по пересеченной местности и по лесным тропам, (в) дикая природа и исторические места надлежащим образом охраняются, при этом (г) эффективно поддерживается устоявшееся сельскохозяйственное использование»⁶⁰⁶.

В данном проекте Дауэр предложил включить двенадцать районов в «группу А – Предлагаемые национальные парки». В этот список вошли Новый лес, которые вместе с лесом Дина и лесом Килдер были «предложены в качестве национальных парков особого типа, которые должны быть созданы по согласованию и сотрудничеству с Комиссией по лесному хозяйству» (Карта 2). В августе все трое все еще были «в группе», но исчезли из группы А до публикации⁶⁰⁷. Они были переведены в Группу С, региональные резервы, «районы, которые могут быть предложены... но, на мой взгляд, вряд ли они будут признаны подходящими для выбора или резервирования для [национальных парков]»⁶⁰⁸.

В сопроводительном письме со своими изменениями Дауэр объяснил, что он пересмотрел свои «рекомендации по району» с призывом (1) сделать претензии на национальный парк несколько более скромными и (2) избежать любого наступления на полномочия комиссии»⁶⁰⁹.

---

⁶⁰⁴ TNA, F 18/592, Draft Report on National Forest Parks and Minutes of Meeting, 20 Oct. 1942.

⁶⁰⁵ F 18/592, Memo from A.C. (E.&W.), 10 June 1944; Forestry Commission, National Forest Parks (1961).

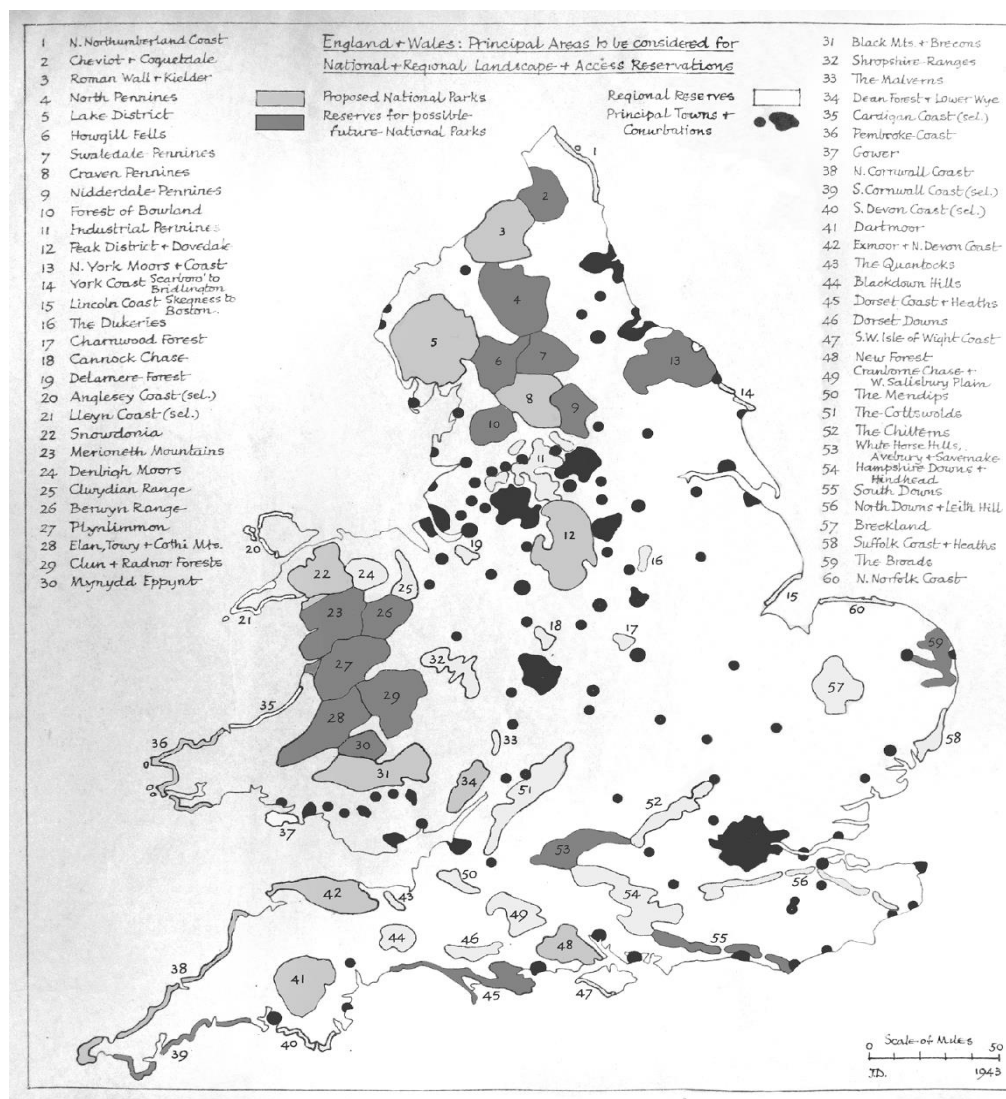
⁶⁰⁶ TNA, HLG 93/55, Paper NP/1, June 1943, p. 2.

⁶⁰⁷ TNA, HLG 93/55, Marked-up NP/1, Nov. 1943, p. 4.

⁶⁰⁸ Ibid., p. 3.

⁶⁰⁹ TNA, HLG 93/55, Covering letter, 21 Oct. 1943.

Карта 2 – Основные районы Англии и Уэльса, которые должны быть рассмотрены для определения национальных и региональных ландшафтов и резерваций доступа. *Источник:* TNA, HLG 93/55 Джон Дауэр, Проект предварительного отчета о национальных парках и связанных с ними вопросах, июнь 1943 года

Он также писал, что ему «следовало бы включить несколько южных или восточных районов в группы А или В, если бы [он] не был разумно уверен в том, что они, вероятно, будут удовлетворительно рассмотрены другими агентствами, в частности Саут-Даунс (окружными и местными властями) и Нью-Форестом (Комиссией по лесному хозяйству)»⁶¹⁰. Но он также отметил, что «Комиссия по лесному хозяйству, как потенциальный конкурент Комиссии по национальным паркам на обширных горных территориях местности и как ценный сторонник целей национальных парков представляет собой особый случай». Во втором проекте своего доклада он заявил, что «взаимовыгодные отношения могут быть установлены и любые конкурирующие претензии могут быть удовлетворительно разрешены, если будут проведены достаточно ранние, откровенные и тесные консультации» между ФК и НПК, при содействии М.Т.С.Р. и М.А.Ф. Это важный и

⁶¹⁰ TNA, HLG 93/55, Marked-up NP/1, Nov. 1943, p. 4.

актуальный, но не обязательно «проблемный» вопрос⁶¹¹. Доклад Дауэра был опубликован в мае 1945 года, но без статуса ведомственного доклада, поскольку правительство не хотело быть связанным его предложениями⁶¹². Однако позже в том же году, при лейбористском правительстве, Льюис Силкин, министр городского и сельского планирования, назначил новый Комитет по национальным паркам под председательством Артура Хобхауса, в который вошел Джон Дауэр.

В августе 1945 года на его первом заседании состоялось обсуждение возможных областей, которые следует рассматривать в качестве дополнений к перечню возможных национальных парков, и было высказано мнение о том, что «Комиссия по лесному хозяйству по совету местного комитета по планированию делала все возможное, чтобы придать отдыху в Новом лесу должное значение, а не просто подчинить его хозяйственному лесоводству. Было решено, что *он находится в надежных руках и что* его объявление национальным парком должно быть отложено до более поздней стадии; в любом случае Комиссия по лесному хозяйству, вероятно, выступит против его рассмотрения Комитетом»⁶¹³.

На следующей встрече Дауэр предложил следующее *исправление*: «вычеркнуть слова «в хороших руках», и добавил в скобках, что он «не думает, что Комитет был или должен быть *удовлетворен положением дел в Нью-Форесте*, хотя [он] согласен с тем, что любое вмешательство, вероятно, было бы неразумным и бесполезным»⁶¹⁴.

Так каково же было «положение дел в Нью-Форесте»? Усилия по обеспечению защиты этого района имели определенное место. В 1938-39 годах неформальный комитет местных чиновников по планированию провел ряд заседаний, в результате чего был подготовлен доклад под названием «Защита Нового леса», который был пересмотрен в 1945 году⁶¹⁵. Было признано, что проблема заключалась *не* в защите открытого пространства, о котором заботились в 1877 году, а в том, что из различных угроз ландшафту и экологии леса наиболее серьезной проблемой было «народонаселение»: рост численности населения был «за последние два-три десятилетия в три или четыре раза больше, чем в среднем по стране». Поэтому оба доклада были очень сильно озабочены ограничением жилищного строительства на территории леса и контролем промышленного развития на востоке, в районе между лесом и Саутгемптон-Уотер. Они также были обеспокоены «воздушными проводами и автозаправочными станциями... [и] рекламой». Добыча полезных ископаемых также представляла угрозу: «в основном гравий, песок и... фарфоровая глина». Они рекомендовали «посадить огороженные участки там, где пригородные районы

---

⁶¹¹ TNA, HLG 93/55, Paper NP/2, Aug. 1943, p. 8.

Underlining as in original. In the final report, the section on the Forestry Commission is much expanded and these words do not appear

⁶¹² Gordon E. Cherry, *Environmental planning, 1939–1969*, II, National Parks and recreation in the countryside (1975), p. 48.

⁶¹³ TNA, HLG 93/3, National Parks Committee, Minutes of 1st Meeting, 1 Aug. 1945. Author's italics.

⁶¹⁴ TNA, HLG 93/38, John Dower, Proposed Corrigenda to Minutes of 1st Meeting of the National Parks Preparatory Committee (1 Aug. 1945), 30 Sept. 1945. Author's italic

⁶¹⁵ TNA, MAF 141/171, Committee of Planning Officers, 'The Protection of the New Forest: Report of the Planning Officers, 1938–1939'; *The Times*, 13 May 1939.

примыкают к лесу»⁶¹⁶. Наконец, существовал фактор дорог: «новая дорога [через лес] в Борнмут... должна была быть сделана безопаснее, быстрее и привлекательнее». Доклад 1945 года заканчивается так: «Мы искренне верим, что при условии решения сложного вопроса о компенсации ни одна из наших рекомендаций не нанесет вреда никому, кроме, возможно, некоторых спекулянтов. Но даже со спекулятивным строительством, как таковым, у нас нет никаких разногласий. Оно может выполнять полезную функцию, но в сельской местности в своей самой безжалостной форме, известной как «сословная» застройка, оно является очень вредным. Существует реальная опасность того, что такого рода жилищное развитие – будь то в самом лесу или в окрестностях, которые мы включили в наш обзор, — может уничтожить лес в том виде, в котором мы его знаем, почти за одну ночь, и в результате мы можем проснуться и обнаружить, что он исчез. Англия многое потеряла из-за рассогласованных действий. Но она не потеряет Новый Лес из-за недостатка в предупреждениях. В конце концов, тот факт, что у человека есть поместье, за счет которого он хочет получить прибыль, не является уважительной причиной для того, чтобы покрыть сельскую местность домами»⁶¹⁷.

Лес, как открытое пространство, был защищен специальным Законом о Новом лесе 1877 года, и местные органы планирования, по крайней мере, на бумаге, стремились защитить его от демографического давления и городского развития. Но было ли этого достаточно? В апреле 1946 года комиссары по лесному хозяйству назначили Комитет Бейкера для продолжения работы сотрудников по планированию и рассмотрению проблемы необходимости «приведения леса в соответствие с современными требованиями»⁶¹⁸. Он заседал одновременно с Комитетом Хобхауза и оба доклада были подготовлены в 1947 году, но было выступали ли они как ответ на доклад Дауэра и параллельный доклад комитета Хобхауза, неясно. Питер Робертс в своей истории NFA предположил, что Комиссия инициировала заседание Комитета Бейкера, чтобы «предотвратить любой риск того, что Комитет Хобхауса сочтет Нью-Форест подходящим для национального парка»⁶¹⁹. «Удобства открытого леса ... представляют различные интересы широкой общественности», – говорится в отчете Бейкера, и не должно допускать ничего, что могло бы превратить дикие пустоши в парк или привело бы к исчезновению любого растения или существа, естественная среда обитания которых находится в лесу. Каждый хочет сохранить лес таким, каким он его знает, но, как правило, настаивая на каком-то особом интересе. Мы не находим ничего непримиримого в конкурирующих заявлениях, сделанных от имени любителей природы и отдыхающих. Тем не менее, мы ставим на первое место сохранение открытого леса как места природной красоты и поддержание среды обитания, которую он обеспечивает для исключительной фауны и некоторых редких растений. Предусмотрев все необходимое для этого мы перейдем к рассмотрению вопроса о том, в какой степени могут быть

---

⁶¹⁶ Noted by Pasmore as being 'taken up and developed for political and financial purposes ... to take shape eventually in the controversial "Verderers' Inclosures"' (Pasmore, Verderers, p. 161).

⁶¹⁷ New Forest Advisory Planning Committee, Protection of the New Forest: Planning Officers' Report -Technical Committee's Revision (1945)

⁶¹⁸ Harold Baker, Report of the New Forest Committee (1947) (hereafter Baker Report), p. 1.

⁶¹⁹ Roberts, Saving the New Forest, p. 133.

удовлетворены требования тех, кто желает использовать его в качестве игровой площадки»⁶²⁰.

В докладе рекомендовалось сделать весь лес природным заповедником «в соответствии со строжайшими подзаконными актами», за исключением дичи, поскольку охота и стрельба по-прежнему практиковались в лесу, хотя и по лицензии⁶²¹. «Придорожные домики», постоянные лагеря отдыха и купальни для посетителей были отвергнуты в пользу кемпингов по следующим причинам: «Намерение [тех, кто предлагал придорожные домики и т. д.] состояло в том, чтобы обеспечить все классы отдыхающих в лесу, и мы решительно осуждаем это. К счастью, есть много классов, для которых лес может доставить удовольствие, но рассматриваемый здесь предложения для отдыхающих могут разрушить мир и покой и нанести вред дикой жизни леса»⁶²².

Это пример того, что Дэвид Матлесс назвал «экологией удовольствий» и «предположением о непреодолимых культурах», в которых различные удовольствия распределяются по разным средам обитания, и некоторые удовольствия – и, следовательно, люди, которые ими наслаждаются – превосходят другие⁶²³. Доклад не ограничивался объездом, а развивал подход офицеров по планированию к охране района к востоку, выражая тревогу в связи с недавним предложением о пятикратном увеличении количества нефти, которая должна быть переработана на нефтеперерабатывающем заводе в Фоули, и соответствующем расширении завода. Расширенные причалы и мелиорация земель также были восприняты как угроза для леса. В результате доклада Бейкера, несмотря на ряд петиций и возражений, Закон о Нью-Форесте 1949 года вступил в силу. Число вердереров было увеличено, и один из них должен был быть назначен «органом, «особо озабоченным сохранением благоустройства сельской местности»⁶²⁴. Но, вопреки рекомендации Бейкера, суд Вердереров «не возложил на него ответственности за охрану природы в лесу»⁶²⁵. Для вердереров Акт 1949 года включал в себя фаустовский пакт. К 1939 году финансовое положение суда было крайне сложным: в банке было всего 37 фунтов стерлингов. Но начало «войны пришло на помощь», и Министерство авиации, и военное министерство должны были выплатить компенсацию за использование леса для бомбардировщиков, аэродромов и других военных целей.

Все эти чрезвычайные виды использования отменяли Закон о Нью-Форесте 1877 года, но у Вердереров не было другого выбора, кроме как молчаливо согласиться с этим и получить компенсацию; протоколы того времени «становятся

---

⁶²⁰ Baker Report, pp. 56–7.

⁶²¹ Ibid., p. 60.

⁶²² Ibid., pp. 64–5. We will never know what the ‘roadhouse ... half-way between Cadnam and Ringwood on the Trunk Road’ might have been like, but David W. Guzke, in ‘Improved pubs and road houses: Rivals for public affection in interwar England’, *Brewery Hist.* 119 (2005), pp. 2–9, describes ‘the Thatched Barn [Herts.], a roadhouse of unmatched splendour offering

“deluxe social and sporting facilities on the grand scale”. To woo adventurous motorists, the Barn offered a diverse range of unorthodox entertainment – gymnasium, shooting gallery, sports field, squash courts, and games rooms ... Risqué, pioneering novel types of leisure activities and class specific, the roadhouse evoked slightly wicked leisure outings by the propertied classes which through drinking, dining and dancing defied the reality of the dismal 1930s’.

⁶²³ David Matless, ‘Moral geographies of English landscape’, *Landscape Res.* 22 (1997), pp. 152–3.

⁶²⁴ Initially the CPRE, later replaced by the Countryside Commission: Tubbs, *New Forest*, p. 92, quoting from and referring to *New Forest Act, 1949*

⁶²⁵ Pasmore, *Verderers*, p. 181.

все более неполными и трудными для интерпретации», и поэтому нет никаких записей о встрече с Комиссией, на которой, должно быть, обсуждалось разрешение на дополнительные деревянные ограждения в обмен на денежные выплаты в качестве средства финансирования суда⁶²⁶. Полномочия вердереров по предоставлению лесозаготовительных, а также сельскохозяйственных огороживаний были закреплены в Законе 1949 года. Беркли Пиготт, позже сам вердерер, писал, что, поскольку он разрешает «еще 8 000 акров быть огороженными для лесного и сельского хозяйства», этот Закон о новом лесе *не* «защитит национальное наследие, но дальше... испортит его»⁶²⁷.

Несмотря на то, что в докладе Бейкера около десятой части страниц было посвящено различным «удобствам», в 1954 году майор Генри Джервуаз из Херриард-Парка написал Кэтрин Кеньон из CPRE, что «Комиссия по лесному хозяйству на самом деле не проявляет особого интереса к удобствам: на самом деле очень мало... Функция Комиссии по лесному хозяйству заключается в выращивании древесных деревьев и обеспечении нынешних и будущих потребностей»⁶²⁸. Более того, исключение Нью-Фореста из рекомендаций Хобхауса не позволяло его защите находится в национальной повестке дня на протяжении большей части 1950-х годов.

V

В 1959 году Комиссия по лесному хозяйству и Охране природы подписала соглашение о признании леса «важным природоохранным статусом»⁶²⁹. В том же году Комиссия по национальным паркам (КНП) выдвинула предложение о присвоении статуса Новому лесу и побережью Солент – включая северо-западное побережье острова Уайт – как район выдающейся природной красоты (AONB). Предложение хорошо вписывалось в план развития Хэмпшира, который включал превращение прибрежной зоны в зеленый пояс, и совет графства неофициально согласился с ним. Однако, когда к нему обратились представители ВСНП, официальный представитель Вердерера, полковник Дж.Б. Скотт, написал: «Я очень сомневаюсь... что Комиссия по национальным паркам имеет какую-либо юрисдикцию над Нью-Форест. Как вы знаете, это земля Короны, поэтому я думаю, она стоит сама по себе». Скотт был разубежден в этой точке зрения, но как только суд собрался, он ответил, что назначение AONB (даже с учетом связанного с этим 75% гранта на «определенные мероприятия по благоустройству») «не принесет никакой практической пользы лесу, поскольку вся [наша] деятельность направлена на поддержание [его] как места красоты». Лорд Раднор, председатель Комиссии по лесному хозяйству, «от всего сердца согласился» с Вердерерами. Последствия определения «территории, состоящей в основном из земель Короны» были поставлены под сомнение на том основании, что «Корона не подлежит обычному

---

⁶²⁶ Ibid., pp. 163–4

⁶²⁷ The Times, 21 Feb. 1949.

⁶²⁸ HRO, 38M74/2/8, copy of letter, written on 13 Aug. 1954 by Jervoise, sent by Kenyon to the Official Verderer, 15 Nov. 1968. Underlining as in original

⁶²⁹ Tubbs, New Forest, pp. 97.

планировочному контролю»⁶³⁰. Поэтому попытка создания AONB была прекращена в 1962 году, несмотря на то, что предложение имело более широкий охват, чем территория, находящаяся под защитой Вердереров и Комиссии по лесному хозяйству. Они не могли предотвратить застройку на прилегающих окраинах или на землях, находящихся в частной собственности, которые составляли треть территории, на которой строилось много жилья, в результате чего части леса стали пригородами. Таким образом, была упущена возможность управлять более крупным ландшафтом (Карта 1).

Рисунок 3 – Окнеллская равнина в 1960-х годах. Вождение, парковка и кемпинг были разрешены везде в Открытом лесу (т.е. за пределами вольеров Комиссии по лесному хозяйству).

Источник: Листовка под названием «Новый лес: сможет ли он выжить?»

К середине 1960-х годов было признано, что «больше денег, больше досуга и, прежде всего, больше автомобилей» — девять миллионов из них в 1966 году, а к 1980 году ожидается их увеличение до 26 миллионов – представляют угрозу для национальных парков и других обозначенных территорий (рисунки 3, 4, 5)⁶³¹. Закон о Новом лесу 1964 года расширил полномочия заместителя инспектора по управлению благоустройством, позволив ему делать больше для поддержания древних и декоративных лесов, создавать ограждения для удобств, таких, как защита от «растущей массы уродливых промышленных разработок» на востоке, и создавать рекреационные кемпинги в открытом лесу⁶³². В законе указывалось, что они и жители Вердерера должны «учитывать желательность сохранения флоры, фауны и геологических и физико-географических особенностей, представляющих особый

⁶³⁰ See the papers in TNA, COU 1/1446, Public local inquiry on June 24th 1959: Proposals for alterations or additions to the Development Plan for Hampshire. Statement on behalf of the National Parks Commission; Letter from G. B. Wheatley, Clerk of the County Council to the National Parks Commission, 13 Mar. 1961; 'Hampshire Plan For Green Belt Along Whole Coast', cutting from The Times, 17 Nov. 1958; Letter from Col. J. B. Scott to J. R. B. Ferguson, 6 Nov. 1961; Letter from J. R. B. Ferguson to Col. J. B. Scott, 13 Nov. 1961; Letter from Lord Radnor to Lord Strang, 24 Jan. 1962; Memo from P. W. Cashell to HMM, 14 Feb. 1962

⁶³¹ Leisure in the Countryside: England and Wales, Cmnd 2928 (1966), pp. 4, 6.

⁶³² Ryle, Forest Service, p. 152.

интерес», что накладывает ограничения на коммерческое лесоводство⁶³³.

Закон о Новом Лесе 1970 г. гарантировал, что с жителями Вердерера будут консультироваться по поводу любых объектов для отдыха, предложенных Комиссией в соответствии с Законом о сельской местности 1968 г., который также уполномочивал ее не только предоставлять такие объекты на своей земле, но и «сажать деревья, ухаживать за ними в интересах благоустройства»⁶³⁴. Однако Нью-Форест страдал: «Почва под деревьями становилась настолько подверженной влиянию автомобильного движения, что даже взрослые экземпляры умирали»⁶³⁵. В 1966 году в докладе Бьюкенена по Южному Гемпширу было рекомендовано «создать Новое лесное управление, представляющее все основные органы власти и организации, которые действительно заинтересованы в этой уникальной области и заботятся о ней»⁶³⁶.

Как и в случае с идеей AONB, Вердереры были оскорблены предположением Бьюкенена о том, что «вопрос о рекреации настолько важен, что его нельзя охватить на местном уровне», они знали, что для доверия и авторитета необходим их ответ, и они составили меморандум о «общественной нагрузке на лес»⁶³⁷.

Рисунок 4 – Ущерб, нанесенный транспортными средствами в Открытом лесу в 1960-х годах

В нем они подчеркивали взаимозависимость лесного хозяйства, общинников и общественности, указывали, что последняя является «единственной из трех заинтересованных сторон (за исключением отдыхающих), которая не вносит материального вклада в поддержание леса». Более того, пастбища простолюдинов были повреждены общественным давлением, что поставило под угрозу общинное

⁶³³ New Forest Act, 1964.

⁶³⁴ Tubbs, *New Forest*, pp. 94–7; *Countryside Act 1968*.

⁶³⁵ Colin Buchanan and Partners, *South Hampshire Study: Supplementary Volume 2* (1966), p. 130.

⁶³⁶ *Ibid.*, p. 148.

⁶³⁷ HRO, 38M74/1/2, annotated clipping from *Lymington Times*, 18 Feb. 1967, 'Buchanan v. Verderers: Professor is still unrepentant'; Memorandum submitted by the Court of Verderers to the Minister of Land and Natural Resources: *Public Pressure on the New Forest, 1967* (copy in NFHC, N.410)

хозяйство, которое само по себе было необходимо для поддержания характера ландшафта, благоприятного для взора публики⁶³⁸. Тесное сотрудничество с Комиссией по лесному хозяйству было необходимо для поддержания леса в его нынешнем состоянии, и «Новое лесное управление», как рекомендовано в докладе Бьюкенена, «не отвечало бы ни интересам Нового леса, ни нации»⁶³⁹. Исходя из того, что только 11 % посетителей отходят от своих автомобилей, первоочередное внимание должно быть отдано запрету на въезд транспортных средств на большие территории, что должно быть дополнено предоставлением автостоянок и мест для пикников, «как в Канаде», ограничениями скорости, «расчистками» на некоторых дорогах, организованными кемпингами, туалетами, заповедниками и просвещением диких животных, борьбой с мусором. Смотрители, смотровые площадки и контроль количества посетителей в определенных районах и в пиковые периоды («возможно, придется использовать объявления «Полный Новый Лес») финансировались за счет «подушевого гранта». Был признан риск того, что Комиссия по лесному хозяйству может захотеть полностью выйти из управления лесом⁶⁴⁰.

Рисунок 5 – Общественная нагрузка на Нью-Форест в 1960-х годах

Сэр Оливер Кроствейт-Эйр (внук Г. Э. Бриско Эйра), член парламента и

⁶³⁸ Memorandum submitted by the Court of Verderers, pp. 3–4.

⁶³⁹ Ibid, pp. 5, 6.

⁶⁴⁰ HRO, 38M74/1/11, Notes for the Memorandum, jointly made by the Deputy Surveyor and the Verderers' Clerk, 13 Oct. 1966.

избранный вердерер, считал, что лес должен «управляться по тем же принципам, что и канадские национальные парки, где сборы, взимаемые с населения, использовались на благо леса». Малдуин Драммонд (местный землевладелец и избранный вердерер) писал, что «у вердереров недостаточно знаний, чтобы справиться с проблемами, которые могут возникнуть в ближайшие 20 лет», и что они должны обратить внимание на «такие вещи, как методы, используемые в Америке для контроля над американскими национальными парками»⁶⁴¹. В газетной статье Драммонд писал: «Люди, которые живут [здесь], понимают, что уже недостаточно просто надеяться, что время пройдет мимо них, оставив нетронутой одну из последних гаваней мира... Как будто это место потеряло свое сердце и умерло смертью из-за чрезмерного использования, недостаточного ухода и, прежде всего, отсутствия предвидения!»⁶⁴².

Концепция «земли многоцелевого назначения» национальных лесов США, где земля может быть использована для более чем одной цели, включая выпас скота, отдых и производство древесины, упомянутая в беседе в 1968 году земельным агентом округа Хэмпшир С. С. Бонси, основанная на его визите в Америку, должна была найти отклик у Вердереров. В своем резюме выступления они отметили и другие идеи, в том числе ценность устного перевода для «[привлечения] посетителя на сторону руководства» и платы за вход для формирования «уважения к ... площади», а также контроль спроса на «чрезмерно используемые объекты». Они признали, что инвестиции в «привлекательные объекты в правильном месте действуют в качестве магнита» и могут привлечь общественное использование в эти районы, снимая нагрузку на другие места»⁶⁴³. Их интерес к использованию североамериканского опыта свидетельствует об их стремлении найти решения, но вердереры ничего не могли поделать, поскольку их финансирование почти полностью осуществлялось за счет «сборов за маркировку», уплачиваемых простолюдинами: следует ли ожидать, что простолюдины будут финансировать меры по смягчению общественного давления, даже если они, в свою очередь, могут извлечь выгоду? Или же общество должно финансировать простолюдинов, которые, в конце концов, предоставили пони и крупный рогатый скот, «косилку» для ухода за газонами, которые публика находила столь привлекательными? «Единственные люди, которые могут принять меры в отношении открытого леса, – это Комиссия по лесному хозяйству», – писал клерк из Вердерера.

Это люди, которые будут иметь доступ ко всем доступным средствам. С другой стороны, они не могут действовать без согласия Вердереров... Совет графства практически не имеет никакого отношения к открытому лесу, но он очень заботится о деревьях, опушке леса и о том, как ослабить давление путем принятия соответствующих мер за пределами территории»⁶⁴⁴.

Новое лесное управление так и не появилось, но в декабре 1966 года был создан Объединенный руководящий комитет с членами, представляющими жителей

---

⁶⁴¹ HRO, 38M74/2/3, Minutes of Verderers Court, 13 Nov. 1967

⁶⁴² HRO, 38M74/2/5, clipping from Southern Evening Echo, 27 Apr. 1968, 'Changes In The New Forest – With More Visitors', 13 Nov. 1967.

⁶⁴³ HRO, 38M74/2/5, 'The part played by American parks in outdoor recreation', précis of talk given by County Land Agent to the Verderers of the New Forest, 25 Mar. 1968

⁶⁴⁴ HRO, 38M74/2/6, Letter from Verderers' Clerk to Official Verderer, 3 July 1968

Вердерера, Совет графства, Комиссию по лесному хозяйству, Охрану природы и два сельских районных совета – был назначен для достижения цели, сформулированной Бьюкененом, о том, что «уникальность Нового леса должна быть сохранена, ... нахождение баланса между сохранением, необходимым для сохранения этой уникальности... и... эксплуатация в рекреационных целях, с которой в скором времени должны столкнуться такие пространства в этой стране»⁶⁴⁵.

Но в то время, как в 1960-х годах нарастала обеспокоенность по поводу общественного давления, другая угроза – на этот раз изнутри – начинала набирать обороты. В начале 1970 года возник еще один общественный протест против политики Комиссии по лесному хозяйству в отношении широколиственных лесов, когда они начали «прореживать» Rushpole Wood, и в Интернет просочилась «дублирующая выдержка» из Рабочего плана 1963 года⁶⁴⁶. Это разоблачило политику Комиссии по фактическому уничтожению широколиственных деревьев на огораживающих территориях и коммерческой эксплуатации неогороженных лесов. Энтони Пасмор, избранный вердерер, описал это как «беспрецедентную оргию вырубki лиственных пород и посадки хвойных деревьев, которая... особенно сильно ударила по Burley Old (лесу, находившемся в центре спора в 1927 году)»⁶⁴⁷. В результате фурора министр сельского хозяйства Джим Прайор запретил вырубку лиственных пород, и, как и в 1927 году, Комиссия учредила комитет, на этот раз названный Консультативной группой по Новому лесу, который, по словам Колина Таббса, старшего сотрудника Совета по охране природы в Хэмпшире и на острове Уайт, ведущего историка экологии Нового леса, был успешен в уничтожении «многих потенциально опасных идей до того, как они прорастут»⁶⁴⁸. В начале 1971 года Кроствейт-Эйр предложил своим коллегам-вердерерам «отказаться от коммерческого лесоводства. Потому что N[ew] F[orest] не имеет достаточных размеров, чтобы справиться со всеми интересами»⁶⁴⁹. Мандат министра сельского хозяйства, представленный в суд Вердерера в мае, не зашел так далеко: «баланс между коммерческим производством древесины и сохранением, и удобствами должен быть пересмотрен в свете нынешнего состояния общественного мнения в отношении сохранения удобств»⁶⁵⁰. Комиссия по лесному хозяйству приняла вызов, но возложила вину на «общественность, которая ежегодно миллионами стекается в лес и которая, наслаждаясь его удобствами, угрожает превратить его в безрадостный мемориал, мрачное напоминание о способности человека разрушать»⁶⁵¹. Они также признали «важность леса как национального наследия и постановили, что его традиционный характер должен быть сохранен»⁶⁵². В том же году Объединенный

---

⁶⁴⁵ Working Party of the Joint Steering Committee, 'Conservation of the New Forest: Draft', 1970 (copy in NFHC, N.503).

⁶⁴⁶ The Times, 20 Jan. 1970, 3 Mar. 1970, 12 Sept. 1970.

⁶⁴⁷ Anthony Pasmore, Monthly opinion column, 'New Forest Notes', Lymington Times (hereafter, Pasmore, 'Notes'), Dec. 1996; and see his photographs in Tubbs, New Forest, pp. 205–6.

⁶⁴⁸ The Times, 24 Nov. 1970; Tubbs, New Forest, pp. 102–3. The Consultative Panel still meets.

⁶⁴⁹ HRO, 38M74/4/1, Handwritten note, n.d.

⁶⁵⁰ Minutes of Verderers Court, 20 May 1971; NFHC, CTL2019.1.20.27, 'The future management of the New Forest', 3 May 1971.

⁶⁵¹ Forestry Commission, The New Forest: can it survive? (leaflet, n.d., c.1970).

⁶⁵² NFHC, CTL2019.1.20.29, Forestry Commission, 'Conservation of the New Forest: Recommendations accepted', press release, 16 Oct. 1972

руководящий комитет, в котором была представлена Комиссия, опубликовал свои окончательные рекомендации. Рассмотрев две стратегии, «концентрацию» и «рассредоточение», члены комитета остановились на последней, потому что она обеспечила бы тот тип отдыха, которым люди «привыкли наслаждаться... но на контролируемой основе» и требовала меньших финансовых вложений. Результатом стал конец свободного доступа через лес для автомобилей и отдыхающих: с 1976 года зоны, свободные от автомобилей, ограничивали первое, в то время как официальные кемпинги ограничивали второе⁶⁵³.

Несмотря на то, что основное внимание уделялось сохранению самого леса, к концу 1970-х годов Совет графства разрешил строительство «крупномасштабных жилых комплексов высокой плотности» «в Линдхерсте, Брокенхерсте и Свее, а также в Ашхерсте (граница с лесом)»⁶⁵⁴. В 1979 году житель Брокенхерста, обеспокоенный планом строения Юго-Западного Гемпшира, спросил Департамент окружающей среды: «Почему, наряду с Озерным краем, Йоркширскими долинами и т. д., Нью-Форест-Перамбулейшн не был обозначен как «Национальный парк», поскольку его характер, по-видимому, так точно соответствует описанию районов, имеющих право на определение, о чем упомянуто в законе 1949 года». В ответ ему сообщили о попытке присвоить Нью-Форесту статус АОНВ, который, как мы писали ранее, был отложен из-за противодействия со стороны Комиссии по делам вердереров и лесного хозяйства. Как отметил один из чиновников: «К настоящему времени (1979 год) небольшой участок на краю Нью-Фореста был обозначен как часть АОНВ Южного Гемпшира»⁶⁵⁵. В их отчетах нет никаких доказательств того, что Бьюкенен или Объединенный руководящий комитет когда-либо рассматривали вопрос о создании национального парка для Нью-Фореста, и Вердереры, по-видимому, не думали, что национальный парк может стать ответом на их проблему финансирования, возможно, потому, что в этот период помощь центрального правительства существующим национальным паркам сокращалась⁶⁵⁶.

Осознание необходимости сохранения более широкой ландшафтной территории росло, и в 1984 году, с целью избегания будущего негативного влияния, районный совет Нью-Форест определил территорию наследия Нового леса и принял специальную политику планирования для ее защиты. Как и территория, предложенная чиновниками по планированию в 1938 и 1945 годах, она включала в себя окраинные районы за пределами леса, а также земли, не принадлежащие короне, и расширила определение «Нового леса» на Тестовую долину и даже через границу графства в Уилтшир. Этот шаг был положительно воспринят NFA, поскольку он определил «около 200 квадратных миль леса и его сельской местности, окружающей территорию, как охраняемую зону зеленого пояса, в которой

---

⁶⁵³ New Forest Joint Steering Group, *Conservation of the New Forest* (1970), p. 13; Tubbs, *New Forest*, pp. 99–100; Forestry Commission, *New Forest Management Plan, 1972–1981: Inclosed and Open Forest* (rev. 1973); *The Times*, 6 July 1972.

⁶⁵⁴ Tubbs, *New Forest*, p. 103.

⁶⁵⁵ TNA, COU 1/1446, Letter from Ian Mackenzie to Dept of the Environment, 31 Dec. 1979; R. G. Woolmore, *Landscape Adviser*, to Mackenzie, 21 Feb. 19[80].

⁶⁵⁶ John Blunden and Nigel Curry (eds), *A People's Charter? Forty years of the National Parks and Access to the Countryside Act 1949* (1989), p. 104.

должна применяться самая строгая политика сохранения»⁶⁵⁷. В 1986 году Комиссия по сельской местности в своих руководящих принципах по оценке ландшафта «совершенно ясно показала, что естественная красота связана не только с визуальными качествами ландшафта, такими как форма и цвет, но и с тем, что на нее очень сильно влияют человеческие ассоциации и национальные чувства». В особенности это относилось к равнинным ландшафтам, характер которых был обусловлен скорее различиями в историческом развитии, чем топографическими особенностями⁶⁵⁸. Национальное, да и международное значение ландшафта Нового леса и его экологии теперь было признано, и организациям, как внутри, так и за пределами леса, стало очевидно, что необходимо что-то предпринять, чтобы обеспечить ему большую защиту. В 1986 году Комиссия по лесному хозяйству учредила еще один орган, Группу по обзору новых лесов, наиболее важным выводом которой было то, что общинное хозяйство, необходимое для поддержания характера ландшафта, находится в упадке, как из-за его нерентабельности, так и из-за высокой стоимости недвижимости: «Именно выпас скота является единственным существенным элементом, поддерживающим ландшафт. Поддержка существующей системы общин является не только самым дешевым, но и наиболее эффективным способом сохранения ландшафта»⁶⁵⁹.¹³² В докладе, опубликованном в 1988 году после консультаций с общественностью, было рекомендовано, чтобы территория наследия, определенная районным советом Нью-Форест, «получила законодательный статус, сопоставимый с точки зрения планирования с национальным парком», с консультативным комитетом из шести местных органов планирования, а не с единым управлением национального парка, которое они сочли «неуместным и чрезмерно бюрократическим»⁶⁶⁰. Защищая группу по обзору, ее председатель Дэвид Перри (заместитель геодезиста в 1985–1992 гг.) сказал: «Национальный парк – это несколько неподходящее слово, и концепция его устарела»⁶⁶¹. Но Питер Фрост, тогдашний директор местного отделения CPRE, чувствовал, что возможность обеспечить «управление, направленное конкретно на сохранение ресурсов» была упущена. CPRE признала, что законодательство о защите леса превосходит законодательство о национальных парках из-за уникального права вето вердереров на развитие, и предложила, чтобы право вето вердереров было распространено на всю территорию наследия⁶⁶². Ассоциация Рамблеров также подвергла критике предложенный комитет за то, что у него «нет ни полномочий, ни персонала, ни финансов, о которых стоит говорить», и призвала сделать лес национальным парком, что «придало бы земле европейский статус, с соответствующим финансированием» и защитой от приватизации, которая была распространена в других частях страны. Ramblers предложили создать национальный парк, управляемый

---

⁶⁵⁷ Roberts, *Saving the New Forest*, p. 130; NFA, *Annual Report*, 1984, p. 4 (copy in NFHC, N.281).

⁶⁵⁸ Land Use Consultants, *New Forest Heritage Area: Proposed boundary, draft report*, June 1991, p. 5 (copy in NFHC, N.228).

⁶⁵⁹ Report of the New Forest Review Group (1988), p. 13 (copy in NFHC, N.227).

⁶⁶⁰ Tubbs, *New Forest*, p. 103; *The Times*, 21 Mar. 1990. Report of the New Forest Review Group.

⁶⁶¹ NFHC, CTL2019.1.21.12, Justin Strong, 'Forest groups angry at park call', clipping from unknown newspaper, 6 Nov. 1989; NFHC, CTL2019.1.21.11, clipping from *The Reporter* (Forest edn), 9 Nov. 1989

⁶⁶² NFHC, CTL2019.1.21.27, clipping from unknown newspaper, n.d.; CTL.1.24.24, clipping from *New Forest Post*, 26 Jan. 1989; CTL2019.1.24.98, extract from CPRE New Forest Branch Resolution, 11 Sept. 1989

советом по планированию, подобным тому, который существует в Национальном парке Пик-Дистрикт, в котором 50 % членов назначаются местными властями, а 50 % — государственным секретарем по вопросам окружающей среды, чтобы представлять широкий круг интересов. Это позволило бы избежать «фундаментальной ошибки», допущенной в 1950-х годах с восемью из десяти первоначальных парков (включая Йоркшир-Дейлс), где местные власти сохранили ответственность за планирование, а комитеты по паркам были только консультативными⁶⁶³. Колин Таббс, выступая от имени Совета по охране природы, был обеспокоен тем, что управление неизбираемой властью обеспечит меньшую, а не большую защиту окружающей среды и поставит под угрозу будущее общин.

В марте 1990 года в глянцево-м издании под названием «*Будущее Нового леса*» была выражена реакция правительства. Сильной финансовой поддержки для объединения не последовало, правительство лишь пообещало дать «дальнейшее рассмотрение» этому вопросу. Оно отклонило призыв рассмотреть вопрос о выдвигании леса в качестве объекта Всемирного наследия⁶⁶⁴. Несмотря на то, что министр одобрил создание Комитета по сохранению наследия, как писала в «Таймс» президент НФА Белинда Леди Монтегю, «министр не смог принять то, что он признал самой важной рекомендацией Группы по обзору, а именно — рекомендацию о получении признанного национального статуса для территории наследия Нью-Форест. То, что осталось, едва ли заслуживало публикации»⁶⁶⁵. Факт того, что министр сельского хозяйства «не мог согласиться с тем, что вся земля в этом районе может быть охарактеризована как имеющая высочайшее национальное и международное значение», был «совершенно неожиданным». Об этом никогда не заявляли: идея более широкой территории наследия заключалась в том, что она является «неотъемлемой частью леса» и что ее включение защитит лес от давления со стороны развития⁶⁶⁶. Секретарь Совета по национальным паркам (CNP) охарактеризовал доклад правительства как «очень робкий и лишенный воображения», а Мэрион Шоард в статье, озаглавленной «Теперь зов ручного требует, чтобы его услышали», предположил, что определение национального парка необходимо не только для Нью-Фореста, но и для «выносливой страны Дорсет». Чилтернс, Сомерсет-Левелс, Брекленд в Восточной Англии и долина Лоуэр-Уай с долиной Херефордшир»⁶⁶⁷. Леди Монтегю отметила: «Мы опасаемся относительно того, есть ли будущее у Нью-Фореста. Лес сталкивается с тем же давлением, которое было описано в репортаже *Times* более 50 лет назад (13 мая 1939 года)»⁶⁶⁸.

---

⁶⁶³ NFHC, CTL2019.1.24.48, 'The New Forest: the case for a national park', based on a talk given by Alan Mattingly, Director of the Ramblers' Association to the New Forest Consultative Panel, 13 July 1989; NFHC, CTL2019.1.24.54, 'Twelve good reasons to designate the New Forest as Britain's twelfth National Park', 3 Nov. 1989; R. W. Hoyle, 'Opposition to the creation of national parks: the case of the Yorkshire Dales', below, pp. 283–314.

⁶⁶⁴ Forestry Commission, the future for the New Forest (1990), pp. 15, 31. (The claim to World Heritage status was 'on the grounds of its unique ecology, landscape and recreational significance': Report of the New Forest Review Group, p. 18.)

⁶⁶⁵ The Times, 9 Apr. 1990

⁶⁶⁶ David Stagg in NFA, Annual Report, 1989 [Mar. 1990] (copy in NFHC, N.281); Forestry Commission, Future for the New Forest, p. 7.

⁶⁶⁷ The Times, 21 Mar., 28 Apr. 1990

⁶⁶⁸ The Times, 9 Apr. 1990, referring to the article in The Times about 'The Protection of the New Forest: Report of the Planning Officers, 1938–1939': see p. 268.

Комитет по территории наследия был создан в июне 1990 года. Основной целью его стала координация мер по обеспечению сохранения пересмотренной зоны наследия, «пересмотренной границы, включающей в себя основные пастбищные угодья, а также лучшие ландшафты вокруг леса». Вскоре он изменил свое название на «Комитет по новому лесу»⁶⁶⁹. Дэвид Стэгг, член Совета NFA, любитель развлечений и историк Нью-Фореста, рассматривал Комитет как «зародыш органа власти типа Бродса», а Зону наследия как «важный первый шаг к разрушению власти и влияния Комиссии. Они никогда больше не смогут инициировать свой собственный «обзор», написать и отредактировать отчет, подправить рекомендации и написать ответ»⁶⁷⁰. Ассоциация Рамблеров продолжала лоббировать назначение Национальным парком, поскольку добровольные группы с особыми интересами были исключены из Комитета по Новому Лесу⁶⁷¹. Дэвид Коулман, представлявший в Комитете Комиссию по сельской местности, признал, что Нью-Форест удовлетворяет двум критериям для получения статуса национального парка: он обладает «природной красотой выдающегося национального значения и предоставляет национально важные, очень необычные (особенно в низменностях Великобритании) возможности для отдыха на природе». Но Коулман считал, что у Комитета нет «цели, полномочий и ресурсов», чтобы играть роль «решительного защитника», которая необходима для сохранения леса от «давления на внешнем, национальном или региональном уровнях», видя свою роль в качестве посредника между конфликтующими местными интересами. Он признал, что Комиссия по лесному хозяйству «с 1970-х годов с обзором сохранения... конечно, сделала очень много, чтобы обеспечить наслаждение и управлять наслаждением лесом». Но, добавил он, «это вопрос политики, который может быть изменен министрами». Он также указал на проблему отсутствия национального финансирования для Вердереров «в нынешних рамках»⁶⁷². Тем временем, в сороковую годовщину принятия законодательства о национальных парках, Комиссия по сельской местности учредила Группу по обзору национальных парков под председательством профессора Рона Эдвардса⁶⁷³. Хотя создание новых парков не входило в ее компетенцию, те, кто выступал против создания Национального парка, считали, что изменение определения зоны наследия удержит Комиссию от Нового леса. Тед Джонсон, директор по планированию Совета округа Нью-Форест и член Обзорной группы, написал: «То, против чего [мы] решительно выступали, было навязыванием новой административной структуры. Как и Дауэр, мы были удовлетворены тем, что лес в надежных руках»⁶⁷⁴. Тем не менее, в своем манифесте к всеобщим выборам в апреле 1992 года Консервативная партия пообещала, что администрация национальных парков станет независимым советом, а «Нью-Форест

---

⁶⁶⁹ Land Use Consultants, New Forest Heritage Area, p. 1.

⁶⁷⁰ NFHC, CTL2019.1.24.99, Letter from David Stagg to Fiona Reynolds, CPRE, 18 Apr. 1990.

⁶⁷¹ The New Forest: an agenda for the 1990s'. A response by the Ramblers' Association to the Forestry Commission's report, The Future for the New Forest, July 1990 (copy in NFHC, N.284), p. 4.

⁶⁷² NFHC, CTL2019.1.21.19, David Coleman, 'Should the New Forest be a National Park?', paper given at a seminar at Lyndhurst Park Hotel, 26 Nov. 1990.

⁶⁷³ NFHC, CTL2019.1.24.60, Countryside Commission press release, 'Are National Parks fit to face the future?', 13 Dec. 1989

⁶⁷⁴ NFA, Annual Report, 1989 [Mar. 1990] (copy in NFHC, N.281). As we saw on p. 267, Dower himself had had his doubts about this

получит законный статус, который обеспечит ему такой же высокий уровень защиты, как и любому национальному парку»⁶⁷⁵.

После возвращения к власти в том же году, консервативное правительство приняло рекомендацию Эдвардса о законодательном признании решений комитета по Новому лесу». Комитет не будет иметь исполнительных функций, но, как и другие национальные парки, 75% его финансирования будет поступать от Департамента окружающей среды, и часть этой суммы будет использована для того, чтобы поставить «финансирование деятельности Вердереров на более прочную основу». Также стало понятно, что «одно из основных применений денег, вероятно, будет помощью для 250 простолудинов». За исключением участка долины Эйвон к югу от Фордингбриджа, пересмотренная граница заняла больше земли, чем первоначальная граница 1988 года. В рекламных листовках говорилось о том, что предлагается принять закон, который сделает «Новый лес территорией национального значения, обеспечивая такую же защиту, как и для национального парка, но со специальными административными мерами, адаптированными к местной ситуации»⁶⁷⁶. Это был полный разворот: он не был последним.

Нью-Форест должен был стать «специально созданным парком, подобным парку Норфолк-Бродс», чье управление Бродса получило законодательное признание в 1988 году. Ассоциация «Новый лес» стремилась указать на разницу между этими двумя областями:

Лес чудом выжил в течение девяти столетий, а его земли Короны были защищены по крайней мере в течение последнего столетия или около того специальным законодательством в форме различных законов о Новом лесе, в то время как большая часть территории Бродса находится в частной собственности, и реальный смысл ее фактического существования заключается в отдыхе и туристической деятельности⁶⁷⁷.

CPRE была одной из организаций, которые рекомендовали Эдвардсу статус национального парка для Нью-Фореста. Они приветствовали предложения правительства, но были разочарованы предложенными ограниченными полномочиями и ответственностью⁶⁷⁸. Другие были обеспокоены тем, что «законодательное признание» сделает Комитет слишком влиятельным. Советник Энн Дрейк из окружного совета Нью-Форест защищала Комитет, который, по ее словам, «ранее обвиняли в беззубости», «но теперь обвиняют в жадности до власти»⁶⁷⁹. В ноябре 1992 года Ассоциация защиты общинников проголосовала 187 голосами против 68 в пользу предложения, внесенного Энтони Пасмором против законных полномочий

---

⁶⁷⁵ 1992 Conservative Party General Election Manifesto [www.conservativemanifesto.com/1992/1992-conservative-manifesto.shtml]

⁶⁷⁶ Dept of the Environment, *The New Forest: the government's proposals – a consultation paper* (Sept. 1992) (copy in NFHC, N.274); Michael McCarthy in *The Times*, 20 Jan. 1992; Countryside Commission, *National Parks in England and Wales* (rev. edn, 1992); NFHC, CTL2019.1.21.71, clipping from *Lymington Times*, 3 Oct. 1992; NFHC, CTL2019.1.21.80, clipping from *New Forest Post*, 14 May 1992.

⁶⁷⁷ NFA, *Annual Report, 1991* [Mar. 1992] (copy in NFHC, N.281), pp. 12–13.

⁶⁷⁸ 'The future of the New Forest': CPRE's response to the Government's consultation paper, Dec. 1992 (copy in NFHC, N.282), p. 3.

⁶⁷⁹ NFHC, CTL2019.1.21.73, clipping from *Lymington Times*, 12 Dec. 1992

Комитета⁶⁸⁰. Состав нового Комитета вызывал беспокойство: вдвое больше назначенцев из местных органов власти, плюс новые министерские представители, но представительство Вердереров сократилось вдвое. Простолюдины чувствовали себя обойденными и непредставленными, хотя «признавались всеми сторонами как имеющие решающее значение для выживания леса»⁶⁸¹. Дэвид Стэгг не согласился с этим: в открытом письме в *New Forest Post* он отметил, что «теперь правительство признало роль, которую играет община в сохранении леса». Стэгг был обеспокоен, так как вместо того, чтобы быть «адекватно защищенным и безопасным в руках Вердереров и Комиссии по лесному хозяйству», традиционный характер леса находится под угрозой из-за давления развития на территории *за пределами* земель, которые они контролировали. Он утверждал, что признание территории наследия имело важное значение для защиты леса от застройки, для сохранения резервных пастбищных угодий, необходимых для поддержки общего пользования. Более того, он писал, что законодательное признание Комитета было необходимо, чтобы позволить ему «предотвратить конфликты, столь частые в прошлом, когда организации были вынуждены идти на компромисс между балансом интересов». Он обвинил другую сторону в том, что она делает «пустые, вводящие в заблуждение и пугающие пророчества» и предположил, что из истории можно извлечь уроки.

Около 40 лет назад Лес стоял перед таким же выбором: полагаться на собственную защиту или смириться с национальным признанием. Было решено, что лес в достаточной степени защищен полномочиями вердереров и Комиссии по лесному хозяйству. Но в 1964 году, когда возникла необходимость огородить Лес, национальное финансирование было недоступно⁶⁸².

В январе 1993 года Вердереры семью голосами против двух⁶⁸³ официально приветствовали принцип Зоны Наследия, а также предложенный Комитет «в качестве органа связи между различными государственными органами» при условии, что его «законодательные полномочия никоим образом не будут ущемлять ответственность и обязанности существующих статутных органов»⁶⁸⁴. Пасмор выступал за создание парка в форме пончика, в котором Комитет имел бы полномочия только *за пределами* территории, контролируемой самими жителями Вердера⁶⁸⁵. Как Ассоциация защиты общинников, так и Общество разведения пони и крупного рогатого скота выступили против законодательного признания Комитета, но Ассоциация «Новый лес», отражающая более широкий круг интересов, с трудом пришла к консенсусу. В марте 1993 года Совет единогласно не согласился с предложенным новым составом Комитета; однако члены разделились во мнениях о том, должен ли он иметь законодательное признание, но, в конце концов, незначительным большинством голосов согласились поддержать его. На последующем годовом общем собрании лорд Мэннерс, недавно ушедший в отставку официальный представитель Вердерера, был

---

⁶⁸⁰ NFHC, CTL2019.1.21.14, clipping from *New Forest Post*, 26 Nov. 1992.

⁶⁸¹ Pasmore, 'Notes', Oct. 1992.

⁶⁸² NFHC, CTL2019.1.21.13, clipping from *New Forest Post*, 26 Nov. 1992.

⁶⁸³ NFHC, CTL2019.1.21.72, clipping from *Lymington Times*, 19 June 1993; Colin Tubbs, 'The New Forest: one step backwards', *ECOS* 15(3/4) (1994), p. 4, has '9:1'

⁶⁸⁴ NFA, Annual Report, 1992 [Mar. 1993] (copy in NFHC, N.281), p. 3.

⁶⁸⁵ Pasmore, 'Notes', Jan. 1993.

одним из тех, кто выдвинул предложение, отменившее это решение⁶⁸⁶. Поскольку на собрании было «относительно мало участников», президент, леди Монтегю, посчитала, что ей придется голосовать за членов по почте: результат был «3 к 1» за поддержание предложения правительства по Новому лесу. Дэвид Стэгг написал в *Lymington Post*, что вопрос об официальном признании Комитета может быть «уловкой, направленной на то, чтобы отвлечь внимание от основного предложения правительства о создании Новой лесной зоны наследия, площадь которой примерно в два раза превышает площадь нынешнего леса, чтобы обеспечить наивысшую меру защиты при планировании. Это реальный вопрос, по которому лесные общества не могут высказать свое мнение⁶⁸⁷.

Тем не менее, казалось, что ситуация изменилась, и в течение 1993–1994 годов «мнение лесных людей, по-видимому, все больше ожесточалось против предоставления законных полномочий Комитету Северной Флориды», возможно, считалось, из-за неопределенности, вызванной надвигающейся реорганизацией местного самоуправления⁶⁸⁸. Более зловещая причина была высказана Колином Таббсом: Комиссия по лесному хозяйству и Вердереры стали «все больше нервничать и терять энтузиазм по поводу перспективы превращения Комитета в законный орган с обзором их управления землями короны»; депутат Патрик Макнейр-Уилсон привлек к своему делу местное отделение Консервативной ассоциации; как говорится в предложении Джона Денхэма, члена парламента от лейбористской партии от Саутгемптона Итчена, 19 апреля 1994 года: из 223 писем с возражениями, полученных с сентября 1992 года, 198 были поданы с 1 января 1994 года; и что из них 181 было формальным возражением, рекомендующим усилить роль вердереров... Среди членов ... Консервативная ассоциация»⁶⁸⁹. Законодательные и добровольные природоохранные органы, а также Ассоциация «Новый лес» и CPRE продолжали оказывать давление на правительство в течение всего этого периода, приводя «неопровержимые» аргументы, но они перевешивались в «ошибочные заявления о том, в какой степени местные жители не хотят, чтобы им навязывали новую бюрократию»⁶⁹⁰. Макнейр-Уилсон утверждал, что предлагаемая граница не учитывает «некоторые крайне уязвимые районы, т.е. те, которые пострадали от добычи гравия (в долине Эйвон)», и сделал «неожиданное» предложение заменить ее границей районного совета Нью-Форест. Это вряд ли получило бы парламентское признание, и поэтому не смогло бы обеспечить дополнительную защиту леса. Наконец, 14 июля 1994 года, в ответ на письменный парламентский запрос Макнейр-Уилсон, министр окружающей среды Роберт Аткинс поддержал решение правительства о расширении «сферы контроля за развитием, применяемой в национальных парках, на территорию наследия», но отказался от идеи законодательного признания либо для Комитета, либо для зоны

---

⁶⁸⁶ Pasmore, 'Notes', June 1993.

⁶⁸⁷ NFHC, CTL2019.1.21.72, clipping from *Lymington Times*, 19 June 1993.

⁶⁸⁸ NFA, Annual Report, 1993 [Mar. 1994] (copy in NFHC, N.281), pp. 3, 11; nationally, there were fears that local government reorganization would 'undermine the very existence' of national parks as local councils effectively ran them: *The Times*, 4 Feb. 1993.

⁶⁸⁹ Tubbs, 'One step backwards', pp. 4–5.

⁶⁹⁰ *Ibid.*, pp. 5–6; NFHC, CTL2019.1.21.69, clipping from *Lymington Times* (letters by David Stagg, Peter Frost, chairman, NFA, and Peter Roberts, chairman, New Forest District Branch of the CPRE), 19 Mar. 1994

наследия⁶⁹¹. Во время второго поворота правительство отвергло свой собственный консультационный документ и отказалось от своего же манифеста⁶⁹². Без признанного на национальном уровне координационного органа и финансирования со стороны центрального правительства Нью-Форест снова не смог стать даже квазинациональным парком.

Только после прихода к власти лейбористов в 1997 году план по созданию национального парка был возрожден. Очевидно, что лейбористы хотели сделать ту «зеленую вещь», в которой консерваторы потерпели неудачу. 20 сентября 1999 года Джон Прескотт, заместитель премьер-министра, объявил Национальный парк Нью-Форест «подарком на столетие от лейбористов нации». В газете *Lymington Times* Пасмор заметил: «То, что он должен был в состоянии сделать этот щедрый подарок в первую очередь, необходимо предполагает, что прежние владельцы должны быть прежде всего лишены чего-то. Эти «владельцы», конечно же, лесное сообщество, его простолюдины и все, кто ценит его спокойствие и традиционный образ жизни, живут ли они в Брокенхерсте или Бирмингеме»⁶⁹³.

В «Лесу» многие аргументы начала десятилетия были отрететированы. Тем не менее, в июне 2004 года, после общественного опроса для определения границ и административных механизмов, статус национального парка был подтвержден, но не «по индивидуальному заказу», а по образцу других национальных парков. Преобладало господствующее мнение: статус парка повысит предложение туристических объектов и, следовательно, местную экономику.

VII

Нью-Форест воплощает в себе уникальный набор исторических обстоятельств, которые не позволяли ему оставаться закрытым на протяжении всего прошлого тысячелетия. Это всегда было спорное пространство, где предьявлялись противоречивые требования к ресурсам. Мы рассмотрели 150 лет его истории, начиная с 1851 года с «Закона об изъятии оленей», который привел к движению 1870-х годов, «спасшем» его от полного огораживания в качестве лесной плантации, и заканчивая 1999 годом, в частности, решением о присвоении ему статуса Национального парка. Мы видели, что его часто называли «национальным парком»: по иронии судьбы, как государственная земля, он был лучшим кандидатом на то, чтобы стать *национальным* парком, как это предполагалось в 1930-х годах. Но когда к национальным паркам начали относиться серьезно, в середине 1940-х годов, Нью-Форест тихо выпал из гонки. Было ли это просто потому, что в эпоху, когда доступ к открытому пространству был главной заботой, считалось, что лес как открытое пространство уже «в хороших руках»? Или его опекуны, Комиссия по лесному хозяйству и Вердереры, у которых вполне законно были другие приоритеты, лесное хозяйство и общинное хозяйство, представляли слишком много трудностей? Прямых доказательств последнего найдено не было, но, как мы видели, Джона Дауэра это не

---

⁶⁹¹ NFHC, CTL2019.1.21.83, clipping from Lymington Times, 17 May 1994; NFHC, CTL2019.1.21.2, Dept of Environment Press Release: 'Decision announced on New Forest proposals', 14 July 1994

⁶⁹² See p. 278.

⁶⁹³ Pasmore, 'Notes', Nov. 1999.

убедило.

Не только официальные власти воздерживались от требования дать Нью-Форесту статус национального парка. В 1930-х и 1940-х годах Ramblers хранили молчание по поводу Нью-Фореста, хотя в 1980-х годах обратили на него свое внимание. NFA могла бы сделать больше: как организация, представляющая все оттенки мнений, она продемонстрировала отсутствие решимости в критические моменты, особенно в 1930-е году и в 1994 году. Даже простые люди разделились: некоторые считали, что статус национального парка обеспечит сохранение их образа жизни⁶⁹⁴, в то время как другие утверждали, что «выпас скота и интенсивный отдых просто несовместимы»⁶⁹⁵.

Что упустил Нью-Форест, не став *де-факто* национальным парком в 1950-х годах? Он потерял источник финансирования, который мог бы быть использован в 1960-х годах для смягчения общественной нагрузки на лес. Некоторые могут утверждать, что статус национального парка привлек бы больше посетителей раньше, с сопутствующими экономическими выгодами. Но что еще более важно, статус национального парка мог бы распространяться на всю ландшафтную территорию (Карта 1) и свести к минимуму влияние застройки на основной лес, на практику общинного проживания и на уникальную экологию, которую он поддерживает. Более целостный подход к управлению уникальной экосистемой на благо природы, общины, лесного хозяйства и отдыха мог бы предотвратить некоторые экологические катастрофы послевоенных десятилетий. Но легко говорить о прошлом: другие национальные парки также не были застрахованы от потенциально вредных разработок. В некоторые моменты истории можно было с полным основанием сказать, что Нью-Форест был национальным парком без названия, в других случаях он лишь немного не соответствовал ему.

Перевод Дмитрия Христенко

Выходные данные статьи: Catherine Glover ‘In good hands’. The preservation of the New Forest and the long journey towards National Park designation. *Agricultural History Review*, Volume 67 Part 2 (2019), pp. 251-282.

---

⁶⁹⁴ NFHC, CTL2019.1.21.10, clipping from The Guardian, 22 Jan. 1992.

⁶⁹⁵ Pasmore, ‘Notes’, Jan. 2002

СВИНОВОДЧЕСКИЕ КЛУБЫ И ДВОРОВЫЕ КУРЫ: ЗНАЧЕНИЕ ДОМАШНИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Пол Брассли

Аннотация. В этой статье предпринята попытка оценить значение свиноводства и птицеводства в хозяйствах площадью менее одного акра в Великобритании во время Второй мировой войны. Поскольку большинство таких хозяйств принадлежали или управлялись людьми, не причислявшими себя к фермерам, их называют «домашними» производителями, и многие из них находились в городских районах. В статье рассматриваются причины, побудившие таких производителей заняться свиноводством и птицеводством, и трудности, с которыми они при этом столкнулись. В ней делается вывод о том, что с самого начала их производство быстро росло, и к концу войны на них приходилась значительная доля национальных поставок яиц и свинины. В статье также кратко рассматриваются некоторые мифы, которые впоследствии сложились вокруг этой формы производства.

В последний год Второй мировой войны около 10 процентов свинины и 40 процентов яиц производилось на участках площадью менее одного акра, причем значительная часть этих участков находилась в городах⁶⁹⁶. В 1944 году сотрудник Министерства сельского хозяйства утверждал, что десять процентов продуктов питания, производимых в домашних условиях, выращивалось в садах и на приусадебных участках, а проведенное в том же году обследование показало, что 12% городских домов содержали продуктивный скот того или иного вида⁶⁹⁷. В данном исследовании рассматриваются масштабы и значение этой деятельности, а также сопутствующие политические вопросы: как она поощрялась или стимулировалась, проблемы поставок кормов и болезней животных, а также проблемы планирования, здравоохранения и благоустройства, возникшие в результате быстрого расширения городского животноводства под руководством и контролем правительственных ведомств с противоречивыми мнениями и целями.

В 1939 году Великобритания была страной-импортером продовольствия. В своей официальной истории сельского хозяйства военного времени сэр Кит Мюррей подсчитал, что в годы, предшествовавшие войне, 70% продовольствия, если судить по стоимости, поступало из-за рубежа. Доля импорта варьировалась от одного продукта к другому: в то время как все жидкое молоко было отечественного производства, импорт составлял половину мяса, 84 % сахара, масел и жиров, 88 % пшеницы и муки и 91 % масла. Кроме того, около четверти отечественного животноводства зависело от 8,7 миллиона тонн кормов для животных, ввозимых ежегодно. Считалось, что в случае войны импорт продовольствия в целом может быть сокращен на четверть, и в этом случае

⁶⁹⁶ К. А. Н. Murray, *Agriculture* (1955), p. 247.

⁶⁹⁷ R. H. Best and J. T. Ward. *The garden controversy* (Wye College, Department of Agricultural Economics, *Studies in Rural Land Use*, 2, 1956), p. 5 quoting Hansard, 15 Mar. 1944; G. Thomas, *Domestic food production: an enquiry carried out for the Ministry of Agriculture and Fisheries in September 1944* (War-time Social Survey, new ser. 54, May 1945, London School of Economics, UK Government Collection, 13539/19–30).

AgHR 66, I, pp. 93–111

решающее значение приобретала бы относительная стоимость с точки зрения грузовых перевозок. В 1940 году Джон (впоследствии лорд) Бойд Опп, шотландский эксперт по питанию, подсчитал, что тонна пшеницы требует 50 кубических футов грузового пространства, а тонна сливочного масла – 55 кубических футов. Пшеница производила 56 килокалорий (ккал) энергии на кубический фут, а сливочное масло – 143 ккал. С другой стороны, тонна бекона потребовала бы 110 кубических футов грузового пространства и дала бы всего 39 ккал на кубический фут, а тонна яиц в скорлупе заняла бы 120 кубических футов и дала бы всего 12 ккал на кубический фут⁶⁹⁸. Конечно, бекон и яйца были источниками белка, а не энергии, но расчет дает некоторое представление об относительных затратах. Это была не новая проблема. Подводная война в Первой мировой войне также привела к нехватке продовольствия, и в 1930-х годах официальные власти были обеспокоены тем, что любая новая война будет иметь аналогичные последствия⁶⁹⁹. Политический ответ был тройным: нормирование продовольствия для снижения спроса, обширный государственный контроль и поддержка сельского хозяйства и садоводства для увеличения домашних запасов, а также поощрение производства продуктов питания в домашних хозяйствах – кампания «Копай для победы».

История производства и потребления продовольствия в Великобритании в военное время уже не раз рассказывалась, а в последних работах к ней добавилось европейское измерение⁷⁰⁰. Подобным образом реакция сельскохозяйственной промышленности на начало войны была отмечена в публикации Министерства информации в 1945 году, проанализирована в официальной истории Мюррея и в нескольких последующих исторических работах, из которых самая последняя – Б. Шорта⁷⁰¹. Таким образом, основные черты этой истории хорошо известны. Рацион военного времени был достаточно питательным, с относительно высоким содержанием энергии и клетчатки и низким содержанием жира, и, по данным Колдера, давал почти фунт мяса на человека в неделю⁷⁰². Импорт продовольствия был сокращен с 20,7 миллиона тонн в первый год войны до 11,6 миллиона тонн в последний год, поэтому дефицит пришлось покрывать за счет внутреннего производства⁷⁰³. Общий

---

⁶⁹⁸ Murray, *Agriculture*, pp. 39 and 45. A significant proportion of pre-war egg supplies were imported from the Netherlands and Denmark and were therefore no longer available after 1940; see Janet W. Strang, 'Farm poultry keeping: a flock for every farm', *Agriculture* 47 (1940–41), pp. 21–4.

⁶⁹⁹ A. F. Wilt, *Food for War: agriculture and rearmament in Britain before the Second World War* (2001).

⁷⁰⁰ R. J. Hammond, *Food, I, the growth of policy* (1951); A. Calder, *The People's War: Britain, 1939–1945* (1992); I. Zweiniger-Bargielowska, *Austerity in Britain: rationing, controls, and consumption* (2000); Wilt, *Food for war*; F. Trentmann and F. Just, *Food and conflict in Europe in the age of the two world wars* (2006); L. Collingham, *The taste of war: World War Two and the battle for food* (2011); I. Zweiniger-Bargielowska, R. Duffet and A. Drouard (eds), *Food and war in twentieth-century Europe* (2011); P. Brassley, Y. Segers and L. Van Molle (eds), *War, agriculture, and food: rural Europe from the 1930s to the 1950s* (2012); there are also several recent popular accounts such as Jane Fearnley-Whittingstall, *The Ministry of Food: thrifty wartime ways to feed your family today* (2010); D. Smith, *The spade as mighty as the sword: the story of the Dig for Victory campaign* (2011); W. Sitwell, *Eggs or anarchy* (2016).

⁷⁰¹ Ministry of Information, *Land at war* (1945); Murray, *Agriculture*; B. Short, C. Watkins and J. Martin (eds), *The front line of freedom: British farming in the Second World War* (2007); B. Short, *The battle of the fields: rural community and authority in Britain during the Second World War* (2014).

⁷⁰² Calder, *People's war*, p. 380.

⁷⁰³ Murray, *Agriculture*, p. 152.

объем внутреннего производства увеличился лишь незначительно – примерно на 8 % в натуральном выражении, – и в основном адаптация к условиям военного времени заключалась в концентрации на производстве зерновых и картофеля и соответствующем сокращении производства продуктов животного происхождения, за исключением молока⁷⁰⁴. Посевные площади увеличились более чем на 50 %, производство зерновых и картофеля удвоилось, а производство овощей почти удвоилось. Производство молока сохранилось примерно на довоенном уровне (которого хватало только для поддержания ликвидного рынка), а производство говядины и мяса овец снизилось незначительно⁷⁰⁵. Главные изменения произошли в интенсивном животноводстве, свиноводстве и птицеводстве.

Существует два различных способа кормления свиней и домашней птицы. Один из них – использовать их в качестве падальщиков, оставляя их добывать себе пропитание на подворье или в саду, или кормить их пищевыми отходами. Этот метод позволяет содержать всего несколько животных на ферме или в домашнем хозяйстве, но именно он был традиционным способом содержания свиней и кур⁷⁰⁶. Альтернативой является содержание большего количества животных в специализированных комплексах, где их кормят специально разработанными зерновыми и белковыми рационами. Именно так они содержатся сегодня на коммерческой основе, и это была одна из наиболее прогрессивных черт межвоенного сельского хозяйства⁷⁰⁷. Для политиков военного времени проблема с этим последним подходом заключалась в том, что он использовал высокую долю сырья, часто импортного, которое с тем же успехом могли бы есть и люди. Как утверждал сэр Томас Миддлтон после Первой мировой войны, «лучше сохранить жизнь пяти мужчинам на ячменной муке, чем одному – на свинине»⁷⁰⁸. В результате официальная политика ограничила нормативные поставки продовольствия крупным производителям свиней и птицы, и к 1943 году производство свинины сократилось до одной трети от довоенного уровня. Большая часть оставшегося мяса была переработана в бекон, и свинина практически исчезла с рынка. Аналогичным образом производство яиц в том же году сократилось до 38,5 % от довоенного уровня, а мяса птицы, которое в любом случае составляло лишь около 6 % от довоенных поставок мяса, – до 60 % от довоенного уровня⁷⁰⁹. В то же время было признано, что в результате обычной домашней практики также образуются овощные очистки, отходы от тарелок и остатки пищи, которые могут быть непригодны в пищу человеку, но могут быть использованы для формирования, по крайней мере, части рациона интенсивного

---

⁷⁰⁴ P. Brassley. 'Wartime productivity and innovation, 1939–45', in Short et al (eds), *Front line of freedom*, pp. 36–54.

⁷⁰⁵ Murray, *Agriculture*, pp. 373–5.

⁷⁰⁶ P. Brassley, 'Animal Nutrition', in E. J. T. Collins (ed.) *The agrarian history of England and Wales*, VII, 1850–1914 (2 vols, 2000), I, p. 577.

⁷⁰⁷ P. Brassley. 'British farming between the wars', in P. Brassley, J. Burchardt and L. Thompson (eds), *The English countryside between the Wars: regeneration or decline?* (2006), p. 194; A. Woods, 'Rethinking the history of modern agriculture: British pig production, c.1910–65', *Twentieth-Century British History* 23 (2012), pp. 165–91.

⁷⁰⁸ W. A. Stewart. 'Pig keeping in war time', *Agriculture* 46 (1939–40), p. 627. Middleton was the author of *Food Production in War* (1923), the official history of agriculture in the First World War, when he had been in charge of the Food Production Department of the Board of Agriculture.

⁷⁰⁹ Murray, *Agriculture*, pp. 373–5.

животноводства: «Любое развитие птицеводства, которое следует поощрять в существующих условиях, должно, таким образом, идти в основном в двух направлениях – содержание небольшого количества птиц домовладельцами и дачниками для использования отходов кухни и сада, и более крупного количества на общих фермах, где птицу можно содержать на свободном выгуле для добывания большей части корма»⁷¹⁰. Исследование военного времени показало, что «20 % [по весу] всех овощей, приносимых в дом, превращаются в отходы в виде кожуры, внешних листьев и стеблей до того, как овощи будут приготовлены»⁷¹¹. Таким образом, возврат к использованию свиней и птицы в качестве падальщиков, содержащихся в небольшом количестве вблизи мест производства отходов, имел смысл в условиях военного времени, как утверждал Джеймс Скотт Уотсон, профессор сельского хозяйства в Оксфорде, в статье в журнале Министерства сельского хозяйства в 1940 году⁷¹².

Но проблема, стоявшая перед политиками военного времени, заключалась не только в питании. Продовольствие также влияло на моральный дух и отношения с властями. В отчете Министерства информации о внутренней разведке за 24 июля 1940 года говорится, что нехватка яиц была главной темой для обсуждения на рынках в бедных районах Лондона, а через несколько дней нехватка яиц «вызвала раздражение» в Ноттингеме. В сентябре 1940 г. в Ноттингемшире и Лестершире «роптали на нехватку яиц и раздражались на официальные заявления о том, что яиц много»⁷¹³. Введение нормирования яиц в середине 1941 г. вызвало негативные комментарии в прессе, на которые ответила серия разъяснительных радиопередач в начале 1942 г.⁷¹⁴ Как показал Социальный опрос военного времени в 1942 г., продукты, которые люди считали необходимыми, были теми элементами их традиционного рациона, которых им не хватало больше всего⁷¹⁵. Аналогичным образом, те, кто писал официальное руководство по питанию солдат, явно считали, что боевой дух армии лучше всего будет поддерживаться рационом, основанным на традиционной британской кухне, несмотря на науку о питании и нехватку продуктов, а их коллеги из министерства авиации также обеспечивали экипажи бомбардировщиков настоящими яйцами и беконом до или после вылетов⁷¹⁶. Следовательно, когда началась кампания «Копай для победы», производство свиней и птицы за пределами фермы, в садах и на участках, стало ее важной частью⁷¹⁷. Однако до сих пор истории концентрировались на истории производства продуктов питания военного

---

⁷¹⁰ Janet W. Strang, 'Poultry keeping in war time', *Agriculture* 46 (1939–40), pp. 660–3.

⁷¹¹ G. Wagner, *Vegetable consumption in four selected towns: a survey made for the Ministry of Food (Wartime social survey, new ser. 56, Oct. 1945, London School of Economics, UK Government Collection, 13539/19–30)*.

⁷¹² J. A. Scott Watson, 'Nineteenth-century pig keeping', *Agriculture* 47 (1940–41), pp. 15–21

⁷¹³ P. Addison and J. A. Crang, *Listening to Britain: Home Intelligence reports on Britain's finest hour – May to September 1940* (2010), pp. 265, 275, 439. See also Vere Hodgson, *Few eggs and no oranges: a diary showing how unimportant people in London and Birmingham lived through the war years, 1940–1945* (1976).

⁷¹⁴ R. Farmer, *The food companions: cinema and consumption in wartime Britain, 1939–45* (2011), pp. 26–9.

⁷¹⁵ Calder, *People's War*, p. 383. See also S. O. Rose, *Which People's War? National identity and citizenship in wartime Britain, 1939–1945* (2003), p. 207.

⁷¹⁶ The War Office, *Manual of military cooking and dietary. Part I – General* (1940). I am most grateful to Derek Shepherd for the loan of this book.

⁷¹⁷ Wilt, *Food for war*, p. 189.

времени на ферме. Несмотря на напоминание Мюррея о том, что история была бы «неполной», если бы в ней не говорилось о производстве продуктов питания на заднем дворе и в саду, последующие историки уделяли этому мало внимания. Колдер освещает его в одном абзаце, а в недавней истории сельского хозяйства военного времени он вообще не упоминается⁷¹⁸. Некоторые из этих дворов и садов, где содержались свиньи и куры, находились в городах и пригородах.

В появлении домашнего скота в городах не было ничего нового. В XVIII веке пивоварня Уитбрета в Лондоне содержала большие стада свиней, которых кормили отходами пивоваренного завода, а до развития железнодорожной торговли молоком в конце XIX века существовало множество городских молочных заводов⁷¹⁹. Но по мере того как города становились больше, а шум, запахи и навоз воспринимались, скорее, как неудобства и источники болезней, чем как обычная часть жизни, вероятность найти в городах животных-компаньонов уменьшалась. Поэтому производство кормов для животных в городах в военное время потребовало некоторых изменений в естественных представлениях и ожиданиях горожан и тех, кто управлял их жизнью. Поэтому в оставшейся части этой статьи мы рассмотрим три вопроса: как поощрялось и развивалось подворное свиноводство и птицеводство в городах, поселках и пригородах в военное время; насколько значительным оно было; и каковы были проблемы, связанные с ним?

II

До начала войны существовало предубеждение против содержания домашнего скота в городах, особенно в жилых комплексах, находящихся под непосредственным контролем местных властей. Например, в январе 1936 года мистер У. Ф. Холмс, президент Национальной голубиной ассоциации, обратился в Министерство здравоохранения с просьбой помочь убедить местные советы отменить запрет на содержание голубей: «Есть случаи, когда разведение и выставка голубей были пожизненным увлечением людей, вынужденных теперь покинуть свои старые дома и жить в жилых комплексах, и вынужденное прекращение их хобби причиняет им сильные страдания». Несмотря на последующую переписку, Министерство неизменно придерживалось позиции, что все это дело местных советов⁷²⁰. В мае 1939 года Национальный совет по птицеводству (NPC) получал жалобы на запрет содержания домашней птицы в жилых комплексах. Поскольку содержание

---

⁷¹⁸ Murray, *Agriculture*, p. 245; Calder, *People's war*, p. 430; Short et al. (eds), *Front line of freedom. Recent popular histories of Dig for Victory* (see n. 5) either cover pigs and poultry in a few unreferenced pages, or omit them entirely, and a recent academic article (F. Ginn, 'Dig for Victory! New histories of wartime gardening in Britain', *J. Historical Geography* 38 (2012), pp. 294–305) is entirely about vegetable production except for a single sentence on chickens.

⁷¹⁹ J. Thirsk, *Food in early modern England: phases, fads, and fashions, 1500–1760* (2007), p. 242; P. J. Atkins, 'The intra-urban milk supply of London, circa 1790–1914', *Trans. Institute of British Geographers new ser.* 2 (1977), pp. 383–99.

⁷²⁰ TNA, HLG 52/1298, letter from W. F. Holmes, 8 Jan. 1936.

петушков в городах категорически не поощрялось по причинам, связанным с созданием неудобств – считалось, что городские домовладельцы менее терпимы к рассветным кукареканьям, чем сельские жители, – городским птицеводам приходилось покупать несушек, а не разводить их самим. Это формировало важный рынок для птицеводческой промышленности. В июне 1939 года секретарь NPC обратился к секретарю подкомитета по управлению жилищным хозяйством Центрального консультативного комитета по жилищному хозяйству с письмом, в котором указал, что ограничения на содержание домашней птицы затрагивают «до 150 тысяч домовладельцев, то есть считая только тех, кто живет в поместьях (около 40 % от общего числа), где содержание домашней птицы запрещено. Поскольку эти люди обычно покупают ежегодно... около двух миллионов полувзрослых цыплят или молодняка», его члены, естественно, были обеспокоены⁷²¹. В течение следующих нескольких месяцев велась переписка с несколькими местными властями по поводу целесообразности или нецелесообразности разрешения содержания домашней птицы в городах, в частности, в жилых комплексах местных властей. Например, санитарный врач городского совета г. Кардиффа отметил, что в его ведомстве действуют строгие правила содержания домашней птицы, и только один процент из 6750 жильцов их домов содержит голубей или домашнюю птицу, что является типичным примером⁷²². Свиноводство в городских районах было еще более редким явлением. Довоенный контроль над городским животноводством обеспечивался сочетанием национальных и местных законов и подзаконных актов, строительных соглашений, договоров аренды (которые обычно были наиболее строгими, если арендодателем являлся государственный орган), а также градостроительства и планирования. Раздел 92 Закона об общественном здравоохранении 1936 года гласил, что животное не должно содержаться «в таком месте или таким образом, чтобы наносить вред здоровью или создавать неудобства», а Министерство здравоохранения издало типовые подзаконные акты, определяющие расстояние от жилого дома, на котором может располагаться свинарник. К 1939 году сто местных властей приняли эти типовые подзаконные акты, а установленные расстояния варьировались от 15 до 100 футов. Аналогичным образом, санитарный врач Манчестера предписал минимальные стандарты содержания домашней птицы⁷²³. Складывается четкое впечатление, что городское животноводство официально не поощрялось.

Как убедительно показал Уилт, планирование центрального правительства по обеспечению поставок продовольствия в случае войны началось задолго до начала военных действий: в мае 1936 года впервые собрался Подкомитет по

---

⁷²¹ TNA, HLG 37/19, letters from the Secretary of the National Poultry Council to the Secretary of the Central Housing Advisory Committee, Ministry of Health (15 May 1939), and to the Secretary of the Housing Management Sub-Committee of the Central Housing Advisory Committee, Ministry of Health (7 June 1939)

⁷²² TNA, HLG 37/19, letter from J. Greenwood Wilson, the Medical Officer of Health, Cardiff City Council, to Mr W. H. Howes, secretary of the sub-committee on house management of the Central Housing Advisory Committee, Ministry of Health, 21 July 1939.

⁷²³ TNA, HLG 71/621, Planning control over the keeping of pigs and poultry in towns.

снабжению продовольствием во время войны Комитета имперской обороны⁷²⁴. Для сельскохозяйственной промышленности в мае 1939 года в рамках более широкой кампании по стимулированию производства продовольствия в Великобритании был объявлен грант в размере £2 на акр для поощрения распашки постоянных пастбищ⁷²⁵. Соответствующей мерой для рядовых домохозяев, вновь объявленной до фактического начала войны, на этот раз в августе 1939 года, стала кампания «Копай для победы». Министр сельского хозяйства сэр Реджинальд Дорман-Смит призвал «не только большого человека с плугом, но и маленького человека с лопатой поработать этой осенью». Изображение одного сапога на лопате стало одним из самых известных образов войны, его использовали и на плакате кампании, и на обложке листовки МАФ (рис. 1). Цель кампании заключалась в том, чтобы предоставить еще полмиллиона участков, в основном в городских районах, и поощрять выращивание на них не только овощей, но и мелкого скота, такого как домашняя птица и кролики. Пусть «Копай для победы» станет девизом каждого, у кого есть сад, и каждого трудоспособного мужчины и женщины, способных в свободное время вскопать участок», – заявил министр⁷²⁶. Очевидно, что последствия этих официальных призывов расходились с довоенным законодательством и практикой содержания домашнего скота в городах.

Конфликт между довоенной практикой и требованиями военного времени был просто разрешен принятием чрезвычайного законодательства. Постановления о земледелии (аллотенты) 1939 и 1941 годов разрешили местным властям вступать во владение незанятыми землями, пригодными для использования в качестве аллотентов, а Постановление обороны (DR) 62A позволило им отменять ограничительные соглашения по паркам и открытым пространствам для той же цели. Наиболее важным для целей настоящего обсуждения является постановление DR 62B, которое разрешало «несмотря на ограничения в договорах аренды или найма, ... содержать свиней, кур или кроликов на период войны». Он также легализовал содержание пчел, свиней и домашней птицы на участках местных властей, что ранее было запрещено⁷²⁷. Законодательство было подкреплено интенсивной пропагандой и усилиями нескольких полуофициальных организаций. Выпускались плакаты, листовки, проводились Недели Победы, радиопередачи, демонстрационные участки и шоу⁷²⁸. В 1941 году издательство Penguin Books опубликовало справочник, якобы посвященный использованию пищевых отходов для кормления кур и кроликов; на самом деле это было достаточно полное руководство по всем аспектам разведения домашней птицы и кроликов⁷²⁹. С весны 1942 года Министерство информации регулярно выпускало серию коротких фильмов Food Flash,

---

⁷²⁴ Wilt, *Food for War*, pp. 59–60.

⁷²⁵ Murray, *Agriculture*, p. 57.

⁷²⁶ Wilt, *Food for War*, p. 189.

⁷²⁷ TNA, HLG 71/621.

⁷²⁸ Murray, *Agriculture*, p. 246.

⁷²⁹ C. Goodchild and A. Thompson, *Keeping poultry and rabbits on scraps* (1941). Penguin published a facsimile edition in 2008.

несколько из которых были посвящены домашнему птицеводству⁷³⁰.

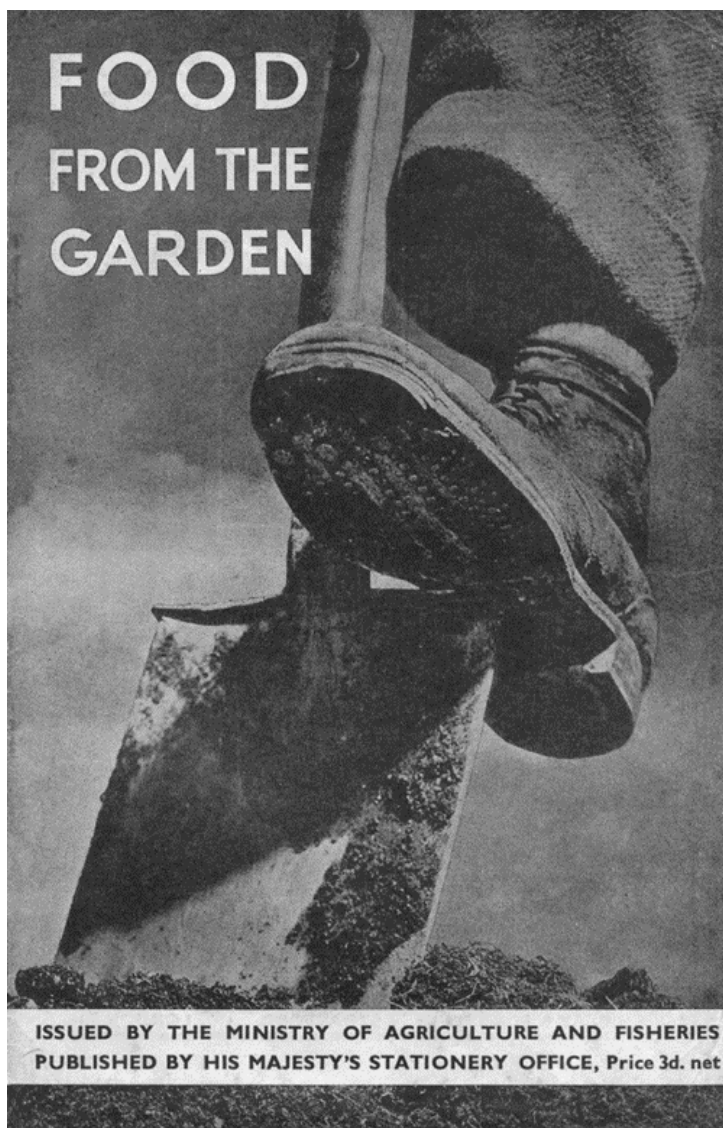

Рисунок 1 - Обложка бюллетеня МАФ «Growmore» № 1, «Пища из сада» (1941 г.).

Фото: Библиотека сельской и сельскохозяйственной литературы (LIBRAL),
www.libral.org.uk.

Национальное общество аллотентов полностью переключило свою организацию на поддержку кампании «Копай для победы» и получило грант от казначейства на покрытие дополнительных расходов, связанных с этим. В начале войны под эгидой Министерства сельского хозяйства был также создан Совет мелких свиноводов (СПКС). В его задачи входило поощрение содержания свиней «всеми лицами, которые не занимаются свиноводством в качестве средства к существованию»; поощрение использования съедобных отходов на корм свиньям; надзор и помощь в управлении свиноводческими клубами и консультирование их членов по вопросам свиноводства; организация поставок кормов. В марте 1940 года был создан Совет производителей домашних продуктов питания, охватывающий

---

⁷³⁰ Farmer, Food companions, pp. 37, 230–6.

все аспекты производства продуктов питания в домашних условиях, а из него в сентябре 1940 года был образован Совет домашних птицеводов (ДПКС), целью которого было «обеспечение эффективного использования бытовых и садовых отходов и организация поставок покупных кормов». Годом позже Совет также взял на себя роль помощника домашних кролиководов⁷³¹. Интересно отметить, что за месяц до создания ДПКС мистер Франклин, государственный служащий Министерства сельского хозяйства и рыболовства, отметил, что Комитет по птицеводству Совета производителей домашних продуктов питания рекомендовал не пропагандировать подворное птицеводство, поскольку оно и так растет настолько быстро, насколько это соответствует поставкам надежной птицы, что подворные птичники обычно должны состоять из шести птиц и ни в коем случае не более чем из двенадцати, и что развитие должно быть направлено в основном на городские и пригородные районы⁷³². Таким образом, к концу 1940 года довоенное предубеждение против содержания домашнего скота в городах было изжито, и были приняты меры для поощрения и организации вклада городов в национальное продовольственное снабжение. Но насколько значительным был этот вклад?

III

При обсуждении вклада «мужичка с лопатой» (и, предположительно, женщины, особенно если она несла ведро с пищевыми отходами на корм свиньям и курам) в производство продовольствия в военное время возникают две проблемы⁷³³. Первая – оценить вклад этих домашних производителей в общее национальное производство продовольствия⁷³⁴. Вторая – оценить долю домашнего производства, приходящуюся на городские районы. Первую задачу оценить проще, и она будет рассмотрена первой; вторая задача гораздо сложнее.

В литературе подчеркивается энтузиазм, с которым люди взялись за производство собственной еды в военное время, но есть и свидетельства того, что на это потребовалось время⁷³⁵. Например, в декабре 1939 года Дж. А. Кейсби, инспектор Министерства сельского хозяйства и рыболовства в Литам-Сент-Эннс, писал своему коллеге мистеру Уайтхеду в Лондон: «Сообщения в местных газетах показывают, что корпорация Блэкула и Флитвуда не может раздать участки под посевы. Люди предпочитают дартс [выделено в оригинале] тяжелой работе. Это печальный

---

⁷³¹ Ministry of Agriculture and Fisheries, Committee on the organization of domestic food producers (1950), pp. 1–3, subsequently referred to as ‘Brown Report’. There is a copy in TNA, HLG 101/309.

⁷³² TNA, MAF 54/94, note by Mr Franklin, 21 Aug. 1940.

⁷³³ A Ministry of Food advertisement encouraging the saving of food waste employed the following verse: ‘Because of the pail the scraps were saved / Because of the scraps the pigs were saved / Because of the pigs the rations were saved / Because of the rations the ships were saved / Because of the ships the island was saved / Because of the island the Empire was saved / And all because of the housewife’s pail’. Smith, *Spade as mighty as the sword*, p. 179 contains this verse but provides no source for it.

⁷³⁴ 39 Official wartime publicity generally assumed that women would be responsible for food preparation in the kitchen, as Farmer, *Food companions*, pp. 22–3 demonstrates. However, as Dorman-Smith’s reference above to both men and women digging allotments suggests, and the publicity given to the Women’s Land Army might also indicate, the gender division in wartime food production was much less clear-cut.

⁷³⁵ E.g. Calder, *People’s War*, p. 430.

бизнес»⁷³⁶. Тем не менее, цифры за всю войну свидетельствуют о том, что такое нежелание было вскоре преодолено: если в 1939 году было чуть более 800 000 участков, занимавших 95 700 акров, то в 1942 году их количество увеличилось до 1 451 888, занимавших 142 808 акров. В марте 1944 года личный секретарь Министерства сельского хозяйства, отвечая на парламентский вопрос, заявил, что продукция садов и огородов составляет 10% от всего домашнего продовольствия, а по оценкам Мюррея, на этих землях производится от 2,5 до 3 миллионов тонн продовольствия. Учитывая, что общий объем производства зерновых, картофеля, сахарной свеклы и овощей в 1944 году составил около 24 миллионов тонн, эти цифры кажутся правильными⁷³⁷.

Домашние производители также держали свиней и кур. Некоторые люди разводили свиней, а другие вступали в клубы свиноводов. Тем, кто состоял в клубах владельцев, разрешалось убивать двух свиней в год для домашнего использования, и они не были обязаны продавать свиней Министерству продовольствия, в то время как члены кооперативных клубов также могли убивать двух свиней в год на одного члена, но должны были продавать по крайней мере столько же в Министерство⁷³⁸. Члены клубов в обмен на корма отказывались от права на беконный рацион в размере 13 фунтов на человека в год, но их свиньи должны были производить от 300 до 400 фунтов свиного мяса, что равнялось 240-320 фунтам бекона, при условии, что все шло хорошо и свиньи не заболели. Они должны были подать заявку на получение лицензии на убой, и полученное мясо свиньи могли употреблять только владелец лицензии, члены его семьи, гости, принимавшие участие в трапезе, и, в случае фермеров, работники, проживающие в доме⁷³⁹. Официальное отношение к этим свиньям заключалось в том, что они должны были использоваться в интересах тех, кто вложил труд в их кормление и уход за ними. В правилах забоя (Министерство продовольствия, форма F.460, 24 июня 1943 г.) говорилось, что «лицензия не будет выдана человеку, который купил свинью и просто заплатил за ее содержание», и мистер Франклин, государственный служащий в штаб-квартире MAFF в Лондоне, считал, что это правило было оправданным, поскольку его «ослабление открыло бы путь для зажиточных людей держать свинью и нанимать подсобного рабочего для ухода за ней»⁷⁴⁰.

Увеличение числа свиноводческих клубов очевидно из Таблицы 1, которая также показывает, что количество свиней, забитых на фермах площадью менее одного акра, выросло, в то время как общее количество свиней в стране в целом сократилось более чем в два раза. Следует также отметить, что, помимо свиней, зарегистрированных в свиноводческих клубах, по оценкам, было еще около 50 процентов незарегистрированных домашних свиней⁷⁴¹. Это означает, что в 1944 году в хозяйствах площадью менее одного акра содержалось в общей сложности около 210 000 свиней, или около 12 процентов национального стада свиней, составлявшего в тот год 1,8 миллиона голов⁷⁴². Данные Мюррея по убою свиней из этих домашних стад,

⁷³⁶ TNA, MAF 54/91, letter from J. A. Caseby, 4 Dec. 1939.

⁷³⁷ Best and Ward, *Garden controversy*, p. 5, quoting Hansard 15 Mar. 1944; Murray, *Agriculture*, pp. 247 and 375.

⁷³⁸ TNA, MAF 126/2, *Small Pig Keepers' Council, Annual Report*, year ending 31 Mar. 1945.

⁷³⁹ TNA, MAF 126/42, *Memo for the Lord President's committee*, 28 Aug. 1942.

⁷⁴⁰ TNA, MAF 126/42, *Pig Keeping Self Suppliers*, 1940-44.

⁷⁴¹ Murray, *Agriculture*, p. 247.

⁷⁴² Ministry of Agriculture, Fisheries and Food [MAFF], *A century of agricultural statistics: Great Britain, 1866-1966* (1968), pp. 126-7.

приведенные в Таблице 1, свидетельствуют о том, что их вклад в общее поголовье вырос с почти 9 % в 1940-41 годах до примерно 15 % в 1944 году, что частично объясняется увеличением поголовья домашних хозяйств, но в большей степени – уменьшением общего национального поголовья, поскольку тенденция к сокращению численности свиней в стране сохранялась. Однако выборочное обследование 3614 домашних хозяйств в 30 городах и восьми сельских районах в сентябре 1944 года показало, что только 6 % из 1,33 миллиона домашних хозяйств, содержащих скот, действительно держали свиней, и что в среднем они забивали 1,5 свиньи в год, что означает около 120 000 забоев в год в целом. В отчете об исследовании признается, что охват сельских районов был недостаточным и что именно в этих районах чаще всего держали свиней, поэтому эта цифра, скорее всего, занижена, но ее достаточно, чтобы поставить под сомнение точность оценки Мюррея⁷⁴³.

TABLE 1. Household pig production

	<i>Number of pig clubs</i>	<i>Number of pigs in pig clubs ('000)</i>	<i>Number of pigs slaughtered on holdings of less than 1 acre ('000)</i>	<i>Total pigs slaughtered in Great Britain ('000), excluding those from self-suppliers</i>
Pre-war	0	0	272	4466
1940-1	735	15.316	260	2558
1944-5	6900	142	323	2152

Source: Murray, *Agriculture*, p. 247; Central Statistical Office, *Fighting with Figures: a statistical digest of the Second World War* (1995), p. 76.

Подобно тому, как свиноводы могли сдать свой рацион бекона в обмен на разрешение употреблять в пищу собственных свиней, владельцы дворовой птицы могли сдать свой рацион яиц в обмен на «балансировочную муку» – рацион, специально разработанный для обеспечения сбалансированного питания птицы, которая получала большую часть пищи из кухонных или садовых отходов⁷⁴⁴. Число членов ДРКС увеличилось с 791 000 в 1940-41 гг. до 1 369 000 в 1945 г. Если до войны в домашних стадах насчитывалось чуть более 5 миллионов кур, то в 1944-45 гг. их число превысило 10 миллионов. Производство яиц в домашних стадах увеличилось с 650 миллионов в довоенный период до 970 миллионов в 1944-45 годах, когда общее производство яиц в стране составило 2075 миллионов⁷⁴⁵. В разных социальных слоях населения в садах появились курятники и птичники, хотя зачастую владельцам домов среднего и высшего класса с их большими садами было проще найти для них место. Например, Диана Купер, вышедшая замуж за Даффа Купера, министра информации в 1940 году, имела дом

⁷⁴³ Thomas, *Domestic food production*, pp. 3, 7, 12.

⁷⁴⁴ Brown Report, p. 23.

⁷⁴⁵ Murray, *Agriculture*, pp. 247 and 375. Note that Murray, p. 247, states that egg output from domestic flocks in 1943-44 was 25 per cent of the national total, which appears to be at variance with the figures he gives on the later page. Murray's figures for the size of the domestic hen flock also vary slightly from those given in the Brown Report, p. 23, although this difference is probably a result of slightly different accounting periods.

в Богноре на побережье Сассекса, где держала корову, кур, четырех коз и семь свиней, находя, что «жизнь интеллигентного деревенского рабочего подходит мне как нельзя лучше»⁷⁴⁶. Аналогичным образом Вирджиния Поттер, американка, вышедшая замуж за офицера Гренадерской гвардии, сняла дом недалеко от Виндзора, чтобы быть рядом с мужем, и написала матери в США, что теперь, когда она обосновалась, «...мы будем разводить кроликов, уток, гусей и кур как сумасшедшие и КОПАТЬ, КОПАТЬ и КОПАТЬ для победы»⁷⁴⁷. Кролики оказались восприимчивы к болезням, но к 1944 году она (с помощью садовника и девушки-землепашца) производила большое количество садовой продукции и достаточное количество домашней птицы, чтобы продать за год шесть гусей, четыре сидки гусиных яиц, 336 гусиных яиц и 250 куриных яиц⁷⁴⁸. Эти женщины имели доступ к пространству, времени, деньгам и рабочей силе, которые мужчинам и женщинам из рабочего класса было труднее получить. Но были ли они городскими производителями? До войны они были городскими жителями с космополитическими взглядами, а во время войны жили вблизи городских районов. Поэтому теперь мы должны обратиться к вопросу о том, какая доля продукции домохозяйств приходилась на городские районы.

Существуют как статистические, так и анекдотические данные о производстве продовольствия в городах в военное время. Первые данные получены из выборки 1704 городских и загородных садов, обследованных в 1942 году. В результате выяснилось, что до войны 47,5 % городских садов выращивали цветы и овощи, а еще 8,5 % – только овощи. К 1942 году доля овощей возросла до 80 %⁷⁴⁹. В 1944 году было проведено более масштабное обследование 3614 домохозяйств в 30 городах и восьми сельских районах Англии и Уэльса. Значительное большинство – 3190 – из этих домохозяйств находилось в городских районах, и 40 % из них выращивали фрукты и овощи, в то время как 22 % имели необработанные сады, а 38 % не имели садов вообще. Доля домохозяйств с возделанными огородами варьировалась от 75 % в юго-восточном регионе до 25 % на северо-востоке и только 11 % на северо-западе⁷⁵⁰. Преобладание террасного жилья в северных промышленных городах ограничивало количество садов в них. Например, обследование Мидлсборо в военное время показало, что 62 % домов не имели сада, а в старых районах города этот показатель вырос до 98 %⁷⁵¹. Доля домов с домашним скотом в обследовании Томаса 1944 года значительно различалась

---

⁷⁴⁶ P. Ziegler, Diana Cooper (1983), pp. 235–8; her husband later noted in his diary ‘The charm of amateur farming caught many people in wartime and persists in peace. It makes no appeal to me’; J. J. Norwich, *The Duff Cooper Diaries* (2006), p. 462.

⁷⁴⁷ A. Potter, *Shared histories: transatlantic letters between Virginia Dickinson Reynolds and her daughter, Virginia Potter, 1929–1966* (2006), p. 105.

⁷⁴⁸ P. Brassley and A. Potter, ‘A view from the top: social elites and food consumption in Britain, 1930s– 1940s’, in Trentmann and Just (eds), *Food and conflict*, p. 231.

⁷⁴⁹ Anon, ‘Dig for Victory’: an inquiry into the effects of the ‘Dig for Victory’ campaign made for the Ministry of Agriculture in August and September 1942, (Wartime Social Survey, new ser. 20, London School of Economics, UK Local Government Collection, 13539/1–18).

⁷⁵⁰ Thomas, *Domestic food production*.

⁷⁵¹ D. Chapman, *A social survey of Middlesborough*, pt 1, introduction and social data, (Wartime Social Survey, new ser., 50, Sept. 1945, pp. 29–30, London School of Economics, UK Local Government Collection, 13539/19–30).

между городскими и сельскими районами: 12 % городских домохозяйств имели домашний скот, в то время как в сельской местности этот показатель составлял 31 процент. Как мы видели, только 6 % домохозяйств с домашним скотом держали свиней, в то время как кур-несушек держали 72 %, других птиц – 58 %, кроликов – 30 %, а уток – 10 %. Несколько человек держали гусей, коз, пчел или другой неопределенный домашний скот. Из кур-несушек 62 % содержались в стадах менее чем из шести птиц, а среднее количество кроликов в тех домохозяйствах, которые их держали, составляло 5 штук⁷⁵². Следует также отметить, что под недопредставленными «сельскими» районами в данном исследовании подразумевались дома в сельских административных округах, то есть в районах сельских окружных советов, а в большинстве из них были небольшие города. Поэтому возникает вопрос, где проводить границы между городом и деревней, и вообще, можно ли их разумно проводить.

Официальное мнение, по крайней мере, в некоторых случаях, сводилось к тому, что содержание животных в городах было успешным. В отчете Комитета Скотта было предложено «аналогичным образом предусмотреть возможность для городских жителей держать свиней и птицу и в целом продолжать сельские занятия, которые доказали свои социальные, экономические и образовательные преимущества во время войны», хотя государственный служащий Министерства городского и сельского планирования, комментируя этот пункт, заметил, что «в рекомендации... не ясно, почему считается желательным поощрять горожан к занятиям, более подходящим для более свободных пространств сельской местности, особенно к содержанию свиней»⁷⁵³. Существует также показательный список организаций, которые должны быть представлены в консультативном комитете Министерства сельского хозяйства по подворному птицеводству, составленный в 1939 году и указывающий на спектр возможных политических конфликтов и проблем. Естественно, в него вошли различные птицеводческие организации, от Национального совета по птицеводству до Ассоциации производителей цыплят и Федерации аккредитованных заводчиков, а также ряд организаций, связанных с мелким производством продуктов питания, таких как Национальное общество аллотентов и Женская ассоциация ферм и садов, но было и несколько организаций, указывающих на участие городских интересов, таких как Ассоциация муниципальных корпораций, Национальный союз гильдий горожан и Ассоциация советов городских округов. Также были представлены Совет по образованию, министерства здравоохранения, продовольствия, информации, снабжения и транспорта, а также ВВС⁷⁵⁴.

До и во время войны в Лондоне существовали клубы птицеводов: Федерация лондонских обществ птицеводов насчитывала около 200 членов и несколько дочерних обществ в Уолворте, Миллуолле, Кентиш-Тауне, Даунхеме, Дептфорде, Дагенхеме и Бетнал-Грине, то есть в основном в районах проживания

---

⁷⁵² Thomas, Domestic food production.

⁷⁵³ Report of the Committee on land utilisation in rural areas (Chairman, Lord Justice Scott) (Cmd 6378, 1942), para. 202 (iv); TNA, HLG 71/621, revised draft of comments on the Scott Committee report, 15 Feb. 1943, p. 1.

⁷⁵⁴ TNA, MAF 54/91, organisations to be represented on the advisory committee on backyard poultry keeping, 8 Dec. 1939.

рабочего класса⁷⁵⁵. Занимались ли их члены больше выставочными или продуктивными породами, неизвестно. Вероятно, до войны они занимались первыми, а во время войны – вторыми. В поместье из 1600 домов во Фрешвилле в Шеффилде существовал Клуб птицеводов и кролиководов, образованный во время войны по предложению организатора из Министерства сельского хозяйства⁷⁵⁶. Клубы свиноводов были наиболее многочисленны в промышленных графствах: в 1944 году наибольшее количество клубов было в Западном Райдинге Йоркшира (596 клубов), Стаффордшире (420), Уорикшире (319) и Ноттингемшире (169). В Лондоне было пять клубов владельцев свиней и 162 кооперативных и столовых клуба⁷⁵⁷. В 1940 году несколько отделов городской полиции в Лондоне открыли клубы свиноводов. В отделении L в Найн-Элмс 80 полицейских состояли в клубе свиноводов, собирая пищевые отходы (напитки) с местных фабрик, кафе и школ; клуб продолжал существовать, хотя и в меньших масштабах, в 1952 году⁷⁵⁸. Двадцать человек из полицейского участка Гайд-парка вступили в клуб свиноводов, построили мусорный бак из бревен разбомбленного дома и собирали напитки из других полицейских участков и близлежащих общежитий. Городской совет Вестминстера собрал 35 000 тонн пищевых отходов, которых хватило бы на откорм 31 000 свиней от рождения до убойного веса. В отчетах внутренней разведки за лето 1940 года содержалась информация об успешной работе коммунальных свинарников в Челси и Мейфере, хотя поступали жалобы на то, что жители Брикстона недостаточно тщательно отделяют пищевые отходы от прочего мусора. Бассейн женского клуба «Карлтон» в Пэлл-Мэлл был превращен в большой свинарник, а в парках паслись коровы и овцы. Хотя с 1939 по 1943 год поголовье свиней в стране сократилось более чем в два раза, а поголовье домашней птицы – почти в два раза, в Мидлсексе и Лондоне количество свиней увеличилось примерно на 50 %, а поголовье домашней птицы за тот же период осталось на прежнем уровне⁷⁵⁹. На крыше New Zealand House сын смотрителя выращивал пшеницу, чтобы кормить кур, и, согласно заметкам Зиглера о Лондоне военного времени, «некоторые пригороды напоминали гигантский птичник, настолько велика была концентрация белых вайандотов, черных легорнов и красных род-айлендов»⁷⁶⁰.

Однако, как это иногда бывает с историями о Второй мировой войне, послевоенная литература и народная память сохраняют позитив. Но есть и другая точка зрения. В мае 1941 года Исполнительный комитет по военному сельскому хозяйству графства Девон обратился к Комитету по аллотам городского совета Эксетера с просьбой рассмотреть возможность создания свиноводческих клубов на аллотах. Комитет немедленно отреагировал на это просьбой предоставить более подробную информацию, которую в следующем месяце предоставил мистер Деншем, сотрудник Исполнительного комитета.

⁷⁵⁵ TNA, HLG 101/309 contains a copy of the Federation's Yearbook for 1939, from which this information is derived.

⁷⁵⁶ TNA, MAF 54/97, letter from W. H. Misfin, 12 May 1945.

⁷⁵⁷ TNA, MAF 126/2, Small Pig Keepers' Council, Annual Report 1945.

⁷⁵⁸ TNA, MEPO 2/6516, Metropolitan Police Pig Clubs.

⁷⁵⁹ Ministry of Agriculture and Fisheries, Agricultural statistics, England and Wales, 1939–44, part 1 (1947), p. 65.

⁷⁶⁰ P. Ziegler, London at war (1995) pp. 257–8; M. Waller, London 1945: life in the debris of war (2004), p. 170; Addison and Crang, Listening to Britain, pp. 258, 265–6, 277.

Отдельные комитеты по аллотам спросили их мнение: в июле ассоциации Сток-Хилл и Сент-Леонардс сообщили, что «не хотят предпринимать никаких действий в отношении содержания свиней», а ассоциация Сент-Томас рассматривала этот вопрос. В сентябре городской землемер сообщил, что стоимость свинарника для шести свиней составит 56 фунтов стерлингов, еще 19 фунтов стерлингов уйдет на подведение воды к участку, и Комитет по аллотам принял решение отложить дальнейшее рассмотрение вопроса до следующей весны. Никаких дальнейших действий не последовало, и в протоколах комитета нет никаких упоминаний о домашней птице или кроликах. В протоколах комитета по жилищному строительству и здравоохранению Эксетера также ничего не говорится о домашнем скоте, как и в протоколе Совета сельского округа Тотнес⁷⁶¹. Поскольку маловероятно, что школы и столовые в Эксетере и Тотнесе не собирали помои для свиней, наиболее вероятным объяснением очевидного отсутствия интереса к клубам свиноводов кажется то, что местные фермеры находились достаточно близко к городским источникам, чтобы собирать и использовать помои местного производства. Однако очевидно, что не все городские жители стремились вступить в свиноводческие клубы или хотели производить собственные яйца.

IV

Одной из возможных причин отсутствия энтузиазма были расходы на строительство подходящего жилья. Приведенная выше оценка в 75 фунтов стерлингов, вероятно, относилась к правильно построенному жилью с использованием новых материалов, и ее необходимо рассматривать в соответствующем контексте. С одной стороны, большинство свинарников и птичников, вероятно, были построены непрофессионалами из подручных материалов: в письме Совета городского округа в Министерство здравоохранения в 1950 году говорится о «всевозможных неприглядных сараях и строениях в ... задних садах»⁷⁶². И наоборот, даже если сократить эту оценку затрат в три или четыре раза, ее нужно сравнить со средней недельной зарплатой неквалифицированного труда в несельскохозяйственных профессиях, составлявшей около 4 фунтов стерлингов в 1940 году, а инспектор Министерства сельского хозяйства в 1939 году специально назвал стоимость жилья причиной медленного распространения городского птицеводства «для большинства жильцов жилых комплексов, и есть риск, что им придется отказаться от него, когда закончится война»⁷⁶³. Также существовал вопрос опыта. В Эксмуте (Девон) в дневнике Эстер Роули записано, что суббота 16 мая 1942 года была «ужасным днем в мире птиц. Эмбер раздавила всех своих птенцов... Я немного

---

⁷⁶¹ Devon Archives and Local Studies, Exeter City Archives, ECA/11/2, Allotments Committee Minutes, 1939–49, pp. 176–80; ECA/22/2, Housing Committee Minutes, 1936–46; ECA/26/3, Public Health Committee Minutes, 1938–44; R9/8/C/37, Totnes RDC Minute Book 1939–42.

⁷⁶² TNA, HLG 52/1298, letter from the Clerk of Sedgley UDC to the Ministry of Health, Birmingham, 15 Mar. 1950.

⁷⁶³ TNA, MAF 54/91, letter from J. A. Caseby, 4 Dec. 1939. Wages figures are given in Murray, *Agriculture*, p. 83. Agricultural wages were raised to £2 8s. in 1940.

виню себя за то, что не продумала все это раньше»⁷⁶⁴.

Хотя содержание кур-несушек и свиней на откорме не обязательно требует огромных технических знаний или опыта, вероятность того, что городские жители обладают ими, предположительно, была ниже, чем у жителей сельской местности. Отчасти именно для решения этой проблемы Совет домашних свиноводов нанял 11 региональных сотрудников, один из которых жил в Кадоган Гарденс и отвечал за Лондон и Мидлсекс, а также Кент и Суррей. Совет домашних птицеводов также имел несколько оплачиваемых региональных организаторов и более тысячи добровольных лекторов и местных технических консультантов. Например, в марте 1945 года клуб домашних птиц и кроликов Верхнего Норвуда наслаждался лекцией, проиллюстрированной цветными слайдами мистера А. Айзена, регионального организатора Министерства сельского хозяйства. Ранее в годы войны Лондонский зоопарк проводил курсы по содержанию домашней птицы в закрытых помещениях и разведению кроликов, пчел, голубей и шелкопрядов⁷⁶⁵.

Таким образом, существовали некоторые веские причины, по которым жители городов могли самостоятельно принять решение не держать домашний скот. В равной степени существовали причины, по которым местные и национальные власти могли быть настроены недоброжелательно: неудобства, нехватка кормов и проблема черного рынка. Комментируя отчет Скотта в 1943 году, государственный служащий Министерства здравоохранения перечислил проблемы, которые, по его мнению, могут возникнуть из-за содержания свиней и птицы в городских районах: «Нанесение ущерба благоустройству из-за возведения самодельных курятников... вероятность запаха, особенно, конечно, в случае содержания свиней, и шума в случае домашней птицы... привлечение паразитов. Присутствие продуктов питания... привлекает мышей и крыс»⁷⁶⁶. Из протокола на лицевой стороне соответствующего дела видно, что слово „куры“ было намеренно использовано в формулировке DR 62B, чтобы исключить петушков из списка животных, которых можно было содержать в жилых комплексах, где до войны домашний скот был исключен⁷⁶⁷. Местные власти не проявляли энтузиазма в отношении городского скота до войны, а когда конфликт закончился, они вновь перешли в наступление. Почти сразу после Дня Победы мистер У. Х. Мисфин, президент Клуба домашней птицы и кроликов в поместье Первого национального жилищного треста во Фрешвилле в Шеффилде, написал Тому Уильямсу, тогдашнему младшему министру в Министерстве сельского хозяйства, чтобы заручиться его поддержкой как товарища по шахтерскому делу в Йоркшире. Его клубу сообщили, что трест отзовет разрешение на содержание домашней птицы «по окончании чрезвычайного периода», и он был уверен, что мистер Уильямс, будучи сам шахтером, поймет их чувства. Уильямс ответил, что никаких изменений не предвидится, «пока сохраняется нынешняя сложная ситуация с продовольствием», что означает по

---

⁷⁶⁴ J. Folkes (ed.), *Dogs, goats, bulbs and bombs: Esther Rowley's wartime diaries of Exmouth and Exeter* (2010), p. 137.

⁷⁶⁵ TNA, MAF 126/2, SPKC Annual Report, 1952; Brown Report, p. 24; Waller, London 1945, p. 171; Ziegler, *London at war*, p. 44.

⁷⁶⁶ TNA, HLG 71/621, revised draft of comments on the Scott Report, 15 Feb. 1943, p. 6.

⁷⁶⁷ TNA, MAF 54/97, Removal of restrictions on keeping pigs and poultry, 1939–48.

меньшей мере два или три года⁷⁶⁸. В 1950 году клерк ОДК Седжли заявил, что политика его совета в свете продолжающейся нехватки продовольствия заключается в разрешении держать «разумное количество» кур и не более одной-двух свиней, но «что касается других животных... совет налагает полный запрет... и, следовательно, шумные существа, такие как петухи и петушки, гуси и гусаки, утки и селезни, индюки и т. д., полностью запрещены»⁷⁶⁹. Новые послевоенные комплексы сборных бунгало («префаб») создавали особые проблемы, поскольку плотность застройки была выше, чем в довоенных муниципальных комплексах. В 1946 году городской секретарь г. Ярмут обратился в Министерство здравоохранения с просьбой внести поправки в DR 62B, поскольку его совет считал, что 700 бунгало на небольшой территории – это слишком плотная застройка, не позволяющая содержать домашний скот. В ответ оба министерства – здравоохранения и сельского хозяйства – заняли одинаковую позицию: домашний скот может быть запрещен по соображениям общественного здоровья и вредности, несмотря на положения DR 62B, и решение об этом остается за местными властями⁷⁷⁰. Некоторым этого было недостаточно. В 1948 году городской секретарь г. Гримсби обратился в Министерство здравоохранения с просьбой отменить Положение об обороне 62B, чтобы его совет мог закрыть свинарники, присутствие которых было «далеко нежелательным» с точки зрения планирования, но которые не наносили «вреда здоровью или не являлись вредными в смысле Закона об общественном здравоохранении 1936 года». В итоге DR 62B был отменен только 1 июля 1951 года⁷⁷¹.

Вышеприведенный список проблем относится именно к городским свиноводческим и птицеводческим хозяйствам. Были и дополнительные проблемы, которые касались всех мелких производителей интенсивного животноводства, независимо от того, где они находились – в городе или в деревне. Одной из них был черный рынок, который порождал сложное сочетание действий и ответных мер⁷⁷². Другой проблемой была нехватка кормов, которая касалась как городских, так и сельских производителей, хотя и имела одно специфически городское измерение в вопросе свинопоголовья. Хотя во время войны и городские, и сельские свиноводы использовали свиное пойло, представляется вероятным, что одной из причин продвижения городских свиней было то, что они находились ближе к обильным запасам пойла. Проблемы с поставками кормов усилили официальный интерес к откорму свиней, и в 1940 году Координационный комитет по экспериментам со свиньями подготовил отчет о нем. Они отметили, что до сих пор оно использовалось в основном в окрестностях городов и крупных учреждений, и высказали мнение, что можно было бы более эффективно использовать свиные помои из небольших городских районов. В последующих

---

⁷⁶⁸ TNA, MAF 54/97, letters from W. H. Misfin, 12 May and by T. Williams, 28 May 1945.

⁷⁶⁹ TNA, HLG 52/1298, letter from the Clerk of Sedgley UDC, 15 Mar. 1950.

⁷⁷⁰ TNA, HLG 101/309, letter from Yarmouth Town Clerk 2 Aug. and reply, 26 Aug. 1946; see also AF 54/97, Removal of restrictions on keeping pigs and poultry, 1939–48.

⁷⁷¹ TNA, HLG 71/621, letter from Grimsby, 23 Nov. 1948; written answers to Parliamentary Questions, 5 May 1952.

⁷⁷² In April 1945 Virginia Potter wrote 'I saw goose eggs in Fortnum and Mason's at 3s. 9d. each!! I sell mine for sixpence each, as am not Queen of the Black Market'. Potter (ed.), *Shared histories*, p. 211. The best recent work on the wartime black market is in M. Roodhouse, 'Popular morality and the black market in Britain, 1939–55', in Trentmann and Just, *Food and conflict*, pp. 243–65, and M. Roodhouse, *Black Market Britain, 1939–1955* (2013). Some of the issues that arose were also dealt with in the film, *A private function* (Handmade Films, 1984, dir. Malcolm Mowbray).

отчетах указывались различные качества помоев, в зависимости от того, состояли ли они из «растительных остатков», «остатков хлеба, мяса или пудинга» или их смеси⁷⁷³. Тем не менее, и это неудивительно, перед лицом значительных вспышек ящура в военное время, официальное отношение к кормлению помоями оставалось двойственным. С одной стороны, это был очевидный способ получения дополнительной пищи из отходов, неизбежных при приготовлении овощей; с другой стороны, поскольку помои почти неизбежно были загрязнены обрезками мяса и костей, получавшихся из мяса, импортированного из стран, где ящур был эндемичен, оно также являлось потенциальным источником заболевания. По этой причине в соответствии с Постановлением о ящуре (кипячение кормов для животных) все помои должны были кипятиться не менее часа, а подозрительное импортное мясо поставлялось только в города, где созданный в 1942 году Совет по отходам пищевой промышленности содержал заводы по кипячению помоев, которые с достаточной степенью уверенности могли уничтожить вирус. Самый известный из них находился в лондонском районе Тоттенхэм. Это дало название «Тоттенхэмскому пудингу» – помоям, уваренным до такой степени, что они теряли большую часть влаги и становились достаточно сухими, чтобы его можно было перевозить в мешках по железной дороге. «Тоттенхэмский пудинг» стал настолько популярным кормом для свиней и птицы, что его цена возросла, и во многих других городах установили необходимое оборудование для переработки пищевых отходов. В одном из современных учебников «Тоттенхэмский пудинг» описывался как «хороший корм для откорма и разведения свиней при условии, что он не содержит таких посторонних материалов, как битое стекло, посуда, куски железа и гвозди»⁷⁷⁴.

V

Производство продуктов питания в домашних хозяйствах (в отличие от сельскохозяйственного производства) во время Второй мировой войны составляло относительно небольшую долю – около 10% от общего объема национальных поставок продовольствия. Это было примерно такого же порядка величины, как вклад поставок по ленд-лизу из Соединенных Штатов, которые в 1943–44 годах обеспечили поставку 10% энергии и около 17% белков и жиров⁷⁷⁵. Однако, как следует из цифр, приведенных ранее в этой статье, домашние производители в Великобритании, определяемые как те, чьи владения были меньше акра, вероятно, отвечали за более высокую долю производства свиней и птицы (и, следовательно, белков и жиров). Производство яиц выросло примерно на 50%, и к 1943–44 годам составляло 25% национальных поставок яиц. В следующем году эта доля была еще

---

⁷⁷³ Anon, 'Pig feeding with swill', *Agriculture* 46 (1939–40), pp. 692–3; V. C. Fishwick, 'Swill as a pig food', *Agriculture* 47 (1940–41), pp. 264–6; J. W. Reid, 'War-time feeding of pigs', *Agriculture* 48 (1941–42), pp. 94–8.

⁷⁷⁴ A. Woods, *A manufactured plague: the history of Foot and Mouth Disease in Britain* (2004), p. 87; Anon, 'Pig feeding with swill', p. 693; A. Woods, 'A historical synopsis of farm animal disease and public policy in twentieth-century Britain', *Philosophical Transactions of the Royal Society B*, 366 (2011), pp. 1943–54; E. T. Halnan and F. H. Garner, *The principles and practice of feeding farm animals* (sec. edn, 1944), pp. 329–30.

⁷⁷⁵ I. Zweiniger-Bargielowska, 'Fair Shares? The limits of food policy in Britain during the Second World War', in Zweiniger-Bargielowska et al. (eds), *Food and war*, p. 126.

выше. К 1945 году данные, приведенные в таблице 1, свидетельствуют о том, что свиньи из хозяйств площадью менее акра составляли около 15% от общего количества свиней, забитых в Великобритании, в то время как до войны их доля не превышала 5%. Однако, как следует из обсуждения таблицы 1, остаются сомнения в точности официальных данных. Гинн показывает, что это относится и к домашнему овощеводству⁷⁷⁶.

Провести различие между городскими и сельскими производителями среди общей категории домашних животноводческих хозяйств сложнее. Прямой сравнение между городом и деревней безнадежно упрощено. Существует плавный непрерывный переход от дикой природы к мегаполису, включающий в себя земледелие, рассеянные поселения, деревни с ядрами, малые и большие города. Сейчас очень сложно определить, где именно содержались городские животные. Были ли они в основном в пригородах? В больших или малых городах? Когда маленький город превращается в большую деревню, и заканчивается ли городская черта на границе маленького города? Данные социального обследования военного времени по сельским районам были определены в терминах районов местных властей, но как городские, так и сельские районные советы содержали застроенные территории, поля и необработанные земли. Таким образом, категоризация основана на произвольных различиях, и, поскольку она достаточно хорошо работает в административных целях, из этого не следует, что она будет так же хорошо служить для разграничения районов, в которых наблюдались различия в опыте и отношении к домашним животным. Тем не менее, представляется очевидным, что чем более сельским был район, тем чаще его жители держали домашнюю птицу и/или свиней. Аналогично, чем больше сад, прилегающий к дому, тем выше вероятность того, что в нем будут содержаться свиньи или домашняя птица. И наконец, независимо от размера, чем ближе ферма или мелкое хозяйство находилось к городу, тем больше вероятность того, что они могли практиковать кормление помоями и, следовательно, тем больше вероятность того, что они могли содержать свиней.

Оглядываясь на чрезвычайные обстоятельства военного времени, возникает вопрос о том, оправдались ли усилия и ресурсы, затраченные на домашнее свиноводство и птицеводство. Одна точка зрения заключается в том, что яйца и свинина были настолько дефицитны, что любые способы увеличить их поставки были оправданы, особенно если для этого использовались побочные продукты, которые в противном случае были бы выброшены на ветер. С другой стороны, даже отходы имели определенную стоимость. Как утверждает Гинн, производство продуктов питания в домашних хозяйствах, будь то овощи или продукты животноводства, бросало вызов способности государственных органов организовывать и контролировать поставки и потребление продовольствия⁷⁷⁷. Это также требовало изменения правил, ранее широко применявшихся местными органами власти, особенно в отношении шума, запахов и наличия паразитов. Это, вероятно, усложнило контроль над черными или (точнее, серыми) рынками продовольствия. Более конкретно, существовал вопрос (вероятно, не имеющий

---

⁷⁷⁶ Ginn, 'Dig for Victory!', pp. 303–4.

⁷⁷⁷ Ibid., p. 298.

ответа) о том, привела бы балансирующая мука, поставляемая домашним производителям, к большему или меньшему производству белка, если бы она использовалась на фермах. Кроме того, существуют прямые затраты на наем административного и консультативного персонала для работы с домашними производителями продуктов питания, хотя вряд ли их количество было очень значительным.

В противовес этим издержкам существовало то, что можно назвать преимуществами для национального морального духа, хотя и это не было однозначным. Истории о производстве и совместном использовании яиц и свинины были частью того, что последующие историки описывали или подвергали сомнению как «народную войну» или миф о социальной солидарности военного времени. Важной частью этого мифа была идея о том, что нормирование обеспечивало справедливую долю для всех, независимо от дохода или социального класса⁷⁷⁸. Тот факт, что те, кто жил в домах с большими садами, скорее всего, имели место для содержания свиней или птицы, бросает этому вызов, хотя увеличение доступности участков для тех, у кого нет садов, является контраргументом. Как утверждает Гинн, дальнейшее изучение мелкомасштабного производства продовольствия в военное время как ничто другое показывает сложность истории⁷⁷⁹. Хотя акцент был сделан на городских свиньях и птице, это продемонстрировало сложность их изоляции от животных, содержащихся вдали от городских центров. С другой стороны, кажется очевидным, что с точки зрения кормов, опыта в животноводстве и отношения чиновников существовали ощутимые различия между городом и деревней, хотя были и классовые различия как в городской, так и в сельской местности, которые, возможно, были не менее значимыми. Например, в 1941 году журнал Национального союза сельскохозяйственных рабочих «The Land Worker» указывал, что сельскохозяйственным рабочим, живущим в коттеджах, часто запрещалось держать скот⁷⁸⁰.

Вопрос о классовых различиях в военное время – лишь одна из проблем, поднятых в данном исследовании домашнего свиноводства и птицеводства. Учитывая работу Сони Роуз и Росса Маккиббина, он, вероятно, является одним из наиболее хорошо изученных⁷⁸¹. Но есть и другие, которые здесь только затронуты, и которые явно заслуживают дальнейшего изучения. Например, хотя о них упоминает большинство авторов, пишущих о производстве продовольствия в военное время, в последнее время, кажется, нет подробного исследования свиноводческих клубов. Распространение домашнего производства также должно было поставить перед начинающими свиноводами вопросы, которые им никогда не приходилось решать, особенно в отношении забоя и переработки в то время, когда домашний холодильник был редкостью, а

---

⁷⁷⁸ Zweiniger-Bargielowska, 'Fair Shares?', pp. 127–30; Rose, *Which People's War?*, p. 35; Ginn, 'Dig for Victory!', p. 302.

⁷⁷⁹ *Ibid.*, p. 304.

⁷⁸⁰ Rose, *Which people's war?*, p. 206. The reason that was usually advanced for this ruling was that it removed any temptation to use the farm's feedstuffs for the worker's livestock.

⁷⁸¹ Rose, *Which people's war?* esp. ch. 2 but also pp. 205–12; R. McKibbin, *Classes and cultures: England, 1918–1951* (1998) p. 531. See also Brassley and Potter, 'A view from the top'.

домашняя глубокая заморозка неизвестна⁷⁸².

Как мы уже видели, эти условия не закончились в одночасье с окончанием войны, а сохранились до конца 1940-х – начала 1950-х годов. Согласно ранним послевоенным учебникам, у свиней, проданных Министерству продовольствия, было два варианта. Их можно было либо доставить в официальные центры сбора, представлявшие собой довоенные аукционные рынки скота, откуда они распределялись по бойням или беконным фабрикам, либо отправить непосредственно на беконные фабрики⁷⁸³. Как отмечалось выше, для тех свиней, что не должны были продаваться Министерству, все равно необходимо было подать заявку на получение разрешения на убой и отправить свинью на лицензированную бойню, «если только у владельца не было ранее разрешения на убой или если отправка на бойню вызовет чрезмерные неудобства. В таких случаях свинья может быть убита дома»⁷⁸⁴. Степень применения этого положения об исключении на практике неизвестна, и это может стать интересной темой для дальнейших исследований по истории свиноводческих клубов.

VI

В апреле 1965 года государственный служащий Министерства сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия подготовил письмо для отправки мистеру Джорджу Брауну, который был первым председателем Национального совета по внутреннему производству продуктов питания, но в то время занимал пост государственного секретаря по экономическим вопросам:

«В послевоенные годы, когда был создан Совет, ощущалась нехватка продовольствия, и с этой точки зрения правительство было заинтересовано в продуктах питания, производимых на приусадебных участках, мелкими свиноводами, птицеводами и другими. Теперь эта деятельность должна рассматриваться как социальная и рекреационная, а не с точки зрения производства продуктов питания; и поэтому она больше не представляет положительного интереса для моего Министерства»⁷⁸⁵.

Эта официальная классификация подворного интенсивного животноводства демонстрирует мнение о том, что это был экстраординарный бизнес для экстраординарных времен, краткий период военного и послевоенного времени, когда мелкомасштабное и городское свиноводство и птицеводство считалось достаточно важным, чтобы приостановить действие ряда существующих правил, норм, взглядов, практики и ожиданий, и временно

---

⁷⁸² Presumably it posed fewer difficulties for those who had kept pigs before the war. The author's grandmother, for example, who lived in a Lincolnshire village, kept a pig in a sty next to her outdoor earth closet from the beginning of the twentieth century to the 1950s. When its time came, her eldest son simply shot it with his rifle before helping her to butcher it and distribute the meat to the family and neighbours. At that time there were fewer slaughter regulations than there are now.

⁷⁸³ H. R. Davidson, *The production and marketing of pigs* (1948), pp. 66–7.

⁷⁸⁴ A. Morley, *The right way to pig keeping and breeding* (1950), p. 105.

⁷⁸⁵ TNA, MAF 126/100, National Council for Domestic Food Production – discussion of future, 1964–65. Another note in the same file suggests that the Ministry had come to this conclusion by 1960. In May 1965 responsibility for the Council was transferred to the Ministry of Land and Natural Resources on the grounds that the latter ministry was to enquire into policy on allotments.

вернуться к тому, что считалось архаичным и, возможно, нецивилизованным способом.

Перевод Максима Шерстюка

Выходные данные статьи: Paul Brassley Pig clubs and backyard chickens: the significance of household producers in Britain in the Second World War. *Agricultural History Review*, Volume 66 Part 1 (2018), pp. 93-111.

ФОРМИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО ФЕРМЕРСТВА: МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, 1920-1950-Е ГОДЫ*

Амалия Рибби Форклас

Аннотация. В межвоенные годы сельскохозяйственное образование стало одним из центральных вопросов в международных дебатах о модернизации сельского хозяйства и развитии сельских территорий. На фоне научно-технических изменений реформаторы и эксперты рассматривали профессионализацию людей, работающих в сельском хозяйстве, как необходимое условие для обеспечения жизнеспособной сельской экономики при сохранении ее сельскохозяйственной самобытности. Международные организации и ассоциации спорили о практическом и теоретическом образовании, о сельском характере учебных программ и объеме знаний, необходимых для создания современного фермера. Как утверждается в данной статье, межвоенный международный призыв к более широкому и систематическому сельскохозяйственному образованию отвечал целому ряду политических, экономических и социальных проблем. В статье рассматриваются международные усилия по улучшению сельскохозяйственного образования в 1920-х годах, появление новых организаций в 1930-х годах и то, как эти усилия предвосхитили стратегии развития сельских районов, разработанные такими агентствами по развитию, как Продовольственная и сельскохозяйственная организация после Второй мировой войны.

В последние двадцать с лишним лет историки описывают период с середины XIX до середины XX века как период большего интернационализма, транснационального сотрудничества и обмена, который формировал и определял националистические идеи и политику⁷⁸⁶. Как и многие другие социальные, экономические и политические вопросы, сельское хозяйство все чаще становилось объектом международного научного и реформаторского внимания⁷⁸⁷. Начиная с конца XIX века и далее, на фоне социально-экономических преобразований сельской местности, ученые-эксперты и группы, представляющие интересы сельского хозяйства, регулярно собирались на международные конференции и конгрессы, чтобы обсудить самые разные темы – от болезней растений и саранчи до вопросов производства и индустриализации⁷⁸⁸. Как отмечают редакторы во введении к этим очеркам, с созданием международных ассоциаций и учреждений, таких

---

*Автор благодарит организаторов этого специального выпуска Хуана Пан-Монтохо и Никколо Миньями, а также двух анонимных рецензентов и редактора журнала за ценные комментарии к предыдущим версиям этой статьи.

⁷⁸⁶ See, for example, E. Rosenberg, 'Transnational currents in a shrinking world', in E. Rosenberg (ed.), *A world connecting, 1870–1945* (2012), pp. 815–995. G. Sluga, *Internationalism in the age of nationalism* (2013). M. Herren, 'Governmental internationalism and the beginning of a new world order in the late nineteenth century', in M. H. Geyer, J. Paulmann (eds), *The mechanics of internationalism. Culture, society, and politics from the 1840s to the First World War* (Oxford 2001), pp. 121–44.

⁷⁸⁷ J. L. Van Zanden, 'The first green revolution. The growth of production and productivity in European agriculture, 1870–1914', *EcHR* 44 (1991), pp. 215–39.

G. Pecout and M. Pigenet (eds), *Campagnes et sociétés en Europe 1830–1930* (2005).

⁷⁸⁸ S. Castonguay, 'Creating an agricultural world order: regional plant protection problems and international phytopathology, 1878–1939', *Agricultural Hist.* 84 (2010), pp. 46–73.

как Международная сельскохозяйственная комиссия (МСК) в Париже в 1889 году, Международный институт сельского хозяйства (МИС) в Риме в 1905 году и Международная организация труда (МОТ) в Женеве в 1919 году, эти международные сети еще больше укрепились, подкрепленные растущей заботой о координации международной торговли, экономической жизнеспособности и социальном благополучии сельского населения⁷⁸⁹.

Тенденция к большей интернационализации и сотрудничеству между группами аграрных интересов продолжилась и после Первой мировой войны. Период после войны был одновременно временем кризиса и инноваций в сельском хозяйстве. Повсеместные разрушения, нанесенные войной, и колебания цен на сельскохозяйственную продукцию, вызванные избытком продовольствия, повсеместно сказывались на средствах к существованию сельскохозяйственных производителей, что привело к более активному вмешательству государства⁷⁹⁰. Как известно, в межвоенные годы в Европе появился ряд националистических аграрных схем социальной инженерии. Идеи о том, как ревалоризировать, модернизировать и контролировать «крестьянство», а также максимизировать производство и достичь национальной автаркии, варьировались от коллективных мер, таких как советский колхоз, до итальянской битвы за пшеницу⁷⁹¹. По-прежнему сохранялись значительные различия между национальными границами и международными ландшафтами в том, что касается методов ведения сельского хозяйства, организации труда, размеров ферм, выращивания сельскохозяйственных культур, животноводства и внедрения научных и технологических инноваций⁷⁹². Но война также выявила, насколько запутанными были сельскохозяйственные рынки и как необходимо было искать транснациональные решения национальных проблем. Таким образом, война также придала новый импульс довоенным международным аграрным сетям, которые выявили общие проблемы и необходимость расширения сельскохозяйственного сотрудничества, количественной оценки и стандартизации⁷⁹³. Таким образом, несмотря на протекционистскую и националистическую политику в отношении сельских жителей, которая обычно считалась доминирующей в межвоенный период, в 1920-е и 1930-е годы также наблюдалось расширение международного сотрудничества по

---

⁷⁸⁹ Juan Pan-Montojo, 'International institutions and agriculture: from the IIA to the FAO', in C. Martiin, J. Pan-Montojo and P. Brassley (eds), *Agriculture in capitalist Europe: from food shortages to food surpluses* (2016), pp. 23–43. Also, on the issue of rural hygiene,

I. Borowy, *Coming to terms with world health: The League of Nations Health Organization, 1921–1946* (2009). A. Nützenadel, 'A green international? Food markets and transnational politics, 1850–1914', in A. Nützenadel and F. Trentmann (eds), *Food and globalization: consumption, markets and politics in the modern world* (2008), pp. 153–73. *AgHR* 65, II, pp. 320–39

⁷⁹⁰ B. Ziemann, 'Agrarian society', in Jay Winter (ed.), *The Cambridge history of the First World War* (2 vols, 2014), pp. 382–407. M. Tracy, *Government and agriculture in Western Europe, 1880–1988* (1988).

⁷⁹¹ J. Burchardt, 'Editorial: rurality, modernity and national identity between the Wars', *Rural Hist.* 21 (2010), pp. 143–50.

⁷⁹² On differences within one country, see D. Fitzgerald, *Every farm a factory: the industrial ideal in American agriculture* (2003), pp. 17–18.

⁷⁹³ For more on agrarian internationalism see Georg von Grävenitz, *Argument Europa: internationalismus in der globalen agrarkrise der zwischenkriegszeit (1927– 1937)* (2017).

социальным и экономическим вопросам, начиная от стандартизации сельскохозяйственной статистики и заканчивая дискуссиями по улучшению социальных прав людей, работающих в сельскохозяйственном секторе⁷⁹⁴.

Одним из важнейших вопросов, который связывал существующие экономические и социальные проблемы с будущим сельского населения, был вопрос об образовании. С начала 1920-х годов термин «сельскохозяйственное образование» стал одним из ключевых слов в международных дискуссиях. Все крупные международные организации и конференции, от МСК до МОТ, включили вопрос об образовании в свою повестку дня как нечто, что необходимо продвигать и стандартизировать. Образование рассматривалось многими межвоенными реформаторами и международными чиновниками как средство распространения новых методов и технологий, превращения неквалифицированных рабочих в квалифицированных работников, с целью улучшения сельскохозяйственной практики и средств к существованию в сельской местности и в то же время максимального увеличения производства, обеспечивая тем самым будущее сельской экономики и сохраняя ее аграрную идентичность. Реформаторы и эксперты в области сельского хозяйства, включая новые профессиональные группы экономистов-аграриев и сельских социологов, сходились во мнении, что образование является стержнем развития сельского хозяйства и сельских районов.

Но что именно означало «сельскохозяйственное образование» в интернационалистском языке и каковы были мотивы регулирования и стандартизации? Насколько дискуссии о сельскохозяйственном образовании были мотивированы реформистской программой социального прогресса с улучшением условий труда и жизни или стремлением установить более жесткий социальный контроль над сельской местностью⁷⁹⁵? Было ли сельскохозяйственное образование инструментом для сокращения оттока сельского населения или, напротив, мерой по замене масс якобы необразованных крестьян новым профессиональным классом квалифицированных сельскохозяйственных рабочих? Насколько эти дискуссии ограничивались определенными частями Европы, или же существовало более глобальное видение образования как средства развития сельского хозяйства? И наконец, какую роль в этих дискуссиях играли международные организации, и каково, если таковое имело место какое наследие оставили эти межвоенные дискуссии?

В данной статье мы попытаемся ответить на эти вопросы через призму архивов международных организаций и ассоциаций, используя последние в качестве «транснациональных объектов изучения», которые освещают циркуляцию идей и дебаты по вопросам сельскохозяйственного

---

⁷⁹⁴ A. Ribi Forclaz and L. van de Grift (eds), *Governing the rural in interwar Europe* (2017). N. Vivier and S. Petmezas, 'The state and rural societies', in N. Vivier (ed.), *The state and rural societies: policy and education in Europe 1750–2000* (2008), p. 25.

⁷⁹⁵ On education as a means of social control and regulation, see the editors' introduction in T. S. Popkewitz, B. M. Franklin, and M. A. Pereyra (eds), *Cultural history and education: critical essays on knowledge and schooling* (2001).

образования⁷⁹⁶. Статья, основанная на материалах МСК, МИС и МОТ, начинается с описания изменений, произошедших в сельском хозяйстве в межвоенные годы. Затем в ней рассказывается о том, как сельскохозяйственное образование стало основной темой дискуссий, проходивших в штаб-квартире МОТ в Женеве.

В статье рассматриваются существовавшие взгляды на то, что должно делать сельскохозяйственное образование, на надлежащий баланс между теоретическими и практическими знаниями и на то, должны ли сельские школы иметь специальную учебную программу, адаптированную к будущему сельскому населению.

Как станет ясно из дальнейшего, международный призыв к более широкому распространению и стандартизации сельскохозяйственного образования в межвоенный период был направлен на решение целого ряда политических, экономических и социальных проблем. Для разных людей сельскохозяйственное образование означало разные вещи. Для одних создание фермерского образования в начальных школах рассматривалось как способ пробудить в сельских детях интерес к сельскохозяйственному труду, другие верили в отправку агентов по распространению знаний для обучения взрослых фермеров практическим навыкам. Третья точка зрения считала, что прогресс будет достигнут благодаря профессиональному образованию (по-французски «*enseignement professionnel*»), то есть техническому образованию, которое сочетает теоретические знания с практическим опытом и специально готовит ученика к работе в сельском хозяйстве. В той или иной форме все эти методы были направлены на повышение уровня интеллекта и эффективности фермера, а также на контроль за распространением новых научных знаний, с помощью которых можно было бы добиться профессионализации и модернизации сельскохозяйственных производителей. Обсуждая эти дебаты, статья подчеркивает изменения и преемственность в международных усилиях по продвижению лучшего сельскохозяйственного образования в 1920-х и 1930-х годах. В ней описывается, как межвоенные усилия предвосхитили стратегии развития сельских районов, разработанные такими агентствами по развитию, как Продовольственная и сельскохозяйственная организация после Второй мировой войны⁷⁹⁷.

I

На протяжении большей части XVII и XVIII веков передача

---

⁷⁹⁶ I borrow this phrase from Glenda Sluga, 'Editorial: the transnational history of international institutions', *J. Global Hist.* 6 (2011), p. 219. For a similar approach that does not relate to agriculture, see Damiano Matasci, 'L'éducation, terrain d'action internationale. Le bureau international de l'enseignement technique dans les années 1930', *Relations internationales* 151 (2012), pp. 37–48.

⁷⁹⁷ I borrow the term from Cyrus Shayegh who has recently made a similar argument but in a different context. Cyrus Schayegh, 'The interwar germination of development and modernization theory and practice', *Geschichte und Gesellschaft* 41 (2015), pp. 649–84.

сельскохозяйственных знаний и ноу-хау в Европе основывалась на эмпирической передаче от поколения к поколению, через участие и подражание. Ситуация изменилась в XVIII веке, когда в Европе возникла «наука о сельском хозяйстве», сопровождавшаяся первыми попытками организации и институционализации специализированного обучения и преподавания. Этот процесс Питер Джонс назвал «сельскохозяйственным просвещением»⁷⁹⁸. С середины XIX века сельскохозяйственные академии получили широкое распространение, что привело к росту академических исследований и экспериментов, а также к распространению теоретических и научных знаний. Тенденция к «научному» подходу к сельскому хозяйству получила дальнейшее развитие благодаря колледжам земельных грантов в США, исследовательской и преподавательской деятельности филантропических фондов и колониальных экспериментальных станций⁷⁹⁹. В частности, в Центральной Европе профессиональное образование и ученичество, предлагавшие систематическую техническую подготовку для сельскохозяйственных работ, стали более распространенными, хотя по-прежнему охватывали лишь очень небольшую часть сельского населения⁸⁰⁰. Но в целом число фермеров, прошедших подготовку в сельскохозяйственных учебных заведениях, оставалось сравнительно небольшим. На самом деле сторонники сельскохозяйственного образования столкнулись с целым рядом препятствий. Как отметил Ричард Хойл для Великобритании, образование не было необходимо для получения доступа к земле, и, хотя в начале XX века усилились санитарные нормы, подавляющее большинство фермеров как в Европе, так и за рубежом не нуждались в формальном сельскохозяйственном образовании и не были готовы мириться с затратами и потерей труда, которые неизбежно влекло за собой посещение школы⁸⁰¹. Проблемы, которые эта дилемма ставила перед международными образовательными реформами и разработкой политики, были широко признаны. Как сказал один международный наблюдатель: «Фермер, особенно мелкий, спрашивает, почему он должен платить за то, чтобы отправить своего сына, чьих услуг ему не хватает, в учебное заведение, чтобы тот научился тому, чему, в конце концов, его могут бесплатно научить на самой домашней ферме; и отнюдь

---

⁷⁹⁸ On this see Peter Jones, *Agricultural enlightenment: knowledge, technology, and nature, 1750–1840* (2016). The phrase ‘science of agriculture’ is borrowed from id., ‘Making chemistry the “science” of agriculture, c.1760–1840’, *Hist. of Science* 54 (2016), pp. 169–94.

⁷⁹⁹ On the United States, D. B. Danbom, ‘The agricultural experiment station and professionalization: scientists’ goals for agriculture’, *Agricultural Hist.* 60 (1986), pp. 246–55. Jonathan Harwood, *Technology’s dilemma: agricultural colleges between science and practice* (2005). J. M. Hodge, *Triumph of the expert: agrarian doctrines of development and the legacies of British colonialism* (2007), p. 208.

⁸⁰⁰ P. Brassley, ‘Agricultural science and education’, in E. J. T. Collins (ed.), *The agrarian history of England and Wales*, VII, 1815–1914 (2000), pp. 594–649. See also id., ‘Agricultural education, training and advice in the UK, 1850–2000’, in Vivier (ed.), *State and rural societies* and also id., ‘The professionalization of English agriculture’, *Rural Hist.* 16 (2005), pp. 235–51. Caitlin Adams, ‘Rural education and reform between the wars’, in P. Brassley, J. Burchardt and L. Thompson (eds), *The English countryside between the wars: Regeneration or decline?* (2006), pp. 36–52. For France, see the work of M. Boulet et al. (eds), *Les enjeux de la formations des acteurs de l’agriculture, 1760–1945* (2000).

⁸⁰¹ Richard W. Hoyle, ‘Introduction’, in Richard W. Hoyle (ed.), *The farmer in England, 1650–1980* (2013), pp. 12–13.

нелегко ответить на двойной аргумент - о расходах и о том, что можно обойтись без услуг сына, или объяснить, в чем именно заключается превосходство обучения в учебном заведении над тем, что может передать сам отец»⁸⁰².

Именно малочисленность «профессиональных» фермеров привлекла внимание МОТ, одной из основных международных организаций, участвовавших в дебатах по международной социальной политике после Первой мировой войны. МОТ была создана в 1919 году в рамках Версальского договора, в первую очередь для защиты социальных прав промышленных рабочих⁸⁰³. На фоне общей радикализации сельской местности в Европе ее директор, французский социальный реформатор Альбер Томас, вскоре расширил мандат организации, включив в него вопросы условий труда людей, занятых в сельскохозяйственном секторе⁸⁰⁴. Так, в 1921 году ежегодная конференция МОТ включила в свою повестку дня целый ряд сельскохозяйственных вопросов – от рабочего времени до защиты женщин и детей и социального страхования⁸⁰⁵. Кроме того, в штаб-квартире МОТ было создано небольшое постоянное подразделение из трех сотрудников – так называемая Сельскохозяйственная служба – для сбора и обработки материалов по вопросам сельскохозяйственного труда. Ее возглавила получившая образование в Кембридже немецко-британская ученая и интернационалистка Луиза Маттхей (впоследствии Луиза Ховард), которая вплоть до своего ухода из организации в 1932 году постоянно боролась с директором МОТ за увеличение штата, бюджета и общей значимости своего подразделения⁸⁰⁶.

Большая часть ранней работы МОТ в области сельского хозяйства была направлена на узкую группу так называемых сельскохозяйственных (наемных) работников в Европе. Несмотря на это, многие вопросы, которые МОТ рассматривала для сельскохозяйственного сектора, такие как ограничение рабочего времени и защита женщин и детей, оказались слишком спорными. Тем не менее, в результате этих первых усилий к 1921 году Конференция МОТ выпустила ряд руководящих принципов, так называемых рекомендаций, которые не обязывали правительства принимать законодательные меры, но все же должны были быть доведены до их сведения. Среди них была рекомендация по развитию технического сельскохозяйственного образования, в которой членам МОТ предлагалось «стремиться развивать профессиональное сельскохозяйственное

---

⁸⁰² L. E. Howard (née Matthaei), *Labour in agriculture: an international survey* (1935), p. 162.

⁸⁰³ S. Kott and J. Droux (eds), *Globalizing social rights: The International Labour Organization and beyond* (2013).

⁸⁰⁴ International Labour Conference, *Report on the adaptation to agricultural labour of the Washington decisions concerning women and children* (1921). For the draft conventions and recommendations adopted by the conference, see International Labour Conference, *Third session: record of proceedings, I* (1921), pp. 832–52.

A. Ribi Forclaz, 'A new target for international social reform: the International Labour Organization and working and living conditions in agriculture in the interwar years', *J. Contemporary European Hist.* 20 (2011), pp. 307–29.

⁸⁰⁵ Published as International Labour Organization, *A technical survey of agricultural questions* (1921).

⁸⁰⁶ ODNB, 'Howard, Louise Ernestine, Lady Howard (1880–1969)'; Also, Ribi Forclaz, 'A new target for international social reform'.

образование», а также регулярно представлять отчеты о прогрессе этих учреждений⁸⁰⁷. Хотя влияние этих рекомендаций было скромным, они свидетельствовали о том, что впервые постоянная международная организация пыталась решать социально-экономические вопросы, которые до сих пор лишь спорадически рассматривались на международных конференциях, конгрессах и в других учреждениях. Это растущее внимание к образованию, как было показано на примере колониальных стран, также отражало «межвоенную веру в новые методы познания» и уверенность в способности ученых и экспертов «формировать природу и манипулировать ею»⁸⁰⁸.

Исследование 1921 года также показало, что, как и в случае со многими другими сельскохозяйственными вопросами, от социального законодательства до сельскохозяйственной статистики, международные организации столкнулись с нехваткой централизованных данных, и поэтому невозможно провести сравнение между существующими моделями и формами сельскохозяйственного образования в разных странах мира. В ответ на нехватку данных в 1923 году вновь созданная экспертная комиссия по сельскому хозяйству, так называемый Смешанный консультативный сельскохозяйственный комитет, приступила к проведению более тщательного исследования. Комитет, в состав которого вошли члены МОТ и МИС, был призван координировать усилия двух организаций, несмотря на различия в их программах и подходах. Как объясняет в своей статье Никколо Миньеми, МИС возникла благодаря транснациональным реформистским сетям экономистов-аграриев, которых больше интересовало экономическое сотрудничество, чем социальная политика. Как следует из статьи Федерико Д'Онофрио, МИС разделяет с МОТ приверженность созданию знаний и сбору данных. Так, в результате сотрудничества между двумя организациями в страны-члены МОТ была направлена анкета с просьбой предоставить информацию о национальном законодательстве, учреждениях и различных категориях сельскохозяйственного образования - от младших классов школ до вечерних классов, высшего образования и программ распространения знаний, а также о методах преподавания⁸⁰⁹.

В межвоенные годы такие исследования по установлению фактов были очень популярны как в качестве научного инструмента, так и для определения проблем, которые можно было решить в рамках международного сотрудничества, планирования и разработки политики. Целью совместного исследования МОТ и МИС по вопросам сельскохозяйственного образования было «определить положение сельскохозяйственного образования во всем мире и показать путем сравнения различных методов обучения пробелы, которые могут существовать, и улучшения, которые могут быть

---

⁸⁰⁷ 'Recommendation concerning the development of technical agricultural education', third International Labour Conference (1921).

⁸⁰⁸ P. Kallaway, 'Science and policy: Anthropology and education in British colonial Africa during the interwar years', *International J. Hist. of Education* 48 (2012).

⁸⁰⁹ International Labour Organization, *Vocational education in agriculture* (Studies and Reports Series, no. 9, 1929).

достигнуты»⁸¹⁰. По мнению совместной комиссии, сельскохозяйственное образование рассматривалось как гибридный вопрос, сочетающий аспекты социальных прав и благосостояния, относящиеся к компетенции МОТ, и технические и экономические вопросы, такие как ведение хозяйства, сбыт сельскохозяйственной продукции, создание земельных участков и профилактика болезней животных, относящиеся к компетенции МИС⁸¹¹.

Наиболее ощутимым результатом запроса стала подборка национальных отчетов, полученных из 31 страны в Европе и за ее пределами (но не из США и СССР, которые, несмотря на просьбу, не ответили на запрос). Некоторые из этих отчетов содержали подробную информацию об учебных заведениях, количестве учащихся и предлагаемых курсах, но в большинстве из них подчеркивалось, что, по выражению МОТ, «лишь небольшая часть сельскохозяйственного населения обучена знаниям о профессии, которой занимается»⁸¹². Тон, в котором сотрудники МОТ описывали общую ситуацию в сельском хозяйстве, пахивал вековым предубеждением против отсталых фермеров и разрыва между городом и деревней: везде, утверждалось в отчете МОТ, сельскохозяйственное население «застенчивым», «подозрительным», «неуверенным в себе» и «с низким уровнем общей культуры»⁸¹³. Во многом такое положение дел было результатом «неадекватного общего образования в сельской местности», которое, наряду с неадекватным жильем, инфраструктурой и здравоохранением, порождало социально, политически и экономически неполноценное сельское население, уязвимое к переменам и экономическим кризисам⁸¹⁴.

Доклад МОТ о профессиональном образовании выявил «особую потребность в повышении общего уровня [образования]» почти во всех из 31 страны, которые он рассматривал. Как и большинство работ международных организаций в начале 1920-х годов, доклад был ориентирован не столько на разработку международных политических инструментов, сколько на содействие сбору и обмену информацией, на проведение сравнений между различными странами и различными образовательными моделями⁸¹⁵. Таким образом, в докладе также подчеркивались значительные различия,

---

⁸¹⁰ Report of the experts on vocational agricultural instruction submitted to the Agricultural Advisory Committee, Nov. 1925, Archives of the International Labour Organization, Geneva, Series Agriculture, file number 802 (hereafter ILO, AG followed by file number).

⁸¹¹ ILO, AG 800/0/3, 'Report on the second session of the Agricultural Advisory Committee', Rome, 5–7 Nov. 1925, p. 4.

⁸¹² ILO, Vocational education in agriculture, p. 38. The study contained an overview of technical agricultural education in 31 countries across the globe, ranging from Australia to Switzerland and covering countries such as Norway, Finland, Sweden, Denmark, Germany, Switzerland, Austria, Hungary, Czechoslovakia, Poland, Latvia, Estonia, Belgium, France, Spain, Italy, Romania, Yugoslavia, Greece, Scotland, Northern Ireland, Irish Free State, Canada, South Africa, Australia, Argentina, Chile, Cuba, Haiti, British India, China, Japan.

⁸¹³ Ibid., p. 30. On the general acceptance of such prejudice see also J. Handy, "'Almost idiotic wretchedness': A long history of blaming peasants", *J. Peasant Studies* 36 (2009), pp. 325–44.

⁸¹⁴ ILO, Vocational education in agriculture, p. 45.

⁸¹⁵ Lately, historians of international organizations have shown this to be true for various international commissions such as the League of Nations' Permanent Mandates Commission and its Financial and Economic Commission. P. Clavin, *Securing the world economy: the reinvention of the League of Nations, 1920–1946* (2013). S. Pedersen, *The guardians: the League of Nations and the crisis of empire* (2015).

существовавшие в национальных и региональных контекстах, например, между Западной и Центральной Европой и такими странами, как Куба, Гаити и Чили. Он показал, что в некоторых странах правовая база для преподавания сельскохозяйственных знаний была заложена еще в начале XIX века, в то время как в других странах такой базы не существовало. В нем также были отмечены различия внутри Европы, например, в том, что касается распространения сельскохозяйственного ученичества и профессионального обучения. Однако прежде всего в докладе МОТ подчеркиваются общие проблемы, с которыми приходится сталкиваться, преодолевая национальные границы.

II

В целом международные эксперты конца 1920-х годов сошлись во мнении, что перед сельскохозяйственным образованием стояли две основные задачи: во-первых, как держать фермеров в курсе растущего объема теоретических и научных знаний о методах ведения сельского хозяйства, а во-вторых, как привить прогрессивное мышление сельскому населению в целом. По мнению международных чиновников и экспертов, связанных с МОТ, сельскохозяйственное образование было средством формирования сознания фермеров и их открытости к научным знаниям. Таким образом, оно имело «социальную цель», которая выходила за рамки простого обучения, а именно: выпустить «достаточное количество ... образованных фермеров, чьи поры открыты для всех форм новых научных знаний» и которые могли бы возглавить прогресс в сельских обществах⁸¹⁶.

Усиление «научности» сельскохозяйственных дебатов – явление, начавшееся еще в начале XIX века, – получило широкое распространение на международных встречах экспертов, таких как, например, первое послевоенное совещание МСК во Франции в 1923 году. В рамках новой секции под названием «агрономия» члены комиссии обсуждали такие технические и научные вопросы, как новые методы обеззараживания почвы, последние достижения в области растениеводства, использование удобрений, новые машины и возможности селекции семян⁸¹⁷. Возникновение смежных научных дисциплин, таких как сельская социология, изучающая жизнь фермеров, социальную структуру и сельскую культуру, и сельскохозяйственная экономика, описывающая правила производства, распределения и коммерциализации сельского хозяйства, повлияло на то, как национальные правительства и международные организации разрабатывали планы модернизации сельского хозяйства⁸¹⁸. Это еще больше усилило призыв к

⁸¹⁶ ILO, Vocational education in agriculture, p. 46.

⁸¹⁷ ILO AG 1000/13/1, Eleventh international agricultural congress of the CIA, Paris 1923. On the rise of agronomy, see Nathalie Jas, 'Déqualifier le paysan, introniser l'agronome, France 1840–1914', *Ecologie et politique* 31 (2005), pp. 45–55.

⁸¹⁸ On rural sociology, see Raluca Muşat, 'Prototypes for modern living: Planning, sociology and the model village in interwar Romania', *Social Hist.* 39 (2014), pp. 157–84. On the role of agricultural economists, Federico d'Onofrio, *Observing agriculture in early twentieth century Italy: agricultural economists and statistics* (2016).

большей координации и сотрудничеству в рамках международных аграрных ассоциаций и институтов. На международном конгрессе МСК в Варшаве в 1927 году члены аграрных сетей обсудили координацию сельскохозяйственных экспериментов в Европе, а также стандартизацию номенклатуры сельскохозяйственной продукции⁸¹⁹.

На фоне этой научной революции многие опасались, что у так называемого «традиционного» крестьянства с его опорой на эмпирические и простонародные знания нет большого будущего. Считалось, что недостаток образования и профессионализации сельскохозяйственной рабочей силы способствует возникновению порочного круга, в котором необразованные и, следовательно, отстающие аграрии усиливают раскол между городскими и сельскими жителями, что в конечном итоге ставит под угрозу экономическое выживание последних. Руководитель сельскохозяйственной службы МОТ Луиза Маттхей высказалась от имени многих международных экспертов, заявив следующее:

«Интеллектуальные возможности сельских жителей... в целом недостаточны даже в тех странах, где обязательное образование действует уже много лет. В сельском хозяйстве культивируется большая зависимость и вера в традиционный опыт и традиционные формы управления. Такой опыт, как правило, полностью эмпирический»⁸²⁰.

Предлагалось изменить такие эмпирические знания не только в отношении методов производства, но и в отношении ведения фермерского хозяйства в целом. Образовательные мероприятия были направлены как на мужчин, так и на женщин. Этому также способствовало зарождающееся международное понимание экономической и социальной роли женщин в сельской и сельскохозяйственной жизни, в частности, в качестве домохозяек и семейных менеджеров и в меньшей степени в качестве сельскохозяйственных производителей. Новая «женская секция» МСК занималась распространением знаний о домашней экономике и рационализации домашнего хозяйства⁸²¹. Женщины рассматривались как ключевые участники планирования и управления экономикой домашнего хозяйства, улучшения использования ресурсов фермы, а также обеспечения лучшего питания для фермерского хозяйства. Женщины, как часто утверждали международные эксперты, играли ключевую роль в предотвращении оттока населения из сельской местности, поэтому необходимо было обучить их навыкам и использованию трудосберегающих устройств, которые позволили бы уменьшить тяжелый труд, связанный с выполнением многих повседневных задач. Как показала Элизабет Джонс на примере Веймарской республики, взгляды на сельскохозяйственное образование были «гендерными»: было принято считать, что женщины должны поступать в сельскохозяйственные школы, чтобы получить

---

⁸¹⁹ ILO, AG 1000/13/2, Twelfth international agricultural congress of the CIA, Warsaw 1925.

⁸²⁰ Howard, *Labour in agriculture*, p. 164.

⁸²¹ ILO, AG 1000/13/3, thirteenth international agricultural congress of the CIA, Rome 1927.

практическое образование, включая курсы по молочному делу, садоводству и разведению мелкого скота, но не по ботанике или агрономии⁸²².

Однако, как стало ясно из отчетов, собранных МОТ в Женеве, при обучении сельских жителей необходимо соблюдать хрупкий баланс. Слишком большой объем знаний, как опасались, еще больше подорвет узы, связывающие людей с землей, и побудит их искать работу в более привлекательных городских районах. Это особенно важно для другого вопроса, обсуждавшегося Смешанным консультативным сельскохозяйственным комитетом МОТ-МИС в конце 1920-х годов, который в то время волновал многие европейские страны, а именно для проблемы оттока сельского населения⁸²³. Отток сельского населения был расплывчатым термином, который международные организации обычно понимали как «миграцию с вредными последствиями», затрагивающую «сельские районы и сельское хозяйство» и приводящую к перенаселению городов⁸²⁴. Как утверждал автор тематического исследования МОТ об оттоке сельского населения в Германии, «все признают, что более высокий уровень образования будет способствовать развитию у населения большей привязанности к земле»⁸²⁵. И хотя многие соглашались с тем, что все формы технического образования «должны способствовать развитию у сельского населения чувства достоинства своего призвания» и тем самым помогать улучшению его экономического положения, форма и содержание сельскохозяйственного образования вызывали широкие споры⁸²⁶.

В связи с этим одним из спорных вопросов, вызвавших дебаты как на национальном, так и на международном уровне, стал вопрос о «сельском уклоне», то есть о том, следует ли включать в начальную школу ту или иную форму сельскохозяйственного образования, чтобы повлиять на будущий профессиональный выбор детей. К 1920-м годам в большинстве стран было законодательно закреплено обязательное семи- или восьмилетнее обучение в начальной школе для детей в возрасте от семи до четырнадцати лет. Некоторые реформаторы утверждали, что предоставление «сельским детям» «возможности узнать о сельском хозяйстве до выбора профессии в жизни» повышает вероятность того, что они «займутся сельским хозяйством»⁸²⁷. Введение «сельского уклона» оспаривалось, не в последнюю очередь среди стран-членов МОТ. В то время как в большинстве стран существовала та или иная общая форма «сельской ориентации учебной программы» (также понимаемая как адаптация к местным условиям жизни учащихся),

---

⁸²² E. Jones, *Gender and rural modernity: Farm women and the politics of labour in Germany, 1871–1933* (2009), pp. 150–3. N. Verdon, 'Agricultural labour and the contested nature of women's rural work in interwar England and Wales', *Historical J.* 52 (2009), pp. 123–4.

⁸²³ ILO, AG 804/1, Fourth session of the Mixed Advisory Agricultural Committee, Rome 1929.

⁸²⁴ International Labour Organization, *Rural exodus in Germany* (Studies and Reports series K, 9, 1933), p. 5. Another such investigation was carried out in Czechoslovakia in 1935.

⁸²⁵ *Ibid.*, p. 119.

⁸²⁶ *Ibid.*, p. 120.

⁸²⁷ ILO, *Vocational education in agriculture*, p. 48.

подавляющее большинство стран, ответивших на опрос МОТ, выступали против введения профессионального обучения в начальной школе, называя его «нежелательным», «сомнительным» и «едва ли целесообразным»⁸²⁸. Это не касалось колоний и протекторатов, которые не были включены в опрос и в которых, в силу преобладания сельского сектора, сельская ориентация учебных программ была нормой⁸²⁹.

Среди тех, кто выступал против внедрения сельской программы обучения в сельской местности, многие ставили под сомнение ее экономическое обоснование и то, способен ли сокращающийся сельскохозяйственный сектор поглотить излишки сельского населения, в то время как другие возражали по социальным причинам, утверждая, что дети еще слишком малы для усвоения технических знаний или что несправедливо создавать такой детерминизм. Некоторые сельскохозяйственные группы, такие как Национальный союз сельскохозяйственных рабочих Англии и Уэльса, были «категорически против того, чтобы сознательно направлять образование деревенских мальчиков и девочек на подготовку будущих рабочих на земле»⁸³⁰. Мнение МОТ по этому поводу было довольно четким: введение сельского уклона было «неправомерной попыткой заставить определенные группы населения заниматься определенными профессиями»⁸³¹. Как отметила Маттхей, сельский уклон был «сентиментальным» и «противоречил законам экономики». Мало того, что было нереально «удержать всех на земле», Маттхей также утверждала, что сельскохозяйственный уклон в сельских школах «породит разделенное население и вновь закрепит пропасть между городской и сельской жизнью, ликвидация которой была одним из главных достижений XIX века»⁸³².

Таким образом, с точки зрения МОТ, начальные школы не были местом для введения сельскохозяйственного образования. Напротив, организация выступала за стандартизацию профессионального сельскохозяйственного образования или системы ученичества в сельском хозяйстве как особой и систематической формы «высшего технического образования», в которую учащиеся должны были поступать после окончания обязательного начального образования. Как уже упоминалось, сотрудники МОТ хорошо знали о многочисленных финансовых, социальных и практических препятствиях для получения годичного образования. Поэтому в обзоре МОТ использовался довольно широкий подход, утверждавший, что профессиональное образование может передаваться через различные виды формального и менее формального обучения, начиная от сельскохозяйственных колледжей, в которых учащиеся получают степень в течение нескольких лет, и заканчивая более короткими зимними школами и курсами повышения квалификации.

Одна из главных проблем при попытке реформировать техническое

---

⁸²⁸ For a summary of the government reports, see *ibid.*, pp. 54–5.

⁸²⁹ ILO, *Vocational education in agriculture*, p. 55.

⁸³⁰ *The Landworker*, Dec. 1926, p. 52.

⁸³¹ ILO, *Vocational education in agriculture*, p. 51.

⁸³² L. E. Matthaei, 'Education in agriculture', *International Labour Rev.* 20 (1929), p. 683.

образование в сельском хозяйстве, по мнению МОТ, заключалась в том, как сбалансировать «практический опыт» и «полезные знания». В конце концов, как признавали реформаторы сельского хозяйства в Северной Америке, существует тонкая грань между пробуждением разума фермера и риском его отъезда из сельской местности⁸³³. Что касается практических знаний, то задача состояла в том, чтобы «не тратить драгоценные часы обучения на преподавание мальчикам и девочкам, выращенным на ферме, того, чему они уже научились дома»⁸³⁴. Что касается научных знаний, то фермеры должны были адаптироваться «к достижениям науки», но это не означало, что сельскохозяйственное образование должно быть «правильно говоря научным»⁸³⁵. Определение «правильного» объема знаний, таким образом, ставило всевозможные проблемы, как показывает пример преподавания по использованию химических удобрений. Как отмечали сотрудники МОТ, «недостаточно просто рассказать о том, что удобрения оказывают большое влияние на урожай. ... Если учащегося не научить, как определить количество и качество необходимых удобрений... он узнает меньше, чем должен». Для МОТ дилемма определения содержания сельскохозяйственного образования имела еще более широкие социальные и экономические последствия, в основном из-за быстрого прогресса научных открытий и постоянно меняющихся требований к знаниям.

«Будущий фермер, скорее всего, будет знать в целом больше, например, об удобрениях, чем его отец, но он не сможет действовать без совета эксперта, как это делал (его отец), из-за чрезвычайной сложности, которую приобрели знания в этой области»⁸³⁶.

Таким образом, пришли к выводу сотрудники МОТ, преподавание сельскохозяйственных дисциплин необходимо постоянно адаптировать в соответствии с научными достижениями и растущим распространением знаний. Кроме того, необходимо было обеспечить доступность обучения и руководства со стороны экспертов, что создавало всевозможные логистические и финансовые проблемы. Многие международные реформаторы подчеркивали важность внеклассного образования для «распространения прогресса в сельской местности». В этом контексте распространение сельскохозяйственных знаний – подход, сочетающий вмешательство экспертов в сельское хозяйство на местах с программами самопомощи и обучением взрослых в сельской местности, – рассматривался как наиболее доступный и «современный» способ донести научные знания до фермерского населения, не создавая слишком больших проблем⁸³⁷. Распространение знаний зародилось в Америке конца XIX века, где «народные колледжи», экспериментальные и демонстрационные фермы, созданные при учреждениях, предоставляющих земельные гранты, прилагали усилия к

---

⁸³³ D. T. Rodgers, *Atlantic crossings: social politics in a progressive age* (1998), p. 354.

⁸³⁴ ILO, *Vocational education in agriculture*, p. 43.

⁸³⁵ *Ibid.*, p. 40.

⁸³⁶ *Ibid.*, p. 42.

⁸³⁷ *Ibid.*, p. 29.

распространению результатов исследований в области сельского хозяйства для повышения уровня жизни и производительности труда в сельских общинах⁸³⁸.

По мнению сотрудников МОТ, обучение на курсах повышения квалификации имело ряд преимуществ: оно было неформальным, не занимало много времени и не требовало больших усилий со стороны учащихся. Оно было дешевым и бесплатным для фермера и привлекало людей всех возрастов. Основываясь на идее, что новые научные методы доводятся непосредственно до сведения фермеров с помощью «демонстрации», обучение было ориентировано на практику и охватывало фермы и поля. По словам одного из экспертов в области сельского хозяйства, «легкий подход, применяемый службой распространения знаний, не возмущает застенчивость и неуверенность, столь характерные для сельского населения, и не вызывает у него недоверия и подозрительности». Кроме того, благодаря сочетанию «обучения» с «определенной долей удовольствия» и «легким волнением», работа по распространению знаний достигла большого успеха в Европе⁸³⁹. Влияние такого практического и пунктуального обучения можно было усилить с помощью всевозможных рекламных мероприятий, включая организацию сельских недель и дней, проведение конкурсов, шоу и выставок, использование передвижных библиотек и кинопроекторов, организацию посещений образцовых и экспериментальных ферм и демонстрационных участков. Целью всех этих рекламных мероприятий было обеспечение того, что международные эксперты называли «легким подходом к знаниям»⁸⁴⁰. Однако на протяжении большей части межвоенных лет одобрение МОТ методов распространения сельскохозяйственных знаний как способа решения проблемы образования в сельской местности оставалось чисто теоретическим, поскольку у организации не было ни финансов, ни амбиций для дальнейшего развития этого направления деятельности.

III

К началу 1930-х годов, на фоне Великой депрессии, международные эксперты все чаще связывали вопросы эффективности производства и международной торговли сельскохозяйственными товарами, падения экспортных цен и роста безработицы с более общими проблемами развития класса технически и научно подкованных сельскохозяйственных производителей и рабочих. Как отметил руководитель сельскохозяйственной службы МОТ, ускоренная глобализация сельскохозяйственных рынков и повторяющиеся кризисы требуют «минимальной реорганизации сельскохозяйственной промышленности...., реорганизации, которая будет требовать более квалифицированного и более высокоорганизованного труда...

---

⁸³⁸ B. F. Stanton, 'Agriculture, crops, livestock, and farmers', in R. W. Bulliet (ed.), *The Columbia history of the twentieth century* (1998), pp. 345–79.

⁸³⁹ ILO, *Vocational education in agriculture*, pp. 29–30.

⁸⁴⁰ *Ibid.*

но в меньшем количестве»⁸⁴¹. В странах от континентальной Европы до США наблюдалось усиление государственного вмешательства, протекционизм и рост проектов социальной инженерии. В то же время возросло международное сотрудничество в области развития сельских районов и сельского хозяйства между Женевой и Римом, появились новые платформы и встречи, на которых рассматривались социальные, научные и экономические вопросы⁸⁴².

Так, в 1930 году Комитет здравоохранения Лиги Наций совместно с МИС и МОТ организовали европейскую конференцию по «сельской гигиене», которая должна была состояться в Женеве летом 1931 года⁸⁴³. В ходе подготовки к конференции был подготовлен беспрецедентный объем докладов и междисциплинарных обменов по социальным и техническим вопросам, начиная с общественного здравоохранения, медицинского обслуживания и санитарии в сельской местности и заканчивая вопросами сельского жилья, удаления сточных вод и водоснабжения. МОТ оказала содействие, направив два доклада, один из которых касался плохих жилищных условий сельскохозяйственных рабочих, а другой – занятости детей в сельском хозяйстве⁸⁴⁴. Включив вопросы, которые ранее редко обсуждались на международных форумах, конференция открыла дискуссию о сельском благосостоянии в целом, объединив международный опыт и знания по социальным и экономическим аспектам и продемонстрировав то, что считалось неотъемлемой отсталостью сельских районов.

В то время как к началу 1930-х годов международные дипломатические отношения начали ухудшаться, в этот период наблюдался заметный рост транснационального сельскохозяйственного сотрудничества, встреч и конгрессов, посвященных конкретным аспектам научного сельского хозяйства, от удобрений до технического образования. Усилия по интернационализации, в частности, исходили из фашистской Италии, где правительство приступило к осуществлению широкомасштабных научных сельскохозяйственных исследований и программ по развитию сельских районов⁸⁴⁵. Так, в 1930 году в Риме была создана новая организация – Международная федерация сельскохозяйственных техников (МФСТ), созданная Франко Анджелини, итальянским инженером сельского хозяйства, который также создал ряд других международных организаций, таких как Международный центр химических удобрений (создан в 1933 году) и Международный центр сельского вещания (1936)⁸⁴⁶. МФСТ была федерацией, созданной для «защиты» интересов растущей профессиональной группы

---

⁸⁴¹ L. E. Matthaei, 'Some effects of the agricultural depression on agricultural labour', *International Labour Rev.* 23 (1931), pp. 453–75, here p. 475.

⁸⁴² K. K. Patel, 'The green heart of governance: rural Europe during the interwar years in a global perspective', in Ribi Forclaz and van de Grift (eds), *Governing the rural*.

⁸⁴³ J. L. Barona and S. Cherry (eds), *Health and medicine in rural Europe (1850–1945)* (2005), pp. 130–4. Also, Borowy, *World health*, pp. 325–30.

⁸⁴⁴ ILO, AG 1000/44/1, correspondence between Matthaei and Frank Boudreau, League of Nations Health Section.

⁸⁴⁵ T. Saraiva, 'Fascist labscapes: geneticists, wheat, and the landscapes of Fascism in Italy and Portugal', *Historical Studies in the Natural Sciences* 40 (2010), pp. 457–98.

⁸⁴⁶ ILO, AG 1000/46/1, Première conférence internationale des techniciens agronomes, 9–14 Nov. 1930.

агрономов с академическим образованием, но организация объявила одной из своих основных целей продвижение сельскохозяйственного образования в целом. Действительно, она считала себя преемницей более старой Международной комиссии по сельскохозяйственному образованию, основанной в 1905 году в Льеже и возглавляемой бельгийским агрономом и интернационалистом Полем де Вюстом, одним из первых пропагандистов идей рационализации и научного управления фермами⁸⁴⁷. В соответствии с более ранними заявлениями МОТ, МФСТ утверждала, что сельскохозяйственное образование должно быть улучшено, «чтобы поднять уровень цивилизации агрономов как можно выше»⁸⁴⁸. Распространение специализированного технического образования рассматривалось как способствующее большей механизации и рационализации производства, улучшению оборудования и лучшей организации управления фермой.

МФСТ удалось взять на себя инициативу по организации различных международных мероприятий в 1931 и 1932 годах, включая серию международных конгрессов по сельскохозяйственному образованию. Первое из этих мероприятий было намеренно запланировано на то же время, что и пятнадцатый конгресс МСК в Праге в июне 1931 года, который был посвящен «распространению прогресса в сельской местности» в целом⁸⁴⁹. Как и на других съездах МСК, на этом собрании рассматривались технические и экономические вопросы, такие как животноводство, механизация и индустриализация, а также улучшение организации международной торговли, но не менее важными были и вопросы социального обеспечения, такие как методы обучения сельскому хозяйству и меры по улучшению производства, здоровья и работы в сельском хозяйстве с помощью таких средств, как радио, фильмы, сельскохозяйственные ярмарки и выставки⁸⁵⁰. В своих выступлениях ряд известных экспертов-аграриев подчеркивали, как пренебрегают сельскохозяйственным образованием, представляя его как ворота к прогрессу и увеличению сельскохозяйственного производства. Делегат от Югославии Людевит Прохаска подчеркнул, что Дания и Швейцария, часто упоминаемые в качестве образцов модернизации сельского хозяйства, сумели преодолеть сельскохозяйственный кризис благодаря образовательным мерам. Интересно, однако, что швейцарский агроном Беннингер предостерег участников конференции от слепой веры в превосходство агротехников над теми, кого он назвал агрономами-эмпириками. Беннингер подчеркивал, что усовершенствования – дело тонкое: они могут иметь негативные последствия для фермеров и должны проводиться при полном знании местных условий, «потому что в прошлом иногда проводились усовершенствования, которые приносили больше вреда, чем пользы»⁸⁵¹.

⁸⁴⁷ On De Vuyst see E. Gubin (ed.), *Dictionnaire des femmes belges* (2006), pp. 201–02.

⁸⁴⁸ ILO, AG 1000/46/0/4, *Congrès international de l'enseignement agricole*, Rome, Nov. 1932.

⁸⁴⁹ ILO, AG 1000/46/2, *Commission internationale de l'enseignement agricole*, July 1931, Brussels; ILO, AG 1000/46/2, *Deuxième conférence internationale des techniciens agricoles*, Prague, June 1931.

⁸⁵⁰ ILO, AG 1000/13/5, *Bulletin officiel, congrès international d'agriculture*, Prague, 5–8 June 1931.

⁸⁵¹ ILO, AG 1000/46/2, *speech by Swiss agricultural engineer Benning at the Deuxième conférence internationale des techniciens agricoles*, Prague, June 1931 (author's translation).

Через год МФСТ организовала еще один конгресс по сельскохозяйственному образованию. Несмотря на явные националистические попытки продемонстрировать фашистские программы социальной, экономической и экологической агротехники, такие как «*battaglia del grano*» и расчистка Понтийских болот, на конгрессе присутствовали делегации из Европы и США, а также Аргентины, Южной Африки, Алжира, Колумбии, Кубы, Египта, Мексики, Уругвая, Венесуэлы. Участники обсуждали различные категории сельскохозяйственного образования, а также более общие вопросы, касающиеся сельской психологии и социологии, благоустройства сельской жизни⁸⁵². При всей своей пропагандистской направленности эти мероприятия показывают, какое значение придавалось в 1930-е годы на международном уровне высшему агрономическому образованию и созданию профессиональной элиты специалистов в области сельского хозяйства. Участие стран Юга в этих международных встречах отражало растущее внимание к сельскому хозяйству в тропиках.

Действительно, если в 1920-х годах институциональные дебаты по улучшению сельскохозяйственного образования были сосредоточены на европейских странах, то к середине 1930-х годов, отражая растущую напряженность внутри колоний, было открыто признано, что отсутствие технического образования препятствует экономическому прогрессу на глобальном уровне. Это также проявилось в публикации новых обзоров, посвященных научным исследованиям, экспериментам и образованию в тропиках. Уже в конце 1920-х годов МИС создал комиссию по изучению забытых особенностей «тропического» сельского хозяйства, аргументируя это растущим значением последнего в решении вопросов международного характера⁸⁵³. В 1934 году МИС опубликовал международный справочник сельскохозяйственных инженерных институтов, а также обзор тропических сельскохозяйственных экспериментальных станций⁸⁵⁴. В 1935 году под названием «Мировые сельскохозяйственные учреждения» был выпущен глобальный перечень учебных заведений, включающий подробную информацию об истории, финансах, зданиях, лабораториях, экспериментальных фермах, составе преподавателей, учебных планах и контингенте учащихся⁸⁵⁵. Хотя использование и практическое влияние подобных справочников пока трудно оценить, их публикация все же свидетельствует о тенденции к осмыслению проблем сельского населения и развития науки и образования в более глобальных терминах.

Тенденция к более глобализованному сбору информации и менее европоцентристской концептуализации сельскохозяйственных и сельских

---

⁸⁵² ILO, AG 1000/46/0/4, Congrès international de l'enseignement agricole, Rome, Nov. 1932.

⁸⁵³ A. Chevalier, 'L'agriculture tropicale et subtropicale au conseil international scientifique de l'institut international d'agriculture de Rome (7-14 Novembre 1927)', *Revue de botanique appliquée et d'agriculture coloniale* 8.77 (1928), p. 12.

⁸⁵⁴ International Institute of Agriculture, *Les institutions de génie rural dans le monde/International directory of agricultural engineering institutions* (1934).

⁸⁵⁵ International Institute of Agriculture, *L'enseignement agricole dans le monde/Agricultural education in the world* (1935).

проблем усилилась в конце 1930-х годов благодаря ряду международных мероприятий, таких как вторая конференция Лиги Наций по сельской гигиене в Бандоенге в 1937 году. Страны Южной и Восточной Азии, такие как Индия, Китай и Япония, которые присутствовали на конференции 1931 года в качестве простых наблюдателей, направили официальные делегации для обсуждения вопросов здравоохранения, включая доступ к медицинской помощи, медицинское образование и расширение медицинских услуг в сельских районах, а также более общих вопросов экономического развития и реформы образования⁸⁵⁶. Глобальный подход к сельскому благосостоянию, который все больше подчеркивал сходство и взаимозависимость между социально-экономическими проблемами в сельской местности Европы и всего мира, также проявился в продолжающемся сотрудничестве между МИС и МОТ. В 1938 году недавно созданная совместная комиссия экспертов МИС и МОТ, так называемый Постоянный сельскохозяйственный комитет, собралась на свою первую сессию. Заседания этого комитета отличались как привлечением внеевропейских экспертов, особенно из Азии, так и более широкой концепцией так называемых «крестьян», в которую входили наемные работники, издольщики, слуги на фермах, мелкие фермеры и помещики⁸⁵⁷. В очередной раз МОТ собрала широкий спектр информации, попросив экспертов представить предварительные отчеты о социально-экономических условиях в сельскохозяйственном секторе в их странах⁸⁵⁸. В национальных отчетах от Швейцарии до Японии подчеркивались схожие недостатки, такие как низкая заработная плата, чрезмерная продолжительность рабочего дня и отсутствие защиты от безработицы и болезней. Образование, как правило, упоминалось в отчетах как способ исправить многие социальные беды, связанные с условиями жизни в сельской местности. Как утверждал индийский ученый, директор сельскохозяйственного колледжа Пенджаба Мухаммад Афзал Хусайн, именно образование сельского населения «приведет к разумному труду, бдительности, улучшению физического состояния, повышению качества работы и повышению производительности»⁸⁵⁹. Во многих отношениях дискуссии, состоявшиеся в Постоянном сельскохозяйственном комитете, были беспрецедентными в своем интегративном подходе к сельскохозяйственным вопросам, и их результатом стал опубликованный доклад о «социальных проблемах в сельском хозяйстве», представлявший собой беспрецедентный обзор и руководство для будущей работы МОТ⁸⁶⁰. Увеличение числа международных встреч в 1930-е годы и рост осознания глобальных проблем среди международных акторов,

---

⁸⁵⁶ S. Amrith, *Decolonizing international health. India and Southeast Asia, 1930–1965* (2006). Also, T. M. Brown and E. Fee, 'The Bandoeng conference of 1937: A milestone in health and development', *Am. J. Public Health* 98 (2008), pp. 42–3.

⁸⁵⁷ Ribi Forclaz, 'A new target', p. 326.

⁸⁵⁸ International Labour Organization, *Social problems in agriculture (Studies and reports series K, 14)* (1939), pp. 96–7.

⁸⁵⁹ ILO, AG 1003/1/101/33, Report presented to the Permanent Agricultural Committee by Mr. Mian Afzal Husain, principal of Punjab Agricultural College, India.

⁸⁶⁰ ILO, *Social problems in agriculture*.

однако, не привели к появлению новых законодательных инструментов. Как только началась работа Постоянного сельскохозяйственного комитета, она была прервана из-за начала международных военных действий. Второе заседание комитета, запланированное на 1939 год, было отложено на неопределенный срок, и, по крайней мере, на несколько лет война серьезно затруднила работу МОТ.

IV

Разрушение народов и ландшафтов, социальный, экономический и демографический хаос, вызванный Второй мировой войной, а также проблемы, вызванные повсеместным голодом и необходимостью восстановления сельского хозяйства, привели к созданию множества специализированных сельскохозяйственных комитетов и региональных агентств, занимающихся вопросами торгово-экономического сотрудничества, а также технической помощи и развития⁸⁶¹.

В Европе, на фоне зарождающейся напряженности времен «холодной войны», программа восстановления в рамках плана Маршалла предусматривала американскую финансовую помощь для восстановления сельского хозяйства и планов индустриализации. В дополнение к ряду организаций ООН, вступивших в силу после 1945 года, были созданы международные комиссии, такие как Европейское агентство по производительности, а позднее – Директорат по продовольствию и сельскому хозяйству, целью которых было улучшение координации сельскохозяйственной политики и повышение производительности труда⁸⁶². Проведя войну в изгнании в Монреале, МОТ столкнулась с проблемой утверждения своего глобального присутствия и своей роли в сельскохозяйственном сотрудничестве в этом новом контексте⁸⁶³.

В 1947 году, когда в Индии и Пакистане началась новая эра деколонизации, МОТ вернулась в Женеву и возобновила свою работу в области сельского хозяйства с удивительной степенью преемственности. Хотя МИС в Риме не пережила войну, а была «заменена» Продовольственной и сельскохозяйственной организацией (ПСО) в 1945 году, совместное совещание экспертов по сельскохозяйственным вопросам было немедленно восстановлено. В июле и августе 1947 года, спустя почти десять лет после первого заседания, эксперты Постоянного сельскохозяйственного комитета встретились, чтобы обсудить «растущее значение, которое МОТ придает социальным проблемам в сельском хозяйстве»⁸⁶⁴. Подхватив нить межвоенных международных дебатов, участники встречи определили ряд

---

⁸⁶¹ Amalia Ribí Forclaz, 'From reconstruction to development: The early years of the Food and Agriculture Organization (FAO) and the conceptualization of rural welfare, 1945–1955', *International Hist. Rev.* (forth-coming spring 2018).

⁸⁶² J. Pan-Montojo, 'International institutions and agriculture: from the IIA to the FAO', pp. 32–33.

⁸⁶³ On the ILO's wartime exile see Sandrine Kott, 'Fighting the War or Preparing for Peace? The ILO during the Second World War', *J. Modern European Hist.* 12 (2014), pp. 359–376.

⁸⁶⁴ International Labour Organization, *Permanent Agricultural Committee, 2nd Session (1947)*.

проблем, таких как распространение социального обеспечения на фермеров, занятость, жилье и, не в последнюю очередь, образование. В том же году Азиатская региональная конференция в Нью-Дели и региональное совещание для стран Ближнего и Среднего Востока в Стамбуле были посвящены условиям труда сельскохозяйственных рабочих, что свидетельствовало о расширении географических полномочий МОТ в этой области⁸⁶⁵. Эти встречи, однако, также показали, что в свете деколонизации и увеличения числа неевропейских стран-членов МОТ придется пересмотреть свою «классическую» межвоенную нормотворческую деятельность, ориентированную преимущественно на европейских и американских рабочих⁸⁶⁶.

В соответствии с рекомендациями Постоянного сельскохозяйственного комитета были запланированы дальнейшие встречи, и к 1949 году преемник Маттхей, руководитель сельскохозяйственной службы МОТ, турецкий экономист Мукдим Осмай, говорил об «интенсификации» работы своей организации в области сельского хозяйства⁸⁶⁷. Действительно, решив включить вопрос о сельскохозяйственном труде и связанных с ним вопросах в повестку дня Международной конференции труда 1950 года, МОТ готовила обширный доклад, посвященный условиям жизни и труда в сельском хозяйстве, подчеркивая, насколько незначительный законодательный прогресс был достигнут с 1920-х годов по таким вопросам, как продолжительность рабочего дня, минимальная заработная плата, оплачиваемый отпуск, а также образование⁸⁶⁸.

Наряду с этими техническими дискуссиями 1950-е годы принесли с собой более практическую и интервенционистскую политику развития под лозунгом «технической помощи» и «развития сельских районов»⁸⁶⁹. Таким образом, к началу 1950-х годов МОТ и ПСО переключили свое внимание со сбора данных и составления отчетов на оперативную деятельность, особенно на передачу и распространение опыта посредством миссий технической помощи в контексте Расширенной программы технической помощи ООН (РПТП)⁸⁷⁰. Из девяти международных организаций, участвовавших в этой программе, ПСО получила наибольшую долю средств на свою работу в области развития, что вывело ее на лидирующие позиции в области сельскохозяйственного развития и производства продовольствия в

---

⁸⁶⁵ International Labour Organization', International Organization 2 (1948), pp. 127–8.

⁸⁶⁶ This argument is made in the editors' introduction to Jill M. Jensen and Nelson Lichtenstein (eds), *The ILO from Geneva to the Pacific Rim: West meets east* (2016), p. 4.

⁸⁶⁷ ILO, AG 1003/100, Osmay to Bouchar, 24 Mar. 1949. For an internal appraisal of the ILO's work in the field of agriculture, see A. Johnston, *The International Labour Organization: its work for social and economic justice* (1970).

⁸⁶⁸ Labour problems in agriculture: general report', International Labour Conference, thirty-third session, Geneva 1950.

⁸⁶⁹ Daniel Maul, *Human rights, development and decolonization: the International Labor Organization, 1940–1970* (2012). See also V. Plata-Stenger, 'Une voie sociale pour le développement. Le Bureau international du travail et les débuts de la coopération technique (1919–1949)' (unpublished PhD thesis, University of Geneva, 2016).

⁸⁷⁰ D. Maul, 'Help them move the ILO way: The International Labour Organization and the modernisation discourse in the era of decolonisation and the Cold War', *Diplomatic Hist.* 33, (2009), pp. 387–404.

послевоенном международном порядке⁸⁷¹. К началу 1950-х годов ПСО доминировала в оперативной деятельности в области сельского хозяйства, направляя сотни сельскохозяйственных экспертов всех национальностей, которые занимались практическим обучением посредством так называемых «демонстраций» научных методов и инструментов по всей планете⁸⁷². Учитывая, что сотрудничество в области технической помощи могло осуществляться только по просьбе правительства, а многие правительства определяли ПСО как ответственную за сельскохозяйственные вопросы, в первые послевоенные годы в МОТ практически не поступало запросов о помощи в области сельского хозяйства⁸⁷³. Вместо этого в рамках так называемой программы «Трудовые ресурсы», разработанной под руководством американца Дэвида Морса, организация сосредоточилась на подготовке промышленных рабочих посредством профессионального обучения с целью помочь развивающимся странам достичь экономического роста⁸⁷⁴.

Тем не менее, несмотря на существующие дублирования с ПСО (и в гораздо меньшей степени с недавно созданной Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, ЮНЕСКО), МОТ удалось сохранить за собой роль ведущей организации, занимающейся вопросами сельскохозяйственного образования⁸⁷⁵. Так, в 1953 году, основываясь на рекомендациях Постоянного сельскохозяйственного комитета, Административный совет МОТ принял решение о том, что вопрос о том, как улучшить образование фермеров, должен быть включен в повестку дня 38-й сессии Международной конференции труда в 1955 году⁸⁷⁶. В рамках подготовки к конференции МОТ обратилась к правительствам стран-членов с вопросом, поддержат ли они международное законодательство о профессиональном образовании в области сельского хозяйства. Ответы показали, что большинство скептически относилось к возможности найти «общий» подход к сельскохозяйственному образованию на международном уровне. Некоторые, забыв о межвоенных усилиях организации, также сомневались в том, что МОТ является подходящей организацией для решения этого вопроса. Тем не менее, большинство правительств все же положительно отнеслись к международному законодательству, хотя подавляющее большинство не поддержало конвенцию, а согласилось на рекомендацию⁸⁷⁷.

С принятой в 1956 году рекомендацией по сельскохозяйственному

---

⁸⁷¹ Amy Staples, *The birth of development: How the World Bank, Food and Agriculture Organization and World Health Organization changed the world, 1945–1965* (2005), p. 99. Also D. Webster, 'Development advisors in a time of Cold War and decolonization: The United Nations Technical Assistance Administration, 1950–1959', *J. Global Hist.* 6 (2011), pp. 253.

⁸⁷² Food and Agriculture Organization, *Report on the activities of FAO under the technical assistance program* (1951), p. 110.

⁸⁷³ On this see Johnston, *International labour organization*, pp. 119, 257.

⁸⁷⁴ On manpower programme, see Maul, *Human rights*, p. 132.

⁸⁷⁵ On overlaps, see FAO, 10 DIR 346, Herbert Broadley (FAO) to Wilfred Jenks (ILO), 21 Aug. 1953.

⁸⁷⁶ ILO, AG 1004/100, *Fourth session of the Permanent Agricultural Committee*, 1953.

⁸⁷⁷ See replies of governments in *International Labour Conference, 38th session, Report VII, 'Vocational education in agriculture'* (1955), pp. 5–6.

образованию МОТ вновь заявила о себе в отношении социальных реформ в области сельского хозяйства. Хотя рекомендация оставалась необязательным руководством, не имеющим прямого влияния на национальное законодательство или практику, она призывала страны-члены расширить программы обучения: «прививать фермерским мужчинам и женщинам разных категорий (неквалифицированным, полуквалифицированным и квалифицированным рабочим, менеджерам, операторам и домохозяйкам) навыки и знания, необходимые для их профессии, прививать им чувство социальной значимости работы, которую они выполняют».

В более четких формулировках образование в сельском хозяйстве должно было привести к «более эффективному использованию земли, труда и капитала», «увеличению производства и урожайности», «повышению доходов и уровня жизни»⁸⁷⁸.

Помимо названия и общей цели, рекомендации 1921 и 1956 годов имели мало общего. Если рекомендация 1921 года ограничивалась двумя расплывчатыми статьями, не содержащими никаких подробностей о масштабах и формах сельскохозяйственного образования, то рекомендация 1956 года содержала 37 статей, в которых описывались многочисленные причины и способы обучения людей, занятых в сельском хозяйстве. Как уже было отмечено в ходе исследования 1929 года, профессиональное образование должно быть представлено в широком смысле, включая как формальное образование, такое как обучение, так и неформальные способы передачи знаний фермеру через обучение на ферме и распространение знаний. Если в начале 1920-х годов МОТ в основном занималась улучшением условий труда наемных сельскохозяйственных рабочих в Европе, то в середине 1950-х годов рекомендация не ограничивалась наемными сельскохозяйственными рабочими, а включала «все сельскохозяйственное население», «независимо от его правового отношения к земле»⁸⁷⁹.

Такое расширенное представление о людях, занятых в сельском хозяйстве, отражает знания, накопленные МОТ по этому вопросу за предыдущие три десятилетия, а также расширение горизонтов, вызванное глобализацией. Межвоенные усилия МОТ по применению к сельскому хозяйству тех же трудовых стандартов, которые существовали для промышленных рабочих, с самого начала были сопряжены с трудностями из-за неоднородности сельскохозяйственных условий, а также отсутствия сплоченной и идентифицируемой группы населения и ее потребностей. С конца 1940-х годов новые независимые страны-члены, особенно Индия, критиковали европоцентризм довоенных конвенций и заставили МОТ пересмотреть свои цели по достижению универсальных стандартов в

---

⁸⁷⁸ ILO, AG 18, 'Vocational education in agriculture', report VI, 39th session of the International Labour Conference, 1956 (1955), pp. 5–6.

⁸⁷⁹ Recommendation issued by the International Labour Organization, R 101, Vocational Training Agriculture, 1956, 3.1.

совершенно разных условиях⁸⁸⁰. В последующие годы МОТ отказалась от нормотворческой деятельности, чтобы принять более комплексный и практический подход к развитию, и многие размышления о том, как дать образование, казалось бы, необразованному фермеру, нашли свой путь в практике развития, таким образом, минуя правительственное законодательство, чтобы быть примененными непосредственно на уровне фермы и деревни.

V

В этой статье на основе архивов международных организаций рассматривается межвоенное сотрудничество в области сельскохозяйственного образования. Как было показано, начиная с начала 1920-х годов, дискуссии в МОТ отражали глубокие изменения, которые ожидалось в сельской местности, в частности, социальные и экономические последствия модернизации и растущее значение научных знаний для сельскохозяйственного производства. Международные чиновники опасались, что преобразования и процесс индустриализации, которые переживало сельское хозяйство в 1920-х годах, «приведут к кризису», подобному тому, который «промышленная революция оказала на другие отрасли промышленности»⁸⁸¹. Повышение общеобразовательного уровня сельского населения рассматривалось как «общественная ответственность» и как «предпосылка любого реального прогресса»⁸⁸². Используя скромные ресурсы, Сельскохозяйственная служба МОТ занималась сбором информации о национальных тематических исследованиях, пыталась содействовать международному обмену между национальными экспертами и доводить вопросы до сведения правительств с помощью отчетов и обзоров. Другие учреждения, такие как МИС, МСК, а позднее МФСТ, также внесли свой вклад в международную дискуссию о сельскохозяйственном образовании. Фактически, ко второй половине 1930-х годов вопросами сельскохозяйственного образования занималось так много различных участников, что МОТ и МИС призвали к большей координации⁸⁸³. Однако мы должны признать, что большинство мероприятий этих учреждений оставались ограниченными по масштабам и охвату, никогда не приводили к обязательным конвенциям и редко выходили за пределы правительственных учреждений и экспертных кругов.

Было бы неправильно полагать, что, используя архивы международных организаций, мы можем автоматически получить глобальную перспективу по теме, которая сильно различается не только по национальным границам, но и

---

⁸⁸⁰ On this see Daniel Maul, 'The ILO, Asia and the beginning of technical assistance, 1945–1960' in Lichtenstein and Jensen (eds), *ILO from Geneva to the Pacific Rim*, p. 125.

⁸⁸¹ ILO, *Vocational education in agriculture*, p. 76.

⁸⁸² *Ibid.*, p. 69.

⁸⁸³ ILO, AG 1004, *Commission préparatoire pour coordonner l'activité des organisations internationales dans le domaine de l'enseignement agricole*, 30 Apr. 1936.

по деревням и регионам. Тем не менее, можно сделать несколько замечаний. Первое, конечно, заключается в том, чтобы подчеркнуть усилия международных организаций по решению проблемы сельскохозяйственного образования за десятилетия до того, как «развитие» стало доминировать в международной политике. Эти усилия привели к обмену мнениями экспертов из разных стран и проведению исследований, создавших ресурс знаний, на который могли опираться правительства, бюрократы, государственные служащие, а также фермерские организации. Другой момент, вытекающий из этого подхода, – преемственность в институциональных концепциях международных сельскохозяйственных улучшений и реформ.

Эта преемственность нашла свое отражение в постоянных дебатах о сельскохозяйственном образовании, а также в законодательных усилиях МОТ и двух рекомендаций, выпущенных по этому вопросу в 1920-х и 1950-х годах. За сорок лет до того, как программы развития сельских районов вышли на международный уровень, сотрудники МОТ сформулировали цели по улучшению сельского хозяйства, собрали экспертов, составили отчеты и последовательно решали проблемы, связанные с крайне сложными и неоднородными социально-экономическими условиями в сельском хозяйстве. На протяжении всего этого процесса именно национальный опыт, мнения и желания определяли, как форму, так и содержание международных документов. Однако руководящие органы и совещания экспертов таких организаций, как МОТ, направляли дискуссии и дебаты, инициируя конкретные запросы и принимая решения о том, какие вопросы включить в повестку дня своих заседаний.

Слишком часто мы отождествляем развитие сельских районов с так называемым «третьим миром», в то время как в межвоенные годы и в послевоенный период развитие сельских районов не было направлено на Глобальный Юг, а было сосредоточено на сельскохозяйственном прогрессе в Европе. Всеобъемлющие дебаты и деятельность таких организаций, как МОТ, МИС и МСК, документируют не только дискуссии, вероятно, узкой группы международных экспертов, технократов и государственных служащих. Благодаря обобщению и сравнению национального опыта они дают представление об интеллектуальных размышлениях, сопровождавших трансформацию сельского хозяйства от доиндустриальных форм в 1920-30-е годы к более специализированным, техническим и коммерческим формам сельскохозяйственного производства в 1960-е годы. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы показать, как международные эксперты и «местные» фермеры взаимодействовали в конкретных географических и исторических контекстах, и в какой степени местные сельскохозяйственные знания и местные участники процесса развития влияли на реализацию образовательных программ и оспаривали их.

Перевод Максима Шерстюка

Выходные данные статьи: Amalia Ribi Forclaz Shaping the future of farming: the International Labour Organization and agricultural education, 1920s to 1950s. *Agricultural History Review*, Volume 65 Part 2 (2017), pp. 320-339.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева
127434, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49